

ПОСОБИЯ
для
ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ

9(4)
С-32

В. СЕРГЕЕВ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ
XIX—XX в.в.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Казанская железно-дорожная
школа 1-й ступени

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ГУЧ, Г. П.

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

Сокращенный перевод с английского Ю. Соловьевой и Н. Ждановой.
Предисловие Ф. Ротштейна.

Стр. 291.

Ц. 1 р. 70 к.

МЕРИНГ, Ф.

ИСТОРИЯ ГЕРМАНИИ С КОНЦА СРЕДНИХ ВЕКОВ

Перевод с предисловием И. Степанова.

Стр. 282.

Изд. 3-е.

Ц. 1 р. 20 к.

МЕРИНГ, Ф.

6085

(1890 — 1914 гг.)

Стр. 436.

4 карт. и диаграммы.

Ц. 1 р. 75 к.

БНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ШКОЛ I и II СТУПЕНИ

В. СЕРГЕЕВ

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

XIX—XX вв.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ

*Научно - Педагогической секцией
Государственного Ученого Совета
допущено для школ II ступени*

20 — 35 тысячи

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА ☆ 1926 ☆ ЛЕНИНГРАД

Тираж 15.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“, Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Едва ли в настоящее время может быть сомнение, что одним из самых главных фронтов Советской России является фронт педагогический. Новые общественные классы, создающие новый быт страны, должны, разумеется, иметь и новую школу. Школа Советской России есть трудовая школа, преобладающим элементом которой являются индустриальные рабочие и крестьяне. Первая же задача рабочего и крестьянина Советской России: научиться самому строить и управлять государством, а научиться этому можно, во-первых, непосредственно участвуя в общественной жизни, во-вторых, расширяя свой непосредственный опыт знакомством с общественной жизнью других народов в их настоящем и прошлом. Расширение современного опыта путем изучения прошлого как раз и составляет тот отдел обществоведения, который называют историей. Нет спора, что для законченного представления общей картины движения человечества, конечно, желательно заглянуть и в ранние периоды исторической жизни народов, но уже знакомство с новейшей историей для всякого сознательного человека прямо обязательно. Знание природы капиталистического государства и его истории сильно облегчает не только ликвидацию старого порядка, но также и рождение нового коммунистического строя. А из этого следует, что изучение истории промышленно-капиталистической Европы, или, другими словами, истории XIX и первых десятилетий XX века, имеет не только формальное, но, что гораздо важнее, и чисто практическое воспитательное значение.

Деятнадцатый и двадцатый века—прежде всего канун войны 1914 г. и последовавшей за нею Русской революции. Все, что в настоящее время разворачивается перед нашими

глазами, своими корнями уходит в предшествующий период девятнадцатого и первых годов двадцатого века, лишь изредка заходя в более ранние столетия.

Кроме только что приведенного практически-жизненного соображения, девятнадцатый и двадцатый века заслуживают особенного внимания также и по научно-теоретическим соображениям. «Век пара и электричества», превосходя предшествующие столетия развитием производительных сил, или в более узком смысле техникой так же и в отношении культуры, качественно и количественно настолько отличается от предшествующих столетий, что представляет собой совершенно самостоятельное культурное целое, привлекающее внимание необыкновенным богатством событий, их сложностью и своеобразием сочетаний. Наконец, тот основной стержень, вокруг которого вращается жизнь современного мира, т.е. борьба классов, никогда не выявлялась с такой силой и очевидностью, как именно в истекшее столетие. Но если история двух последних столетий представляет большой научный интерес и огромную практическую важность для понимания и истолкования нашей современности, то надо сказать, что и изучение её представляет исключительные, а иногда почти и прямо непреодолимые трудности.

Желание во что бы то ни стало охватить все детали, вгоняя в рамки общего очерка все страны, все народы и все стороны общественной жизни, не приводя их в единую систему, являлось особенностью ученых книг и учебных пособий старой дореволюционной школы; в сознании выступали отдельные моменты русской, немецкой, французской, английской, иногда польско-литовской и проч. истории, но не было истории всей Европы и тем более истории всего мира в целом. С социологической точки зрения, исключаяющей всякого рода случайности в историческом процессе, разрозненность, пестрота и беспринципность, характерные для старой школы, находят свое обоснование в самых условиях тогдашней общественной жизни. Школа дореволюционной России поражала своей практической беспомощностью. В старой школе, безразлично в высшей, средней или низшей, учили одновременно и всему и ничему. По старым педагогическим принципам, студент или гимназист должен был много знать и быть человеком всесторонне образованным, но не уметь действовать.

После Октября на историческую арену выступили новые общественные классы и группы, начал создаваться иной быт и строиться новая школа, в самой основе диаметрально-противоположная прежней школе. Если в дооктябрьские времена от учащегося требовались смирение и пассивность, то после Октября потребовались смелость и активность. Раньше школа готовила чиновника, аккуратного и бессловесного исполнителя воли свыше, в настоящее же время школа должна готовить активного работника, творца жизни, одновременно и управителя и управляемого. Трудовая школа с максимальной активностью и личной инициативой — вот что является идеалом послеоктябрьской Советской России. Изменился в настоящее время и самый взгляд на науку. По современным понятиям наукой является не энциклопедический словарь, наполненный всевозможными сведениями, а умение методически подходить к вопросам современности. На историю теперь смотрят исключительно как на опыт, накопленный трудом предшествующих поколений и по мере надобности привлекают его при разрешении вопросов современной действительности, исключительно как вспомогательный материал, никоим образом не создавая культа прошлого и не отвлекая внимание от бурно кипящей современности. Характерная для дореволюционной России разобщенность теории от практики или, другими словами, разделение общества на производителей в узком смысле и интеллигенцию теперь уничтожается в самой основе. Теория оказывается пригодной лишь постольку, поскольку она оправдывается живыми событиями; в наше время критерием науки является сама живая жизнь, а жизнь — наиболее строгий и праведный судья. В прямом соответствии с указанными целями намечается и содержание руководства по истории или по обществоведению. Из хаоса всевозможных переплетающихся фактов прошлого в первую очередь надо изучить и понять самую структуру враждебного пролетариату буржуазного общества, указать материальную базу его существования, найти его слабые стороны и затем проследить схватки труда и капитала, не скрывая при этом и слабых сторон пролетарских организаций в прошлом, для того, чтобы избежать подобных же ошибок в будущем или в настоящем.

История последних столетий в сравнении с предшествую-

щими веками поражает удивительной пестротой событий и калейдоскопичностью лиц. На протяжении какого-нибудь десятилетия промелькнет не одна сотня задерживающих на себе внимание явлений и пройдет не один десяток крупных, или так называемых крупных, лиц. В конце концов от напора множества представлений, сознание отказывается вбирать в себя всю совокупность фактов, состояний и имен. Надо сознаться, что требуется очень много психической и физической энергии для того, чтобы прочесть такие, в свое время усиленно рекламировавшиеся, книги, как «Всеобщая история» Лависса и Рамбо, история Файфа и многие другие, в которых среди обширного кладбища мертвых фактов, окостеневших событий и высохших лиц едва выступает ничтожный оазис мыслей.

Автор старался, насколько это было в его силах, из хаоса событий выделять наиболее типичные и характерные для данной эпохи, другими словами, старался стилизовать эпоху; конечно, стилизация не означает абсолютного пренебрежения деталями: иногда ведь какая-нибудь деталь больше и ярче выявляет стиль эпохи, чем самое крупное явление.

Сколь ни многосложны и ни пестры факты истории новейшего времени, тем не менее, из хаоса событий отчетливо выступают следующие контуры: неоспоримый прогресс техники (паровой двигатель, двигатели внутреннего сгорания, электротехника, химия), общее повышение производительности труда, усложнение общественной структуры, кидающиеся в глаза классовые противоречия и до чрезвычайности обостренная работа мысли. Чем ближе к великому кризису 1914 года, тем отчетливее европейско-американское общество расслаивается на две неравные общественные группы: труда и капитала; при концентрации производства и капитала и успехах новейшей техники численно ничтожный класс капиталистов-хозяев становится лишним в современном обществе. И тем не менее логически столь простой акт уничтожения капиталистов и передачи орудий производства в руки самих производителей в действительности оказывается делом необыкновенно сложным и длительным. Причина этого явления заключается в вышеотмеченной сложности внутреннего строения современного капиталистического общества. Сущность дела в том, что класс непосредственных производителей рабочих стоит не прямо лицом к лицу с классом капиталистов, а отделен от него высокой и толстой стеной промежуточных

классов, средней и мелкой буржуазией, интересы которых одним концом соприкасаются с интересами рабочих, а другим упираются в интересы капитала. Сверх того, в зависимости от непрерывного изменения реальных соотношений, причудливым образом меняются и общественные группировки, но при этом все время остается ясным принципиальный антагонизм труда и капитала. Вследствие такого рода положения вещей борьба между рабочими и капиталистами за промежуточные классы составляет самую сущность социальной истории новейшего времени. Владея аппаратом государственного принуждения или, как выражался В. И. Ленин, машиной государственного угнетения, располагая огромными капиталами и имея в своем распоряжении неисчислимый кадр ученых, публицистов, проповедников и т. п., при обычном мирном течении общественной жизни, капиталист обходит и побеждает рабочих. История социал-демократической партии последних лет дает богатейший материал для фактического подтверждения этой тезы. Но и при таком, казалось бы, совершенно безотрадном положении вещей шансы рабочего класса на низвержение буржуазии — не только не ослабевают, но, наоборот, с каждым днем все увеличиваются. Причина этого заложена в самом ядре капиталистического общества.

Стремление капиталистов одновременно удержать высокую прибыль и не понижать заработной платы, внушая всем классам идею солидарности интересов, неизбежно приводит к международным осложнениям, к кровавому соперничеству из-за колоний и полуколоний. Прямым следствием такого рода интернационального соперничества является империалистическая война, т. е. война между объединенными в национальные союзы капиталистическими предприятиями — трестами, синдикатами, картелями и т. п., стремящимися к монополии на мировых рынках. Период европейско-американской истории, именуемый периодом империализма (с конца восьмидесятых годов), характеризуется неустанными приготовлениями к мировой войне; при современных способах военного истребления империализм пожирает большую часть народного богатства и лучшие силы нации, но главная беда капиталистического мира состоит в том, что война приносит совсем не те результаты, на которые рассчитывают. Результаты мировой войны 1914 года налицо: расстройство народного хозяйства

даже в странах-победительницах, обострение классовых противоречий и опасность новой, еще более страшной, резни. Сведения, получающиеся из стран западной Европы и Америки, не оставляют никакого сомнения не только в возможности, но даже в неизбежности новой войны.

Исходным пунктом определились план и содержание предлагаемой книги. Автор, в полном согласии с основным своим взглядом на историческую науку и на обществоведение, никоим образом не имел в виду сообщить ряд непреложных истин, которые, смотря по надобности, можно ставить то в одну, то в другую концепцию. Намерения автора: наметить основные линии общественного развития Европы, а косвенно и внеевропейских стран, в течение приблизительно двух последних столетий, и тем самым развить некоторое умение пользоваться историческим материалом и его квалифицировать. Однако, по чисто-практическим соображениям, сплошь и рядом приходилось отступать от социологической трактовки предмета, сообщая больше, чем это требовалось существом дела, фактического материала. Причина этого, бесспорно невыгодно отразившегося на общей концепции книги, явления заключается в слабой фактической осведомленности современного читателя и учащегося; это факт, с которым в настоящее время приходится сталкиваться во всех аудиториях.

По своему содержанию и по форме изложения книга рассчитана на широкий круг читателей, знакомых с элементарными фактами истории. Предельными гранями очерка служит, с одной стороны, эпоха торгового капитализма, а с другой — война 1914 года, создавшая предпосылки мировой социальной революции. Еще не остывшие события после 1914 года составят предмет особой книги, являющейся органическим продолжением настоящего очерка; сюда же войдет и история Америки, по своему современному положению заслуживающая особо внимательного отношения.

В заключение автор выражает признательность т. А. Ефремину за те методологические соображения и методические советы, которые в значительной мере облегчили настоящую работу.

ВВЕДЕНИЕ.

Каждый век, прожитый человечеством, имеет свой характерный признак или свою физиономию, отличную от всех других веков. Из этого общего правила не представляет исключения и истекшее девятнадцатое и часть двадцатого столетия, имеющие в истории западно-европейской культуры исключительно большое значение. Отличительным признаком девятнадцатого и двадцатого веков, резко бросающимся в глаза, являются два огромной важности социальных фактора: машина и капитализм. Все культурные особенности века «пара и электричества» стоят в самой тесной зависимости от необыкновенно мощного развития производительных сил и в первую очередь от небывалой до тех пор в истории человечества высоты техники. Машинизмом пронизана вся жизнь европейских народов последнего столетия: машинное производство, механизация психики, механизация науки и искусства, механизированная религия и т. п. — все эти понятия чрезвычайно характерны именно для XIX и XX веков. Сама по себе полезная и даже необходимая в видах сохранения энергии механизация части человеческой работы в буржуазном обществе, однако, принимает извращенный и разрушительный характер в силу нерационального разделения труда и материального закрепощения большей части населения.

Век промышленного капитала.

Коротко говоря, вся жизнь европейца XIX и XX веков и вся его история, как около центральной оси, вращается около машины и капитала. Зарождение, развитие и разложение капитализма составляют сущность новейшей истории Европы. Социальные же отношения, политические формы и идеология, т.-е. право, наука, искусство и религия при бли-

жайшем рассмотрении окажутся не более как надстройкой на базе расширяющегося капитализма. Как и все в природе, новоевропейский капитализм с его машинной техникой и культурой является лишь одним звеном длинной цепи человеческой истории, будучи ограничен определенным хронологическим промежутком. XIX век — начало, а XX век, повидимому, уже закат европейского капитализма. XIX век по-своему блестяще демонстрировал все, что может дать капитализм и капиталистическая культура. Но империалистическая война начала XX века нанесла европейскому капитализму удар, от которого ему при всем напряжении сил трудно оправиться. Соответственно с этим перед XX веком встала грандиозная задача создания нового типа общественных организаций и новой, более тонкой, а главное, живой культуры.

І. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ.

История новой Европы открывается революцией во всех областях жизни. Исходным пунктом была революция в экономических отношениях, вызванная перемещением торговых центров с Востока на Запад. Открытие Америки служит гранью, отделяющей новую историю от истории так называемых Средних веков. До XV столетия вся история Европы была самым тесным образом связана со странами Ближнего и Дальнего Востока, с Передней Азией, Аравией, Египтом, Персией, Индией и Китаем. После же великих географических открытий XV столетия в круг европейского хозяйства входит еще целый Новый Свет, на долгое время отодвинувший на второй план восточные страны. Само собой понятно, что великий переворот XV столетия имел свои причины и основания, подготовлявшиеся в течение целых столетий.

Перемещение торговых путей.

До эпохи открытий передовыми странами Европы были северо-итальянские республики: Венеция, Генуя, Флоренция, к которым с севера примыкала Германия. Хозяйственной базой этих республик служила их посредническая торговля между странами Запада и Востока. Все благосостояние северо-итальянских городов-республик, таким образом, зависело от обладания Средиземным морем и от прочности их положения в Передней Азии. В XIII, XIV и XV вв. в Передней Азии не было ни одного города, который не имел бы венецианского или генуэзского представителя (консула) и где не было бы десятка уполномоченных итальянских торговых фирм. В таких торговых центрах, как Алеппо, Александрия, Константинополь, Басра и др., итальянские купцы и посредники в буквальном смысле были своими людьми. Являясь торговыми центрами, эти города служили также опорными точками дальнейшего продвижения европейского

торгового капитала внутрь Азии и Африки. Все берега Черного моря, как бахромой, были покрыты итальянскими колониями; некоторые из этих колоний достигали значительного богатства и влияния; таковы, например, Каффа, Синоп, Трапезунд и др. Торговля с островами Средиземного моря, Тунисом, Каиром и т. д. также почти всецело сосредоточивалась в руках итальянских республик. В половине XIII столетия венецианская торговая флотилия появилась в водах Каспийского моря. Монополизировав восточно-средиземноморскую торговлю, итальянцы не забывали также Балканского полуострова, придунайских стран и стран центральной Европы. В Константинополе европейские купцы встречались с персидскими, индусскими и китайскими торговыми посредниками. Предметами обмена служили фабрикаты высоко развитой итальянской индустрии: сукна, шелк, парча, оружие, стеклянные изделия и т. п.; из Азии же привозились пряности, драгоценные камни, шелк, хлопок и хлеб, специально из турецких провинций. Объектом особых вожделений европейского капитала была чудесная сказочная Индия и далекий Китай. Торговые фирмы Венеции, Генуи и пр. мечтали о полном вытеснении персидских и арабских посредников и об установлении непосредственных сношений с Индией, Китаем и Японией. Необыкновенная популярность путевых набросков генуэзского купца-путешественника Марко Поло (конец XIII века) свидетельствовала о большом внимании, которым в Европе в то время пользовались эти страны. Сам Марко Поло, на основании его записок, представляется хищным купцом и соглядатаем, высматривающим добычу. Чудеса Индии, Китая и «жемчужины мира» Японии всецело захватили любознательного итальянского путешественника. Рассказывая о всякого рода восточных редкостях, Марко Поло в центре своего сознания постоянно держит торгово-промышленные интересы своей родины и своего класса. Генуэзский путешественник не исключение, а правило для тогдашней Европы, устремленной на Восток и на Индию.

Важность для Европы восточного рынка косвенно подтверждается также и тем соперничеством и враждой, которые существовали между главными претендентами на торговое посредничество между Востоком и Западом. Персидские и арабские купцы не могли равнодушно даже слышать имя венецианца или генуэзца и всегда были готовы

причинить им какой-либо ущерб или неприятность; не менее враждебные отношения существовали и между самими европейцами; можно сказать, что не было той низости и подлости, на которые не решился бы венецианский купец и промышленник по отношению к своему конкуренту: генуэзцу, флорентинцу, каталонцу, барселонцу и т. д.; известны даже случаи, когда купцы-христиане заключали друг против друга тайные договоры с мусульманскими султанами. Обстоятельства, при которых создавались капиталы итальянских республик, наложили свой отпечаток на весь быт и идеологию купеческих олигархий. Алчность, коварство, жестокость, холодный расчет и эгоизм вошли в плоть и кровь северо-итальянской аристократии. До самого конца XV столетия купеческие олигархии северной Италии задавали тон всей Европе. Венеция XIV—XV века для Европы была тем же самым, чем Франция в XVIII, Англия в XIX и Америка в XX столетии.

История северо-итальянских республик может служить ярким примером связи базы с надстройкой, другими словами, зависимости политики от экономики. Стоявшая во главе итальянских республик, купеческая олигархия наложила свой отпечаток на весь строй жизни. Аппарат управления, наука, искусства и быт — все отображало психологию купеческого класса. Правительственные советы Венеции, Генуи, Флоренции и Пизы представляли из себя не что иное, как купеческую думу, состоявшую из уполномоченных нескольких богатых фамилий. Все внимание правительственных советов было устремлено в одну сторону — именно в сторону увеличения торговых оборотов. Стоявшая у власти олигархия мало того, что старалась воспользоваться государственным аппаратом для уничтожения своих конкурентов, но она не далека была от мысли превращения республики в одну обширную торговую компанию. В этом отношении очень любопытны дебаты, развернувшиеся в Венецианском совете около 1584 г. по поводу учреждения государственного банка. Защитники идеи национализации банков в подтверждение своего проекта приводили три соображения: необходимость упорядочения платежей, привлечение возможно большего числа клиентов, и, наконец, уничтожение конкуренции частных банков. В настоящее время, — говорил один из защитников национализации Фома Мороцини, — приходится производить так много все-

возможных платежей, что это поглощает большую часть дня; в виду недостаточной упорядоченности банковских операций много сделок даже не доводится до конца; между тем как при наличии хорошо организованного государственного банка стоило бы лишь черкнуть пером и в несколько мгновений были бы удовлетворены интересы продавца и покупателя. «Банковые записи пользуются таким авторитетом, что в одно мгновение можно узнать их достоинство. Они так удобны, что ими все довольны, и так верны, что всегда их отыщешь в банковых книгах».

Национализация банков подсказывается еще и другими соображениями. Торговые и денежные дела Венеции в настоящее время чрезвычайно обширны, и потому все чувствуют необходимость в единой направляющей руке государства. Частные же банки, пользуясь обширностью торговых оборотов и сложностью финансовых операций, злоупотребляют доверием своих многочисленных клиентов. Желая быть кассиром целого народа, они вступают друг с другом в отчаянную конкуренцию, обещая своим доверителям баснословные барыши. Это гонит их на рискованные предприятия и спекуляцию. «Они стремятся употребить часть денег на покупку товаров на Востоке, а другую—на покупку хлеба или иных предметов, доставляющих выгоды, или же на покупку векселей. Деньги же, употребленные на такие разнообразные обороты, рассеянные в столь различных местностях, не могут быть так легко собраны, как были употреблены и разбросаны. И хотя результат одного какого-либо оборота или даже многих может оказаться удачным и благоприятным, но достаточно, чтобы один из них не удался и тогда сразу пошатнется все дело. Банкротство частных банков,—подчеркивал оратор,—в наши дни вещь самая распространенная. Из 113 банков Венеции лишь 7 закрылись без банкротства, остальные же 96 банков оказались злостными банкротами». «Частный банк,—еще раз напоминает докладчик,—не может функционировать долго, ибо он подвержен множеству случайностей и зависит от многих разнородных лиц. Малейший беспорядок в какой-либо одной стороне его существования влечет за собою упадок всего учреждения».

Точка зрения Мороцини больше всего была приемлема для десяти купеческих фамилий, составлявших правительственную коллегия. Государственный банк, на котором так

настаивал Мороццини, по существу дела оказался бы банком правящей группы. При посредстве банковской монополии она сумела бы стянуть к себе все капиталы нации и пустить их в заграничную спекуляцию. Оканчивая свою речь, Мороццини добавил: «тогда (т.-е. после открытия национального банка)

Европейские купцы на Востоке.

все предпочтут отдавать свои деньги на хранение в государственное учреждение. Даже иностранцы будут приносить значительные вклады в венецианский банк, и, таким образом, золото Индии, чеканеное в Испании, притечет в Венецию. Некоторые еще страшатся новости самого дела. Но разве

республика может останавливаться перед подобным препятствием? Все, что сегодня является делом известным, обычным, когда-то, ведь, было новостью». Конечный смысл всех речей Мороцини сводился к тому, что вся страна должна превратиться в обширную торговую компанию, возглавляемую несколькими директорами-правителями, носившими характерное название дожей (вождей).

Предложение Мороцини, однако, затронуло противоположную сторону, т.-е. лиц заинтересованных в существовании частных банков и частной торговли. Правительство, — указывал противник государственного банка, — должно управлять народом, прославляться полезными и удачными войнами, а торговлю предоставить частным лицам. Правитель, обращающийся в торговца, роняет свое достоинство. Учреждение общественного банка, кроме того, дело чрезвычайно опасное. Те же самые обстоятельства, которые являются причиной банкротств частных банков, могут повлиять и на участь государственного банка. Они могут привести снова к печальным результатам. Кроме того, следует заметить, что лица, которым будет поручено управлять банком, могут оказаться неопытными в такого рода делах. А если и найдутся в их числе некоторые знающие, то и они не помогут делу. Более же всего оратора беспокоит то, на чем именно и настаивал Мороцини, что благосостояние отдельных граждан будет связано с политической формой; при подобном порядке вещей изменение политического строя непременно повлечет за собою банкротство отдельных граждан. «Благосостояние граждан будет тесно связано со всякими политическими превратностями. Эта связь послужит источником постоянных тревог и опасений и может вызвать недовольство и даже восстание. Обещание же, будто правительство не будет касаться вкладов банка, дает лишь некоторое подобие уверенности, но не устраняет совершенно всякого риска». Отсюда следовал и общий вывод, что с точки зрения интересов большинства граждан, нет никаких оснований интересы частных лиц сливать с интересами правящей олигархии. «Было бы очень полезно, — закончил свою речь противник идеи национализации — следовать примеру наших предков, а также примеру чужестранных властителей, которые, приняв во внимание и рассмотрев с должною осторожностью все приведенные мною и некоторые другие обстоятельства, не захотели учреждать государ-

ственных банков, предоставляя подобные занятия частным лицам и считая их недостойными правителей, вредными и опасными».

Борьба внутри купеческой олигархии не была исключением из общего правила. В торгово-купеческом государстве уже существовали классы и группы, интересы которых далеко не всегда совпадали. В городе усиление денежного обращения повышало эксплуатацию подмастерьев и подрывало значение мелкого производства; на этой почве происходили постоянные столкновения мастеров и подмастерий, иногда принимавшие форму ожесточенных уличных боев, как это, напр., имело место во Флоренции в XIII ст. (восстановление чьомпи). Аналогичный процесс капитализации происходил и в деревне; старая деревня разрушалась с двух сторон: с одной стороны, деревню разрушал фермер-капиталист, а с другой, крупное производство (мануфактура) понижало значение мелкого кустарного производства. Таким образом, северо-итальянские республики обнаруживали все симптомы капиталистического строя, но им не было суждено превратиться в настоящее капиталистическое государство, вследствие больших изменений в международных отношениях.

В XV столетии торговому капиталу северной Италии был нанесен существенный удар. Ослабление европейского престижа на Востоке стояло в тесной связи с многочисленными революциями в азиатских государствах в XIII—XV веках. Наиболее памятной страницей в истории Востока было XIII столетие. Именно на это столетие падает сложение колоссального монгольского ханства. В своем поступательном движении на Восток европейские негоцианты встретились с обратным движением с Востока на Запад мусульманского торгового капитала. Железный хан Тимур (Тамерлан) в значительной степени выполнил программу азиатского торгового капитала. С образованием монгольского ханства китайским, индусским и персидским купцам, до тех пор стесненным европейцами, открывалось огромное поле деятельности на бесконечном пространстве от Китайской стены до Средиземного моря и от Египта до глубины России. В числе других последствий победоносное продвижение Тимура знаменовало понижение значения старых торговых центров (Дамаск, Багдад и пр.) и возвышение новых (Самарканд). Огромное царство Тамерлана, правда,

Вытеснение европейского капитала с азиатских рынков.

скоро оказавшееся колосом на глиняных ногах, определило весь дальнейший ход азиатской и европейской истории.

Для европейской культуры особенно важны были два обстоятельства: национальное объединение Китая под главенством династии Мингов и, во-вторых, объединение турок-османов. Собравшиеся под напором монголов турецкие орды к началу XV столетия образовали сильную державу с империалистическими замашками. К половине XV столетия турецкие султаны (военные вожди) продвигаются к самому Средиземному морю и вытесняют европейцев из Передней Азии. 29-е мая 1453 года — роковой момент в истории северо-итальянских торговых республик. В этот год Махомед II взял Константинополь и на долгое время положил предел диктатуре европейского торгового капитала на Востоке. Вслед за этим под власть турок перешли важнейшие центры европейских операций: Синоп, Трапезунд, Неграпонт, острова Эгейского моря и т. д. В 1517 году было dokonчено завоевание Сирии и Египта. Предприимчивые итальянские олигархии приложили все усилия к тому, чтобы так или иначе наладить отношения с новыми господами Азии — турецкими султанами. Но на этот раз старания утонченной венецианской и генуэзской дипломатии не дали желаемых результатов. Восточный купец вытеснил своего западного конкурента. Уже в 1501 году весь вывоз Венеции в Египет и Сирию не превышал 200 тысяч дукатов, между тем, как раньше один оборот с Александрией равнялся 600 тысячам дукатов, да и сама Александрия в это время начала быстро хиреть, что видно на уменьшении ее ввоза: ввоз растительных масел, например, в пору расцвета превышавший 4 тысячи тонн, в начале XVI столетия едва достигал 1½ тысяч тонн, импорт меди пал с 3 тысяч до 800 тонн. Замечался отлив капиталов в Азию, и в Европе ощущалась большая нужда в деньгах.

Поиски новых путей на Восток.

Несмотря на все поражения и неудачи в Передней Азии, европейцы не могли порвать давнюю и прочную связь с Востоком. Если был закрыт прямой путь, то еще оставался косвенный путь, в обход Передней Азии. В поисках новых путей в Индию и Китай проходит почти целое столетие. Итальянцы, испанцы и португальцы, как наиболее заинтересованные в этом деле, не успокоились до тех пор, пока действительно не открыли прямых путей в Индию и

Китай. В конце XV столетия португальцы закрепились на западном берегу Африки, на Малобарском, Камбайском и Коромандельском побережьях Индии, утвердились на островах Цейлоне, Малакке, Зондских и Молуккских, а в половине следующего столетия португальская «колониальная империя» простиралась уже до Китая и Японии¹⁾.

Как ни велики были успехи европейских мореплавателей и искателей приключений на Востоке, все же они меркнут перед открытиями на Западе. Приблизительно в те же самые годы, когда разорившийся португальский дворянин (рыцарь) Васко-да-Гама прибыл в Калькутту, сын генуэзского ткача Христофор Колумб, отыскивая прямой путь в Индию, натолкнулся на Антильские острова и открыл континент Америки (1492 г.). Таким образом почти одновременно были найдены пути в Индию и на Дальний Восток и был открыт целый Новый Свет.

Прилив аме-
риканского
золота и
серебра.

Открытие Нового Света и установление прямых связей с Востоком было величайшей революцией, какие только знает мировая история. С этого времени мировые центры передвигаются на Запад, а Средиземное море, это «сердце Европы», утрачивает свое значение. Вследствие нахождения новых рынков сбыта европейских фабрикатов и получения сырья быстро опускаются северо-итальянские республики; место Венеции и Генуи с XVI века заступают Португалия и Испания. Правда, за обладание Средиземным морем еще в течение целых столетий ведутся кровавые споры между различными претендентами (итальянские походы французских королей), но все же теперь не Средиземное море, а Атлантический океан стоял в центре внимания европейского капитала.

Открытие Нового Света прежде всего избавило европейцев от угрожавшего им металлического кризиса. Поиски золота и серебра, подобно навязчивой идее, настойчиво преследуют всех без исключения путешественников и конквистадоров (завоевателей), начиная от пастуха Пизарро и кончая рыцарем Кортесом. Сам набожный Колумб в своем дневнике пишет настоящий панегирик золоту. «Золото—чудесная вещь, из золота делаются деньги, а с деньгами, если они есть у кого, можно сделать, что угодно; можно даже извлечь души из чистилища в рай...». «Всемогущий и всеблагий боже,

¹⁾ См. карту торговых путей.

дай мне в милосердии своем найти златоносные земли. Воззри на меня, дай мне то, что нужно для служения тебе!». Дорвавшиеся до американского золота первые колонисты почти захлебывались в золотой добыче. Экспедиция Пизарро, напр., захватила колоссальную Перуанскую добычу в 5 миллионов дукатов (около 37 миллионов рублей), поделив ее на неравные части между участниками экспедиции; львиная доля при этом, конечно, досталась самому Пизарро (300 тысяч дукатов), остальная же часть была поделена, в зависимости от чина, между командирами конницы, офицерами пехоты и рядовыми солдатами приблизительно по 15 тысяч дукатов на человека. По исчислению политико-экономов за 103 года (с 1497 по 1600) в одну Испанию было вывезено американского золота и серебра на сумму, превышавшую 2 миллиарда рублей; из Америки в Европу в это время направлялись целые золотые и серебряные флотилии. В Европе на Америку сложился определенный взгляд, как на неисчерпаемое Эль-Дорадо (золотое дно).

Захват золота был лишь одним из многочисленных следствий открытия Нового Света. Европейские эмигранты, рыцари, купцы, промышленники, монахи и ученые целым потоком хлынули в Америку в поисках добычи. Богатые люди, не находя золотой добычи, с жадностью набрасывались на девственную почву Нового Света. Покровительствуя эмиграции, испанское и португальское правительства щедрой рукой раздавали непринадлежавшие им земли американских туземцев. Эмигрировавшие в Америку офицеры сплошь и рядом получали целые территории с 10—30 тысячами индейцев в качестве крепостной рабочей силы. Так было положено начало плантаторскому хозяйству в Америке. Какое влияние имело прибытие европейских хищников, идейно руководимых католическим духовенством, на туземную культуру, можно судить по упорному убеждению туземцев, что на одном острове Сан-Доминго в одном 1492 году умерло 1 миллион туземцев. Для пополнения убыли местной рабочей силы вскоре пришлось обращаться за помощью к «черному континенту» Африки, открыв систематическую охоту на негров. Излишне прибавлять, что вместе с конкистадорами, авантюристами и христианскими пастырями в Новом Свете появились также в большом количестве европейские (главным образом немецкие и еврейские) банкиры и ростовщики. Известный

Хозяйственная революция в колониях.

своим богатством аугсбургский дом Вельзеров с успехом занимался разработкой медных залежей на Эспаньоле и выплавкой серебра в Венецуэле.

Поселение европейцев на американском континенте и широкая практика плантаторского хозяйства вызвали к жизни целые отрасли колониальной промышленности и колониальной торговли. В одной Бразилии к началу XVI столетия насчитывалось 120 сахарных заводов, а наряду с культурой сахарного тростника в колониях разводили хлопок, табак, маис, бананы и т. п. Со своей стороны, колонии служили первостепенным рынком сбыта фабрикатов европейской индустрии. Параллельное развитие европейской и колониальной промышленности и торговли уже в то время создало хрупкие отношения между колониями и метрополиями. Достигшие экономической самостоятельности, колонии не замедлили потребовать также и политической независимости: уравнивания в правах с жителями метрополий, свободной торговли с любой страной света, свободной разработки рудников, свободного замещения административных должностей и т. п. Неопределенность в отношениях между колониями и метрополиями и настойчивое стремление колоний к самостоятельности составляют ахиллесову пяту как государств торгового капитала, так и государств нашего времени. С другой стороны, и в самих колониях со дня их основания наметился целый ряд социальных противоречий между белыми плантаторами и цветным рабочим населением, между плантаторами и индустриалами, крупной и мелкой буржуазией и т. д. Частые революционные вспышки и мятежи крепко вошли в практику колониальной жизни.

Переворот
в мировом
хозяйстве.

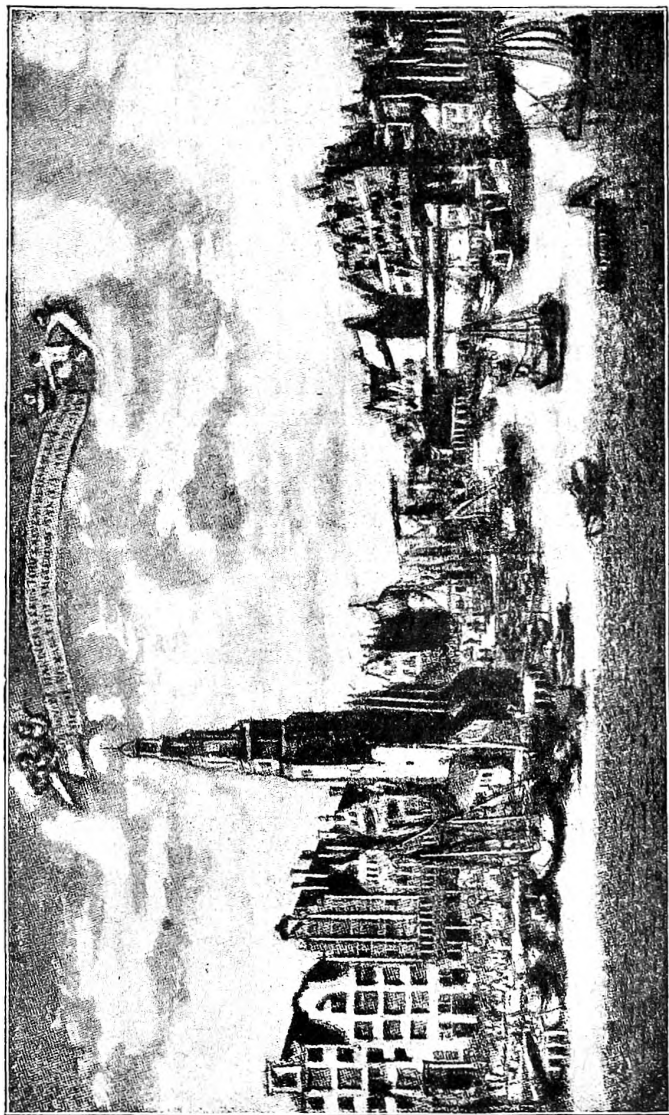
Открытие Америки и установление прямых сношений с Востоком произвели целый переворот в мировом хозяйстве. С XVI века Европа была наводнена колониальными товарами: пряностями (перец, мускатный орех, гвоздика, корица), благовониями, хлопком, сахаром, чаем, рисом, кофе, какао, табаком, индиго и пр. Наживавшие огромные барыши на торговле колониальными товарами, купцы изобретали всевозможные средства для того, чтобы приучить население к широкому потреблению колониальных продуктов и тем самым увеличить емкость внутреннего рынка. Создалась целая специальная литература, в которой горячо и убедительно доказывали пользу, приносимую чаем, кофе, шоколадом и т. д.

Врачи-специалисты утверждали, что потребление кофе полезно для умственной работы, а чай—это божественная трава амброзия—прекрасно способствует пищеварению, если только потреблять его в достаточном количестве, примерно чашек 50 в день. Колониальная торговля непрерывно возрастала, втягивая в оборот все новые и новые страны. В португальско-испанский период (приблизительно до 1600 года) главное место в колониальной торговле принадлежит Испании и Португалии, в последующие же века монополия переходит к Голландии, Франции и Англии. Непосредственно перед Французской революцией торговля с колониями составляла около 40% всех торговых оборотов Англии и не менее 30% торговых оборотов Франции. Одним из главных объектов колониальной торговли, наряду с перцем, рисом, сахаром и чаем, была торговля неграми. Европейские капиталисты доставляли негров американским плантаторам, получая за это баснословные проценты. Вывоз негров из Африки в 1769 г. равнялся 97 тысячам человек, при чем большую часть «цветного товара» доставили англичане.

В виду отдаленности и рискованности предприятий торговые экспедиции обыкновенно снаряжались не отдельными лицами, а целыми товариществами или компаниями. Компании учреждались разными странами и получали свое название от того рынка, с которым они вели дело. В XVI веке наибольшим влиянием пользовались Гамбургская компания, вывозившая английское сукно на континент Европы, Турецкая, Левантинская, Африканская, Плимутская; с XVII же века крупная торговля сосредоточилась в Ост-Индской, Вест-Индской, Северной (для торговли с Нидерландами, Швецией и Россией), Гвинейской (специально торговля неграми) и др. Торговые товарищества, в известной степени, напоминали современные акционерные общества. Путем выпуска акций (*partie* или голландск. *actie*) в компании притекали мелкие капиталы, из которых составлялся оборотный капитал или денежный фонд. Обыкновенный мелкий акционер не принимал прямого участия в делах компании, получая определенный дивиденд. Вся организационная часть находилась в руках немногих директоров, владевших большей частью акций: в английской Ост-Индской компании при 550 акционерах всеми делами заправляли всего-навсего 40 человек, а $\frac{9}{10}$ акций Гудзоновой компании принадлежали 8 лицам и так далее.

По самому своему существу компании носили спекулятивный характер, а всякая спекуляция построена на риске и на игре. Поэтому неудивительно, что век торговых авантюр в то же время был и веком европейских бирж и отчаянной биржевой игры. Биржевая игра, основанная на досрочной покупке и продаже акций, мобилизовала национальные капиталы, толкала людей на рискованные предприятия и стягивала частные запасы в банки. Примером спекуляции и биржевой игры может служить история с тюльпанами, так наз. тюльпаномания. В 30-х годах XVII столетия в Нидерландах, а в известной степени и в других странах Европы, страстно увлекались тюльпанами. Увлечение перешло в манию. В больших городах: Амстердаме, Роттердаме, Утрехте, Аלקмаре и др. торговля тюльпанами сделала доходнейшей статьей и увлекла многих жителей. В одном описании XVII века рассказывается, как дворяне, купцы, ремесленники, интеллигенты и т. д. спешили продать свои дома, поместья, скот, утварь и одежду для того, чтобы купить пай торговой компании, снаряжавшейся за тюльпанными луковицами, или поиграть на бирже. Было из-за чего и рисковать. Один человек за какую-нибудь неделю нажил 60 тысяч флоринов, покупая и продавая тюльпаны. В архивах города Аלקмары сохранились записи, свидетельствующие, что в 1637 году сотня тюльпановых луковиц были проданы за 900 тысяч флоринов. За два года в Роттердаме было совершено сделок с тюльпанами на сумму в 10 миллионов. Но как и всякое увлечение, тюльпаномания продолжалась недолго, биржевая спекуляция стала слабеть и последовал кризис. В конечном итоге в выигрыше оказалось лишь незначительное меньшинство, большая же часть игроков разорилась. Биржа и спекуляция не только разрушали сословные отличия и стирали религиозные грани, но они уничтожали также и национальные предрассудки. Такие важные центры мировой торговли, как Лиссабон, Севилья, Лион, Париж, Лондон, Антверпен и Амстердам, уже давно утратили свой национальный колорит и превратились в полном смысле в космополитические центры. «На антверпенской бирже, — писал один наблюдатель, — беспрерывно слышался смутный говор всех наречий и постоянно кидалась в глаза смесь всевозможных костюмов. Антверпенская биржа представлялась маленьким миром, в котором соединялись все части большого мира».

На огромном здании антверпенской биржи в начале XVI века красовалась выразительная надпись: «На пользу купцов всех наций и всех языков». Царившее на биржах возбуждение

Амстердамский порт в XVII веке.

и игра страстей положительно не поддаются описанию. Биржевые дельцы вечно напряжены, даже во сне видят акции, с замиранием сердца ждут вестей из-за океана, обманывают

других и самих себя, «молнию превращают в фейерверки, ночную тьму—в сумерки, драку—в восстание, муху—в слона». Кажется, что все они сотканы из одних нервов. Люди проклинают биржу, называя ее притоном, вертепом, питомником всех пороков, могилой отважных людей, символом Иксиона и олицетворением Сизифа, и тем не менее, вопреки собственной воле и желанию, страсть обогащения гонит на биржу и спекуляцию все население: «крестьян и матросов, каретников и ткачей, грузчиков и трубочистов, торговков тряпьем и батраков».

В торговых спекуляциях и в биржевой игре прямо или косвенно (через подставных лиц) живейшее участие принимали также короли и весь высший свет. В числе крупных акционеров французской Ост-Индской и Вест-Индской компаний значились, например, король, королева, дофин, министр Кольбер и многие другие. Получалось впечатление, что государство как бы сливалось с торговыми компаниями и банками. В половине XVIII века голландская торговая компания имела акции лондонского банка на 11 миллионов фунтов стерлингов, что составляло $\frac{1}{3}$ всего капитала, а следующим крупным вкладчиком считалась Ост-Индская английская компания ($3\frac{1}{2}$ миллиона фунтов стерлингов), Южная компания и т. д. Биржевики, спекулянты и крупные торговые дома задавали тон всей государственной и общественной жизни; их интересы стояли в центре всего государственного управления, а все остальные классы населения удовлетворялись по мере возможности или, вернее, приносились в жертву алчности финансового и торгового капитала. Истинными вдохновителями внешней и внутренней политики крупных и мелких держав того времени были богатые купеческие и банкирские дома Фуггеров, Вельзеров, Гехштехеров, Медичи, Вендрамини и др.

II. ГОСУДАРСТВО ТОРГОВОГО КАПИТАЛА.

Следствием перемещения торговых путей была перегруппировка держав и появление нового типа государства. С XV столетия Европа, если можно так выразиться, повернулась лицом к Атлантическому океану. Этот поворот повлек за собою распадение старой средиземноморской системы, уступившей место системе государств, прилегавших к Атлантическому океану. Такими государствами были прежде всего государства Пиренейского полуострова—Испания и Португалия, затем Нидерланды (Голландия), Англия, Франция, а с другой стороны, Америка. В процессе исторического развития названные государства по очереди сменяли друг друга и попеременно подчиняли своему культурному влиянию все остальные нации. Атлантическая система с полным правом может быть названа системой торговых государств. Характерные черты торгово-капиталистического государства: ослабление аристократического элемента, первостепенная роль купеческого сословия и централизация управления.

Кризис феодализма в Испании.

Старейшим государством торгового капитала в Европе была Испанская монархия, в XVI в. занимавшая первое место в концерте европейских держав. На одной Испанской монархии можно изучить всю социологию (типичные формы) государства торгового капитала. Объединяющая сила капитала в странах Пиренейского полуострова отчетливо проявилась уже в половине XV столетия. В начале XV века государства Пиренейского полуострова (Кастилия, Леон, Наварра, Арагония и Гранада) в значительной степени были еще феодальными государствами. Господствующим классом в то время была феодальная аристократия (гранды), имущество которых заключалось главным образом в земле. О размерах земельных владений грандов могут дать представление, напр.,

латифундии (обширные поместья) Иоганна Бискайского, конфискованные королем Альфонсом XI. В распоряжении Иоганна находились 30 городов и десятка три замков. Еще более крупным землевладельцем считался «добрый констабль» (конюший) Генриха III—Давалос—который по собственным владениям мог проехать от Севильи до Компастеллы, т.-е. через все королевство. Концентрация земельной собственности была очень значительна, если 12 семей владели всей территорией Кастилии. Первое место среди землевладельцев занимали рыцарские ордена Сантьяго, Калатрава, и Алькантара. Социальное значение рыцарских орденов объяснялось постоянной напряженной борьбой с маврами, происходившей на Пиренейском полуострове. Рыцарские ордена не в меньшей степени были хозяйственными, чем и военными организациями. Орден Сантьяго, например, владел 84 огромными земельными округами и, кроме того, в его распоряжении находилось более 200 мелких владений. Орден мог выставить 400 рыцарей и 1000 копьеносцев. Доходы гросмейстера (генерала) ордена равнялись 90 тысячам дукатов (дукат—около 3 рублей). В вассальной зависимости от ордена находилось множество средних землевладельцев и воинов-рыцарей. Высшая власть в ордене принадлежала комитету ордена с гросмейстером во главе. Со светской аристократией во всех отношениях соперничала духовная аристократия. Кроме материальной силы, церковь считалась еще обладателем всех высших знаний и имела исключительные права на культурное воспитание населения.

И тем не менее, несмотря на всю видимую крепость, в середине XV столетия, феодальные отношения в Испании уже сильно ослабели. Главной причиной разложения феодального строя являлась сила, выросшая в недрах старого порядка. Этой силой были торговля и промышленность. Торгово-промышленная деятельность на Пиренейском полуострове собственно не прекращалась со времени водворения там римлян (II в. до нашей эры). Приблизительно с Крестовых походов (XII век) Пиренейский полуостров вместе с северо-итальянскими республиками втягивается в интенсивную торговлю с Востоком. С этого времени в страну начали усиленно притекать деньги. Прилив капиталов в страну повлек за собою изменения в системе национального хозяйства. От земледелия начинали переходить к скотоводству и обработке шерсти.

В связи с увеличением скотоводства и развитием шерстяной промышленности изменился и весь облик испанской деревни. Фермер-капиталист начинал «округлять» свои владения и оттеснять мелкого хозяина. Показателем разорения крестьян и рыцарей была усиленная эмиграция из испанской деревни в колонии и города. Расширение торговых связей постепенно втягивало в международный оборот весь полуостров, а конкуренция на международном рынке заставляла владельцев латифундий от экстенсивного хозяйства переходить к более интенсивному или же превращать поля в пастбища. От экономического переворота, наряду с крестьянами, как было сказано, более всего пострадали средние землевладельцы-рыцари. Среднее землевладение не выдерживало конкуренции крупного и искало новых источников жизни. Рыцарям предоставлялось одно из двух: или превратиться в Дон-Кихотов, или же так или иначе приспособиться к новым хозяйственным условиям. После изгнания мавров военному сословию, как таковому, не оставалось уже больше никакого дела. С другой стороны, перенесение центра внимания на коммерческую деятельность и нахождение новых торговых путей открывали необъятное поле деятельности за пределами отечества. Эти далекие страны, по рассказам путешественников, были полны сказочных чудес и неисчерпаемых богатств и сокровищ. Поэтому все непокорное, полное энергии и обнищавшее, сплошь и рядом очертя голову, устремлялось на поиски счастья и богатства.

Важным моментом в истории Испанской державы были открытия XV столетия. Вновь открытые страны предоставляли широкий простор как свободному капиталу, так и свободной человеческой энергии. Открытия перевели внимание европейцев от внутренней политики к внешней. Внутренняя борьба партий на некоторое время потускнела перед столкновениями конкурирующих держав. В колониях сталкивалось несколько конкурентов и открывалась длинная серия войн торгового капитала. При таком положении вещей наибольшим тормозом служила феодальная разобщенность. По этой-то причине во всех государствах приблизительно с XV столетия централизованная монархия начинает вытеснять феодальную разобщенность. Не был исключением из общего правила и Пиренейский полуостров. Весь полуостров, несколько десятилетий тому назад еще разрезанный на отдельные и враждовавшие между

Испанская
держава.

собой части, теперь как бы собрался в один кулак. На место недавних самостоятельных государств отныне выступила единая Испанская монархия, выросшая из первоначального союза Кастилии с Арагонией. История монархической Испании теснейшим образом связана с историей испанских городов. Уже в XIII столетии города достигли такой степени самостоятельности, что считали возможным заключать между собою оборонительные союзы, прежде всего против разбойничьих покушений мелкого рыцарства. Союзы торговых городов, по-испански германдасы, были той социальной силой, с помощью которой первым сеньерам-королям удалось ослабить духовных и светских грандов и образовать большое государство. В начале XVI столетия Испания уже далеко вышла из своих пределов. При новой династии (Габсбургов) под скипетром испанского короля собрался уже не только весь Пиренейский полуостров,—за исключением приморской Португалии,—но мало-по-малу образовался грандиозный союз земель, в которых, по выражению современников, никогда не заходило солнце. В состав этого союза входили самые различные как по географическому положению, так и по своим природным богатствам страны: Испания с обширными внеевропейскими колониями, Сицилия, Неаполь, северная Италия, Германия и Нидерланды¹⁾.

Соответственно с торговыми оборотами Испанской державы возрастало и социально-политическое значение купеческого сословия. Письмо к испанскому королю Карлу V аугсбургского купца Фуггера (1520—1555 гг), оказавшего денежную поддержку Карлу при конкурсе на испанскую корону, прекрасно иллюстрирует удельный вес капитала. «Чтобы доставить Вам римскую корону,—писал Фуггер,—мы дали обязательства курфюрстам, поверившим именно мне, а никому другому. Мы дали Вашим комиссарам много наличных денег, которые мы заняли в значительной доле у наших друзей. Не может быть никакого сомнения в том, что без моей помощи Ваше Императорское Величество не получили бы римской короны. Отложись я от австрийского дома и перейди к Франции, я действительно заработал бы много денег, как мне об этом и говорили». Богатство и общественное влияние Фуггеров заставляли гордого Карла прислушиваться к их мнению и

¹⁾ См. карту: „Государство торгового капитала“.

стараться выполнять их требования. По удельному весу Фуггеров и по широте их коммерческого размаха можно судить и вообще о социальной роли избранного купечества (олигархии) в государстве торгового капитала. Сохранившиеся описи свидетельствуют о широте коммерческих предприятий и о степени социального веса аугсбургского торгового дома. Оборотный капитал фирмы Фуггеров, равнявшийся в 1511 г. 200 тысячам флоринов (флорин—около 4 рублей), через 15 лет удесятирился, а в 1546 г. общая оборотная сумма превышала 5.100.000 флоринов. Наличными деньгами числилось не более 250 тысяч, недвижимость оценивалась в 800 тысяч, стоимость товара на складах оценивалась в 1.200.000, главную же долю капитала составлял ростовщический капитал, равный 4 миллионам. Первым должником фирмы считался испанский император, долг которого превышал 2 миллиона, затем следовали первые сановники государства. Следующее место за финансовыми операциями занимали горные предприятия. Фуггеры имели медные и серебряные прииски в Венгрии, свинцовые и цинковые в Коринтии, золотые в Силезии, ртутные в Испании и Альмодеи. В 1528 году на одних только антверпенских складах Фуггеры имели 34 тысячи центнеров¹⁾ меди на сумму 250 тысяч флоринов, но кроме Антверпена их фактории находились в Вене, Лейпциге, Бреславле, Риме, Венеции и т. д. В зависимости от их торгового дома находились не только сановные и влиятельные лица, но также и простые смертные: торговцы, ремесленники и солдаты. Немецкий историк Эренберг, автор специальной монографии о Фуггерах, с полным основанием XVI век называет «веком Фуггеров».

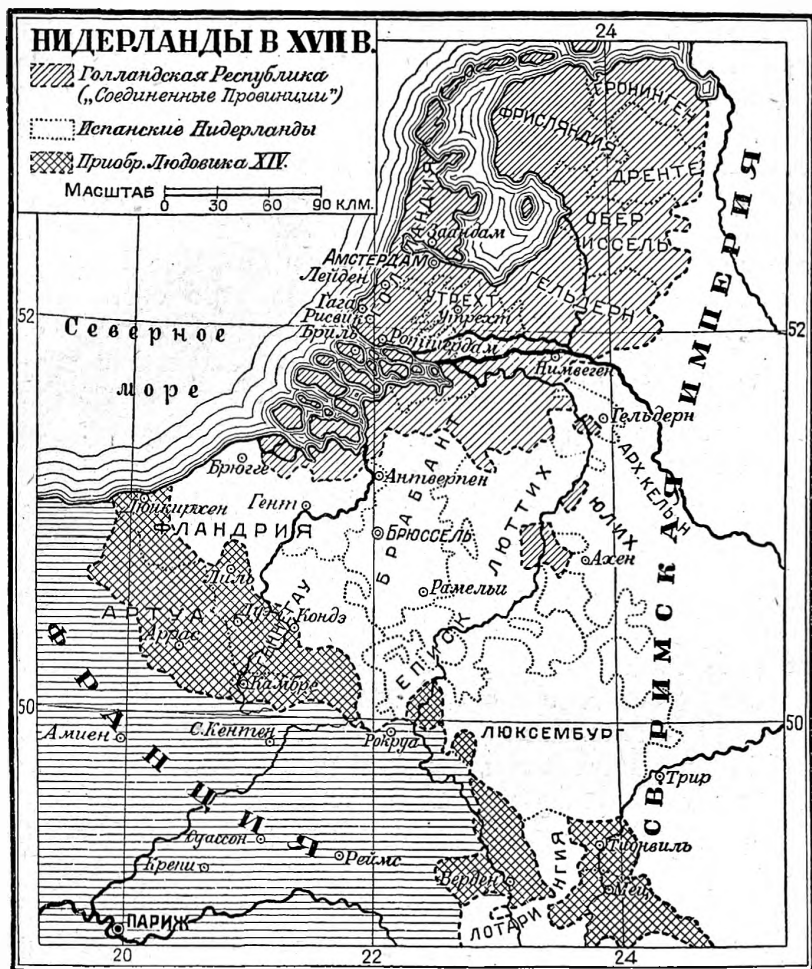
Много труда и энергии у испанских правителей ушло на приобретение владений, но еще больше хлопот и ума требовалось для их охраны и управления. В интересах торгового капитала требовалось создание единой централизованной державы, которая обеспечила бы беспрепятственное движение товаров. Мало того, что приходилось охранять колоссальную державу, в которой никогда не заходило солнце, от внешних врагов, приходилось согласовать интересы отдельных провинций. Закон диалектики (противоречия) сказался также и на испанской державе. Чем больше богатели отдель-

¹⁾ Старинная мера веса; имела в разных странах различное значение, близкое к 50 кг. Современный метрический центнер (квинтал) равен 100 кг.

ные правители, тем сильнее развивалась в них и склонность к сепаратизму (отпадению). Без насильственного удержания никакой общий интерес не мог бы спаять все столь мало похожие друг на друга части обширной державы. Центростремительные и центробежные тенденции действовали почти с одинаковой силой. Слабые провинции, получавшие больше выгоды от союза с большой державой, как правило, обнаруживали меньше склонности к отпадению, нежели богатые и самостоятельные провинции. При подобном положении вещей нужна была твердая, почти железная власть. Испанская монархия является одной из самых централизованных и свирепых деспотий.

Наиболее пригодным и испытанным средством охраны союза оказывалась бюрократическая система, скопированная с древне-римской бюрократии императорского периода. Испания, как и древний Рим,—типичная бюрократическая держава. Во главе всей бюрократии стоял государственный совет, возглавлявшийся императором. В ближайшем отношении к государственному совету находился финансовый совет и при нем несколько канцелярий, заготавливавших и выпускавших приказы. Управление отдельными провинциями вверялось наместникам, подчиненным непосредственно императору и пользовавшимся почти неограниченной властью. Поставщиком крупного и мелкого чиновничества была Кастилия, составлявшая ядро всей империи. Бюрократизм сделался как бы второй натурой кастильцев. Все, имевшие хоть какую-нибудь возможность, старались стать чиновниками, избрать интеллигентную профессию, или же поступить в монахи. Торговля, индустрия и земледелие в центральной области Испании стояли на сравнительно низкой ступени. Кастилия была центром управления, в экономическом же отношении она всецело зависела от своих провинций и колоний. Поэтому к Кастилии, как и к древнему Риму, вполне применимо выражение, что она питалась соками своих провинций. В бюрократическом строе империи и в слабом развитии производительных сил центра скрывалась причина быстрого увядания Испании, принявшего катастрофический характер после отложения Нидерландов. Кроме бюрократии, для поддержания порядка внутри страны и для удержания в повиновении провинций и колоний испанским императорам приходилось содержать сильную армию и призывать на

помощь «священную инквизицию». Преемник Карла, Филипп II все свои силы и все внимание направил на организацию государственно-административного аппарата. Ушедший от мира, мрачный и окруженный иезуитами Филипп,

принцип государственной централизации довел до предельного пункта, и тем не менее. ему не удалось предохранить империю от внутреннего развала и от внешнего позора. Первой страной, отпавшей от Испании были Нидерланды, в со-

став которых входили современная Голландия, Бельгия и северо-западная часть Франции.

Нидерланды. Испания, державшая в своих руках все торговые пути и владевшая главными торговыми центрами, создала благоприятные условия для развития творческих сил северной провинции. Творческие же силы Нидерландов были могущественны. Природные свойства страны представляли благоприятные условия для развития рыбных промыслов, скотоводства, земледелия, огородничества и даже виноделия. Амстердам построен на хребтах сельдей,—говорили голландские старожилы; скотоводство, процветавшее в травянистых низинах Фландрии, Фрисландии и Голландии, давало ежегодного дохода с одного только масла и сыра более миллиона дукатов. В главной области провинций Нидерландов—Голландии, благодаря системе искусственного орошения и удобрения, земледелие было доведено до совершенства. И все-таки не добывающая промышленность составляла славу и гордость Нидерландов. Непревзойденной считалась нидерландская индустрия, начала которой восходят к Римской Империи. Во Фландрии, Брабанте и Голландии с давних времен процветало льняное производство, в Амстредаме и Роттердаме работали тысячи суконщиков, в Лейдене и Генте изготавливались шелковые материи высшего сорта и шали, по изяществу и рисунку не уступавшие тончайшим индийским тканям. В угольных и железных районах, главным образом по реке Маасу, развернулось производство металлических товаров, особенно оружия. Во многих городах, кроме того, интенсивно занимались ювелирной работой; в Антверпене в XVI веке насчитывали более 412 крупных мастеров ювелирного дела. Нидерландский юг, т.-е. современная Бельгия, по своему индустриальному значению в XVI веке имел во всяком случае не меньше значения, чем в XIX веке Англия. Богатая индустрия создала условия для обширной и прибыльной торговли.

Счастлирое географическое положение между Германией, Францией и Англией и открытые водные пути во все стороны света — на северо-запад, северо-восток и юго-запад обеспечивали Нидерландам первое место в международных сношениях. Антверпен в XV—XVII столетиях, так же как Лондон или Париж в XIX, в полном смысле интернациональный город, излюбленное место пребывания деловых людей и путе-

шественников всех наций и главный пункт заключения торговых сделок, обмена денег и учета векселей. В Антверпене, говорил один венецианец, в один месяц совершается столько сделок, сколько во всей Венеции не совершается в течение двух лет. В городе насчитывалось более 1000 иностранных

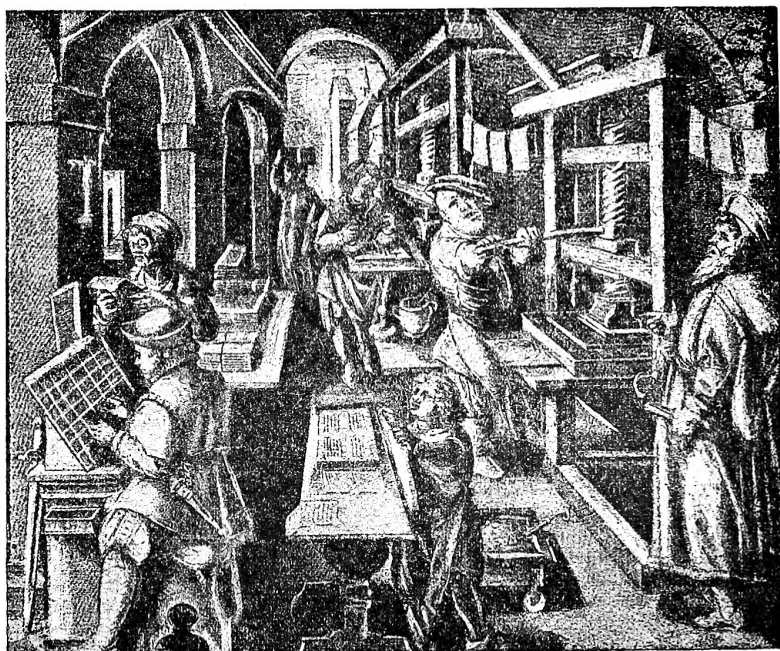
Мастерская полировки оружия.

фирм, биржу ежедневно посещали более 5000 купцов и маклеров, 2 тысячи тяжело груженных судов стояли на Шельде в ожидании своего отправления, в то время, как 500 вновь прибывших судов ожидали разгрузки. Жизнь кипела

не только на море, но и на суше; по крайней мере 2 тысячи огромных фур и более 10 тысяч средних и мелких повозок, до верху набитые всевозможными товарами, ежедневно уходили вглубь страны. Прилежащие к бирже улицы кишели менялами денег, продавцами акций, книг, съестных припасов и т. д., здесь же находились рестораны, кафе-шантаны и театры. Еще в начале XVI века Антверпен принадлежал к числу наиболее населенных городов Европы, имея, за исключением пребывавших в нем многочисленных иностранцев, 115 тысяч коренных жителей. Со всех концов мира, по воде и по суше, направлялись в Антверпен всевозможные товары и ценности: пряности, сахар, драгоценные камни из Лиссабона, шелк и золотые ткани из Италии, вино из Франции, олово, шерсть и сукно из Англии, вино, сукно, оружие из Германии, хлеб и дерево с Балтийского моря. Торговые обороты, начиная с XV столетия, возрастали постоянно, что видно хотя бы на примере Англии, в 1550 г. в общей сложности ввозившей в Нидерланды не более, чем на 300 тысяч дукатов, а в 1566 г. имевшей от продажи одного только сукна более 5 миллионов. Общий торговый баланс обеих стран равнялся 12 миллионам.

На фоне материального достатка и разносторонней деятельности сложились богатый быт и высокая культура. Может быть, ничто так выпукло не отображает психологии нидерландцев, как голландская живопись, представленная первоклассными художниками—Рембрандтом, Рубенсом и Ван-Дейком. Голландская живопись—сплошная психология и динамика. Голландская школа почти не знает статики (неподвижности), она вся в движении и в психическом волнении, или коротко, она является полной копией неугомонной суеты торгово-промышленного города. Сказанное о живописи в существенных чертах может быть перенесено и на все другие проявления духовной культуры и, в частности, на философию. Величайший философ всех времен и народов Спиноза (1632—1677 гг.) всем своим существом принадлежит Нидерландам. Основное устремление Спинозы: разрушение богословской односторонности и догматизма, с одной стороны, и уничтожение дуализма Декарта (материя и сознание)—с другой—только и могло быть понято и воспринято психологией такого большого города, каким был Антверпен в XVI—XVII веках. Психический и телесный мир, по учению Спинозы, предста-

вляет отображение одной и той же субстанции, которую он называл богом, но бог Спинозы существует не вне мира, он есть сам мир или сама природа (пантеизм). Внутри мира господствует связность и зависимость всех элементов друг от друга. Задача человеческого познания сводится к пониманию этой связи и к определению собственного положения в мире. Чем больше человек совершенствуется в знании, тем он более начинает действовать согласно своей природе. Действие же в согласии с природой и психологией составляет

Фламандская типография.

добродетель, являющуюся высшим знанием. Знание и добродетель одно и то же. В основе жизни лежит движение. Движение лежит и в основе общественной жизни. Человеческое общество, взятое в его естественном виде, является борьбой всех против всех,—*bellum omnium contra omnes*. Из этого вырастает и государство, как сила обуздывающая человеческие страсти. Без государства вообще не может существовать человеческое общество, но круг деятельности правительства должен быть до последней степени ограничен, ибо

движущим стимулом человеческой жизни, как и жизни вообще, является свобода, т.-е. возможность самостоятельно верить, чувствовать и понимать.

В культурном, социальном и политическом отношении в Нидерландах тон задавали крупные купеческие фамилии, напоминавшие олигархию северо-итальянских дождей. Руководящую роль в среде купеческой олигархии имела купеческая фамилия Оранских. Сравнительно терпимое отношение нидерландской олигархии к своей метрополии продолжалось до тех пор, пока испанские императоры вели успешную оборону против турок-османов, захватывавших торговые пути, или осаживали коммерческий и военный пыл голландских конкурентов — Англии и Франции. Когда оборонительная политика испанского двора, вдохновляемая империалистски (воинственно) настроенным кардиналом Гранвеллой, налегла тяжелым финансовым бременем на ее провинции, то купеческая олигархия тотчас же забила тревогу и от глухого ропота скоро перешла к открытой войне. В 1577 г. северные области заключили между собою в Утрехте оборонительный союз (Утрехтская уния), а в 1581 г. издали «Декларацию независимости», послужившую впоследствии образцом для соответствующих деклараций других стран. Заключительные слова декларации звучали очень гордо и решительно. «Всякий знает, что государь поставлен от бога для того, чтобы заботиться о своих подданных, как пастух заботится о своем стаде. Если же государь не исполняет своей обязанности и обращается с ними, как с рабами, то на него надо смотреть не как на государя, а как на тирана». Сорокалетняя борьба Нидерландов с Испанией окончилась провозглашением республики Соединенных Штатов, по имени главной провинции, называвшихся Голландией. Купеческая олигархия добилась своего и стала полным хозяином страны. Нидерланды еще в большей степени, чем Испания, были государством торгового капитала. Государство состояло из нескольких штатов, во главе которых стояли городские советы (думы), избранные из именитого купечества. Высшим органом всей страны считались Генеральные Штаты, состоявшие из представителей отдельных штатов. Исполнительная власть сосредоточивалась в руках великого пенсионария, юриста и дипломата; военное же командование поручалось штатгальтеру, обычно выбиравшемуся из купеческого дома Оранских. В из-

вестной степени республиканская форма Нидерландов была реакцией на абсолютизм испанских королей. Купечество Нидерландов не хотело стеснять себя какими-либо бюрократическими формами и потому предпочло свободный федеративный союз монархическому централизму.

Отложение Нидерландов нанесло непоправимый удар испанскому могуществу. Воспользовавшись междуусобной войной, державы-соперницы, Англия и Франция, подкрепленные войсками Нидерландов, сокрушили «испанскую фурию». Война между Испанией и враждебными ей коалициями с переменным успехом велась в течение нескольких десятилетий, пока, наконец, Испания не пала под ударами объединившихся конкурентов. Особенно чувствительный удар Испании нанесли закаленные в гражданской войне кромвелевские «краснокафтанники», вместе с французами вторгшиеся в испанские владения. «Краснокафтанники» отняли у испанцев опорный пункт в Бельгии—Дюнкерк, английский флот высадил десант на острове Ямайке, а адмирал Блэк, разбивши испанский флот у Канарских островов, прорвался в Средиземное море. Отложение Нидерландов, буря в Ламанше, погубившая целую испанскую флотилию, и гибель (в 1588 г.) испанской эскадры «Непобедимой Армады», посланной Филиппом II против Англии, довершили разгром Испании. Испания, могучая в XVI веке, в следующем XVII уже сходит на степень второстепенного государства. Кастилия,—с горечью признавался преемник Филиппа II,—главное из всех его королевств, «мать столь смелых мужей, завоевавших Новый Свет и варварские владения», теперь очень низко пала и разорилась. После сокрушения «испанской фурии» ее место заняли Нидерланды. Хозяйственная и культурная гегемония Нидерландов в Европе продолжалась довольно долго, до начала XVIII столетия. Наибольший ущерб Нидерландским штатам приносили многочисленные и дорого стоившие войны, которые они вели со своими соседями. Особенно подорвали торговую и военную мощь Голландии войны с французским королем Людовиком XIV. Другой причиной, погубившей голландскую олигархию, была острая борьба интересов. Наряду с северо-итальянскими республиками, Нидерланды были типичной страной классово-б о р ь б ы. Неравномерное распределение богатств и надменное отношение плутократии к низшим классам вызывали резкий протест со стороны ремесленников и крестьян против

Разложение
Испании.

диктатуры торгового капитала. В конце концов аппарат республики пошатнулся, и слава Голландии пошла на убыль. Заправлявшие делами республики коммерсанты оказались неспособными установить внутренний мир и организовать военную оборону. Поэтому расширявшейся державе Людовика XIV, также руководимой меркантильными интересами, уже не трудно было «съесть» голландских купцов. В конце XVII столетия Людовик нанес Нидерландам несколько решительных поражений, после которых она уже не могла оправиться. По Нимвегенскому миру (1678 г.) к Франции перешло несколько крупных промышленных городов Бельгии, что особенно неблагоприятно отразилось на благосостоянии Нидерландов.

III. ТОРГОВО - ПРОМЫШЛЕННОЕ ГОСУДАРСТВО.

Ослабление коммерческой и военной мощи Голландии означало соответствующее повышение удельного веса ее конкурентов. Чем больше слабела Голландия, тем сильнее возвышались Англия и Франция. По сравнению с дряхлевшей и впадавшей в роскошь голландской буржуазией, англичане и французы были полны кипучей и, казалось, неисчерпаемой энергии. С XVII столетия первенствующая роль в мировой торговле, а вскоре и в промышленности, перешла к Англии. Одно время на мировое первенство с успехом претендовала Франция, но с конца правления Людовика XIV звезда Франции начинала меркнуть. Ряд неудачных войн, среди которых особенно неблагоприятными для французского хозяйства были Война за «испанское наследство» (1700—1713 гг.) и Семилетняя война (1756—1763 гг.), ослабили державу Людовика. Утрехтский мир, закончивший войну за «испанское наследство», и Парижский мир, закончивший Семилетнюю войну, отбросили Францию на степень второстепенного государства и возвысили Англию. Ко времени Французской революции Англия уже не только страна торгового, но в значительной степени и промышленного капитала. Ни в какой другой стране капитализм не проник так глубоко во все поры народной жизни, как это наблюдалось в Англии. В сравнении с Испанией и Нидерландами английский капитализм в значительно большей степени революционизировал промышленность.

Английская
торговля в
XVI—XVIII
вв.

История английского капитализма и буржуазии своими корнями восходит к Средним векам. Содержание Великой хартии вольностей 1215 г. в значительной степени уже отражает социальную силу городских слоев, т.-е. в первую очередь купцов и предпринимателей. Правда, характер средневековой торговли не свидетельствовал о ее мощи. До XIV сто-

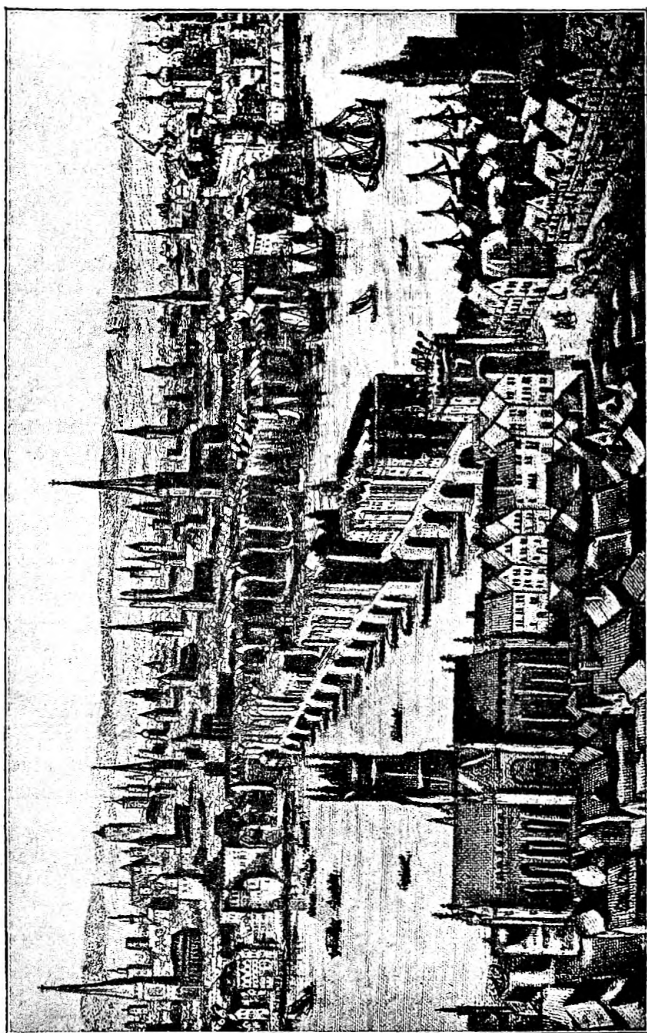
летия на мировой рынок из Англии поступали исключительно сырые продукты: олово, свинец, шерсть, шкуры и т. п. Значительно слабее была развита торговля другими товарами; большая часть торговли вплоть до XVI столетия находилась в руках иностранцев, нидерландцев и ганзейцев. Первые ввозили продукты собственной индустрии и в большом количестве употреблявшиеся при дворе короля и дворах сеньоров предметы роскоши; вторые снабжали Англию хлебом и корабельным лесом.

Переломным моментом в истории английского хозяйства было XVI столетие. Утвердившаяся на английском престоле (с 1485 г.) династия Тюдоров оказывала всяческое покровительство торговому классу. Увлеченные общим для всей Европы духом наживы англичане пускаются в отважные путешествия, предпринимаемые в целях наживы и обогащения. В 1553 г. возникает торговое общество с характерным названием «Общество купцов авантюристов», направившее свое внимание главным образом на Запад. Конечная цель купцов-авантюристов сводилась к поискам северо-западного пути в Индию и Китай в обход ганзейцев. Один из капитанов этой компании Чэнслер, затертый льдом Северного океана, через Архангельск прибыл в Москву и завязал торговые сношения с Иваном Грозным. Таким образом организовалась Англо-Русская торговая компания. Наряду с Англо-Русской компанией, действовали и многие другие компании: Вест-Индская, Ост-Индская, Балтийская, Левантская и т. д. Нижеприводимая таблица дает представление о характере и широте английских торговых оборотов в начале XVII столетия.

Почти во всех городах, имевших хоть какое-либо коммерческое значение, стояли английские фактории. В 1582 г., например, в один Эмден (Германия) было отправлено более ста тысяч кусков сукна. Сильный толчок английской торговле и промышленности дала иммиграция нидерландских мастеров и предпринимателей, переселявшихся на остров вследствие испанского гнета. После падения Антверпена в 1585 г. тысячи ткачей парчи, шелка и бархата, унося с собой капиталы и знания, покинули родину и обосновались в Англии. В связи с повышением производства и укреплением рынков сбыта лондонская биржа начинала постепенно оттеснять антверпенскую. Почти все сделки на английские товары происходили уже не в Антверпене, а в Лондоне.

Нуждавшиеся в деньгах правители всеми мерами старались поддержать туземную индустрию и ослабить иностранную конкуренцию. С этой целью Елизавета, например, лишила привилегий ганзейских купцов, а диктатор Кромвель в 1651 г.

Войны торгового капитала.

Лондон в XVII веке.

издал стеснительный для иностранных фирм Навигационный акт. Согласно этому акту, все продукты, производившиеся или произраставшие в колониальных странах, разрешалось провозить только на английских кораблях и продавать

Английская торговля и торговые компании в XVI и XVII столетиях.

Название компаний.	С кем торговали.	Предметы вывоза.	Предметы ввоза.
1. Купцы-авантюристы.	Гамбургом, Роттердамом и Нидерландами.	Английская ткань и шерсть.	Ковры, тонкое полотно, батист, хмель, марена, рейнские вина, мыло, проволока и мануфактурные товары.
2. Восточная (балтийская). 3. Московская.	Землями вдоль Балтийского моря, Россией.	Ткани, олово, свинец, специи из Индии и восточные товары, привезенные сначала в Англию.	Медь, строевой лес, меха, рожь, пшеница, железо, ртуть, пенька, лен, сталь, кожа, смола, веревки, сало, вар, красильные вещества, рыба, воск, мед.
4. Французская.	Францией.	Ткани, чернильный орех, шелк-сырец и хлопчатая бумага, привезенная сначала из Турции. Торговля с Францией была незначительная, вследствие постоянных войн между Англией и Францией.	Клеенка, парусина, стекло, полотно, соль, вино, масло, миндаль и шелковые изделия.
5. Ост-Индская.	Индией, Персией, Аравией.	Ткани, металлы, съестные припасы.	Разные специи, рис, хлопчатая бумага, коленкор, духи, драгоценные камни, индиго, шелк (сырец и обработанный), сандаловое дерево и лесной материал.
6. Левантская.	Турцией, Сирией и Малой Азией.	Ткани, металлы и проч.	Хлопчатая бумага,* могер, москательный товар, корица и кофе.
7. Купцы, не принадлежащие к какой-либо компании.	Испанией.	Ткани, кожи, олово, сельди и другая европейская и ньюфаундлендская рыба.	Вино, гутаперча, масло, сахар, мыло, солодовый корень и колонияльные произведения.
8. Купцы, не принадлежащие к какой-либо компании.	Италией (Неаполь, Сицилия, Ливорно и Венеция).	Ткани, кожи, олово, произведения Индии.	Парча, атлас, бархат, тафта, плюш, масло, венецианские зеркала, золотые и серебряные изделия, шелк-сырец.

только английским фабрикантам. Еще дальше в этом отношении пошли в XVIII веке, когда выработалась целая система таможенной и дипломатической войны. Таможенная и дипломатическая политика были лишь одним видом соперничества между конкурентами. Сплошь и рядом таможенная война переходила в настоящую войну оружием. Эпоха торгового капитала была эпохой грандиозных войн, в которых прямо или косвенно принимали участие все европейские страны. Как раз наиболее жестокие войны велись между французами и англичанами. Войны между Англией и Францией заполняют конец XVII столетия, весь XVIII век и переходят в XIX столетие. Лишь после битвы при Ватерлоо и Венского конгресса стало возможным говорить о безусловном преобладании Англии. В период от 1689 до 1815 г. между Англией и Францией произошло 7 больших войн. Особенно жестоко было начало XVIII столетия. Столетие открылось военными действиями сразу во всей Европе. В то время, как западные державы (Франция, Австрия, Англия) не могли поделить «испанское наследство», северные державы (Швеция, Дания, Польша и Россия) дрались из-за Балтийского моря. Для западных держав вопрос сводился к следующему: к кому после смерти испанского императора Карла II должен перейти испанский престол? Вопрос был очень важен как с коммерческой, так и со стратегической точек зрения. Ибо, несмотря на всю слабость и истощенность, Испания обладала богатыми колониями, занятие которых было весьма заманчиво одинаково для всех стран Европы. Наиболее подготовленной к войне державой оказалась Англия. Перед войной Англия располагала 223 боевыми судами с 10.000 орудий и 50.000 хорошо вышколенного экипажа. Собственно английский флот и решил всю кампанию. По Утрехтскому миру Англия вознаградила себя за понесенные потери. От Франции она получила страну по Гудзонову заливу и крепость Дюнкерк на европейском побережье, от Испании—Гибралтар и остров Минорку, укреплявшие ее господство в северной части Атлантического океана и в западной части Средиземного моря; затем Англия присвоила себе исключительное право работоторговли, так называемое ассiento. Кроме приобретений, война оказала влияние и на внутреннюю политику Англии. После выгодного мира положение торгового класса еще более упрочилось.

Через 40 лет французскому купцу и промышленнику был нанесен второй удар. Семилетняя война довершила дело войны за «испанское наследство». По Парижскому миру колониальная территория Англии расширилась присоединением Канады с прилегающими к ней островами, французскими владениями на Сенегале, некоторыми Вест-Индскими островами и прекрасным в географическом отношении полуостровом Флоридой. Таким образом в шестидесятых годах XVIII столетия Англия достигла преобладающего значения в Европе и в колониях, которое она удерживала за собою и в последующее время.

Война имела не только прямые последствия в смысле приобретения мест сбыта и ослабления конкурентов, но и косвенные в некоторых случаях даже более важные результаты. Прежде всего война открывала безбрежный простор для спекулянтов и поставщиков военного ведомства. Кроме того, для войны нужны деньги, а деньги можно было достать или путем налогов, или же путем займов у частных лиц и акционерных компаний. В Англии вопрос о займе для нужд войны особенно резко стоял во время войн с Людовиком XIV. В 1694 г. правительство решило вопрос о займах урегулировать и обратилось за советом к денежному миру. По инициативе Вильяма Паттерсона составилось общество капиталистов, согласившихся на известных условиях обеспечить правительство ссудой в $1\frac{1}{2}$ миллиона фунтов. Условия договора правительства с банкирами были скреплены большой печатью и утверждены парламентом. Этот договор положил основание английского государственного банка. По существу дела государственный банк находился в руках финансистов, составлявших правление банка. В договоре оговаривалось, что банк не может выдавать ссуду правительству без разрешения парламента. Банкиры давали правительству ссуду, а за это правительство обеспечивало капиталистам верность дивиденда и гарантировало доверие со стороны мелких и средних вкладчиков. Выросший из потребности торговли и войны банк в свою очередь в скором времени сделался одним из важнейших факторов торговли и войны.

Война не только открывала перспективы для всех видов спекуляций и ростовщичества, но она же в неменьшей мере питала также и промышленность. В книге Зомбарта «Война и капитализм», между прочим, приводится пример, когда

английское военное ведомство (1652 г.) потребовало немедленного изготовления 335 пушек, 1.500 орудий мелкого калибра, 180 тысяч снарядов, 5 тысяч ручных гранат и большое количество пороха. Кроме специально боевого снаряжения, поступали заказы на массовое производство воинского обмундирования, на изготовление парусов, веревок, канатов и т. п. Горно-литейное дело и ткацкая промышленность были именно теми отраслями, где полнее и скорее всего развивалась крупная промышленность.

Торговля составляла лишь одно звено экономической цепи. Параллельно и под влиянием торговли росла промышленность и менялась система сельского хозяйства. В течение нескольких столетий английская, как и вся вообще европейская, индустрия проходит длинный этап развития от ремесла и домашней промышленности через мануфактуру к фабрично-заводской системе производства. Малая доходность земледелия и, с другой стороны, все повышавшийся спрос на продукты английского ремесла еще в конце Средних веков породили целую систему домашнего производства. В описании Англии Даниэля Дефо, относящемся к последним годам XVII столетия, дана яркая картина английской деревни. Земля разделена на небольшие участки и мало приносит дохода, поэтому жители предпочитают заниматься ремеслами. В доме все работают, и малые и старые: один стоит у красильного чана, другой у ткацкого станка, третий чешет и выбивает сукно, женщины и дети тоже не сидят без дела: они ткут или расчесывают шерсть. Хотя Дефо, в угоду распространенной в его время теории опрощения, и идеализировал быт деревни, но все же он правильно схватил ее дух. Домашняя промышленность собственно не столько кормила крестьянина-рабочего, сколько обогащала купца, посредника между производителем и потребителем. Ткачи,—указывалось в «Акте о ткачах»,—жалуются на обиды, причиняемые им богатыми суконщиками. Бедным ремесленникам в настоящее время почти нечем жить и тем более кормить своих жен и детей. А в другом документе, носящем характерное название «Восторг суконщика», самодовольный скупщик восторженно заявляет, что из всех существующих в Англии промыслов нет ни одного, который кормил бы людей жирнее, чем сукноделие. Англии не грозит никакой упадок до тех пор, пока чесальщик шерсти будет уметь

Домашняя
промышленность.

работать своим гребнем, ткач пускать в ход свой станок, а сукновал и прядильщица валять сукно и сидеть за своей прялкой. Что же касается протеста бедных ткачей, недовольных своим заработком, то к работе и почтительному отношению к заказчикам их принудит нужда. «Вот как мы заставим,— восклицает герой сатиры,— бедных ткачей дешево работать! Мы будем находить изъяны в их работе, действительные или мнимые, чтобы еще более сбавить их заработную плату. Если дела пойдут плохо, то они тотчас почувствуют это, если же дела пойдут хорошо, то они никогда этого не узнают. Мы скажем им, что сукно не идет больше в заморские страны и что у нас нет никакого желания продолжать торговлю». За суконщиками настанет очередь прядильщиков.

Правитель-
ственная под-
держка про-
мышленно-
сти.

Борьба кипела не только между рабочими и скупщиком, но также и между цеховым и кустарным ремеслом. Цеховое производство с его регламентациями и уставами более не соответствовало потребностям нового времени. Вследствие этого правительства, нуждавшиеся в деньгах для ведения войн, при всех спорах становились на сторону кустарного, и, конечно, тем более мануфактурного производства.

В Англии власть не только не поддерживала цехи, но, наоборот, она сама создавала всевозможные формы обхода цеховых регламентаций, задерживавших промышленный прогресс. Правда, в Англии не было издано закона о полной отмене цехов, но зато явились тысячи способов обхода цеховых уставов: придворные мастера, привилегированные ремесла и ремесленники и т. д. Да и сами цехи, под давлением реальной жизни, мало-по-малу, начинали расширяться в территориальные союзы, перестраиваясь по типу крупного производства. Государственная власть не только устанавливала запретительные тарифы, субсидировала промышленность и урезывала цехи, но она еще и закрепляла за предпринимателем свободного рабочего. Не находя достаточного количества вольного труда, предприниматели в своих интересах использовали тюрьмы, исправительные, сиротские и рабочие дома. В XVIII веке в Англии, Голландии, Пруссии и других странах посылка взрослых и детей на работы в мануфактурах считалась самым обычным делом. «Всех способных к труду нищих и пьяниц,—гласил один правительственный приказ начала XVII столетия,—шатающихся по трактирам или

сделавших себе промысел из попрошайничества, заставлять принудительно работать в наших рудниках за надлежащую плату, а в случае нежелания — заковывать их в кандалы и в таком виде доставлять в рудники». Особенно в этом отношении интересен закон английского короля Эдуарда VI. Закон 1547 года предписывает всех уклоняющихся от работы рассматривать как праздношатающихся и «отдавать в рабство». Хозяин предприятия обязан кормить «раба» хлебом, мясными отбросами и поить водой или плохим вином, в случае же неповиновения или небрежного исполнения наказывать плетью или наложением цепей. После сказанного об отношении правительства к торговле и промышленности излишне уже перечислять строгие кары, налагавшиеся за участие во всякого рода рабочих стачках и забастовках. Английское рабочее законодательство, начиная с закона о рабочих 1349 г., постоянно напоминало о запрещении рабочих союзов, грозя непослушным наложением клейма и отрезанием ушей. Восстания рабочих и крестьян, проходящие через всю эпоху торгового капитала и обыкновенно оканчивавшиеся кровавым избиением восставших, доказывают, что антогонизм труда и капитала существовал еще задолго до промышленного переворота.

Наличность свободных капиталов и прогресс техники, вызванный расширением сбыта, способствовали округлению и концентрации производства. Место раздробленных предприятий постепенно начинала заступать мануфактура, а место ручного станка — комбинированная машина. Одна из таких больших мануфактур, пользовавшихся машинами, описана в «Путешествии по Англии» Дефо. Автора прежде всего поразило огромное здание мануфактуры, имевшее в длину 500 футов и 6 этажей в высоту с 460 окнами. Это не обычное здание, а настоящая казарма! Но всего сильнее поражали посетителя, впервые увидевшего большую мануфактуру, машины, вращавшиеся на вертикальных осях. Первое место среди машин занимала машина для выделки шелковой пряжи или органсина. Эта машина приводилась в движение водяной энергией и состояла из 25 тысяч колес и около 100 тысяч различных частей, вырабатывавших при каждом повороте более 74 тысяч ярдов шелковой пряжи. Вместе с машиной интенсификация производства способствовало также и начавшееся практиковаться в мануфактурах широкое разделение труда. Раз-

деление труда произвело огромное впечатление на профессора политической экономии Адама Смита. Смит поражен, что работа составляет не только особый промысел, но что каждый промысел в свою очередь разбивается еще на целый ряд самостоятельных промыслов. Так, на булавоочной мануфактуре один человек вытягивает проволоку, другой выпрямляет ее, третий режет, четвертый заостряет, пятый оттачивает ее кончик, чтобы надеть головку, изготовление головки требует трех отличных друг от друга операций; надевание ее есть особая специальность, другую специальность составляет отбеливание булавок, даже продевание их в бумажки есть особое занятие. Таким образом, неважное дело—изготовление булавок—делится приблизительно на 18 различных операций, которые на некоторых мануфактурах производятся отдельными рабочими. «Я видел одну такую небольшую мануфактуру, где было занято только 10 человек, и где, следовательно, некоторые из них выполняли две или три различные операции. Но как бедна ни была их фабрика, однако, они могли изготовить вместе около 12 фунтов булавок в день. Так как на фунт идет свыше 4 тысяч булавок, средней величины, то указанные 10 человек могли изготовить в день свыше 48 тысяч булавок». Удивление и смущение Смита указывают на быстроту технического прогресса, совершавшегося в его время. Машина и крупное производство с такой быстротой завоевывали индустрию, что даже мысль передового человека не могла отдать себе отчета во всем происходившем.

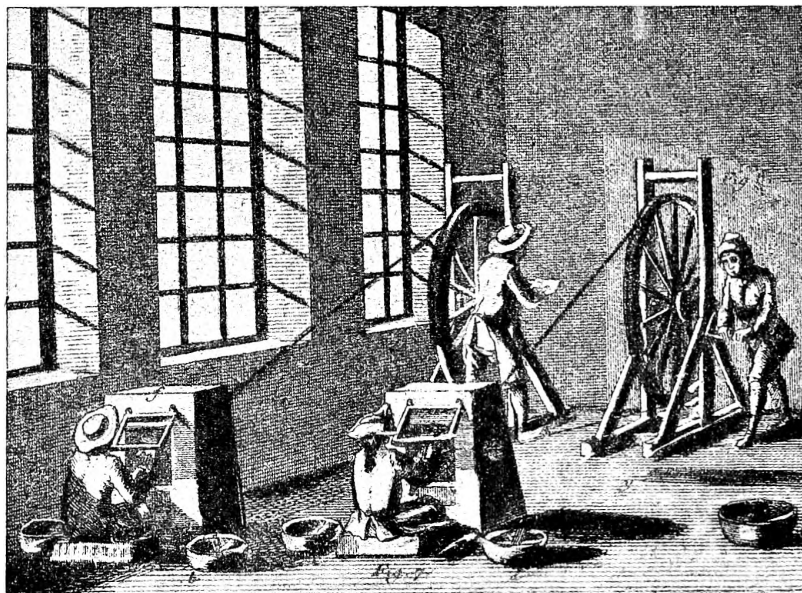
Технический и промышленный прогресс особенно бросается в глаза с половины XVIII столетия. За короткий промежуток времени английская индустрия совершенно преобразовалась. С середины XVIII столетия прежние ручные станки, как уже не удовлетворявшие спросу, окончательно должны были уступить место комбинированной паровой машине. Введение машины в индустрию вызвало целый революционный переворот, известный под именем промышленного переворота. Одна за другой появлялись прядильная машина, изобретенная механиком самоучкой Аркрайтом (1774 г.), бумаго-ткацкий станок Картрайта (1785 г.), машина для выделки тонких и крепких ниток (мюль-машина) Кромптона и др.

Следствия
технического
переворота.

Применение машин и особенно паровой машины производило настоящую революцию—по выражению Маркса, самую кровавую из всех ранее известных революций—не только

в сфере технической, но и во всей общественной жизни. Применение машин поставило английскую промышленность на недостижимую дотоле высоту. Стоимость ввезенного хлопка, в сороковых годах не превышавшая 2½ миллионов фунтов стерлингов ежегодно, в шестидесятых годах уже равнялась 4 миллионам, а в восьмидесятых годах достигла 20 миллионов.

Количество же ввезенного хлопка за 60 лет (1730—1790 гг.) увеличилось с 1½ до 32 миллионов. Соответствующие изменения имели место и в металлургической промышленности. При большом спросе на внутреннем и на внешнем рынках

Булавочная мастерская.

на металлические товары, расцвету металлургической промышленности не в малой степени способствовали также и природные богатства Англии (железо и каменный уголь), реки, каналы и моря, облегчавшие сношения с западной Европой и Америкой. О прогрессе в металлургии можно судить хотя бы по тому, что в то время, как доменная-печь в 1740 г. давала не более 288 тонн железа, в 1788 г. она уже свободно выплавляла 800 тонн. Вместе с этим повышалась и добыча каменного угля, в половине столетия уже превышавшая 22 тысячи тонн. В каменноугольных и железных

копях начинали уже пользоваться для перевоза тяжестей деревянными рельсовыми путями, которые скоро сменились железными рельсами. В некоторых местах, как, например, в Страффорде, богатом глиной и каменным углем, развилось производство глиняной посуды, в восьмидесятих годах занимавшее более 20 тысяч рабочих рук.

Как видно из прилагаемой таблицы, больше всего изменений произошло в текстильной индустрии.

Изобретения.	Ввоз хлопка.
1730 Прялка (Roller-Spinning) Виатта	1730 — 1.545.472 фунт.
1738 Ткацкий челнок Кайа	
1764 Прялка-Дженни Гаргривса	1764 — 3.870.392 „
1768 Аркрайт усовершенствует машину Виатта.	
1771 Механическая прядильня Аркрайта	1771—1775 — 4.764.589 „
1779 Усовершенствование Мюль-Дженни Кро- мптона	1781 — 5.198.775 „
1785 Станок Картрайта	1785 — 18.400.384 „
Ватт и Бултон приспособляют паровую машину для прядилен	1792 — 34.907.497 „
1808 Ткацкий станок Джаккарда	1830 — 261.200.000 „

В половине
XVIII в.

Значение промышленного капитала в системе народного хозяйства Англии в половине XVIII в. с достаточной полнотой выяснил министр (с 1783 г.) Вильям Питт Младший. Вывоз продуктов английской фабричной промышленности,—говорил Питт в палате,—дает более точный и более важный критерий для определения торгового благосостояния. Оценка предметов вывоза определялась в последний год войны с Америкой в 9.919.000 ливров, в следующем году она достигла 10.409.000 ливров (ливр около 25 франков), в 1790 году она возросла до 14.921.000 ливров... «Я не имею возможности дать подробный сравнительный обзор нашей фабричной промышленности за тот же период, но ее быстрый рост был фактом общепризнанным, и местные сведения джентльменов различных областей страны, перед которыми я говорю, делают излишними всякие подробности по этому вопросу». В этом благоприятном действии,—пояснял свою мысль английский премьер,—огромное влияние сыграли технические усовершенствования в каждой отрасли промышленности и степень продуктивности труда, достигнутая применением машинного производства. «Мы, кроме того,—продолжал докладчик,—наблюдали в этот период, более чем прежде, влияние еще

Map of the British Isles showing population density and archaeological sites. The map includes labels for Ireland (Ирландия), Great Britain (Большая Британия), and various regions like Scotland (Шотландия), Wales (Уэльс), and England (Англия). It also shows the English Channel (Канал Ла Манш) and the North Sea (Северное море). A legend in the bottom right corner explains the symbols used for population density and archaeological sites.

Легенда:

- Население меньше 20 ч. на 1 кв. километр
- от 20 ч. до 40 ч.
- от 40 ч. до 60 ч.
- от 60 ч. до 80 ч.
- от 80 ч. до 100 ч.
- от 100 ч. до 150 ч.
- свыше 150 ч.

Области развития нов. палеолита
Места добычи каменного угля.

Индустриализация Англии.

53

Действительно, продукты английской промышленности большими партиями направлялись в земледельческие страны: Скандинавию, Россию, Испанию и др. и затопляли колонии; текстиль, шерсть, лен и т. д. составляли около 80% всего английского экспорта на Вест-Индские острова.

Со всей силой результаты промышленного переворота сказались уже в следующий период. Значение технической революции для всего общественного строя Англии наглядно выясняется из нижеприводимых таблиц, показывающих состояние национального богатства в Великобритании в разные периоды.

Богатства Англии и Уэльса в половине XVII столетия, при общей цифре населения в 6 миллионов, равнялось 250 миллионам фунтов стерлингов. По отдельным статьям богатство распределялось таким образом:

Земли	144.000.000	фунтов стерлингов.		
Дома	30.000.000	"	"	
Суда	3.000.000	"	"	
Скот в имениях	144.000.000	"	"	
Товары, домашняя утварь и пр.	31.000.000	"	"	и т. д.

Богатство Великобритании и Ирландии в конце XVIII столетия доходило до 1740 миллионов фунтов стерлингов.

Земли	720	милл. фунтов стерлингов.		
Дома	200	"	"	"
Копи, каналы, леса	100	"	"	"
Капитал в сельском хозяйстве	125	"	"	"
Внутренняя торговля	120	"	"	"
Внешняя торговля и судоходство	80	"	"	и т. д.

В 1812 же году богатство королевства равнялось 2.736 миллионам фунтов стерлингов.

Земли	1200	милл. ф. ст.		
Сельскохоз. оборудование	228	"	"	и т. д.

Годовой доход королевства в половине XVII столетия равнялся 40 миллионам фунтов стерлингов. По отдельным статьям доход распределялся следующим образом: 8 миллионов фунтов стерлингов составляла земельная рента, 25 милл.—торговля, ремесло, свободные профессии и т. д.

В начале же XIX века общий доход был равен 431 миллиону фунтов стерлингов, по отдельным статьям распределяясь в таком порядке:

Сельское хозяйство во всех видах	217	милл. фунтов стерлингов
Копи, добыча минералов	9	" " "
Фабрики	114	" " "
Внутренняя торговля	31,5	" " "
Внешняя торговля и судоходство	46	" " "
Банки	3,5	" " "

Машины произвели огромное впечатление на все промышленное население. Если уже смена ремесла кустарным и мануфактурным производством не обошлась без серьезных движений, то введение машин естественно должно было вызвать целую бурю протеста со стороны рабочих, привыкших к старым методам труда. Машины, сокращая число рабочих рук, повысили конкуренцию, вызвали безработицу и вследствие этого породили к себе глубокую ненависть в среде рабочих. «Машины оставили нас в лохмотьях,—говорил один из рабочих вождей,—и без всякого заработка. Машины загнали нас в подземелье, заточили в тюрьмы хуже парижской Бастилии. Я смотрю на все улучшения, стремящиеся уменьшить спрос на человеческий труд, как на самое страшное проклятие, которое может пасть на голову рабочего класса. Я считаю своей обязанностью сопротивляться введению машин, этого бича трудящихся»,—говорил влиятельный вождь недовольных Поттер. В своих протестах против фабрично-заводского производства рабочие пытались найти защиту у парламента, но тщетно. Государственная власть, как раньше, так и теперь, неизменно оставалась защитником и проводником воли экономически сильных классов, т.е. фабрикантов и купцов. Новая система производства и непривычные условия труда действовали самым разрушительным образом на здоровье фабричных работников. Повышенный темп производства и жизни вызывал соответствующую реакцию со стороны нервной системы человека. Колоссальное повышение интенсивности и разделение труда изменяли физическую и психическую сторону рабочего. Из социального строя выпадал кустарь-ремесленник, уступая место фабричному рабочему.

Еще раньше, чем броситься в город, капитал устремился в деревню. Рука об руку с торговым и индустриальным капитализмом вырастал аграрный капитализм. До

Протест против машин.

Капитализация деревни.

XVI столетия преобладающим типом сельского хозяйства было мелкое хозяйство, свободные земледельцы (фригольдеры или иомены), число которых составляло приблизительно $\frac{1}{7}$ всего населения. С XVI же столетия в английской деревне происходят серьезные перемены. Дело в следующем. Усиленный спрос на английскую шерсть приводил к сокращению земледелия и к замене его более выгодным скотоводством. Увлеченные легкой и верной наживой капиталисты спешили направить свои капиталы на более прибыльную отрасль добывающей промышленности. Началась усиленная скупка земель и земельная спекуляция. В одном документе XVI столетия картинно описывается усиленная тяга капитала к земле. «Все, у кого есть свободные деньги,—повествует автор,—только о том и хлопочат, как бы побольше и повыгоднее купить земли. Нет ни одного расточительного наследника, которого бы они ни пронюхали и ни склонили бы на продажу земли. У них везде имеются соглядатаи, высматривающие, где можно погреть руки». Многие корыстолюбивые люди завладели десятью, двенадцатью, четырнадцатью и шестнадцатью фермами, тогда как в прежнее время в каждой ферме был хороший дом и имелось от трех до шести плугов, и каждый довольствовался одною фермой». «Вы только посмотрите на лондонских купцов,—говорилось в петиции, поданной Генриху VIII в 1514 году,—и вы увидите, что, приобретя по милости божией значительные богатства торговлей, они не довольствуются своим положением, но ищут дальнейшего обогащения в деревне, отнимая фермы у достойных дворян, честных иоменов и бедных трудолюбивых земледельцев».

Ближайшим следствием вторжения капитала в деревню было обнищание свободных землевладельцев и усиленная эмиграция в город. Высокая арендная плата становилась не под силу среднему человеку, и он предпочитал бросить родные места и искать лучшего существования в соседнем городе. В XVII столетии королевский секретарь, автор «Утопии», Томас Мор в грустных тонах описал перерождение английской деревни. «Овцы не только пожирают людей, но опустошают и уничтожают поля, дома и города. Взгляните,—негодует Мор,—на те части государства, где производится самая тонкая, а следовательно, дорогая шерсть, там вельможи и дворяне, даже некоторые настоятели монастырей, люди, без сомнения, набожные, не довольствуются ежегодными

доходами и выгодами с земли, но хитростью и обманом, вытеснением и обидами захватывают и огораживают целые тысячи акров земли. Изгнанные же бедняки, мужчины, женщины, вдовы и сироты продают свои вещи за бесценок. Бесцельно проскитавшись, пока у них ничего не осталось,

Крестьянин, рожденный для трудов.

они поневоле идут по миру с сумою или начинают красть. Но за нищенство их забирают, как бродяг, или вешают; они охотно бы работали, да нигде не могут найти себе занятий». Огораживание земель и вытеснение фригольдеров

продолжалось и в последующие столетия, приняв особенно угрожающие размеры в первой четверти XIX века. По расчету Кинга,—говорит А. Тойнби, автор «Промышленного переворота в Англии»,—в конце XV века в Англии существовало 180 тысяч фригольдеров, а менее чем через сто лет тогдашнее памфлетисты и даже такие осторожные писатели, как Артур Юнг, говорят о мелких собственниках, как о фактически исчезнувшем явлении. Парламент, в значительной степени состоявший из представителей денежной и земельной аристократии, всемерно поддерживал интересы капиталистических фермеров. С 1774 г. по 1793 г. в общей сложности было издано 749 биллей (законов) об огораживании, в том или ином отношении неблагоприятных для мелкого землевладения. Иногда, дело доходило до того, что лэндлорды просто сжигали дома мелких арендаторов и сажали на их место фермеров-капиталистов (capital farms). Так, например, из имений графини Сутерландской в общей сложности насильственно было выдворено не менее 15 тысяч бедных арендаторов.

На-ряду с шерстью, индустриальные центры нуждались также и в хлебе, что и направило внимание капиталистов на повышение и распространение культуры злаков. Как ни велик был спрос на шерсть, все же одним разведением овец английское сельское хозяйство никогда не ограничивалось. С начала XVIII столетия, земледелие в Англии сделало настолько солидные успехи, что в шестидесятых годах XVIII века Англия уже не нуждалась в привозном хлебе. Современный ландшафт сельской Англии с ее полями, парками и показательными фермами в значительной степени сложился уже в половине XVIII столетия.

Около промышленной революции и специально около машин выросла обширная ученая, популярная и художественная литература, одобрявшая или отрицавшая новый порядок. Среди груды сочинений, написанных современниками о промышленной революции, выделялось «Богатство народов» шотландца Адама Смита (1776 г.). Адам Смит захвачен общим потоком жизни, его поражает великая сила человеческого гения и великая революционность человеческого труда. «Годовой труд каждой нации,—пишет он,—есть первоначальный запас, доставлявший ей для ее годового потребления все необходимые и полезные для жизни предметы и все эти предметы составляют непосредственный продукт

труда, или покупаются на этот продукт у других наций». Хозяйственный переворот, связанный с введением машин и разделением труда, одним взмахом нарушил и изменил все прежние патриархальные устои. «Для того,—воскликает Адам Смит,—чтобы в настоящее время самый мелкий частный человек в цивилизованной стране мог одеться и обзавестись, нужна борьба многих тысяч работников». В противовес средневековым юристам Смит, выдвигая значение труда, как главного двигателя производственного процесса, доходит до признания труда единственной «реальной мерой меновой ценности всех благ». Применение машин, бешеный темп жизни, рост индустриальных городов, ослабление деревни, перемещение центров торговли и промышленности из одних мест в другие и т. п. заставляют глэзговского профессора говорить о настоящей промышленной революции в Англии.

Смит не удовлетворяется одним сухим перечнем фактов, но стремится построить целую философию, оправдывающую мировоззрение нового общественного класса. Смит решительно порывает со средневековой философией. Мир живет и движется сам по себе механически, абсолютно не нуждаясь ни в какой разумной сверхсиле или прозорливой воле, поэтому и основные контуры современного общества также не вышли из головы какого-нибудь гениального организатора, но создались из многочисленных неумовимых отдельных штрихов; да и хозяйственная жизнь идет не по воле людей, а развивается по своим собственным «экономическим законам». Уловить эти «экономические законы» как раз и составляет ближайшую задачу новой науки политической экономии, стоявшей в центре внимания Смита. «Прежде всего,—спрашивает он,—это бьющее теперь в глаза необычайное разделение труда является ли делом какой-либо человеческой мудрости? Ничуть не бывало. Разделение труда—это необходимое последствие врожденного всем людям стремления к торгу». В частности много внимания «отец политической экономии» уделяет анализу денег и капитала, стараясь выявить их социальную природу. Без капитала не может обойтись ни одна хоть сколько-нибудь крупная держава. «Промышленность нации может расти лишь по мере того, как она постепенно делает сбережения из своего дохода». Основной же источник всякого рода богатств и капиталов скрывается в последнем счете в человеческой природе в виде

стремления к улучшению собственного положения, расчета и бережливости. «Единообразное, постоянное и непрерывное стремление человека к улучшению своего положения — первоначальный источник национального и государственного, равно как частного богатства».

Смит готов оправдать и доказать любую теорию и отстаивать какое угодно положение, лишь бы из этого получилась польза национальной экономии. С этой стороны любопытно проследить его рассуждения о меркантилизме. Шотландский политико-эконом, принципиальный противник протекционизма и горячий сторонник фритреда, в практических интересах отказывается от своей принципиальности и становится на точку зрения своих противников. «Деньги, — говорит он, — еще меньше, чем всякий другой товар, следует удерживать в стране». Деньги, в конце концов, ведь только «главное колесо товарного обращения». Что же касается протекционизма, то он совсем не способствует увеличению национального богатства, отвлекая его в ту сторону, в которую он естественным путем не направился бы. Однако, из дальнейших рассуждений Смита видно, что ригористичным¹⁾ он является только по отношению к другим странам, особенно к Франции; для Англии же делаются «существенные исключения. Получается впечатление, что протекционизм, губительный для иностранных держав, в Англии, по соображениям практического характера удерживает право на существование. «Надеясь, что свобода торговли когда-нибудь будет в Великобритании так же абсурдно, как ожидать наступления царства Океании или Утопии. Не только общественные предрассудки, но, что особенно неотразимо, частные интересы многих лиц с непреодолимой силой будут противоборствовать этому».

Живя в то время, когда английская буржуазия еще не завладела полностью государственно-административным аппаратом, Смит, ее последовательный идеолог, весьма недоверчиво относится к твердой политической власти. Государство в его сознании не более, как только терпимое зло. Самое большое, что может быть предоставлено центральной власти, так это три следующие функции: 1) отправление правосудия, 2) защиту страны и 3) устройство и содержание общественных предприятий и учреждений. Все же остальные

¹⁾ строгим.

отрасли коллективной жизни должны быть предоставлены частной инициативе и стихийной борьбе индивидуальных страстей. Особенно опасно вмешательство государственной власти в сферу хозяйственной жизни и экономических отношений, ибо «не существует более противоположных по природе представителей, чем купеческое сословие и правительство. Правительство — всегда и без исключения — величайшие расточители». Непосредственно незаинтересованные в производстве правительственные чиновники никогда не сумеют поставить на надлежащую высоту эксплуатацию земли. Человек, живущий на государственный счет, а все чиновники именно таковы, всегда будет плохим хозяином. В своей боязни правительственной опеки Смит доходит даже до отрицания акционерных компаний и торговых товариществ. Государство должно оставить в покое промышленность и торговлю, ибо капиталы и сами по себе, помимо общественного контроля, найдут благоприятное для общего интереса приложение.

По общему закону изменения в способах производства вызвали соответствующие изменения и во всех других сферах социальной жизни. Росли торговля и промышленность, а вместе с ними креп и торгово-промышленный класс. С момента вступления Англии в круг великих держав капитал и инициатива неизменно пребывали в руках торгово-промышленного или, по тогдашней терминологии, среднего класса. Средний класс давал почувствовать свою силу еще в Средние века, заставляя короля и аристократию считаться со своими интересами. С XVI столетия преобладающее значение среднего класса в структуре английского общества стало уже неоспоримым фактом. В то время, как аристократы беспощадно истребляли друг друга в междуусобной войне Алой и Белой розы (XV столетие), буржуазия использовала междуусобия в своих интересах и крепла. Конфликт между папой и королем Генрихом VIII, окончившийся поражением папы и секуляризацией (огосударствлением) монастырских земель со своей стороны имел весьма благоприятные результаты для среднего класса. При преемниках Генриха VIII, особенно при королеве Елизавете (1558—1608 гг.), курс правительственной политики в значительной степени определялся устремлениями торгово-промышленного класса. Елизавета не только санкционировала (одобряла), но и сама принимала деятельное участие в авантюрах торговых компаний. Отношение ме-

Возвышение
торгово-про-
мышленного
класса.

жду денежной аристократией и династией Тюдоров (с 1485 г.) были настолько прочны, что могло казаться, что в дальнейшем политическая власть Англии от аристократии (джентри) незаметно перейдет к купцам и предпринимателям. Не то вышло на деле. Двор и король, несмотря на все их видимое расположение к «среднему классу», все же по отношению к «черным людям» были только снисходительны. Идеалы двора находились не впереди, а терялись далеко в тумане Средних веков.

Аристократия и особенно церковь были ослаблены материально, но это еще совсем не означало их окончательной гибели. При шотландской династии Стюартов, с 1603 года сменившей Тюдоров, феодализм снова поднял голову. Первый представитель новой династии, Яков I, даже сочинил целую философию истории, доказывая преимущества абсолютизма и выгоды дружного сожительства короля с епископами. По теории Якова, королевская прерогатива (высшее право) должна оставаться во все времена неизменной, потому что «беспорядочная толпа» народа по своим нравственным качествам не может служить источником верховной власти. Однако, абсолютистская теория Стюарта не опиралась на достаточно прочное основание. У короля, кроме всего, находившегося в Англии, в известном отношении на положении иностранца, не было ни достаточного количества земель (земель), ни надежного войска, на которое он мог бы при случае опереться. Между королем и парламентом в 40-х годах XVII столетия возник конфликт, причиной которого послужил финансовый кризис. Полученный по наследству от Тюдоров годовой дефицит в 400 тысяч ф. ст. Яков увеличил до 500 тысяч. Для покрытия дефицита пришлось распродать часть королевских земель, повысить пошлины с гаваней и увеличить налоги, и тем не менее непокрытыми еще оставались 180 тысяч. Тогда король вынужден был прибегнуть к крайне неприятному для него средству: созыву парламента. Но созванный Яковом парламент, проникнутый духом торгово-промышленного класса, в санкции новых налогов отказал, за что и был распущен разгневанным королем (1611 г.).

Еще резче финансовый вопрос встал при сыне Якова, Карле I. К старым расходам теперь прибавились еще другие. Большой любитель роскоши, пышной обстановки, широкой придворной благотворительности, покровительствовавший ученым и художникам Карл до конца исчерпал ресурсы государ-

ственного казначейства. Управление государством было передано двум фанатичным защитникам светского и церковного абсолютизма — Уэнтворту (Страффорду) и лондонскому епископу Лауду. Неудачные войны с Испанией и Францией окончательно дискредитировали короля. В 1628 г. парламент принудил короля принять «петицию о правах», сильно ограничивавшую королевскую прерогативу. Согласно петиции, король отказывался от самостоятельного взимания займов, судебного произвола и т. д., — другими словами, король становился в полную зависимость от парламента. В 1629 году Карл попробовал отделаться от парламента и управлять самостоятельно, но опять та же самая причина, т.-е. нужда в деньгах для подавления восстания в Шотландии, вызванного грубым вмешательством Лауда, заставило Карла обратиться к народному представительству. Созванный в 1640 году парламент, выступивший с критикой абсолютизма, просуществовал всего-навсего 3 недели, но через 7 месяцев, по тем же причинам место «короткого парламента» заступил «долгий парламент», уже пятый по счету. Отношение между короной и парламентом все время оставались недружелюбными. При попытке Карла произвести чистку парламента (в 1642 г.) неприязненные отношения окончились полным разрывом; с этого года начинается открытая война между королем и парламентом. На сторону короля стали малонаселенные и бедные области северо-запада, в которых преобладало влияние духовенства; торгово-промышленные же юг и восток объявили себя сторонниками парламента.

Началась гражданская война между приверженцами короля и сторонниками парламента. Взятая с социальной стороны, эта война являлась борьбой между феодалами и буржуазией. Борьба приняла довольно затяжной характер. В конце концов дело решили средние фермеры (пуритане или индепенденты), организованные в стройные кавалерийские отряды («железнобокие») Оливером Кромвелем. Средние фермеры имели много оснований быть недовольными королевской политикой, главным же из этих оснований были налоги и грубо-надменное обращение королевских чиновников. На момент даже была провозглашена диктатура Кромвеля (1653—1658 гг.). Но вскоре обнаружилось, что материальные силы находятся не в руках фримэнов (средних фермеров). Материальное и культурное превосходство склонили победу в сторону круп-

ной буржуазии. Свою силу буржуазная олигархия показала не только при свержении кромвелевской диктатуры, но также и в свержении последнего из Стюартов, восстановленных после падения Кромвеля. Приблизительно тридцатилетний период Реставрации интересен в том отношении, что он наглядно показал, как глубоко во все поры английской жизни проникло влияние капитала. С половины XVII столетия капитал играл решающую роль во всех вопросах общественной жизни. Воспользовавшись временной реакцией, последовавшей за свержением диктатуры «железнобоких», король попробовал было объединить вокруг себя все силы феодального мира, но должен был вскоре разочароваться в своей попытке. Феодалам пришлось убедиться, что число сторонников парламента сильно превосходит число приверженцев монархии. Характерна сама терминология: сторонников короля называли тори, т.-е. узурпаторами или разбойниками, сторонники же парламента назывались заговорщиками—виги. Вследствие оппозиции вигов положение последнего Стюарта (Якова II) сделалось в высшей степени трудным. Каждым своим движением король раздражал то одну, то другую социальную группу. В 1688 году произошло новое столкновение между тори и вигами. Но к этому времени социальный вес торгово-промышленного класса был уже настолько велик, что король на этот раз уступил почти без всякого сопротивления. Революция 1688 года (по словам вигских историков) совершилась даже без всякого пролития крови. После «славной революции» феодальные элементы хотя и не исчезли, но уже не они давали тон английской общественности. После революции благородство рода и чистота крови померкли перед силою денег. Различие между городом и деревней, правда, оставалось, но это уже было различие не юридическое, а чисто экономическое. В деревне преобладал аграрный, а в городе торгово-промышленный капитал.

Парламент-
ский строй.

Во вторичном столкновении короля с парламентом 1688 г., названном вигскими историками «славной революцией», победили виги, и на этот раз победили навсегда. Но, победив короля и все же не рискуя окончательно порвать с монархией, главари вигов обратились к зятю изгнанного короля, Вильгельму Оранскому, принадлежавшему к знаменитой купеческой фамилии Оранских, с предложением занять вакантный трон. По существу дела переход короны к Оранскому

(Вильгельм III) означал переход высшего управления Англией к буржуазии. Уже при самом вступлении на английскую территорию Вильгельм торжественно принял Декларацию прав, подтверждавшую Великую хартию вольностей и изданный в 1679 году Habeas corpus act, запрещающий произвольные аресты. Затем Актом о престолонаследии 1701 года парламент еще раз подтверждал Декларацию, передав корону малолетней дочери изгнанного Стюарта (Анне), а после ее смерти отдаленным родственникам короля из Ганновера, даже не понимавшим английской речи. Отмена цензуры и признание независимости от короны судей дали в руки вигов новое орудие борьбы с их противниками.

Таким образом, в конце XVII и начале XVIII столетий установился в Англии парламентский строй или кабинетная система приблизительно в том виде, как она сохранилась и до нашего времени. Сущность парламентского строя состоит в том, что выборное министерство непременно принадлежит к партии большинства парламента и несет коллективную ответственность перед королем и народными представителями (кабинет министров). Король во всех своих действиях связан кабинетом министров, но за ним остается право распускать нижнюю палату, или палату коммонеров. При столкновении с нижней палатой король нередко находит поддержку в верхней палате наследственных лордов; на палату же лордов король воздействует назначением пэров, т.е. новых членов.

После оттеснения феодальных элементов и укрепления прав парламента вставал вопрос о распределении мест в парламенте между городской и сельской буржуазией, все более сраставшейся с феодалами и удержавшей за собой старое название аристократии. С внешней стороны английская избирательная система поражала своей беспорядочностью и сложностью. Характерным признаком этой системы были отмененные Кромвелем и восстановленные Карлом II «гнилые местечки» (rotton boroughs), т.е. малонаселенные округа, пользовавшиеся избирательными правами и дававшие перевес деревне над городом. Из 568 членов нижней палаты, 200 депутатов назначались 7—8 тысячами избирателей. В удержании «гнилых местечек» были заинтересованы не только лорды, но и верхи буржуазии (набобы), покупавшие избирательные участки у их юридических владельцев. Впрочем, в смысле

торга избирательными голосами деревня немногим отличалась от города. При Вальполе, первом министре при ганноверской династии (1720—1740 гг.), сложилась даже целая система парламентских и внепарламентских подкупов. Все выдающиеся государственные деятели этой эпохи — Вальполь, Фокс, Шеридан, Болингброк и др. прошли в палату с помощью подкупа. В течение второй половины XVIII и первой XIX вв. вопрос об избирательной реформе по разным поводам и в различных связях не раз подымался в нижней палате, но всегда безуспешно. Первая избирательная реформа прошла лишь в 1832 году, когда в связи с усилением рабочего движения денежная и землевладельческая знать вынуждена была искать опоры в широких кругах буржуазной демократии. С конца XVIII и особенно с начала XIX столетия борьба между аграриями и буржуазией сделалась движущим фактором английской истории. Интересы аграриев попрежнему поддерживали тори, называвшиеся теперь, консерваторами, а интересы буржуазии защищали виги, называвшиеся теперь либералами. К противоречиям между этими главными классами присоединялись конфликты между торговой и промышленной, между крупной и средней буржуазией и, наконец, между всей буржуазией и рабочими. Для XIX века рабочий вопрос имеет столь же существенное значение, как борьба между буржуазией и феодалами для предшествующих столетий.

IV. БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

1. Буржуазия при „старом порядке“.

Распадение феодальных отношений и союз короля с городскими сословиями во Франции, как и в других странах Европы, восходят к позднему Средневековью. В XIV столетии буржуазия определенно подымается, а феодализм идет на убыль. Больше всего зла феодальным господам причинил Филипп Красивый, запретивший частные войны, конфисковавший земли наиболее могущественных сеньеров, в том числе и рыцарского ордена тамплиеров. В качестве советников короля большую роль, особенно в период войны, играли ростовщики, финансисты, адвокаты и т. д. В тех же случаях, когда требовалась санкция всего торгово-промышленного сословия, созывались Генеральные Штаты, т.-е. представители «хороших городов» и затем (с 1484 г.) депутаты от сельских местностей. В критический период 1614 года Генеральные Штаты спасли королевскую власть от поглощения ее «принцами крови» Кондэ, Конти и др. Располагая двойным числом голосов, городское или, как его называли во Франции, «третье сословие» (*tiers etat bourgeoisie*) на Генеральных Штатах проводило волю своего класса. Этим и объяснялась та неприязнь, которую питали к Генеральным Штатам дворянство и духовенство, почти всегда оказывавшиеся в меньшинстве.

Поднявшие было голову феодалы в начале XVII века получили новый удар от всемогущего министра Людовика XIII, кардинала Ришелье. Ришелье, начав с разрушения замков наиболее видных и непокорных протестантов (гугенотов), Ледигера, Шатильона, Субиза, Рогана и др., кончил образованием зависимой от короля бюрократии и установлением централизации. «Всем губернаторам и наместникам

Союз короля и „третьего сословия“.

провинций (из дворян),—говорилось в одном из королевских ордонансов,—запрещается под какими бы то ни было предложениями взимать десятины и контрибуции с наших подданных иначе, как на основании предписаний, рассылаемых за нашей большой печатью, под страхом ареста и конфискации имущества». Ослабляя власть аристократии, Ришелье в то же время ревностно поддерживал буржуазию. С юридической стороны эта поддержка выразилась в предоставлении «хорошим людям» занимать почетные должности в государстве. «Хорошие люди,—говорилось в одном из королевских эдиктов,—могут путем заслуг подниматься в военных и штатских чинах и должностях, переходя с одной ступени на другую». Расширение государственных прав буржуазии служило верным показателем ее экономического значения. В деле насаждения торговли и промышленности Ришелье в полном смысле достойный предшественник Кольбера. Следуя примеру передовых стран—Голландии и Англии—Ришелье образовал компанию для торговли с обеими Индиями, предоставив ей широкие полномочия захвата и эксплуатации колоний, право суда, набора солдат, устройства ярмарок и пр.; на постройку и увеличение коммерческого и военного флота Франции также были отпущены значительные суммы. Строго проведенная административная централизация и точно устанавливаемая сумма налогов, со своей стороны, действовали ободряющим образом на настроение торгово-промышленного класса.

Кольбертизм. Перемещение национальной энергии в сторону торгово-промышленной деятельности приняло еще большие размеры при преемнике Ришелье, всемогущем министре Людовика XIV Кольбере. Сын портного, приказчик лионского магазина, Кольбер в своей натуре сочетал точность бухгалтера, прилежание купца, отвагу авантюриста, изворотливость государственного человека и психическую подвижность царедворца. Торговля и промышленность днем и ночью тревожили беспокойную мысль «мраморного человека». Французская индустрия при Кольбере, если и не превосходила нидерландскую и английскую, то уже во всяком случае не уступала им. В эту сторону было направлено все внимание королевского правительства и его «первого слуги». Одна за другой, как из земли, вырастали королевские мануфактуры в Аббевилле, Реймсе, Аррасе, Алансоне, Седане и т. д.; старые методы

работы уступали место новым, более применимым к изменившимся условиям производства. Всевозможные премии за товары лучшего качества и привилегии предпринимателям и ремесленникам, привлечение иностранных капиталов, приглашение иностранных специалистов, повышение пошлин на ввозные фабрикаты и понижение тарифов на привозное сырье и мн. др. образовали целую торгово-промышленную систему, известную под именем кольбертизма или меркантилизма. Во Францию со всех сторон направлялись специалисты по закаливанию стали, шлифовке металла, по выделке зеркал, кружевных изделий, сарпинок, шелковых и шерстяных материй. С другой стороны, целые селения прикреплялись к казенным и частным мануфактурам. Каждая красильня, — говорилось в одном декрете, — получит по 1200 ливров премии за хорошую работу и каждый рабочий, женившийся в районе завода, получит от самого короля единовременную награду в 6 пистолей (около 10 р.), кроме того по 2 пистоля на каждого ребенка, рабочий инструмент, квартирное пособие и т. п. Чтобы не отставать от «духа времени», Кольбер сам принялся за изучение зеркального производства, тканья тончайших венецианских кружев и гранения хрусталя.

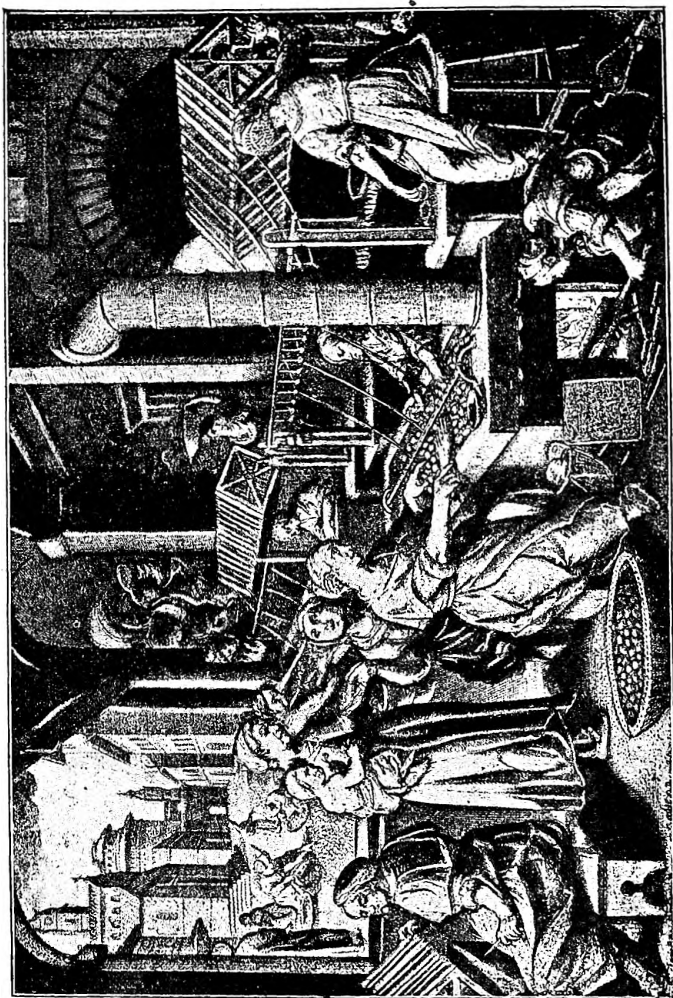
Главным потребителем французской промышленности был двор и во всем подражавшая ему французская чиновная и денежная аристократия. Двор и аристократия в то время задавали тон всей промышленности. Специально на спрос и внимание двора и высших классов было рассчитано все производство предметов роскоши — шелка, кружев, тканей, фарфора, парфюмерии, зеркал и т. п., являвшееся ядром французской индустрии. Если судить по сохранившимся памятникам королевской резиденции Версаля и представить себе весь блеск и роскошь его обстановки вместе с переменчивыми вкусами его обитателей, то сразу станет понятно, сколь крупного потребителя в лице двора имела французская индустрия. Недаром же, ведь, двор «короля-солнца» (Людовика XIV) давал тон всей аристократической и буржуазной Европе. Другим важным потребителем индустрии являлась война, питавшая металлургию, хлопчатобумажное и шерстяное производство. Война являлась как бы национальным промыслом дореволюционной Франции. Насаждая промышленность, Кольбер не забывал и ее «родную сестру» —

торговлю. В интересах купцов преобразовывалась и упрощалась налоговая система, утверждались третейские суды, упразднялась сложная система процентов, устанавливалась вексельная система, издавались специальные коммерческие ордонансы и т. п. В секретной инструкции интендантам (королевским чиновникам с очень широкими полномочиями) говорилось, что они могут смотреть сквозь пальцы на обманы купцов, лишь бы не стеснять торговлю или какой-либо неосторожной мерой не отвадить покупателей. Для поощрения внешней торговли выдавались большие ссуды торговым компаниям и, в частности, основанной в 1664 г. Ост-Индской компании, затем было обращено особое внимание на постройку и улучшение путей сообщения и пр. Памятником этой эпохи служит огромный Лангедокский канал, соединяющий Атлантический океан со Средиземным морем. Лангедокский канал, по справедливости, считается чудом технического искусства.

Завоевание
рынков.

Однако все поощрительные меры Кольбера имели бы второстепенное значение, если бы зона торгово-промышленного влияния ограничивалась пределами одной Франции. Для большой индустрии нужен и большой рынок, традиционным же средством получения рынка являлась война, для ведения которой нужны армия и деньги. Из этого источника вышли две важнейших заботы французского абсолютизма: увеличение бюджета и создание новой армии. Армия Людовика вполне соответствовала тем великим задачам, которые на нее возлагала торгово-промышленная политика Кольбера. По числу и организованности французское войско в XVII в. считалось образцовым во всей Европе; общая численность армии была доведена до 47 тысяч кавалерии, 10 тысяч драгун и 220 тыс. пехоты. Замена неуклюжих пик и тяжелого фитильного ружья легким кремневым ружьем со штыком означала целую революцию в военном искусстве; к этому присоединялась еще система военных складов, сеть лазаретов для раненых и больных (Дом инвалидов в Париже). В области военной индустрии в то время развернулся талант маршала Вобана, построившего более 300 пограничных укреплений. До самого конца XVII столетия Европа находилась под знаком «французского военного гения». Высшей точкой достижений французского торгового капитализма в вопросах внешней политики был

Аахенский мир 1668 г., отдавший Франции часть бельгийской территории с высокой промышленностью и природными богатствами. Главным государством, привлекавшим внимание «третьего сословия», все время оставалась страна «дерзких лавочников», т.е. Нидерланды. Пользуясь благоприятной

Шелкопрядильная мастерская.

международной конъюнктурой (положением), Людовик в начале семидесятых годов двинул в Голландию колоссальную армию, состоявшую из 90 тысяч французов и 30 тыс. союзников. Нимвегенский мир 1678 г., закончивший эту

Ослабление
абсолютизма
и рост бур-
жуазии.

войну, прекрасно округлил владения Людовика на севере, передав ему богатое и большое герцогство Франш-Конте.

Нимвегенский мир знаменовал предельную точку французского могущества. В противоположность XVII в., XVIII столетие было крайне несчастливо для французского абсолютизма, а тем самым, следовательно, и для французского капитала. Война за «испанское наследство» была первым звеном в цепи поражений французского оружия, непрерывавшихся вплоть до самой Революции. С ослаблением военных успехов слабела и дружба «третьего сословия» с абсолютизмом. Не получая ощутительных выгод от абсолютизма, буржуа стали внимательно приглядываться к его невыгодным сторонам, число которых с каждым днем все увеличивалось. Чем пассивнее становился королевский абсолютизм, тем ярче бросались в глаза «язвы старого режима». Но в то время как абсолютизм гнил и разлагался, торгово-промышленная буржуазия, несмотря на все неблагоприятные условия, росла и материально и идейно. При самой неблагоприятной международной конъюнктуре, Франция в XVIII в. вела правильную торговлю с большинством европейских стран: с Испанией, Португалией, Венецией, Генуей, Швецией, Германией и Россией; один Гамбург покупал у французов для своих 800 сахаро-рафинадных заводов сахарного песку на 40 миллионов. В американские колонии и на острова Франция вывозила муку, вино, солонину и переработанное в фабрикаты колониальное сырье, получая взамен кофе, сахар, какао, индиго и т. д. Колониальная торговля Франции во второй половине XVIII в. достигала внушительных размеров; в течение одного 1788 г. из Америки на кораблях французских негоциантов было перевезено на остров С.-Доминго 29.506 негров, на самом же острове 27 тысяч белых распоряжались 405 тысячами рабов, владели 792 сахарными заводами, имели 795 хлопковых плантаций, 2810 кофейных, 3097 индиговых заводов и т. п. Колониальные торговцы и промышленники сплошь и рядом были также и крупными землевладельцами.

Не умерла и индустрия. Попрежнему гордостью французской индустрии оставалась королевская мануфактура в Аббевилле, сумма ежегодных оборотов которой при Кольбере превышала 19 миллионов ливров. В XVIII столетии имущество четырех «больших фабрикантов» города Лиона, славивше-

гося шелковыми мануфактурами, оценивалось в 60 миллионов франков. Высока была торгово-промышленная репутация также и Бордо, вечно окутываемого дымом своих 16 больших сахаро-рафинадных заводов. В Марселе, монополизировавшем торговлю с Левантом, в большом количестве изготавливались ткани, краски, коралловые изделия и т. д.; на верфях Марселя, во время навигации спускавшего в море более 1½ тысяч кораблей большого тоннажа, работало до 80 тысяч человек. Кроме всего этого, Франция имела мировую

Обработка сахарного песку.

монополию на предметы роскоши, косметики, гастрономии и туалета. Парижский шик, как парижский акцент, считался признаком хорошего тона не только при дворах феодальной Европы, но также в поместьях лордов, виллах купцов и салонах промышленников парламентарной Англии. Королевские мануфактуры ковров и гобеленов, фабрики зеркал в Антуанском предместье, мануфактура тончайших сукон в Сен-Марсо и др. по изяществу работы и художественному вкусу не имели соперников во всем мире.

Последней крупной авантюрой монархической Франции была идея создания национального банка, предложенная Джоном Лоу. Один из интернациональных биржевых дельцов Джон Лоу предложил регенту юного Людовика XV (с 1714 г.) выход из тяжелого финансового кризиса и верное средство примирения с буржуазией. Опыт многих стран убедил Лоу, что буржуазия дружит с королями во время экономического подъема и переходит на сторону оппозиции во время депрессии. Сила и богатство страны заключается в численности населения и в обширности складов национальных и иноземных товаров. Но для накопления богатств нужны деньги, торговля и промышленность, а для того и другого необходим рынок. Таким образом,—развивал свою идею Лоу,—необходимо изобрести такое средство, которое одновременно давало бы деньги и рынок; таким средством, как учит опыт передовых стран, т.-е. Голландии и Англии, является государственный банк, но этот банк никоим образом не должен быть королевским банком, ибо «совершенно невозможно, чтобы король когда-либо касался банковского фонда». «Банк должен быть национальным учреждением, распределителем общественного богатства, кассиром богачей и банкиром бедняков». Национальный банк только и может сломить самое ужасное зло настоящего времени: общественное недоверие. «Надо отнести все деньги к королю,—писал Лоу,—но не в виде ссуды, а в виде простого вклада в банк, с тем, чтобы черпать оттуда лишь по мере надобности».

Непосредственная связь всего населения с банком устранил и второе зло современного общества—ростовщичество и спекуляцию. При новой системе деньги не будут залеживаться в кошельках частных лиц, но сосредоточенные в руках всей нации, пойдут в оборот и все время будут оживлять и увеличивать национальное богатство. «Деньги принадлежат вам лишь как знаки, дающие вам право призывать их и пропускать через ваши руки для удовлетворения ваших потребностей и желаний; вне этого случая, пользование ими принадлежит вашим согражданам, и вы не можете отнимать их у них, не совершая общественной несправедливости и государственного преступления». Вложенные в банк деньги будут пущены в торговый оборот, и таким образом банк сольется с целой сетью торговых компаний и завоеует колонии. Торговый же расцвет оживит индустрию и земле-

делие. Коротко говоря, Лоу предлагал создать огромный торгово-промышленный синдикат, в котором был бы заинтересован каждый член государства. Филипп Орлеанский (регент) только отчасти убедился доводами «амстердамского авантюриста». Вместо государственного банка для опыта на первое время разрешено было открыть частный банк. В разрешительной грамоте подчеркивалась принципиальная сторона дела. «Ввиду нашего намерения,—гласила королевская грамота от 1717 г.,—чтобы в торговле этой компании и в предоставляемых ей выгодах могло участвовать сколь возможно большее число наших подданных, соответственно их способностям, мы повелеваем, чтобы капитал этой компании был разделен на акции, по пятисот ливров каждая». Капитал компании был определен в 100 миллионов ливров и разделен на 200 тыс. акций, по 500 ливров каждая. Дела компании пошли успешно; к Западной компании скоро присоединились Восточная и Китайская компании, число акций возрастало. В северной Америке ассоциация Лоу приступила к организации табачных плантаций на широкую ногу, государственный долг сократился и идея «национализации» захватывала все большие круги. На этом собственно и оборвался опыт Лоу. Целый ряд причин способствовал тому, что вся «система» Лоу в конечном итоге свелась к обычной биржевой и спекулятивной игре. Во-первых, идея национального синдиката проводилась бюрократическим путем, при постоянном вмешательстве регента, человека ограниченного и расточительного и, кроме того, усиление французской национальной торговли и промышленности самым чувствительным образом задевало интересы иностранных держав и отчасти сокращало выгоды собственных финансистов. Кризис «системы» начался с того, что одна английская фирма, имевшая большой вклад в банке, внезапно потребовала возвращения денег. Оказали свое влияние также и интриги, которые с самого начала плелись около личности Лоу всеми обиженными и обойденными придворными, ростовщиками, бюрократами парламентов и т. п.

Банк Лоу был последним взлетом буржуазной Франции при «старом порядке». С вступлением Людовика XV Франция как-то свернулась. Вследствие неудач во внешней политике, общество начинало проявлять больше интереса к делам внутреннего управления. Непривилегированные сословия, т. е. по-

давящую часть французов, сильнее всего раздражали два факта: тирания верховной власти и ничем не оправдываемые привилегии аристократии. Придворная и феодальная знать, сплошь и рядом не имея никаких талантов, занимала почти все высокие должности в армии и в управлении и, владея большей частью французской территории, должным образом не использовала своих богатств. Королевские и аристократические домены, как правило, эксплуатировавшиеся очень слабо, были превращены в пастбище или в охотничьи парки. Прогрессивная часть дворянства (либеральное дворянство) отходила к буржуазии, другая же часть, получая ренту, жила на счет своих привилегий и уходила в водоворот светской жизни. Собственно этот последний слой аристократии и давал больше всего пищи для критики и насмешек.

Двор и аристократия.

Легко вообразить, сколько материала для всякого рода разговоров и критики могла дать жизнь королевской резиденции Версальского замка. В то время как в деревне ели траву и зимой ходили босые, общественные верхи утопали в роскоши и бездельи, рассматривая какую-нибудь причудливую завитушку рококо или же часами устраивая прическу, похожую на башню. Версальский замок, глухой стеной отрезанный от всей прочей Франции, жил какой-то особенной сказочной жизнью. В замке насчитывалось несколько тысяч жителей, имевших то или иное отношение к «особе его величества»; одних библиотекарей было 45 человек, поварского персонала 380 человек, врачей 128, 48 духовников, много актеров, художников, музыкантов и т. д. Содержание двора поглощало $\frac{1}{10}$ часть государственного бюджета, т. е. шло следующей статьей за расходами на армию, флот и бюрократию. Придворные обеды и церемонии представляли голую форму, лишенную всякого содержания. Делали так не потому, что видели в этом смысл или пользу, но потому, что это предписывалось придворным этикетом. Форма сдавливала жизнь, прикрепляя людей к состоянию. Сам король был первым рабом в государстве, состоявшем из 25 миллионов рабов. Во второй половине XVIII столетия французское, да и все высшее европейское общество, бравшее за образец версальский двор, переживало какое-то странное состояние культурной пресыщенности. Не говоря уже о повышенной чувственности и безумных тратах на удовольствия и роскошь, в науке и искусстве господствовал культ утончен-

ной формы и стремление все органическое заменить вычурным и искусственным. Для времени последних Людовиков, может быть, нет ничего показательнее и характернее, как стиль Louis XV. Изящное и капризное рококо, намеренно избегающее трезвой равномерности и симметрии, увлекающееся кокетливой игрой непропорциональности и свободного произвола орнамента и не пользующегося ни циркулем, ни линейкой, отображает самую сущность эпохи. О потере чувства жизни и здоровья не менее красноречиво свидетельствовала также часто менявшаяся и достигавшая величайшей виртуозности мода и манера внешнего обращения: вычурные поклоны и поцелуи при встречах, продолжительные рукопожатия, обнимания, салонные разговоры, рискованные позы в танцах и мн. др. Не довольствуясь игрой в жизни и на сцене, аристократия заразилась какой-то болезненной страстью писать всякого рода «мемуары», «исповеди» и проч., и в этом подражая «версальскому Содому». «В наше время, — писал некий принц де-Линь, — можно собственно было бы обойтись без профессиональных артистов, наше светское общество не уступает им ни в чем».

Наконец, для разлагающегося класса симптоматично и то равнодушие, с которым относились к возможной гибели этого общества. Фраза Людовика XV «после нас хоть потоп» прекрасно передает настроение многих его современников. «Мы не испытывали никаких ударов и перед нами развертывалось только красивое зрелище, — не смущаясь повествовал в своих мемуарах де-Сегюр, — это были битвы лишь на словах и на бумаге, и нам не казалось, чтобы они могли поколебать то высокое положение, которое мы занимали, и которое нам казалось несокрушимым, так как мы обладали им столько столетий. Мы смеялись над тревогой старого двора и духовенства, восставших против этого духа нововведений. Мы аплодировали республиканским сценам наших литераторов».

От чудовищной роскоши и от эфемерного стиля Людовика XV при Людовике XVI аристократия ударилась в простоту, сентиментализм и обожание природы. Мария-Антуанет, жена последнего Людовика (XVI), непосредственно перед Революцией повела при дворе кампанию за упрощение туалетов и сокращение расходов на роскошь, чем вызвала неудовольствие владельцев шелковых, бархатных, кружевных и т. п. фабрик.

Как по своим моральным качествам ни были слабы двор и аристократия, все же они представляли некоторую социальную силу, 'с которой пришлось серьезно считаться «третьему сословию». Ближайшей опорой двора были придворное дворянство, военная партия, часть аристократии, буржуазии и интеллигенции. Все эти группы стояли на стороне двора потому, что они кормились двором.

При таком положении вещей и при возбужденном настроении умов, нетрудно понять, какими досадными и смешными, но в то же время раздражающими и обидными должны были казаться французскому купцу феодальные пережитки, цехи, внутренние таможи, заставы и т. п. Действительно получалась какая-то бьющая в лицо карикатура. В то время, как капитал, подобно напору весенней воды, ломал все феодальные препоны, королевская администрация напоминала французскому купцу, что его товар, отправленный из Бретани в Прованс, подлежит восьми осмотрам, семь раз должен оплачиваться таможенным сбором, дважды перегружаться и т. д.

При каждой поездке по Франции уплачивались многочисленные сборы в пользу какого-нибудь герцога, в пользу его церкви, в пользу иконы богородицы и т. д. Постоянный страх, что товар будет украден во время осмотра, конфискован на «законном основании» полицейскими чинами, или испортится при простое около многочисленных кордонов и шлагбаумов, подавляющим образом действовал на психологию французского коммерсанта. Стеснениям в торговле соответствовала подобная же мелочная регламентация промышленности, когда, напр., предписания, касавшиеся ткацкого дела, заключали в себе сотни статей; до мелочей устанавливающих формы берда и челна, перекрестов, основы и число нитей в каждом перекресте, а также подробно указывавших, откуда и каким путем получать сырой материал. Раздражение и чувство горечи предпринимателей становились еще острее, когда они сравнивали известные им из книг или из непосредственного опыта порядки соседней Англии. «Феодальные пережитки», раздражавшие «просвещенное купечество» в городе, не в меньшей, если только не в большей степени, раздражали также и сельских предпринимателей, затративших капиталы на покупку земель и инвентаря. К протесту капиталистических фермеров при-

соединялись тысячи голосов мелких землевладельцев, становивших под двойным прессом королевских сборщиков налогов и ростовщических процентов деревенских кулаков.

Картина аграрных отношений во Франции накануне революции представляется приблизительно в таком виде: все земли Франции делились на две большие категории: земли благородные и земли неблагородные, или подлые. Мало того, что в руках каких-нибудь семидесяти тысяч герцогов, графов, маркизов, баронов и духовенства сосредоточивалось около двух третей всей земельной площади Франции, к их услугам сверх того оказывался еще сенъериальный суд, решавший дела, согласно «сословной дворянской чести». Важнейшей привилегией дворянских земель была свобода от каких бы то ни было земельных обложений, всецело падавших на подлые земли. Вся тяжесть прямых и косвенных налогов ложилась на непривилегированного землевладельца: сюда входил поземельный он же и подушный налог, столь ненавистная крестьянам талья, соляной налог, церковная десятина и т. д.; к этому присоединялись еще специально феодальные повинности барщины, обязанность молоть на мельнице сенъера, пользоваться его мерой и весом, бесчисленные таможи и пр. Налоги поглощали значительную часть бюджета не только крестьянина, но и богатого фермера. Хорошая ферма в Пикардии, напр., давала владельцу 3600 франков, но из них 1800 франков отбирало государство, а 1300 франков отдавалось церкви; средний крестьянин во Франции получал 200 франков, из коих платил 100 франков налогов. В общем одни государственные налоги пожирали около 53% национального дохода. Среди других причин на развитие сельского хозяйства самое неблагоприятное действие оказывала запретительная политика Кольбера. Установившаяся вследствие запрещения вывоза низкая цена на хлеб делала совершенно невыгодным сельское хозяйство в большом разmere.

Французская деревня.

Еще хуже дело обстояло с виноделием; высокие налоги, бесчисленные пошлины и заставы грозили совершенно погубить культуру винограда во Франции. Сверх всего этого, большим тормозом сельскохозяйственного прогресса являлись также запутанность земельных отношений и отсутствие определенного земельного кодекса, точного и простого права и прогрессивного судеб-

ного органа; в то время высшей судебной инстанцией были парламенты, наиболее безжизненное и косное учреждение старого режима. Аграрная политика старого режима привела к тому, что значительная часть французской территории оставалась необработанной, пущенной под пастбища, сдававшейся в аренду охотникам, или просто брошенной на произвол судьбы. По словам английского путешественника Юнга, от Пуатье до Лимузена необработанными лежало 25 тысяч арпанов земли, годной для высокой сельскохозяйственной культуры. Крупные землевладельцы еще задолго до революции начинали распродавать свои поместья, дробить их на мелкие участки и сдавать в аренду.

Безотрадную картину представляло положение бедного населения деревни. Доходы карликовых хозяйств были так малы, что их владельцам приходилось сокращать свои потребности до самых крайних пределов. Поденщик, зарабатывая в день самое большее 12—15 су, должен был платить поголовного налога 400 су в год, а сколько оставалось еще других налогов помимо поголовной подати! В соответствии с величиной доходов строился и крестьянский быт. Глиняные дома, без окон, с земляным полом, с соломенной крышей, вместо одежды — грязные лохмотья, деревянные башмаки, плохая утварь, вместо плуга — соха, удобрений нет, при неурожае обязательно голод и т. п. — вот основные штрихи крестьянской жизни накануне революции. Массовые болезни (оспа и чума) довершали унылую картину крестьянского быта. Прямым следствием описанного образа жизни было физическое и духовное вырождение Франции. Люди мельчали, становились физическими уродами, неврастениками, теряли волю к жизни, тупели и озлоблялись. Франция делится на угнетателей и угнетенных, — говорили современники. Все, кто имел хоть какую-нибудь возможность, стремились покинуть родные места, направляясь в город искать счастья и свободы.

Несправедливость социального неравенства, особенно резала глаза еще потому, что рядом с изможденным, низкорослым крестьянином стоял элегантный маркиз или упитанный аббат. 270 тысяч привилегированных жили за счет 25 миллионов непривилегированных французов! В то время, как крестьяне срезали недозрелый хлеб или собирали на полях оставшиеся колосья, содержание двора Людовика XVI

в один год поглощало 68 миллионов ливров, т.е. более $\frac{1}{10}$ всех государственных доходов; в замке Шамбор ежедневно накрывался стол на 140 кувертов, содержалось 400 лошадей, на один театр тратилось 600 тысяч франков, или в великолепном замке епископа Роана имелось 180 лошадей, ежедневно кушало не менее 200 человек, прислуживали 25 камердинеров и т. д.

Дворянин и крестьянин или паук и муха.

В то самое время, когда королевство, по выражению одного современника, превращалось в обширный госпиталь умирающих и доведенных до отчаяния людей, верхи духовенства—прелаты и епископы—имели в своем распоряжении более 10 тысяч замков, 260 ферм, 173 тысячи десятин виноградников, в одной провинции Камбрези работало 1400 плугов, Франш-Конте наполовину составляло церковную собственность, ежегодные доходы церкви превышали $1\frac{1}{2}$ миллиона.

Аграрно-коммунистическая проповедь Мабли и Мелье.

При таком контрасте состояний вполне понятно, почему среди сельской бедноты с такой охотой слушали и принимали аграрно-коммунистические проповеди «бедных священников» Мабли и Мелье. Прошлое страшно, настоящее ужасно, но зато будущее прекрасно,—учил Мелье. Естественная справедливость и простой рассудок показывают, что является идеалом человеческого общежития. Люди прежде всего должны сообща владеть благами и богатствами земли, должны жить вместе, иметь одинаково хорошее жилье и одежду, обязаны принимать участие в общем труде и т. п.,—словом, будущий строй есть коммунистический строй. Но коммунизм, хотя и диктуется всем ходом вещей и подсказывается простым сознанием, все-таки сам по себе без борьбы не придет; слишком уже сильно желание богачей и дворян удержать существующий порядок; жадностью и эгоизмом привилегированного класса собственнно и должна определяться тактика бедных и трудящихся: «Не давайте ничего гордым и беспомощным бездельникам, не давайте ничего тиранам, которые вас угнетают!».

Коммунистические мотивы Мелье и Мабли, в сильной степени еще окрашенные цветом религиозно мистического сектантства, показательны, как инстинктивный протест бедности против богатства, который вскоре превратится в настоящую войну труда против капитала и получит свое теоретическое и практическое завершение в программе коммунистов.

Просветительная философия.

Материально устроенная и располагавшая необходимым досугом купеческая и мещанская молодежь усердно занялась изучением наук и искусств. Шаг за шагом «третье сословие» выбивало из рук церкви, являвшейся идейной главой «старого порядка» (*ancien régime*), самое острое его оружие—публицистику и школу. Заполнявшая аудиторию молодежь, проникнутая «вольтерьянскими» идеями, не хотела признавать старой науки и ее жрецов. Все, что так или иначе связывалось с церковью или Средними веками, не находило в душе молодежи отклика и считалось порождением темноты и невежества. Умы и сердца молодого поколения все прочнее и чаще стали занимать новые люди и новые идеи, известные под именем идей «просветительной философии». В виду той важности, которую «просветительная философия» имела в системе всей жизни европейского общества XVIII, а в известной степени и по-

следующих столетий, необходимо несколько подробнее остановиться на этой стороне дела. Прежде всего только следует заметить, что не надо, как это иногда делается, шаблонизировать и схематизировать «эпоху просвещения» и ее философию. Французское общество XVIII века представляется слишком сложным, чтобы можно было говорить о единой философии или единой идеологии.

Помимо того, что каждая социальная группа идеологически раскалывалась на несколько подгрупп, отдельный писатель мог выражать сразу направления нескольких общественных слоев; случалось и так, что при одинаковости в отправных точках наблюдались расхождения в деталях. Не всякий писатель, наконец, выдерживал до конца одну определенную линию настроения. Коротко, многогранность общественной психологии обусловила и соответствующее разнообразие мотивов, жанров и форм. Но из необозримого потока мыслей все же одна мысль выступала необычайно ярко и выпукло—это критика «старого порядка» и его идеологии. Революционное значение литературы просвещения огромно. Зажигательные памфлеты просветителей разрушали идейную цельность «старого порядка», бросая в души его защитников зерна сомнения в справедливости общепризнанных идей и учреждений. С другой стороны, чем сильнее начинали сомневаться в старом, тем более начинали ценить новое. Таким образом в глазах современников идеология «третьего сословия» утрачивала свою классовую сущность и приобретала характер объективности. То, что писали и проповедывали просветители, входило в систему общего образования, становясь признаком хорошего тона и передового направления.

Наиболее типичным писателем и критиком «старого порядка» был Вольтер (1694—1778 гг.). Вольтер—критик, сатирик, философ, острый и прежде всего блестящий литератор,—настоящий герой «Эпохи просвещения». Сила Вольтера не в создании положительных идеалов, а в разрушении старых кумиров. Ему чужда какая бы то ни было история и традиция, он верит только в одну чудодейственную силу разума (ratio). Вольтер—настоящий рационалист со всеми вытекающими отсюда последствиями. Немало пострадавший от аристократии и сильно задетый критикой иезуитов, он с жесточайшим сарказмом обрушивается на аристократические привилегии и на церковную науку (схоластику). Предме-

Вольтер.

том его глубокого отвращения является традиционная история, описывающая войны, династические перипетии и т. д. Забивать головы хронологической последовательностью династий—значит лишь заучивать одни пустые слова. Пресыщенный сведениями из классической древности и утомленный бесконечными толками академиков о мудрости и идеальных порядках античной Греции и Рима, Вольтер открывает целую кампанию против классического образования, выражая тем самым настроение многих своих современников из

Старый порядок.

рядов «третьего сословия». «Басни Греции и Рима», созданные сказочной и упрямой тупостью заинтересованных комментаторов, вызывают сарказм и иронию «фернейского патриарха»; точно так же ему противны и Средние века, составлявшие предмет внимания и неусыпных забот ученых схоластов старого режима. Средневековые герои рассчитаны исключительно на доверчивость читающей публики. «Всякий человек с искрой здравого смысла должен покраснеть, читая описание этой собравшейся в аду чудовищной компании из

Данте и Виргилия, св. Петра и сеньеры Беатриче». «Готическое искусство» — стиль вандалов, это фантастическая смесь грубости и мелочной отделки; и уже совсем смехотворными в изображении Вольтера являются средневековые ученые знаменитости — схоласты Пико-делла-Мирандола, Фома Аквинский и Альберт Великий. «Пико-делла-Мирандола был очень несчастлив, потратив большую часть дней своей жизни на изучение этих глубоко безумных вещей».

Но как ни сильна и ни остра бичующая сатира Вольтера на светские порядки, все же центром его внимания всегда оставались папы, клирики, религиозные фанатики и проповедники. «Религиозный ритуал, церковные рассказы, предания, легенды и вся сплошь мифология, — негодует воспитанник иезуитского лицея Louis le Grand, — дело глупости и сознательного обмана. Всякого рода обряды, наподобие греческих мистерий или прорицания оракулов и предсказания пророков, все это дикий и грубый вымысел, возмутительная комедия, вздор и глупое утешение народа. Не высоко расценивает автор «Философии истории» и значение религиозных реформаторов. Лютер, например, представляется ему не более как глупым монахом, ставшим игрушкой в руках споривших за материальные интересы сторон; таковы же приблизительно швейцарец Цвингли, Кальвин и другие люди, которых теперь уже невозможно читать. Да, и вообще все реформационное движение изображается Вольтером, как борьба мелких мещанских страстей «героев», воображавших себя всерьез решителями больших вопросов. Жалким интриганом и вещателем представлен также и флорентийский аскет, монах Савонарола; это плут, лже-пророк и обманщик, злоупотреблявший тайной исповеди. Уничтожающая критика старых порядков, выражавшая задушевные мысли передового французского общества и к тому же предложенная в элегантной форме, производила сильное действие на читающую публику, как во Франции, так и за границей. В глазах городских классов, на которые прежде всего были рассчитаны писания Вольтера, дворянская история и схоластическая наука в лучшем случае не имели никакого значения, и потому всякая критика традиционной истории и церковной школы в кругах буржуазии приобретала особо важное значение. Острое перо такого писателя, как Вольтер, пробивало броню школьной схоластики, и изумленная пу-

Критика
церкви.

блика за пышными фразами о греческих героях, римском праве, средневековом искусстве и т. п. начинала видеть эгоизм и мелкую игру классовых и личных страстей. В стремлении одного класса опорочить идеологию другого, ему враждебного класса, поставив на его место свою собственную философию и надо искать главную причину того огромного успеха, который выпал на долю человека с «годовой Маккиавелли на туловище шута», т.-е. Вольтера.

Призыв к
опрощению.

Все, что еще недавно казалось почти святым, теперь бес-
пощадно высмеивалось и отбрасывалось. Накопившиеся
мысли и чувства искали выхода и рвали старые формы,
сплошь и рядом взамен не предлагая ничего нового. Модные
в то время «теория опрощения» и «культ дикаря» полнее
всего выражали это необузданное стремление стряхнуть
с себя узкие формы прошлой жизни, вздохнуть полной
грудью и слиться с природой. Поход против тесных куль-
турных рам Средневековья начался еще задолго до просве-
тителей. Просветители в этом, как и во многих других отно-
шениях, только продолжали, популяризировали и заостряли
идеи своих предшественников-гуманистов. В числе других
общим потоком борьбы с культурной пресыщенностью и
церковной схоластикой был захвачен и Вольтер. С этой
стороны очень характерны некоторые из его «Английских
писем». В первом письме, напр., выведен строгий сектант
квакер. Квакер—живой пример простоты, мягкости, рели-
гиозно-этической глубины и чистоты. Он преисполнен всех
качеств и добродетелей, которых недоставало дворянству
и духовенству. Жил квакер близ Лондона в маленьком, но
очень красивом и уютном, без украшений домике. Он был
бодрым стариком, не знавшим никаких болезней; одет он был
в светлый сюртук без талии и без пуговиц на карманах
и рукавах; на голове у него была шляпа с широкими опу-
щенными полями; при встрече квакер не снимал шляпы и не
кланялся, но в выражении его лица было в сто раз больше
искренности и приятности, чем в обычае раскланиваться;
стол сектанта так же скромен и приятен, как и его манеры
обращения. Страсти и чрезмерности вообще чужды этой
секте. Квакеры—набожные и глубоко верующие христиане,
без призыва имени бога они не начинают и не кончают
ни одного даже самого ничтожного дела, и тем не менее
эти глубоко верующие натуры решительно отрицают всякого

рода обрядности, столь почитаемые в католической церкви. «Мы христиане и стараемся быть хорошими христианами, но мы не думаем, что на голову ребенка нужно выливать горсть холодной воды».

Из существующих государственных порядков Вольтеру более других нравилась Англия. Начав с восхищения перед сектантами, Вольтер переходит к описанию английского быта вообще, как должествующего служить образцом для французов. С особенным восторгом он описывает лондонскую биржу. Биржа гораздо более достойна всякого уважения, чем все княжеские дворы. Там лучшие люди со всего мира собираются на пользу всего человечества, на бирже они встречаются друг с другом и ведут сложные дела; о мудрости, честности и деловитости не приходится даже и говорить, ибо без этих качеств вообще не может существовать никакой кредитной торговли. Биржа наложила свой отпечаток на всю жизнь Лондона и даже на всю Англию; в то время как, напр., во Франции не могут наладить отношения друг с другом какие-нибудь две секты, в Англии прекрасно уживаются 30 различных вероисповеданий. Затем в Англии совершенно иные отношения между подданными и верховной властью. Ошибки королевской власти исправляет палата народных представителей и палата лордов; кроме того, там никто не освобожден от налогов и податей, при том все налоги устанавливаются палатой коммонеров, палата же лордов может изменить постановления нижней палаты, но она не может их совсем отклонить; вообще в Англии отношения между народом и королем проще, серьезнее и устойчивее.

Идеализация
английских
порядков.

Кроме Англии, много положительных черт в глазах Вольтера имел и «просвещенный абсолютизм» Фридриха II и Екатерины II, с которыми философ находился в оживленной переписке. В «просвещенном абсолютизме» Вольтеру нравилось сочетание аристократизма, буржуазности и интеллигентности. Затем «сирийскому божеству», — как называли Вольтера, — особенно приходилось по вкусу то, что просвещенный деспот всегда находится в окружении философов и ученых. В идеализированном Вольтером Китае богдыхан оказывался первым философом и первым морализатором, эдикты которого представляли сплошные моральные сентенции или философские трактаты. В Китае, по мнению Вольтера, прекрасно сочетались косность толпы и вольно-

„Просвещен-
ный абсолю-
тизм“ в гла-
зах Вольтера.

мыслие высшей интеллигенции. Китай, по мнению Вольтера, разрешил труднейшую социальную проблему сочетания свободы и рабства в одном и том же государстве. Для народа в Китае существует множество различных сект, которые простонародью нужны как грубая еда, между тем как сановники и книжные люди питаются более чистым веществом. Отсюда Вольтер почерпает аргументы и для доказательства того, почему необходима вера в бога. Сущность его аргументации сводится к тому, что на нашем несчастном земном шаре люди всегда будут разделены на два класса—бедных и богатых, и вот для задавленного нуждой народа, грубого и тупого, единственным утешением остается религия с вознаграждающим и карающим богом.

Неясность
положитель-
ных идеалов
просветите-
лей.

Критика прошлого и идеализация «естественных качеств» человека составляют самую сущность просветительной литературы. По сравнению с отрицанием прошлого, созидательные мотивы занимают в ней более скромное место. Бледность положительных идеалов находит свое объяснение в нечеткости очертаний той социальной среды, мысли и желания которой отражала просветительная философия. Внимание философов и публицистов больше всего привлекали буржуазно-интеллигентские слои, но как раз именно в этих-то слоях менее всего и наблюдалось социальной и политической устойчивости. Это было «третье сословие», вбиравшее в себя весь торгово-промышленный и финансовый мир, верхи ремесленников, торговцев средней руки, всех разрядов интеллигенцию, литераторов, ученых, артистов, отчасти мелкую буржуазию и даже часть рабочих. Связующим элементом столь различных категорий «третьего сословия» была его вражда к духовной и светской аристократии. Поэтому до тех пор, пока дело шло о критике старого порядка, «третье сословие» выступало единодушно, но как только речь заходила о разграничении интересов внутри самого «третьего сословия», так тотчас же раскрывались глубокие противоречия. В зависимости от того, к какой социальной группе склонялся данный писатель, определялись и его социально-политические идеалы. Однако, точно и исчерпывающе это определить далеко не всегда удается.

Социально-
политические
взгляды
Вольтера.

В частности, о Вольтере приблизительно можно сказать, что он больше всего склонялся в сторону крупной буржуазии, либерального дворянства и признанной интеллигенции. Опол-

чаясь против аристократии и иезуитов, Вольтер не терпел также и простого народа. По его теории выходило, что привилегированное положение немногих останется навсегда. Меняются лишь лица и «научные истины», сущность же жизни остается неизменной; всегда, напр., было и останется деление на господ и рабов, начальников и подчиненных. Для нашего времени так же необходимы бог, монарх, ярмо и бич, как и для мрачного Средневековья.

После этого неудивительно, что Вольтер очень отрицательно относится ко всякого рода народным выступлениям и тем более к революции. Фома Мюнцер им порицается именно за то, что он просветил сознание масс насчет их угнетенного социального положения. «Мюнцер и другие вожди крестьянского восстания развивали опасную истину, заключенную во всех сердцах, именно, что люди рождены равными и что если папы обращались с государями, как с подданными, то помещики обращались с крестьянами, как с животными». Еще резче и откровеннее та же самая мысль выражена в «Опыте о нравах и духе народов». «Масса рода человеческого была и очень долго еще будет безумной и бессмысленной... народ всегда груб и туп, это—волы, которым нужно ярмо, погонщик и корм».

Отрицая старую школу и науку, Вольтер очень высоко оценивает новое знание, построенное на принципах чистого рационализма. Но образование никогда не может быть всеобщим, ибо число умных и мыслящих людей на свете необыкновенно ограничено, вот поэтому-то и надо так дорожить интеллигенцией, как настоящей солью земли: девятнадцать частей из двадцати живут трудами рук своих и потому «они никогда не узнают, что на свете был Локк». Если надо ценить образованных людей вообще, то уже нетрудно угадать, как надо дорожить великими учеными, художниками, изобретателями и литераторами. «Шлюз какого-нибудь канала, картина Пуссэна, художественная трагедия, твердо установленная истина имеют в тысячу раз большую цену, чем вся масса летописей двора и все рассказы о военных кампаниях».

Трудно перечислить все мотивы и темы, затронутые Вольтером. В сочинениях Вольтера одновременно интеллигент «третьего сословия», либеральный дворянин и просвещенный монарх находили все то, что их так волновало, и что им

хотелось видеть осуществленным в жизни. Противоречия, ошибки, шаржи, непоследовательность и т. д. ничуть не смущали вольтерьянцев, потому что многообразие, неустойчивость и расщепленность Вольтера были не в меньшей степени присущи также и его читателям.

Критика
культуры
у Руссо.

В критике старой культуры и культуры вообще значительно дальше Вольтера пошел другой не менее известный просветитель Руссо (1712—78 гг.). Своим сочинением, написанным на тему, предложенную Дижонской академией: «Служат ли науки и искусства очищению нравов?», Руссо сразу попал в цель, заявив, что науки—настоящее развращение, и что души людей портились по мере того, как совершенствовались науки.

«Быть может, скажут, что это лишь несчастье нашего времени. Нет, господа, бедствия, причиняемые нашим пустым любопытством, столь же стары, как мир... Всегда можно было видеть, как добродетель убегала по мере того, как светоч наук и искусств восходил над нашим горизонтом, и это явление наблюдалось во все времена и во всех местах». Опасная сторона наук, этого изобретения нечистой силы, та, что они, порожденные праздностью и роскошью, в свою очередь их питают, а непоправимая потеря времени есть первый удар, какой они наносят обществу. Руссо не сомневается в практической бесполезности научного знания: «Разве,—спрашивает он ученых и философов,—если бы вы не научили нас ни одной из этих вещей, то нас от этого стало бы меньше, разве бы мы хуже управлялись, были бы менее грозны, не так процветали бы или сделались порочнее?». Имея в виду нравственно и физически ослабевшую знать и изможденные фигуры тогдашних ученых, Руссо с негодованием восклицает: «Если природа предназначила нам быть здоровыми, я почти решаюсь утверждать, что состояние рефлексии есть состояние противоестественное, и что человек, который размышляет, есть испорченное животное». А из этого положения уже, как логическое следствие, вытекали культ естественности и гимн природе, «спокойным и невинным дням первобытного состояния».

Общественное
неравенство.

Искажая человеческую природу, образование, кроме того, усиливает всяческое неравенство между гражданами. Неравенство же породило богатство, подготовившее почву для развития роскоши, и праздность, прямыми след-

ствиями которых явились науки и искусства. Таким образом, критика наук и искусств у Руссо сплетается с критикой общественного неравенства. Высочайшее зло современной культуры—неравенство. «Явно нарушается закон природы, если мы видим, что ребенок повелевает над стариком, глупый руководит мудрецом и кучка людей утопает в изобилии, между тем как голодная масса лишена необходимого». Путем сложных, иногда очень острых и смелых, а иногда запутанных и наивных доводов, Руссо вскрывает основную причину общественного неравенства. Частная собственность на землю — вот главный источник всякого неравенства; поэтому всякое гражданское общество, утверждая или поддерживая право частной собственности, тем самым освящает «высшую сущность неравенства и предел, до которого доходят все другие неравенства». Гражданский союз, построенный на принципе частной собственности, есть ловко замаскированный заговор богатых против бедных. Начало же общественного неравенства восходит к тому историческому моменту, когда был огорожен первый кусок земли, когда появились понятия твое и мое. «Сколько войн, сколько убийств, сколько бедствий и ужасов отвратил бы от человеческого рода тот, кто, вырвав шесты и засыпав канаву, закричал бы себе подобным: «Берегитесь слушать этого обманщика: вы погибли, раз вы забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому».

Неравенство имущественных состояний, дегенерация и чопорность высших классов общества, искусственность и фальшивость интеллигенции, скованной и утратившей непосредственные жизнеощущения, приводят Руссо к идеализации патриархальной жизни и восхвалению быта дикарей. Руководящим стимулом автора «Эмиля» и «Новый Элоизы» все время остается непрерывное желание найти и создать здорового натурального человека. «О человеке, — восклицает Руссо, — ныне более не спрашивают. Награды расточаются остроумию, а добродетель остается без почета... У нас есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, живописцы, но у нас нет более людей, а если и есть еще люди, рассеянные по нашим покинутым деревням, то они там погибают в бедности, презираемые всеми». Зачумленным людям, одновременно гибнущим и от бедности и от культурной пресыщенности, в настоящее

время остается лишь одно: обращаться к всемогущему творцу, с мольбой взывал к небу. «О, всемогущий боже, держащий в деснице своей все души наши, освободи нас от просвещения и от губительных искусств наших отцов и возврати нам невежество, невинность и бедность, единственные блага, способные создать наше счастье и имеющие цену перед лицом твоим».

„Обществен-
ный договор“
Руссо.

На идее естественного человека и свободы воли построен и «Общественный договор» (*Contrat social*) Руссо, представлявший творческую переработку голландских и английских сочинений на ту же тему. Рассуждения Руссо о происхождении общества и государства очень просты, иногда глубоко-мысленны, а, самое главное, вполне приемлемы для человека XVIII столетия, стремившегося избавиться от деспотизма короля, произвола сеньеров и окаменевших формул науки. Для того, чтобы сохранить себя и жить, надо найти такую форму союза, «которая бы запрещала и охраняла всей совокупностью общей силы личность и собственность своих членов, но в которой каждый, вступая в союз со всеми, повиновался бы, однако, лишь самому себе и оставался бы столь же свободным, как и ранее»... «Каждый из нас отдает в общее достояние свою личность и всю свою мощь под верховное управление общей воли, а все вместе, как корпорация, мы получаем каждого члена, как нераздельную часть целого. Эта общественная личность, образующаяся таким образом через единение всех индивидуальных личностей, называлась в древности гражданской общиной; в настоящее время она носит название республики или политического корпуса. Этот политический корпус называется государством—поскольку он пассивен, государем-сувереном—поскольку он активен, державой,—при сравнении с другими, себе подобными. Что касается членов союза, то они все в совокупности называются народом, а каждый в отдельности—гражданином, поскольку он принимает участие в верховной власти, и подданным, поскольку он подчинен законам государства». В самом же начале своих рассуждений Руссо попадает в безвыходное противоречие. Действительно, если человек от природы свободен и должен быть таковым всегда, то каким образом это возможно примирить с фактом постоянного закрепощения людей общественным или государственным союзом? «Человек рожден свободным, а везде он

в оковах»,—горько замечает Руссо. Прямой выход из противоречия: или признать порабощение личности государством, или же провозгласить принцип безгосударственности, т. е. анархию. Руссо отрицает первое, но не соглашается и со вторым. Из противоречия он выходит путем целого ряда софизмов. Свобода освящена природой, а подчинение и порядок есть дело великого искусства и добровольного соглашения, и что, «соединяясь со всеми, каждый повинуетя все же лишь самому себе, а потому, следовательно, остается свободным, как и раньше». Стараясь помирить личную свободу и государственное принуждение, Руссо, в поисках «общей воли», попадает в тот же самый лабиринт рассуждений, где застрял и Вольтер. То, что Вольтер отнес на счет китайского богдыхана, Руссо приписал законодателю. Как и китайский богдыхан, законодатель должен быть «необыкновенным и экстраординарным человеком в государстве», способности которого превышают способности обыкновенных людей. Сила и принуждение у идеального законодателя заменяются авторитетом высшего порядка. Любопытно, что свирепый и непреклонный фанатик-женевец Кальвин особенно импонировал сыну женевого же часовщика. Таким образом, сквозь леса силлогизмов, блестящих замечаний и эффектных фраз проглядывает обнаженный политический идеал Руссо. Это все тот же просвещенный монарх, только получивший новое название законодателя.

В виду большой популярности впоследствии Руссо был приглашен к польскому двору для выработки конституции, одновременно на принципе народного суверенитета и сохранении шляхетских привилегий. В специально для этой цели написанных «Размышлениях над польской конституцией» проповедник народовластия и глашатай полной свободы личности выразил сочувствие панской республике.

Взваливая на верховного законодателя «предприятие, превышающее силы человека», Руссо пришел к выводу о необходимости признания религии составным элементом всякого человеческого общежития. Правда, проповедуемая Руссо религия далека от католической религии. Для автора «Исповеди веры савойского викария» религией является весь мир и вся природа (пантеизм); диктуется же эта религия не силой разума, а инстинктом души; в пользу евангелия говорят не соображения логики, а аргументы сердца. В чистом хри-

Социальное
значение религии.

стианстве сын женеvского часовщика находил «трогательную прелесть в поучениях, глубокую мудрость в беседах и возвышенность в принципах». В естественном государстве авторитет религии должен стоять так высоко, что за малейшее оскорбление религиозного чувства и, тем более, за проявление атеизма полагается изгнание за пределы государства.

Противоречия мелко-буржуазной идеологии.

Руссо в своей многогранной натуре вместил все противоречия окружающей его атмосферы. Иногда трудно даже сказать, интересы и настроения какой именно общественной группы он отразил. Эмоциональный тип по преимуществу, «гениальный женеvец» менял свои взгляды и симпатии не только в каждом произведении, но сплошь и рядом в одном и том же сочинении; мало того, даже на одной и той же странице у него встречаются недопустимые, с точки зрения обычной логики, противоречия. В клубок настроений и представлений Руссо вплетаются мотивы самой бурной революции, перепутанные с настроениями самой черной реакции. Анархизм, социализм, романтика, патриархальная демократия, Греция, Рим, Корсика, Швейцария, Франция, Англия, дикари и т. д.,— все это волновало и оставляло свой след в голове женеvского философа-романтика. Богатством психической жизни Руссо надо объяснить и его влияние одновременно на Максимилиана Робеспьера, мистика Шатобриана, отцов-иезуитов и Льва Толстого. В афоризмах Руссо было много того, что могли охотно принять представители самых различных классов— крупная и мелкая буржуазия, чиновничество, дворянство и даже духовенство, словом, все чем-либо недовольные слои французского общества. Сколь ни насыщен автор памфлета «О неравенстве» реакционно-патриархальными мотивами, все же бесспорно, что он для своей эпохи являлся революционером и просветителем. Даже в тех случаях, когда Руссо отрицает промышленность, ужасается росту торговли, отвращается от науки и искусств, он все-таки тревожит мысль и остается новатором. Уже в самой постановке вопроса, а главное, в том пафосе, с которым он все это высказывает, всегда чувствуется человек опасный для старого порядка. В натуре Руссо умели ужиться все противоречия его эпохи: от анархизма, нигилизма и культа первобытности вплоть до составления польской конституции и восторженного удивления перед шляхетством. Названные качества чаще всего наблюдаются у интеллигентов, вышедших из среды

мелкой буржуазии, и не примкнувших ни к одному классу, каковым как раз и был Руссо и по своему происхождению, и по своему мироощущению.

Наука в
оценке актив-
ной буржуа-
зии.

Руссо правильно схватил классовый характер церковной и буржуазной науки, но ему была чужда мысль, что из силы, обременяющей мозг и опустошающей сердца, при ином социальном строе, наука может превратиться в творческую силу, организующую общество. В этом отношении интересно противопоставить Руссо другого просветителя и видного деятеля революции маркиза Кондорсэ. Кондорсэ, в противоположность Руссо, особенно выдвигает организующий принцип научного знания. Внимание Кондорсэ устремлено не в сторону разрушения, а больше в сторону созидания. Стоявшая далеко от власти мелкобуржуазная интеллигенция еще имела возможность и досуг ставить теоретические вопросы о ценности и смысле культуры и выносить ей смертные приговоры; в совершенно ином положении находились идеологи крупной буржуазии. Торгово-промышленный класс фактически почти уже стоял у власти, а для власти важна не отрицательная, а положительная или организующая сила науки. В полном согласии с воззрениями своего класса Кондорсэ рисует картину, «успехов человеческого разума». По теории Кондорсэ, просвещение—это та сила, которая преобразует общество и приведет истерзанное человечество к счастью и радости. С распространением положительного знания исчезнет всякая материальная нужда, прекратятся болезни и преступления. Мало того, научный дух изменит и самую человеческую природу, урегулирует ее страсти и переменит направление темперамента. Говоря о высокой роли науки, автор «Очерков успехов человеческого разума» высшее звание науки прилагает исключительно к буржуазной науке; средневековая же система знаний в его глазах не заслуживает даже и названия науки. В конце концов Кондорсэ мерещится высоко авторитетный союз философов, от которых будут зависеть вся радость и все счастье человеческого рода. Что же касается широких масс, то им высшая наука не нужна и недоступна; для них будет выработана упрощенная, наглядная система знаний. По смыслу философии Кондорсэ, так же, как и по теории Вольтера, выходило, что в идеальном обществе все будет делаться для народа, но не через народ, а при посредстве умных голов—философов. Во всем

этом сказался будущий жирондист, радикально настроенный по отношению к старому порядку, но в то же время цепкий защитник привилегированного положения интеллигенции и крупного капитала.

Монтескье. Совсем иных взглядов на происхождение и организацию государственной власти держался третий крупный представитель «эпохи просвещения» Монтескье. По своему происхождению Монтескье принадлежал к судейской аристократии и одно время был президентом бордосского парламента (верховного суда). Славу литератора и публициста Монтескье приобрел своими остроумно написанными «Персидскими письмами», изящной и чувственной сатирой на современный порядок.

**Героизация
республикан-
ского Рима.**

Монтескье писал в период острых конфликтов парламента с королевской властью, когда, несмотря на все упорство и настойчивость судейского сословия, чувствовались сила и власть королевского деспотизма. Парламентской аристократии поэтому все время приходилось всячески себя подбадривать, и в виду того, что примеры живой современности могли скорее привлечь внимание власти, просвещенные судьи охотно обращались к древности, отыскивая в ней героев — аристократов и республиканцев. Из всех политических учений древности Монтескье больше других привлекало учение стоиков, среди которых чаще всего вербовались оппозиционеры императорскому режиму. «Казалось, — писал он, — человеческая природа сделала усилие, чтобы произвести эту изумительную секту людей, напоминающую те растения, которые порождает земля в местах, никогда не видевших неба». В порыве увлечения стоиками Монтескье одобряет даже политическое убийство, заявляя по поводу Юлия Цезаря: «Можно ли было наказать иначе, как убийством, преступление Цезаря, который ведь вырос и жил среди свободного государственного устройства? Поразивший Цезаря Брут должен быть назван истинным освободителем и спасителем народа, в котором сияла любовь к родине настолько сильно и подавляюще, что, выходя за обычные пределы преступлений и добродетелей, она внимала лишь себе самой, не видя ни гражданина, ни друга, ни благодетеля, ни отца».

Монтескье, классик по образованию и знаток древней истории, при надобности легко находил нужные ему аналогии в классической древности, особенно в истории

республиканского и императорского Рима. Величественные позы римских сенаторов льстили честолюбию гордого и до смешного заносчивого аристократа. В воображении автора «Рассуждений о причинах величия и падения древнего Рима» римский сенат—это замечательное «собрание царей»—невольно сливался с французским сословным трибуналом (парламентом). Римские патриции, облеченные в белые тоги с широкой пурпуровой каймой, должны были служить образцами аристократического достоинства, величия, гордости, чести, самоуважения и независимости. Республиканский сенат представляет достойные удивления и подражания образы государственных людей, пользовавшихся абсолютной свободой, но никогда ею не злоупотреблявших; история же сената императорского периода полна примерами героической стойкости и политической убежденности.

Политики и юристы выше ценили другую книгу Монтескье, его трактат «О духе законов». Собственно говоря, «Дух законов», как правильно отметили уже современники, не книга в собственном смысле, а сборник материалов, годных для составления книги. Вольтер сравнивал трактат Монтескье с плохо прибранным кабинетом, в котором в большом хаосе стоят прекрасные люстры из горного хрусталя. Историко-культурное значение «Духа законов» состоит в том, что Монтескье был одним из очень немногих теоретиков предреволюционной Франции, которые предлагали хоть какую-нибудь положительную программу. В своем отправном пункте Монтескье очень близко соприкасается с Вольтером; так же, как и Вольтер, он не желает полного народоправства и полного уничтожения сословных привилегий, принимая за идеал парламентский строй Англии. Твердая государственная власть, по его теории, должна быть сохранена, но она должна находиться в иных руках и служить интересам других общественных групп. «Уничтожь принцип авторитета, не разрушая его», такова его формула. Английский государственный строй привлекал судейского чиновника прежде всего своей налаженной государственной машиной, где властью не злоупотребляют потому, что там одна власть останавливает другую. Принцип разделения властей, усмотренный французским публицистом в английском государственном строе, провозглашался постулатом (законом) государственного права вообще. «Если власть

Теория разделения властей.

законодательная и власть исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что монарх или сенат станут издавать тиранические законы и тиранически их применять. Не будет также свободы и в том случае, если судебная власть не будет отделена от власти законодательной и исполнительной... Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении были соединены эти три власти: издавать законы, приводить их в исполнение и судить». Французский буржуа, в то время еще не дерзавший помышлять о захвате всей полноты власти, был скромнень, соглашался на умеренную конституцию парламентской Англии и потому при случае охотно ссыался на высокий авторитет автора «Духа законов».

При всем различии социальных симпатий и настроений, один мотив объединяет всех просветителей—это защита прав до сих пор угнетаемой личности.

Французские
материали-
сты.

Защита прав личности проходит красной нитью через всю литературу просвещения, но своего предельного пункта индивидуализм достигает в сочинениях материалистов (Гольбах, Гельвеций, Ламетри, Кондильяк, Дидро и др.). Личность в произведениях французских материалистов является центральным огнем, поддерживающим творческую температуру их авторов. Человеческая психика для материалиста тот предельный пункт, дальше и выше которого не может подняться ни наука, ни искусство. Именно с этой точки зрения материалисты подвергли жестокой критике всю средневековую систему знаний, как совершенно лишенную психологических мотивов. Схоластика плохо усваивается потому, что она лишена самого главного—человечности, т. е. психологии. «Нам беспрестанно говорят,—писал Гольбах в «Системе природы»,—что наши чувства обнаруживают нам лишь скорлупу всех вещей, что наш ограниченный ум не может постичь бога. Допустим это, но наши чувства не обнаруживают нам даже скорлупу бога. Мы сотворены так, что для нас вообще не существует вещи, о которой мы не имеем никакого представления». Разрешать «неразрешимые вопросы» о сущности материи, о сущности природы и т. п., отвлеченно, вне человека, как это пытались сделать старые ученые, не имеет ни смысла, ни интереса. «Для нас материя есть то,—поясняет Гольбах,—что так или

иначе влияет на наши чувства; а свойства, приписываемые нами различным материям, основаны на различных впечатлениях или переменах, производимых ею в нас». Схоластика впадала в ошибку и запутывалась в лабиринте слов потому, что она шла не от живого человека. Между тем как наше время в центр внимания ставит именно человека. Человек—мера всех вещей. Основным же признаком самой человеческой природы являются ощущения и страсти человека. Наша душа есть только способность к ощущению, а разум—результат этой способности; все в человеке только одно ощущение. «Человек—это машина, приводимая в движение чувственным ощущением, которая должна делать все, что оно требует». Направление ощущения дает окружающая человека естественная и социальная среда. «Родившись на необитаемом острове, предоставленный самому себе, я живу без пороков и добродетелей. Я не могу обнаружить там ни того, ни другого». Борьба за жизнь, являющаяся центральной осью психики живых существ, в том числе и высшего из них—человека, порождает постоянное и необходимое качество живого существа—с а м о л ю б и е. Самолюбие или эгоизм стоят в центре всех наших ощущений. «Из всех чувств,—это чувство,—воскликает Гельвеций,—единственное в своем роде. Самолюбие гонит спартака искать первенства на войне, а спартанку заставляет предлагать свою любовь храбрейшему.

Согласно общей концепции, признававшей эмоции основным началом человека и общества, материалисты вполне последовательно приходили к выводу о необходимости начинать оздоровление человека и общества с изучения физиологии человека, ибо «все заблуждения человека это—физические заблуждения». В отношении роли физиологии в исторических судьбах народов дальше всех материалистов пошел Гольбах. «Избыток страстей, избыток едкости и желчи фанатика, слишком горячая кровь в сердце завоевателя, расстройство пищеварения у правителя, фантазия, промелькнувшая в душе женщины,—все это достаточные причины для войн, для бойни, поглощающей миллионы жизней, для разрушения городов... для причинения запустения и несчастья в течение многих веков». Несколько необычная, с нашей точки зрения, медицинская социология Гольбаха становится совершенно понятной в атмосфере идей-

Проблема индивидуализма и коллективизма.

ной борьбы за реабилитацию человеческой природы. Отбрасывая религиозный аскетизм, французские материалисты сплошь и рядом уходили в противоположную крайность.

Средневековая корпоративность с неизменно ее сопровождавшей диктатурой отдельных каст, вызывала естественную реакцию со стороны личности. Оригинальность и творческие силы человека были скрыты, но они не умерли и искали выхода. На фоне средневековой церковности вполне понятен протест материалистов против диктатуры всякого рода союзов и, наконец, против диктатуры самого общества. Проблема индивидуализма и коллективизма, в то время сильно волновавшая буржуазию, в произведениях материалистов получила свое заострение. Борьба за индивидуализм против насилия общественного мнения означала борьбу за высший социальный принцип, за освобождение человеческой личности. Общественное мнение,—рассуждал по этому поводу Гельвеций,—источник всех зол и несчастий человеческого рода. «Отчего некогда благородные нации находятся теперь под позорным ярмом унижительного деспотизма? Оттого, что у них изменилась общественная линия... Оттого, что суеверию, пособнику тирании, удалось развратить умы и сделать их трусливыми и нечувствительными»... Общественное мнение воспитывает человека, прививая ему те или иные понятия и взгляды. «Если, например, вследствие данной формы правления, я опасюсь всего со стороны сильных, то я механически начну сам уважать величие в лице иностранного государя, который не имеет надомной никакой силы».

Политический пессимизм.

Выступая против общественной тирании, философы материализма не в меньшей степени протестуют и против тирании отдельных лиц и в том числе, значит, против тирании монарха. «Тиран есть ненавистнейшее существо, какое может быть создано преступлением», «монархическая власть есть не что иное, как война отдельного лица против общества, как только монарх переступает границы, которые ему предписывает воля народа». Однако, как ни ужасна с точки зрения всестороннего развития индивидуума политическая тирания, все-таки сложившиеся веками отношения ломать сразу, во всем должны быть осторожность и постепенность. Медицина, предостерегает Гольбах, прежде всего предписывает не употреблять героические ле-

карства, как «всегда самые опасные для здоровья»; не иначе дело обстоит и в политике. Тиран, не один раз подчеркивается в «Социальной системе» и в «Естественной политике», заслуживает полного осуждения и презрения, но король-мудрец всегда будет идеалом разумного политика. Если существенным признаком «просвещенной монархии» является мудрость, то существенным признаком республики будет поклонение «романтическому равенству, в сущности представляющему лишь зависть». Народ или вся масса трудящихся в глазах радикально-настроенного барона Гольбаха, так же, как Вольтера и Монтескье, не что иное, как быдло, которому нужен кнут и погонщик. Народ, говорится в «Социальной системе», создан не для наслаждений, а для труда, и слишком большая праздность отвращает его одновременно и от работы и от нужды. Но уже прямо отвратителен бунтующий народ. «Стоит лишь бегло просмотреть историю древней и новой демократии, чтобы увидеть, что народом верховодит обыкновенно безумство и яростный гнев. Всюду, где народ овладевает властью, он вносит в государство принцип разложения». Классовая борьба всегда порождает тиранию и только тиранию—таков окончательный вывод и автора рассуждений «О духе» и «О человеке». Отчетливо мысливший по вопросам метафизики, Гельвеций никак не мог разобраться в вопросах социальных; одновременная борьба на нескольких фронтах против родовой аристократии и против народа путала все расчеты эlegantного откупщика.

Уставший и пресыщенный Гельвеций под конец жизни готов был погрузиться в безысходный социальный пессимизм и признать теорию круговорота. Существует, говорит он, постоянный закон социального развития: от бедности народ переходит к богатству, от богатства к неравному распределению богатств, порче нравов, к роскоши, к порокам; отсюда он приходит к деспотизму, а от деспотизма—к гибели. «Закон жизни, который, развиваясь в величественном дубе, поднимает вверх его ростки, распускает его ветви, утолщает его ствол и дает ему господство над лесами, является вместе с тем законом его гибели».

Как выше замечено, после опыта Лоу французская буржуазия надолго отказывается от больших предприятий и даже как-то сжимается. Восемнадцатое столетие—время мирного строительства. Все внимание направляется на устрой-

Буржуазные
салоны.

ство домашнего уюта, хорошей обстановки, расширение умственного горизонта, приобретение различного рода технических сведений и т. п. Каждый купец или мещанин старается приобрести несколько акций, обзавестись приличной обстановкой и дать своим детям, по крайней мере, среднее образование. Значительно шире жила буржуазная олигархия. Именитое купечество и фабриканты, соревнуя друг с другом, заказывали роскошную мебель, выписывали дорогие ковры, поражали своих сограждан блестящими выездами, расточительностью и благотворительностью. На столах богачей стояли редкостнейшие и тончайшие блюда, огромные фрукты, которые могли обмануть взор самого испытанного гурмана. Вздумаешь дотронуться,—передает один из современников,—до дыни, как из нее тотчас брызнет несколько фонтанов различных сортов ликеров, чарующего запаха. Законодателем вкуса и мод все же оставалась аристократия, которой буржуазия всеми силами старалась подражать; дворянство же, со своей стороны, шло навстречу буржуазии, усваивая ее способы наживать деньги.

В перемежку с разговорами о тонких блюдах в буржуазных салонах велись оживленные беседы и на политические темы. Постоянными гостями этих салонов были популярные писатели, ученые и артисты. Критика старого режима (*ancien régime*) в последней половине XVIII века вошла в моду городских разговоров. Критиковали всё: крепостное право, привилегии сеньеров и духовенства, узость культуры, косность церковной догмы, распоряжения министров, наконец, добрались и до самих Бурбонов. Непосредственно перед самой революцией разговоры больше всего и охотнее всего вертелись около особы Марии-Антуанет жены короля. Сначала критика ограничивалась невинными беседами и литературными памфлетами, лишь косвенно намекавшими на недостатки государственного механизма, подтрунивавшими над сановными особами, королевскими фаворитками и т. д., но постепенно тон оппозиции меняется и от безобидной критики салона переходит уже к настоящему штурму королевского абсолютизма. С каждым днем богатевшая, усваивавшая манеры и быт аристократии и воспитывавшая своих детей в лучших школах, французская буржуазия не могла равнодушно выносить презрительного отношения со стороны привилегированных; особенно боль-

но самолюбие буржуазии задевали аристократические порядки в армии, где высшие должности, как в церкви и в суде, замещались исключительно лицами дворянского сословия; на низшее же офицерство не из дворян смотрели лишь как на терпимых (roturiers).

Нельзя сказать, чтобы двор и аристократия совершенно не реагировали на критику буржуазных салонов. Секретные доклады генеральных контролеров, намекавшие на финансовый кризис, заставляли Людовика <sup>Попытки ре-
форм.</sup> серьезно считаться с мнением третьего сословия. В последние десятилетия перед революцией предпринимались попытки серьезных реформ в различных областях управления и велась упорная борьба между министрами-реформаторами и консерваторами. В затруднительных случаях министры обращались к высшей санкции короля, но в последнюю минуту король неуклонно оставался верным своему классу; либеральный министр уходил в отставку, и все оставалось попрежнему; такова была судьба Мопу, Машо, Тюрго, Неккера и многих других. Двор и король не прочь были улучшить положение «бедного народа», но они готовы были сделать это при неременном условии сохранения всех привилегий высших классов. «Я доволен этим великодушным поступком (отменой феодальных прав) двух первых государственных сословий,—писал Людовик непосредственно после 4-го августа,—жертва прекрасна, но я могу только дивиться ей и никогда не соглашусь на то, чтобы мое духовенство и мое дворянство были обобраны... Если бы санкционировать заставила меня сила, тогда я уступил бы, но тогда во Франции не стало бы уже ни монархии, ни монарха». Таково было мнение не только короля и версальского двора, но и всего привилегированного сословия.

Из многочисленных попыток реформ с историко-социологической точки зрения заслуживает внимания реформа Тюрго. Социальный смысл этой реформы заключался в попытке связать базу с надстройкой, или, другими словами, дать юридическое оформление экономически прогрессивному классу. Тюрго предложил много раз уже выдвигавшийся проект централизации Франции через ее видимую децентрализацию. По плану Тюрго во Франции устанавливалось широкое самоуправление, выражением которого служили общинные, окружные и провинциальные собрания.

Проект
Тюрго.

Проект предусматривал также и городское самоуправление. Над сетью городских учреждений поднималась «вторая ступень окружных муниципалитетов», получавших свое высшее выражение в «великом королевском муниципалитете», иными словами—в национальном собрании. Цель всей этой организации сводилась к тому, «чтобы то, что должно делаться достаточно хорошо, делалось само собою».

Отдельные мероприятия Тюрго, большей частью экономического характера, преследовали ту же самую цель раскрепощения буржуазии. Таков, например, указ 1774 года о свободе хлебной торговли, указ 1776 года об отмене дорожной натуральной повинности и переводе ее на денежную повинность с распространением и на привилегированные классы, затем важная мера 1776 г. об уничтожении цехов и многое другое. Настаивая на введении самоуправления и на ликвидации феодальных пережитков, Тюрго, сотрудник «Энциклопедии», конечно, не мог забыть и о народном просвещении. Необходимо, говорил он, немедленно создать министерство народного просвещения, на обязанности которого лежало бы внушение детям принципов человечности, справедливости, благотворительности и любви к государству; этим, ведь, только и можно «поднять патриотизм на высокую ступень энтузиазма, некоторые примеры которого были даны лишь добрыми нациями». «Если все это будет осуществлено,—писал министр королю,—то через несколько лет у вашего величества будет новый народ и народ первый между другими народами. Ваше королевство удесятрит свои силы, Европа будет взирать на вас с удивлением и уважением, а ваш любящий народ—с чувством искреннего обожания».

Примирия короля с народом введением местного самоуправления и сокращением сенъеральных прав, Тюрго прежде всего надеялся охранить права «третьего сословия» от посягательств со стороны привилегированных. Барьером же одной части «третьего сословия» от другой, мало имущей и тем более совсем неимущей, должна была служить система имущественного ценза. Все препятствия, создавшиеся происхождением, чистотою крови и белизною кости, отныне отпадают и заменяются новыми привилегиями имущественного достатка. Так, для выбора в общинные советы Тюрго устанавливает ценз в 300 ливров для получения

половины голоса, 600 для полного голоса, а 1200 ливров дают права сразу на два голоса.

Реформы Тюрго не увенчались успехом. Причина их неудачи скрывалась не только в слабости короля и в неумении поддержать своего министра, но в тех многочисленных противоречивых последствиях, которые они вызывали. Слишком сложно было французское общество и слишком остры классовые противоречия, чтобы можно было рассчитывать на успех реформы сверху. Нужна была уже не реформа, а революция.

Последним толчком для революционного взрыва, по общему правилу, послужил финансовый кризис, с одной стороны, и голод—с другой. Стихийные бедствия 1788 г., засуха, град и мороз, опустошившие огромную полосу Франции, переполнили чашу народного терпения. На почве голода начались крестьянские волнения. Весной 1789 г. массы людей, вооруженных кольями, вилами, дубинами, ружьями и пр., стали громить усадьбы сеньеров, захватывали на дороге обозы с хлебом, разбивали лавки, ловили торговцев и аббатов, коротко—начиналась аграрная революция. Программа повстанцев была жизненна, проста и ясна. Отмена всех налогов на муку, вино, соль, отмена десятины, барщины, дешевый и справедливый суд, уничтожение ростовщиков и спекулянтов. В «тетрадах жалоб» или наказах (cahiers) французская деревня в общих чертах сходно выражала свои желания и одинаково формулировала свои мысли: «Мы желаем,—пишут, например, крестьяне юдного округа,—чтобы из множества подлежащих отмене налогов были прежде всего уничтожены те, которые падают на такие предметы, потребление которых одинаково необходимо как для бедных, так и для богатых, например, налог на соль. Нет налога, раскладка которого производилась бы до такой степени дурно, нелепо и несправедливо». Далее, обычной статьей крестьянских жалоб являются королевская и сеньеральные охоты, потравы полей и лугов, садки голубей, пожирающих зерно и портящих посевы, затем указывается варварская порубка леса, сплавляемого в виде дров в большие города и многое другое. В некоторых наказах сообщают о частых захватах сеньерами крестьянских участков и об образовании больших комплексов помещичьих владений за счет мелких крестьянских имений. «Мы полагаем,—жалуют

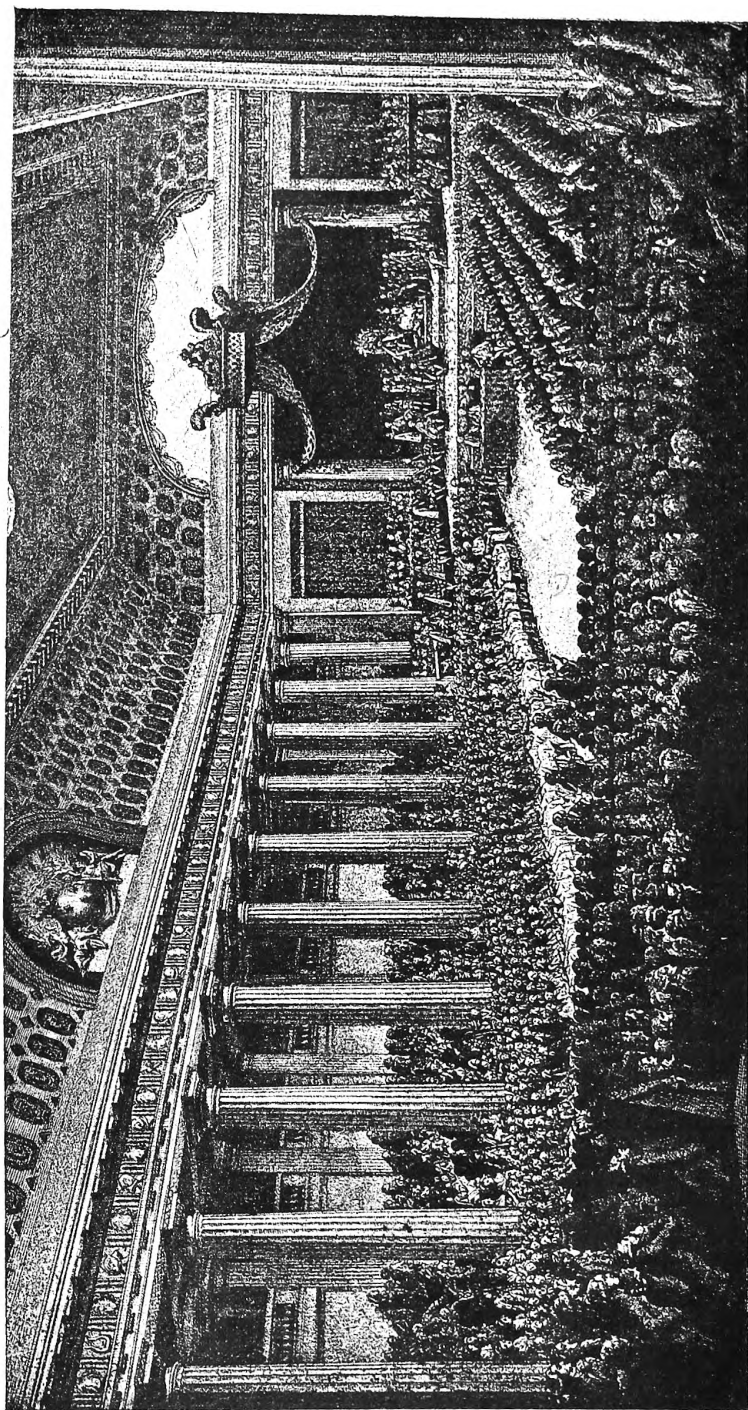
Начало революции.

ся крестьяне,—что было бы весьма целесообразно обуздать алчность богатых землевладельцев, большинство которых стремится лишь расширить свои имения за счет достояния бедняков. «Жадность богачей побуждает их изыскивать всевозможные способы расширения своих имений, и в этом заключается один из главных источников нищеты сельского населения». Насильственный захват сеньерами крестьянских усадеб, уничтожение свободных пастбищ и сокращение выгонов грозят полным разорением французской деревни, и «то обстоятельство, что крестьянам приходится обходиться без них, является одной из причин бедственного положения нуждающегося деревенского населения, но, ведь, все делалось для богачей и ничего не делалось для бедняков». В качестве положительных требований все наказания, без исключения, выставляют ютмену или, по крайней мере, облегчение феодальных налогов и свободное право их выкупа, упразднение барщины, сеньеральных монополий, сеньеральной юстиции, соляной монополии, акцизов, поборов священников за службу и требы, упразднение в деревнях мануфактур и механических производств, «столь вредных для земледелия», и т. п. Некоторые наказания заканчиваются требованием созыва Генеральных Штатов или Национального собрания.

Вражду крестьян к сеньерам и духовенству в значительной мере разделяло и все «третье сословие». Буржуазия прекрасно использовала силу крестьян и городского пролетариата против стеснявшего ее «старого порядка». Кто ты?—спрашивал автор «Катехизиса третьего сословия»,—крестьянина.—Что такое крестьянин?—Человек, гражданин, член государства. А что такое «третье сословие?» Ответ: кормилец государства и его благороднейший защитник. Как он кормит государство?—земледелием, торговлей и ремеслами и т. д.. На ту же самую тему в январе 1789 г. появилась брошюра аббата Сиэса «Qu'est ce que le Tiers-Etat», т.-е. «Что такое «третье сословие?», в течение трех недель выдержавшая колоссальный по тому времени тираж в 30 тысяч экземпляров.

Созыв Генеральных штатов.

Под непосредственным впечатлением крестьянской революции и усилившегося напора буржуазии, двор пошел на уступки и опубликовал эдикт о созыве Генеральных Штатов. Двор, парламент, дворянство и духовенство согласились на созыв Генеральных Штатов, но лишь с единственной целью выйти из финансового кризиса. Ском-

Открытие генеральных штатов.

прометированная внешними неудачами королевская власть самостоятельно не могла изыскать достаточных финансовых ресурсов и повысить налоговое обложение. При таких обстоятельствах поневоле приходилось вспомнить о старых способах получения кредитов, т.е. о Генеральных Штатах, последний раз созванных в 1614 году. Идея созыва Генеральных Штатов возникла в министерстве архиепископа Ломени-де-Бриена (1788 г.), когда обнаружилось зияющее банкротство Франции. Министр-архиепископ сначала обратился к товарищам по сословию, прося у них добровольного дара приблизительно в 2 милл. ливров, и лишь после того, как благородное сословие наотрез отказалось от добровольного приношения, министр обнародовал эдикт о созыве Генеральных Штатов на 1 мая 1789 года.

Обращение к Генеральным Штатам не было случайным. Генеральные Штаты (Etats généraux) играли очень большую роль в дореволюционной Франции. Строго говоря, во Франции никогда не существовало неограниченного абсолютизма. Короли первых династий (Меровингов и Капетингов) по всем важнейшим вопросам обращались за советом к выборным представителям духовной и светской аристократии. С усилением же торгово-промышленной знати (приблизительно с XIII века) вошло в обычай на королевские совещания приглашать, кроме того, и представителей «среднего или третьего сословия». Последний раз Генеральные Штаты были созваны в 1614 г. при малолетнем короле Людовике XIII. Сословные представители выручили правительство, но во время прений обнаружились огромные расхождения во взглядах между аристократией и «третьим сословием». «Третье сословие» в почтительных, но достаточно настойчивых формах заявляло свои права на участие в управлении. В последующие годы из боязни критики короли предпочитали не созывать «народных представителей», что еще более подняло авторитет Генеральных Штатов в глазах буржуазии. Сжатый обстоятельствами Людовик XVI пошел навстречу общественному мнению и издал эдикт о выборах. Обе стороны на Генеральные Штаты возлагали огромные надежды, ожидая от них разрешения всех вопросов. Но, как и 75 лет тому назад, за надеждой последовало разочарование. Прежде всего разочаровались двор и аристократия. «Третье сословие» в 1789 году было уже не тем, чем оно было в 1614 году.

На предвыборных собраниях привилегии аристократии и двора подверглись жесточайшей критике. Опаснее всего было то, что в то время как «третье сословие» было охвачено энтузиазмом и выступало единодушно, двор и аристократия растерялись и раскололись.

Между дворянством и духовенством уже давно происходили резкие столкновения на почве изыскания средств на погашение государственного долга; церковь наотрез отказалась от уплаты приходившейся на ее долю суммы в 7½ миллионов ливров. Категорический отказ привилегированных от несения государственных повинностей и, в частности, от уплаты поземельного налога служил причиной постоянных конфликтов между правительством, дворянством и церковью. С другой стороны, не все было благополучно и у духовенства; шестьдесят тысяч плохо оплачиваемых священников, несомненно, лучше себя чувствовали среди непривилегированных прихожан, чем в обширных хорах 130 епископов и 700 аббатов, монополизировавших все церковные доходы. Не менее серьезные разногласия существовали между придворным и феодальным дворянством, между богатым дворянством и дворянским пролетариатом и т. п. Сверх того, к невыгоде привилегированного сословия в конце столетия чувствовалось отсутствие твердой направляющей руки иезуитов, этих присяжных идеологов высших классов, ослабленных официальным закрытием ордена (1764 г.) и признанием светской школы.

Чем больше теряли авторитет высшие сословия, тем сильнее звучал голос «третьего сословия». Чувствуя за собой силу народа, буржуазия готовилась к решительному бою.

2. Французская революция.

Со дня выбора в Генеральные Штаты Франция жила Революционный подъем. какой-то особенной, повышенной жизнью. Повсюду движение, все полны великих надежд и преисполнены верой в светлое будущее. Наконец-то теперь,—писал провансальский депутат граф Мирабо,—открывается простор дарованию и таланту! Центром жизни, как и в старое время, являлись Париж и Версаль. Кривые и узкие улицы Парижа днем и ночью кишат народом, непрерывно притекающим из провинций. Очень скоро Париж и Версаль, где заседали Гене-

ральные Штаты, сливаются в одно целое, длинные вереницы людей всех званий и возрастов связывают столицу с ее предместьями. Каждое движение и каждый жест Генеральных штатов вызывает ответное движение со стороны народа. Когда депутаты 3-го мая отправляются торжественным шествием с несколькими оркестрами на прием к королю или идут слушать мессу в церковь Людовика святого, их приветствуют тысячи голосов, ожидающих от народных представителей избавления от всех своих тяжких страданий и унижений. Под непосредственным впечатлением криков и шума, окружающего зал заседания народа 15-го июня, Генеральные штаты «конституируются», т. е. из представителей отдельных корпораций превращаются в Национальное (Учредительное) Собрание. При ближайшем участии народных масс происходит и торжественная клятва верности Национальному Собранию и королю. Ни одно заседание Национального Собрания не происходило без контроля со стороны народа, чутко прислушивавшегося к речам депутатов с хоров и галлерей собрания. Все, что казалось соответствующим общенародным интересам, шумно одобрялось, все же расходившееся с этими интересами открыто и энергично порицалось. На галлереях вырабатывалась даже собственная организация, в которой видную роль играла Теруань-де-Мерикюр, за свою красоту и молодость прозванная «Венерой революции». Общий энтузиазм увлек также и солдат; особенно охотно переходили на сторону народа солдаты королевской гвардии, на каждом шагу оскорбляемые пренебрежительным отношением офицерства и недовольные суровой дисциплиной. К гвардии примкнули драгуны и артиллеристы. Если дело дойдет до настоящей схватки,—рассуждали последние,—то мы, конечно, не замедлим повернуть жерла наших пушек на наших ближайших врагов—офицеров. Разложение армии пошло настолько быстро, что Национальное Собрание, напуганное приготовлениями к баррикадному бою, в половине июля, обратилось к королю с настоятельной просьбой удалить войска из Парижа во избежание кровопролития. Просьба была уважена, баррикады разобраны, председатель Генеральных Штатов Бальи назначен мэром Парижа, Лафайет—начальником вновь сформированной гражданской милиции или национальной гвардии; собрание ликвидировано. Революционно настроенные солдаты и безработные ре-

месленники чаще других посещали галлерей и особенно внимательно следили за ходом прений, получая за свое посещение небольшое вознаграждение от революционных клубов.

Центром народного движения был парк Палэ-Рояль, излюбленное место народных гуляний. В Палэ-Рояль все двигалось и шумело, здесь условность и чопорность старого порядка сменялись истинно народной простотой и свободой. В парке Палэ-Рояль происходили непрерывные митинги, разрешавшие самые сложные социальные проблемы. Вопросы решались непосредственно всей массой народа без председателя и импровизированные речи ораторов больше говорили сердцу народа, чем отточенные и заученные речи депутатов. Из всех выступлений, одобрений и протестов толпы ясно было, что речь шла об уничтожении главных врагов народа: помещиков, ростовщиков, судей, сборщиков налогов, чиновников и проч. «Сорок тысяч дворцов, ютелей, замков и $\frac{2}{5}$ всего состояния Франции будут служить наградой отважным»,—говорил один из самых популярных народных ораторов Камилл Демулен, молодой адвокат из провинции. Страшный взрыв гнева вызвала отставка популярного министра Неккера. «Я пришел из Версаля и имею вам, сограждане, сообщить,—кричал стоявший на столе с пистолетом в руке Камилл Демулен,—что Неккеру дали отставку. Эта отставка является сигналом Варфоломеевской ночи для патриотов; сегодня вечером объединенные швейцарские и немецкие батальоны выступят с Марсова Поля, чтобы нас задушить. Только одно остается у нас спасение—к оружию!».

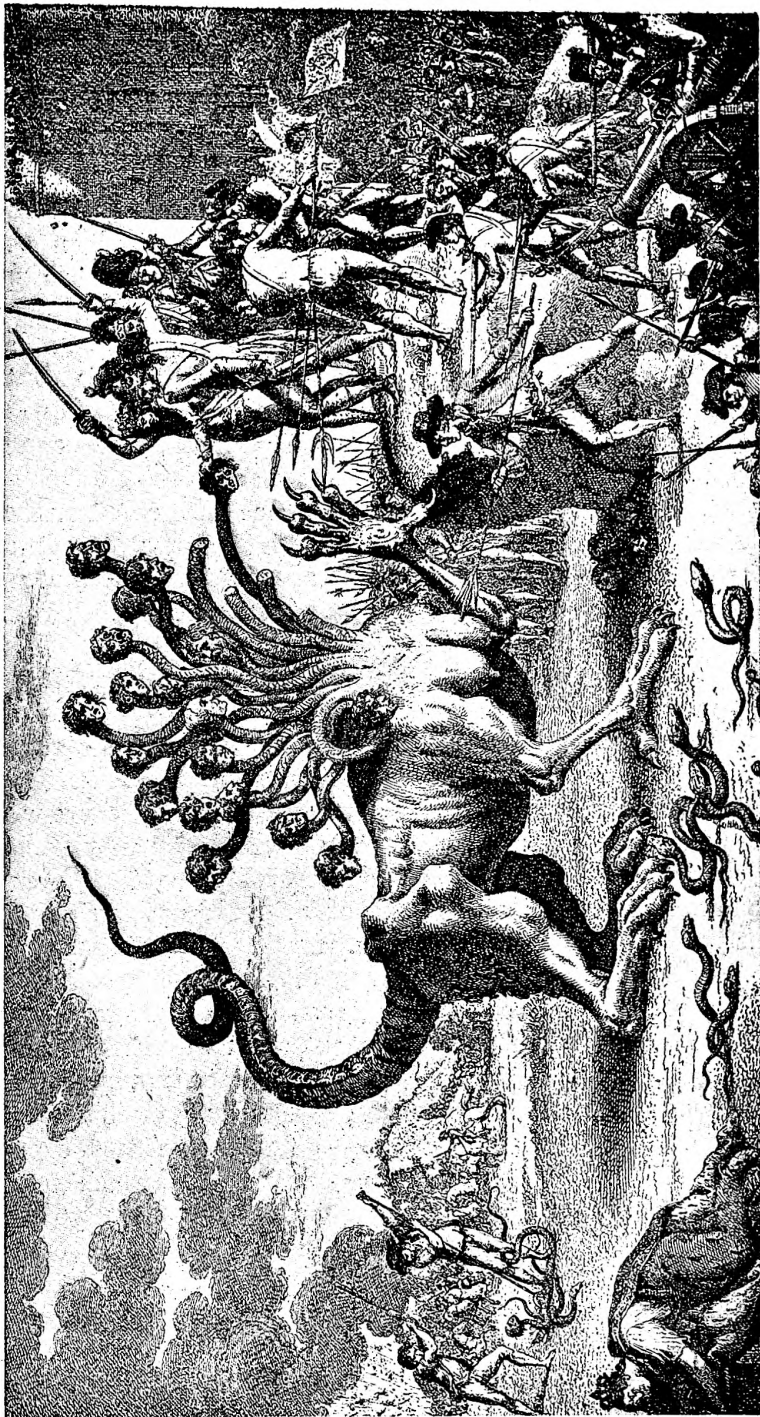
«Париж, как и вся остальная Франция, громогласно требует свободы,—писал тот же Камилл Демулен в памфлете «Свободная Франция», разошедшемся в огромном количестве экземпляров.—Проклятая полиция! Это чудовище с 10 тысячами голов явно поражено во всех своих членах. Очи его уже не видят и уши его уже не слышат. Лишь демократы, единственно испытанные патриоты, возвышают свой голос. Враги общественного блага молчат или же, как только они осмеливаются говорить, их наказывают так, как этого заслуживают измена и предательство. На коленях должны они молить о пощаде. Лингэ исключен из числа уполномоченных, в среду которых протерся этот бессовестный человек, Мори выгнан из квартиры хозяином и освистан собственными лакеями» и т. д. Для патриотов необходим отли-

Народные
митинги в
Палэ-Рояль.

чительный знак, и толпа останавливается на зеленом цвете, как цвете надежды. Оратор отрывает зеленый лист и все единодушно следуют его примеру, срывая зеленые листья каштанов. Патриотизм захватывает все кругом, подобно великому пожару. «Юношество пылает, старики оставляют тоску о прошедших днях, ибо они стыдятся самих себя».

Июльские и
октябрьские
дни.

В следующие дни на улицах Парижа происходило братание солдат с народом. Особенно в сознание врезались июльские дни (12, 13, 14 июля). Ночью с 12 на 13 число ударили в набат, приглашая добровольцев организовать гражданское ополчение, из которого в дальнейшем вышла национальная гвардия. Отличительным знаком новой гвардии была трехцветная кокарда, составленная из красного и голубого,—цветов города Парижа, и белого цвета лилии, как цвета чистоты. Утром 14 июля огромная толпа народа в 30 тысяч человек, потянувшись к «дому Инвалидов», захватила 32 тысячи ружей и 20 пушек. Другая часть напала на укрепленный замок Бастилию, служившую государственной тюрьмой. Командир охранявшего Бастилию корпуса де-Лонэ, после короткого сопротивления сдал крепость. Командант и несколько защитников Бастилии были убиты и головы их, вздетые на пики, носили по улицам. Толстые стены Бастилии были разрушены и на одном камне выцарапана надпись: «Теперь здесь танцуют! В то же время штурмом взяли городскую думу (коммуну) и убили поповавшего было сопротивляться купеческого старшину Флесселя, а министра финансов Фулона повесили на фонаре. Когда обо всем случившемся сказали королю, то он, всплеснув руками, воскликнул: «Боже, ведь это бунт!». «Нет,—ответил ему граф Лианкур,—ваше величество, это не бунт, а революция». Июльские события произвели большое впечатление на армию и флот. 16 тысяч человек оставили армию и записались в национальную гвардию. В войсках образовались солдатские комитеты, стоявшие на страже интересов низших чинов. Еще катастрофичнее происходило разложение королевского флота, «красы и гордости» дореволюционной Франции, состоявшего из 214 судов и 64 линейных судов с экипажем в 80 тысяч человек с двухтысячным офицерским корпусом. Не мало организаторских дарований, энтузиазма и остроумия было проявлено и в октябрьские дни (5, 6 октября) во время похода парижан на Версаль. Долгие годы

Гидра старого порядка.

бедности и забитости, конечно, также не могли пройти даром, и за несколько месяцев революции народ не мог совершенно переродиться. Грубость, месть, пьянство и разгрывавшиеся на этой почве всевозможные эксцессы не один раз омрачали величественную картину массовых движений. Особенно сурово проявлялись гнев и месть в провинции, где крестьяне громили символы своего унижения и беспощадно убивали помещиков, чиновников и всех зажиточных людей вообще. Волна мести и разрушения, бывшая в то же время и залогом созидания, катилась с востока на запад. С пением карманьолы «Ah! ça ira! ça ira! les aristocrates à la lanterne!»—масса беспорядочно вооруженных людей переходила от одного замка к другому. Преследованию подвергались не только сеньеры и чиновники, но и еврейские семьи. В верхнем Эльзасе, напр., более 120 еврейских семей вынуждены были искать спасения за границей. Самым обыкновенным делом был разгром винных погребов и возникавшие на этой почве драки. При разгроме одного погреба утонуло в вине 30 человек мужчин и женщин.

Как о том свидетельствуют передовые статьи начавших издаваться тогда во множестве газет, в Палэ-Рояль зорко следили за всем, что происходило в Национальном собрании. Именно здесь впервые пришли к мысли о неизбежности создания особого органа, долженствовавшего заменить громоздкое Национальное собрание. На площадках Палэ-Рояль, и «аллеях вздохов», на месте прежних аристократических встреч, французские рабочие и мелкие буржуа получили первые уроки политической грамоты. Из этой школы вышли лучшие ораторы и деятели Революции: Дантон, прибывший в Париж из небольшого городка Шампани, врач Марат, адвокат Лусталло, блестящий публицист Бриссо, не менее блестящий и остроумный Камилл Демулен и многие другие.

Учредительное собрание.

Центром внимания патриотов, как сказано, было Учредительное собрание, в котором в то время решалась судьба Франции. Состав первого Учредительного собрания в достаточной мере отражал сложную социальную структуру до-революционной Франции. По своему социальному составу Собрание распадалось на 3 мало друг на друга похожих группы. Направо от президентского кресла сидели правые—монархисты, крайнее крыло которых носило название черных. Монархисты хотели лишь частичных реформ, из-

бегая какой бы то ни было серьезной ломки существующего строя. Вожжами правых были Казалес и аббат Мори. Налево от президента поместилась вторая более значительная группа депутатов, умеренные конституционалисты—демократы. Политическим идеалом этой партии была английская конституция, а политическим евангелием—«Дух законов» Монтескье. Среди вождей конституционалистов-демократов выделялись ученик Монтескье и приверженец Неккера—Мунье, затем Малуэ, Лалли-Толендаль и другие. Значительно дальше в своих требованиях шло левое крыло конституционалистов-демократов, представленное Мирабо, Сиэсом, красноречивым адвокатом Шапелье, Барнавом и Лафайетом, «самым популярным человеком Франции» и другими. На самом левом конце этой группы поместился «угол Палэ-Рояль», лидерами которого были республиканец Петион и Максимилиан де-Робеспьер, адвокат из Арраса. На задних скамьях разместилось «Болото», т. е. часть депутатов с недостаточно ясными политическими взглядами, или попросту равнодушных к своим обязанностям. По численному составу «Болото» было довольно значительно. Наиболее проницательным людям с самого начала было ясно, что работа такого многочисленного и пестрого собрания, каким было Учредительное собрание, не может удовлетворить население. Так и случилось. Воспитанные на идеях просветительной философии депутаты первое время обнаруживали склонность к теоретической постановке вопроса и к длительному их обсуждению.

В то время Францию особенно волновали два вопроса: аграрный и финансовый вопрос. Начавшаяся ликвидация феодальных отношений на местах первое время всецело приковала к себе внимание Версальского собрания. Тревожные слухи из деревень, передававшие о крестьянских восстаниях в Бургундии, верхнем Эльзасе, разрушение аббатств во Франш-Конте, опустошении замков, избитии сеньеров, аббатов и т. д. напоминали о важности и неотложности решения аграрного вопроса. В самый разгар крестьянской революции Собрание приняло декрет о формальной ликвидации феодальных отношений. Декрет был принят на знаменитом в истории Революции ночном заседании 4 августа 1789 года. Национальный энтузиазм, кажется, никогда не подымался до такой высокой точки, как это наблюдалось в эту «славную, незабвенную и великую ночь». Едва ли может

Революционный энтузиазм Национального собрания.

быть сомнение в том, что, вместе с боязнью и сознанием роковой неизбежности событий (нашедших свое выражение в полных цинизма словах герцога Ларошфуко, что лучше почтить агонию старого режима, сделавшись демагогами демократии, нежели принять на себя роль Дон-Кихотов) оказал свое влияние также и общий революционный пафос. Виконт де-Ноайль заявил, что деревни высказали свои желания: не конструкции просили они, ибо эта просьба высказывалась только в бальяжах (избирательных округах),—они требовали облегчения или изменения феодальных повинностей. Уже более трех месяцев они видят одно: как их представители занимаются тем, что мы называем и что в действительности есть общественное дело, но для них общественным делом кажется то, чего они сами желают и чего страстно хотят добиться. «Они уже распознали людей, им преданных и стремящихся к их счастью, и теперь они уже не знают более никакого удержу. После заявления де-Ноайль, часть дворян поспешила отказаться от привилегий. Так герцог Эгильон, один из крупнейших землевладельцев старой Франции, отказался от годового дохода в 100 тысяч франков, виконт Богарнэ потребовал равенства для всех сословий в отношении штрафов, епископ Нанси заявил о своем отказе от феодальных повинностей в пользу бедных его округа, маркиз Фукольд высказался за отмену пенсии придворному дворянству и городским депутатам, и предложил отмену продажи должностей. После многих речей и прений драматическое заседание 4 августа закончилось в 2 часа ночи.

Отмена феодальных повинностей.

Учредительное собрание издало декрет об отмене феодальных повинностей. Серваж, феодальная юстиция, права охоты, голубятни, различие сословий в отношении обложений и доступа к гражданским и военным должностям и мн. др. со дня издания декрета формально перестали существовать. Отмена крепостничества и барщины совершалась без выкупа, за освобождение же от других повинностей назначался выкуп. Особой комиссией (так называемому феодальному комитету) поручалось в деталях разработать законодательство о выкупе и ликвидации феодальных повинностей. Декрет 4 августа был сформулирован в очень общих чертах и поэтому допускал самые разнообразные толкования. Впоследствии на этот декрет ссылались обе заинтересованные стороны: крестьяне и дворяне. В главном со-

держание декрета сводилось к следующему. «Национальное собрание всецело уничтожает феодальный режим: оно постановляет, что все поборы и повинности, как феодальные, так и чиншеские, как вытекающие из реальной или крепостной зависимости, так и замещающие их, отменяются без вознаграждения; все остальные объявляются подлежащими выкупу, при чем размер выкупных платежей и способ их взимания будут установлены Национальным собранием. Однако, те из вышеупомянутых поборов, которые не уничтожаются сим декретом, будут продолжать взиматься вплоть до окончания выкупной операции». Сеньеры толковали этот декрет в том смысле, что выкупу подлежала не вся их собственность, а только ее феодальная доля, составлявшая лишь незначительную часть их достояния. За исключением феодальной части у них оставались обширные поместья, которые они эксплуатировали или при посредстве фермеров, или при посредстве своих управляющих. Как раз именно этой-то значительно большей части дворянских владений, и не касался декрет 4-го августа. Огромную важность декрета скорее почувствовали богатые, но не знатные фермеры, избавлявшиеся теперь от целого ряда обременительных платежей, нежели мелкие землевладельцы. На эту сторону дела остроумно указывал аббат Сиэс, тщетно доказывая Собранию, что церковная десятина и другие «жертвы» не должны идти в пользу одних только богатых. Одна церковная десятина равнялась 70 миллионам в год. «Я слышал,—говорил Сиэс,—что кто-то благодарил Собрание за то, что оно одним своим постановлением прибавило ему 30 тысяч дохода. Многие полагают, что десятина пожертвована в пользу фермеров. И я, со своей стороны, тщетно ищу, что же было сделано для народа при этой важной операции? Но я, к сожалению, усматриваю в ней исключительно выигрыш богатых. Этот выигрыш пропорционален размерам состояния: кто больше имеет, тот больше и выигрывает». Такого рода ограничительное толкование декрета крайне неблагоприятно отразилось на настроении деревни, за все время Революции не выходявшей из состояния революционного брожения и анархии.

Из августовского декрета уже само собою вытекала отмена корпораций, цехов, феодальных титулов, чинов и орденов. Несколько месяцев спустя, в Собрание явилась иностранная делегация во главе с радикально настроен-

Декларация
прав.

ным немецким бароном Баптистом фон-Клоц, произнесшим горячую речь в пользу интернационального объединения народов. Под впечатлением этой речи Собрание отменило дворянские титулы баронов, маркизов, графов и запретило употребление фамильных гербов и ливрей. Все французские граждане отныне именовались по американскому образцу гражданами (citoyens, cidevants). Еще до отмены титулов революционно-настроенное «третье сословие» провозгласило Декларацию прав человека и гражданина (26 августа 1789 года). Популярная идея прав человека и гражданина, одним из ревностнейших пропагандистов которой являлся маркиз де-Лафайет, была использована французской буржуазией в ее борьбе с сеньеральным режимом. Провозглашение Декларации прав наносило большой идейный удар старому порядку. В обстановке того времени Декларация прав была своего рода манифестом третьего сословия против привилегированных. В сознании третьего сословия Декларация прав,—сказал депутат Малуэ,—была национальным катехизисом. В противовес средневековому разобщению сословий и «святому» неравенству людей, Учредительное собрание принимало диаметрально-противоположную формулу. В этом документе исторической важности «третье сословие» выразило все свои идеалы, мысли и настроения. Отвлеченный характер Декларации, как и отвлеченный характер Конституции 1791 года, являлся прямым следствием социально-экономического положения буржуазии и результатом просветительной философии. Буржуазной интеллигенции казалось, что крушение абсолютизма действительно означает установление народного суверенитета и наступление царства свободы. Согласно наиболее популярным идеям эпохи, замена одной формы правления другой могла сразу из царства рабства и мрака перевести в царство свободы и света. Первое время острота и напряженность момента заслоняли от взоров большинства современников противоречия в среде самого «третьего сословия». Голоса же таких теоретиков-проповедников, как Мабли и Мелье, были еще очень слабы и не доходили до слуха интеллигенции, наполнявшей зал Учредительного собрания. Оба названных документа, Декларация прав и Конституция 91 года, интересны и ценны потому, что они как нельзя лучше и полнее отражают дух, веру и чувства своей эпохи. Заостряя и пе-

рефразируя мысли американской Декларации, вступление к французской Декларации прав человека и гражданина в нескольких сильных словах констатирует смерть старого порядка и приветствует наступление эры братства и равенства.

«Представители французского народа, составляющие Национальное собрание, принимая во внимание, что незнание, забвение или презрение прав человека суть единственные причины общественных бедствий и порчи правительства, решились изложить в торжественном объявлении естественные неотчуждаемые и священные права человека, дабы объявление это, будучи постоянно в виду у всех членов общественного тела, непрерывно напоминало им об их правах и обязанностях; дабы действия властей законодательной и исполнительной, будучи ежеминутно сравниваемы с целью всякого политического установления, были через это более уважаемы; дабы требования граждан, основанные отныне на началах простых и бесспорных, обращались всегда к поддержанию конституции и к общему счастью». Последняя (семнадцатая) статья Декларации к числу неотъемлемых и священных прав свободного человека относилась частную собственность. «Так как собственность есть ненарушимое и священное право, то никто не может быть ее лишаем, кроме случаев, когда того очевидно требует общественная надобность, законно засвидетельствованная, и под условием справедливого и предварительного вознаграждения».

Декларация служила введением к конституции, в окончательной форме (после долгих прений и отсрочек), принятой 4 сентября 1791 года. Конституция 91 года, состоявшая из 2½ тысяч параграфов, знаменовала полную переформировку французского королевства. За провозглашением естественных прав человека и гражданина параграф за параграфом следовали отдельные статьи, касавшиеся той или иной части управления. По своему формальному содержанию каждая статья подтверждала отрицание феодализма. Вместо неравного обложения провозглашалось равенство всех граждан перед законом, вместо признания господствующей религии устанавливалась свобода вероисповеданий, затем следовали свобода печати, самоуправление отдельных провинций, свобода личности, свобода выборов и т. п. Наиболее надежным средством разрушения старого порядка и внедрения принципов нового, по мысли творцов Конституции, явля-

Конституция
91 г.

лась сложная административно-полицейская машина и чиновническая бюрократия. В административном отношении вся Франция разрезалась на 83 равновеликих четырехугольника, получивших название департаментов. Каждый департамент в свою очередь подразделялся на одинаковое число других четырехугольников, называвшихся дистриктами, всего 547 дистриктов. Дистрикты распадалась на 4760 кантонов, кантоны—на 43.894 общины или коммуны. В каждой из этих частей находились административные учреждения, руководимые выборными чиновниками. В общей сложности выбиралось 745 депутатов, 83 епископа, 409 уголовных, 3700 гражданских и 5000 мировых судей, 20 тысяч заседателей, 40 тысяч общинных сборщиков податей, 46 тысяч священников. Кроме того, выбору подлежали низшие чиновники, экзекуторы, погребальщики мертвых и многие другие. Одним словом, по новой конституции на каждые 34 гражданина королевства приходился 1 выборный чиновник. Важно было смести старый порядок и заменить королевскую бюрократию конституционной бюрократией, зависимой и вполне преданной «третьему сословию». Индифферентность (безразличие) населения, избирательный ценз и ничтожная оплата выборных должностей фактически передали все управление государством в руки состоятельных людей, желавших на общественной службе приобрести себе славу, сделать карьеру или поправить состояние.

Финансовое
банкротство.

Только что приступив к разрешению земельного вопроса, Собрание волею вещей вынуждено было перенести свое внимание в другую сторону. Перед ним стоял финансовый вопрос. Серьезное отношение к финансовому положению диктовалось той экономической депрессией (заминкой), которая была вызвана неурожаем и застоем в торговых делах. Ближайшей причиной застоя послужил отъезд за границу богатых французов, аристократов и иностранцев, испугавшихся революции. 7 августа министр Неккер заявил в Учредительном собрании, что взимание налогов в стране наталкивается на непреодолимые трудности и что страна стоит перед верным банкротством. Выходом из положения, по мнению министра, являлся добровольный заем. Собрание согласилось с доводами Неккера и одобрило его проект добровольного займа, но 27-го числа того же месяца Неккер вновь явился в Собрание и доложил, что заем провалился. Вместо ожи-

давшихся 80 миллионов, добровольная подписка дала не более 21½ миллионов ливров, а 24-го сентября Неккер еще более смутил Учредительное собрание, сообщив, что в настоящее время дефицит государственного казначейства равняется 61 миллиону, а к концу года поднимается до 80 миллионов. Спасти положение теперь может только принудительный налог в размере 1/4 годового дохода. Налогу должны подлежать все граждане, за исключением тех, доход которых не превышает 40 франков и лиц, живущих поденной работой. К предложению Неккера на этот раз присоединился даже его заклятый враг Мирабо. «Эту ужасную пропасть надо засыпать!—Вот список французских землевладельцев. Выберите из них самых богатых, чтобы меньше граждан было принесено в жертву. Эти 2 тысячи именитых людей обладают богатством, которым можно свободно покрыть весь дефицит. Бейте, безжалостно убивайте эти благородные жертвы! низвергайте их в пропасть! и тогда она закроется. Еще раз повторяю: примите это решение, ибо Катилина стоит у ворот Парижа. Нет, в данный момент нас окружает не банда Катилины! Нет, у нас банкротство, у нас ужасное банкротство! Оно грозит низвергнуть нашу честь, нашу собственность и нашу славу. Итак, примите же это решение государственной важности». К сожалению, слова великого трибуна не дошли до сознания тех, кто мог вывести Францию из охватывавшего ее кризиса. Против подоходного налога поднялась буря протестов со стороны крупных землевладельцев и финансистов.

К концу сентября, когда эмиграция приняла стихийный характер, иногда доходя до 3½ тысяч человек ежедневно, экономический кризис стал угрожающим. Особенно тяжело на настроение действовали безработица, голод и болезни. Вследствие расстройства транспорта, приостановки торговли и промышленности, голода и эмиграции из провинций, Париж был переполнен голодающим безработным людом, настроение которого с каждым днем повышалось. Одних безработных служащих насчитывалось более 6 тысяч человек, из них 1200 парикмахеров, 3 тысячи портных, много столяров, сапожников, драпировщиков и ювелиров. Единственно целесообразной мерой безработицы и ослабления голода Неккер считал устройство национальных мастерских. Вокруг Парижа,—писал он впоследствии,—пришлось организовать чрезвычайные работы, единственно в тех

видах, чтобы дать занятие многим людям, не находившим работы, число которых тогда поднялось до 12 тысяч человек. Король платил им по 20 су в день, не считая расходов на покупку инструментов и жалования надсмотрщикам. При нормальных условиях национальные мастерские не могли бы серьезно обременить государственный бюджет, но при разстроенных финансах всякий новый расход представлялся тяжелым бременем. Опыт с национальными мастерскими оказался неудачным, и они постепенно начали закрываться.

Поход женщин на Версаль.

Переезд
Учредитель-
ного собра-
ния в Париж.

Говоря об ужасных последствиях банкротства, Мирабо едва ли преувеличивал истинное положение вещей. Длинные вереницы людей всех званий и возрастов, надевшиеся получить хлеб и заработок, из всех углов Франции тянулись по направлению к столице. Наплыв новых людей усиливал безработицу и голод, к началу осени уже перешедших в голодные бунты. В первых числах октября месяца толпы женщин, раздраженных голодом и недовольных медлительностью Учредительного собрания, из Парижа двинулись на Версаль, чтобы захватить самого «хлебопека» (как в народе называли короля) и отобрать у него богатые запасы муки. Поход женщин на Версаль имел большие последствия. Жен-

щины не только нашли короля и отобрали у него муку, но сумели еще распропагандировать версальскую гвардию и швейцарские полки, охранявшие королевский дворец. Почувствовало силу народа также и Учредительное собрание, после того как с галлерей раздались голоса прибывших делегатов, требовавших не красивых слов, а хлеба. «Не хотим слушать этого оратора,—кричали с хоров,—пусть лучше говорит наш батюшка Мирабо». Из боязни дальнейших осложнений король и Национальное собрание согласились переехать в Париж. Пешком, в экипажах и верхом массы людей с пением, возгласами и танцами потянулись из Версаля в Париж. «Теперь мы уже не будем иметь недостаток в хлебе! Мы везем пекаря, пекаршу и пекаренка!»—кричали женщины. Переезд короля и Национального собрания в Париж ставил их под прямой контроль революционного города. «Пекарь» и его семья были помещены в давно уже необитаемом Тюльерийском дворце, недалеко от места заседаний Учредительного собрания. С этого времени, т.-е. приблизительно с половины октября, конституционно-демократическая часть Собрания начинала уже сознавать, что власть постепенно уходит из-под ее ног. Уже в первом заседании в Париже 19 октября Мирабо заявил, что отныне начинается диктатура демагогов и конец правления честных людей. Несколькими же днями раньше Мирабо, как свидетельствует о том его тайная переписка, вступил в соглашение со двором, советуя королю как можно скорее вывести войска из Парижа и самому вместе с Собранием переехать в Руан. Действительно, с первых же дней пребывания в Париже события пошли более быстрым темпом. «Четвертое сословие» начало сознавать свои права и силу. И потому часть депутатов приблизительно около 300 человек, главным образом из аристократии и духовенства, сочла благоразумным ввремя покинуть Париж и разъехаться по своим провинциям.

Октябрьские события подняли настроение оставшейся части собрания и заставили его быть более решительным и последовательным в своих действиях. В центре внимания попрежнему стоял финансовый вопрос. Финансовая нужда усиливалась еще и потому, что начавшаяся реформа управления потребовала новых расходов на армию, национальную гвардию, чиновников гражданского и духовного ведомства, на помощь безработным, число которых в одном

Секуляризация церковных имуществ.

Париже с октября 1790 года по май 1791 года возросло с 19 до 31 тысячи и т. д. Финансовый кризис в конце концов заставил Учредительное собрание решиться на то, к чему оно так робко подходило с самого начала Революции: на секуляризацию церковных имуществ. Уже при обсуждении предложения Неккера, когда старые средства оказались недостаточными для ликвидации финансового кризиса, некоторые ораторы указывали на «суетные украшения» храмов. «Роскошь творца,—заявил, например, депутат Жессэ,—состоит не в украшениях, сделанных людьми, а в величии природы». С исторической точки зрения секуляризация церковных имуществ не представлялась делом новым. Частичное отобрание церковных имуществ имело место и в старой Франции. Так, при Людовике XV секуляризировали земли иезуитского ордена, а еще раньше, при Франциске I, вследствие государственного банкротства, не один раз заходила речь о полной конфискации церковных доменов. После же уничтожения юридических привилегий светских и духовных сеньеров 4-го августа, уже сама логика вещей требовала отмены базы, на которой покоились эти права. Безвыходное положение государственного казначейства придавало смелость и усиливало энергию депутатов. 10 октября 1789 года Собрание приняло декрет о секуляризации имуществ церкви, как определенной корпорации.

Распродажа
церковных
имуществ.

Конфискованные церковные земли образовали особый фонд национальных имуществ. Национальные имущества служили обеспечением выпущенных Учетной кассой на сумму 400 миллионов пятипроцентных банковых билетов или ассигнаций. Ассигнации служили долговой распиской, дававшей право ее держателю на приобретение церковного имущества. Ценность ассигнации, установленная первыми декретами в 1000 ливров, очень скоро была понижена до 500, а через некоторое время стоимость ассигнаций, начавших ходить наравне с деньгами, понизилась до нескольких су.

Смысл секуляризации церковных имуществ был двоякого рода: с одной стороны, стремились успокоить волнуемую деревню, а с другой—надеялись поддержать курс денег. Стремлением сочетать две цели и объясняется странное противоречие декретов, касавшихся этого вопроса. Так, в интересах сельской демократии декабрьский декрет устанавливал рассрочку платежей для того, «чтобы дать возможность стать

собственников более значительному числу граждан, предоставив большие удобства покупателям». Часть выкупной суммы, согласно декрета, уплачивалась при самой покупке; остальная же разбивалась на 12 лет, поровну на каждый год, но при этом оговаривалось, что покупатели могут ускорить выплату, погашая платежи в более короткие сроки, или выплачивая все сразу. Оговорка о сокращении срока содержала в себе скрытую мысль о невыгодности долголетней рассрочки и продажи мелкими участками. Противоречие обнаружилось и по другому пункту. Часть Учредительного собрания настаивала на возможно большей дробности продаваемых участков, а некоторые даже предлагали забронировать несколько тысяч десятин национального фонда, приблизительно на сумму в 1½ миллиарда, чтобы раздать их небольшими участками бедным семьям. Но большинство Собрания, не отрицая целесообразности предложения, по практическим соображениям все же склонилось к противоположному решению: по возможности не раздроблять продаваемых фермерских хозяйств. Список покупателей национальных имуществ показывает, что большая часть земель перешла в руки буржуазии разных категорий: негоциантов, мировых судей, прокуроров, членов департаментских собраний и т. д. К тому же нередко случалось, что одно и то же лицо приобретало небольшие участки в разных местах с расчетом впоследствии продать их по более высоким ценам. С аукциона продавались не только земли, но также всякого рода инвентарь: сельскохозяйственные орудия, крюки, ножи, косы, сковороды, иконы, статуи святых, ризы и пр. Одним словом, на грандиозной ярмарке сначала церковных и удельных, а вскоре и эмигрантских имений продавали все, что только в них находили, а покупателями выступали все, имевшие свободные деньги. Часть земельного фонда отошла к имущей части крестьянства. Крестьяне обычно приобретали землю в складчину, образуя товарищества из 10, 15, 20, 40, 100 и более человек. Необеспеченные же люди, т.-е. пролетарии в собственном смысле этого слова, при распродаже земельных богатств должны были удовлетвориться ролью простых зрителей.

Таким образом, церковные богатства раскололи французскую деревню на два слоя: сельскую буржуазию и сельский пролетариат. В то время, как пролетариат стремился продолжить и углубить революцию, сельская буржуазия начи-

Буржуазная демократия.

нала изыскивать подходящие средства остановить революцию. При этом она не прочь была помириться и с королем при условии, если он признает совершившимся фактом новое перераспределение земельной собственности и откажется от всяких попыток восстановления старого строя. Сельская буржуазия идеологически вполне соглашалась с точкой зрения депутата Лалли-Толендаля, доказывавшего Собранию, что наиболее независимый человек наиболее способен защищать свободу. «Но кто же более независим, собственник или пролетарий? Кто более заинтересован в том, чтобы страна не испытывала бедствий? Тот, чье имущество, чье существование приурочено к земле, или же тот, кому не о чем жалеть, если он покинет эту землю? В том и другом случае более надежным элементом, конечно, является собственник». Яснее всего настроение буржуазии выявилось при дебатах об организации исполнительной и законодательной власти. Большинство Учредительного собрания, верное своим идеалам, стояло за конституционную монархию в английском духе. Монарх остается неприкосновенным, но при одном условии, что «не мы принадлежим монархам, а монархи принадлежат нам». Конституционная монархия нужна,—говорил Лалли-Толендаль,—для завершения революции, поэтому разговор может быть только об организации этого строя, а не о самом принципе; конституция должна быть такой, чтобы она представляла свободу частной инициативе и ставила правительство в зависимость от воли всей нации. Единая власть непременно поглотит все другие власти. Две власти будут бороться между собой до тех пор, пока одна из них не уничтожит другую; три же власти будут вполне уравнивать друг друга, если они будут скомбинированы так, что при борьбе двух из них, третья, одинаково заинтересованная в той и другой, присоединится к угнетаемой стороне и восстановит мир между всеми; отсюда оратор делал вывод о необходимости разделения властей. «Законодательный корпус будет состоять из трех частей: короля, сената и национального представительства (палаты)».

Определенно классовый характер выражен и в Конституции 91 года, признавшей имущественный ценз и в зависимости от этого разделившей граждан на две категории: активных и пассивных. Для получения права голоса в первичных собраниях требовалась уплата прямого налога

в размере трехдневной местной заработной платы, 25-летний возраст, оседлость в данном округе и несостояние в положении прислуги. Для получения же права избрания в коллегию выборщиков устанавливался прямой налог в размере десятидневной заработной платы и, наконец, для избрания в Законодательное собрание требовалась уплата прямого налога в размере 50 ливров или одной марки серебра и, сверх того, обладание земельной собственностью. Лишь отдельные члены Учредительного собрания в различных связях указывали уже на пренебрежительное отношение к интересам бедной части населения. Так, Робеспьер говорил, что все граждане имеют право принимать участие в представительстве. Ведь только это и соответствует смыслу Декларации прав. Конституция должна со всею силою выдвинуть суверенитет (верховенство) народа. Или же все граждане будут участвовать в установлении закона, или же, в противном случае, нельзя говорить, что все люди равноправны и что всякий человек гражданин. Надо быть последовательным и из принятых посылок не бояться делать все соответствующие выводы. В таком случае надо сказать, что чей доход равняется 100 тысячам ливров, тот имеет в сто раз более прав, чем тот, доход которого равняется 1 тысяче ливров. Наряду с ремесленниками, беднейшими крестьянами и домашней прислугой, обойденными оказались также и малосостоятельные интеллигенты: педагоги, литераторы, художники и т. д. Сохранившиеся списки муниципальных чиновников показывают, кому принадлежала верховная роль в этих собраниях. Так, мэром одного из самых крупных провинциальных муниципалитетов—бордосского муниципалитета, был некий Фюмель, бывший главнокомандующий в Нижней Гиень, прокурором-синдиком известный адвокат Баррен, которого сменил не менее известный Жансоннэ. Муниципальные чиновники и члены Генерального совета Бордо почти сплошь состояли из адвокатов и негоциантов. В другом большом торгово-промышленном центре—Марселе с 1789 года установилась настоящая олигархия богачей и интеллигентов. Приблизительно так же дело обстояло и в Париже. В выборах, происходивших непосредственно за штурмом Бастилии, живейшее участие принимали именитые купцы, банкиры, адвокаты, признанные ученые, известные журналисты и т. д. Между прочим в числе первых избранных парижского муниципалитета блистали популяр-

ные имена бывшего директора королевских соляных заводов, прокурора судебной палаты, членов академии наук, видных представителей торговли, промышленности, журналистики и науки. По своему классовому положению и образованию эти люди не были заинтересованы в коренной ломке существующего строя и лишь по соображениям второстепенного характера взялись за чуждое им дело. Этим и объясняется та вялость и путаница, которыми отмечена муниципальная жизнь Парижа и других городов в первые месяцы революции.

Психологическое перерождение недавних революционеров происходило необыкновенно быстро. Чем выше поднималась волна народных волнений, тем сильнее в Учредительном собрании раздавались голоса, протестовавшие против «анархии» и «преступных полов», врагов общественного возрождения и торжествующей свободы. Так, в одном декрете мотивировалось, что враги нации, утратив надежду насильственными мерами воспрепятствовать торжеству свободы, составили преступный план достичь той же цели путем беспорядка и анархии. По поводу крестьянских восстаний в сентябре месяце буржуазные «Парижские Революции» писали, что по глупости и невежеству в некоторых местах равенство и свободу толкуют в смысле раздела имущества. Из провинций сообщали о стычках национальной гвардии с крестьянами и сочувствовавшими им рабочими. В одном месте рабочие встретили национальную гвардию градом камней и черепицами.

Праздник
Федерации.

Желание буржуазии закрепить за собой господство и ослабить революцию наталкивало ее на изобретение всевозможных средств закрепления складывавшихся социально-юридических отношений. Так, исходя из этих соображений, воздвигли юридические преграды для изменения конституции. Для изменения Конституции 91 года требовался двукратный созыв Законодательного корпуса и непосредственное обращение к народу (референдум). Другим средством разрядки энергии и смягчения все сильнее обозначавшихся классовых противоречий служили всенародные празднества. Празднества имели двойное значение: с одной стороны, они подымали революционную энергию, а с другой—они могли направлять эту энергию в противоположную сторону. Вообще же говоря, французы конца XVIII столетия превосходно понимали организующую силу праздников, торжественных

процессий, театров, концертов, уличных маскарадов и т. д. Одним из таких праздничных маскарадов был праздник федерации, устроенный 14 июля 1790 года в годовщину взятия Бастилии. В день 14 июля на левом берегу Сены, на Марсовом поле, 1200 добровольных рабочих всех званий и возрастов превратили большую площадь в амфитеатр, рассчитанный на 300 тысяч человек. В работе принимал участие весь Париж: работали солдаты, священники, учащиеся, ученые, адвокаты, литераторы, дамы и дети. Под трубные звуки и удары барабана каждый делал свою работу до тех пор, пока не раздался пушечный сигнал, возвещавший об открытии праздника. Посредине площади была сооружена пирамида высотой в 8 метров с алтарем отечества и с трибуной для короля и его семьи. Через Сену был перекинут мост, от которого к площади вела со вкусом декорированная триумфальная арка! Пушечный выстрел возвестил об открытии процессии. Впереди шествовала парижская национальная гвардия с оркестром из 1300 человек, за ней батальон детей, потом члены Национального собрания, представители отдельных департаментов с 83 знаменами, затем отряд стариков, заканчивали процессию сорокатысячный корпус солдат и второй корпус национальной гвардии. Ответственным руководителем праздника был Лафайет, начальник национальной гвардии. У подножия алтаря отечества 200 священников, одетые в белые одежды, под звуки оркестра совершали торжественное богослужение и освящение знамен. Восшедший на алтарь Лафайет громко произнес слова присяги: «клянусь в верности нации, законам и королю». Художественное сочетание простоты и величия производило потрясающее впечатление на участников праздника братства всех французов. У многих на глазах навертывались слезы, некоторые целовали одежду и руки Лафайета и с благоговением повторяли слова присяги. Официально праздник закончился в 6 часов вечера, но не официально он продолжался еще целую неделю.

Однако, противоречия между имущими и неимущими классами как в деревне, так и в городе, настолько были сильны, что никакая искусная редакция конституции и никакая художественная постановка праздника не могли восстановить нарушенного равновесия. Национальные мастерские, куда сгоняли безработных, наводили на грустные размышления. «Испытываешь поистине тяжелое чувство, когда смотришь

на эти тысячи людей в лохмотьях со впалыми щеками, с измученными лицами и стеклянными глазами»—писал в «Парижских Революциях» Лустало. Поневоле терпевшее национальные мастерские, Собрание при первой же возможности старалось сократить или распустить рабочих. В последних числах августа, напр., с большими предосторожностями, под контролем отборных войск с пушками, закрыли монмартрские мастерские и рабочие получили отставку. В течение всей сессии Учредительного собрания на почве материальных недостатков постоянно происходили брожения рабочих в различных местах Франции, особенно в ее столице. Впрочем, нужда и недовольство рабочих имели место не только в одной Франции, но и во всех других странах Европы. Поэтому и главную причину тяжелого положения рабочего класса надо искать не только в политическом строе Франции, но, главным образом, в хозяйственных условиях всей Европы конца XVIII столетия.

Экономическое состояние Франции в первые годы Революции.

Чтобы понять Французскую революцию, необходимо иметь в виду, что конец XVIII столетия и начало XIX были временем широкого развития европейской торговли и промышленности. Современные европейцы, а среди них особенно французы,—говорил в одной из своих речей аббат Сиэс,—в настоящее время только и говорят, что о фабриках, торговле и земледелии. Страсть обогащения поглощает все другие чувства. «Вследствие повышенного темпа хозяйственной жизни и гигантских успехов техники большинство людей даже потеряли человеческий облик и превратились в работающие машины». Революция, несмотря на частичные кризисы и на отливы капиталов за границу, не убила торгово-промышленной деятельности. Мало того, внешняя торговля Франции за период с 1789 и по 1792 год возросла приблизительно на 600 миллионов франков, в общей сложности поднявшись до двух миллиардов фр. ввоза и вывоза. Коммерческая и предпринимательская горячка имела двоякого рода социальные последствия. Для небольшого числа людей коммерция служила прекрасным средством обогащения и приобретения власти над людьми. Именно к этому типу людей принадлежали те, «невежественные, алчные и ненасытные угнетатели», о продажах которых ежедневно сообщалось в «Друге Народа» Марата. Было бы затруднительно и скучно перечислять все источники, из которых черпали богатство изобретатель-

ные французы того времени. На городских и сельских гёшефтах вырастали те слои новой буржуазии, о которых говорилось выше. Эти классы и группы охотно поддерживали революцию до тех пор, пока она предоставляла широкий простор для их приобретательской и спекулятивной деятельности, но они тотчас же перешли в лагерь реакционеров, как только речь зашла о разделе земель и о привлечении капитала на службу обществу.

Чем больше капитал проникал в деревню, тем сильнее становилось обнищание мелких землевладельцев и эмиграция из деревни в город. Вытолкнутые из своих владений капиталистическими фермерами, мелкие землевладельцы бросали свои усадьбы и уходили в город, умножая кадры безработного пролетариата. В городе же возрастающая конкуренция на международном рынке заставляла предпринимателей сокращать свое производство и напрягать все силы рабочего, удерживая его заработную плату на возможно низком уровне. В то время, как происходила жестокая борьба между крупным и мелким производством, усиливалась конкуренция и среди самих рабочих. Сплошь и рядом предложение значительно превышало спрос на рабочие руки. Особенно остро нужда и конкуренция давали себя чувствовать во время экономических депрессий, участившихся за время революции. Из сказанного вытекали два важных следствия: обострение классовых противоречий и усиленная тяга к образованию профессиональных союзов. О силе классовой ненависти, которую питали по отношению к «богатым разбойникам» рабочие, можно составить представление по резким статьям популярной газеты Марата. По мнению Марата, рабочие крупных мануфактур, ремесленники, батраки, земледельцы и мелкие купцы составляют особое государство в государстве, и по своим интересам противостоят крупным предпринимателям и торговцам. Собственно только из пролетариев, к числу которых принадлежат все вышеупомянутые категории трудящихся, и может образоваться свободный народ, не выносящий никакого деспотизма и всегда готовый свергнуть его, как только в какой-либо сфере жизни этот деспотизм даст себя почувствовать. Оскорбительную же кличку «пролетарий», в буквальном смысле означающую людей ничего не имеющих, кроме возможности иметь детей, для большинства наций придумали наглые богачи.

Обострение
классовых
противоре-
чий.

Заслуживает внимания и самая личность редактора первого рабочего органа Франции Жан Пол Марата (1743—1793 гг.). Еще в ранней юности Марат испытал на собственном опыте весь гнет кастового строя и деспотизм привилегированных корпораций. Его первые ученые труды по астрономии, медицине и физике, написанные с большим увлечением и искренностью, натолкнулись на жестокую критику со стороны признанных ученых. Марат был обвинен в присвоении чужих мыслей и сделался предметом злостных насмешек. Это обстоятельство наложило тяжелый отпечаток на всю психологию Марата и поселило в нем отвращение ко всякого рода деспотизму: будь то политический деспотизм, или деспотизм ученой касты, или какой бы то ни было иной. Специально этому вопросу посвящено одно из ранних произведений Марата, памфлет «Цепи рабства», написанный около 1774 года. Под влиянием тяжелой обстановки общественной и не особенно благоприятных условий личной жизни Марат приходил к малоутешительным, а иногда и просто безотрадным выводам. В предисловии к названному памфлету он говорит, что, очевидно, неизбежна судьба человека быть рабом. Деспотизм одних и рабство других—это две стороны одной медали. Высший деспот—это власть и государство. Государство возникло путем насилия. Несколько счастливых разбойников были его создателями. Разбойники же изобрели и законы, которые служат гарантией и взаимной страховкой всего награбленного. Свобода пребывает еще в маленьком по размерам государстве и уже окончательно исчезает в больших деспотиях. Причина этого та, что в маленьких государствах люди друг друга знают, и интересы их не так расходятся, как в большом государстве. В маленьком государстве народ смотрит за чиновниками и потому последние не так злоупотребляют своей властью. Рабство возникло тогда, когда богатства скопились в одних руках. Наиболее счастливы те нации, которые сумели ограничить роскошь и поставить предел богатству. Нищета и богатство,—не раз повторяет Марат,—сопутствуют друг другу. Неизбежным следствием развития богатства является роскошь. Все зло общественной жизни, собственно, и происходит от роскоши. Роскошь уничтожает любовь к славе, уничтожает добрые нравы, интимность и простоту отношений, наконец, ослабляет стремление к великим делам, благородным поступкам и героической доб-

родители. Нетрудно доказать, что вся социальная философия Марата является реакцией на экономические и социальные противоречия старого порядка. Революция оживила Марата и сделала его идеологом широких масс и заклятым врагом имущих. Марат, как никто другой из его современников, остро чувствовал тяжелое и беспросветное положение бедного и угнетенного люда. Каким глубоким проникновением в психологию рабочего класса и братским состраданием звучат, например, следующие строки: «Я выполняю священный и дорогой для моей души долг, отстаивая дело рабочих, образующих наиболее здоровую и наиболее полезную часть народа, тех драгоценных граждан, на которых тяготеют все государственные повинности и которым приходится смотреть, как обогащаются плуты, заставляя их работать до изнеможения. Бог браней! если б я когда-нибудь пожелал владеть твоим мечом, то я стремился бы восстановить святыне законы природы, которые все земные владыки попирают ногами и которые так безжалостно и бесстыдно нарушаются нашим законодательством».

Остро чувствуя нужду угнетенных, Марат, однако, не имел ясного плана, как выйти из этого невыносимого положения. Главными врагами трудящегося люда, по его мнению, были капитал и машины, порождающие алчность и жестокость предпринимателей. Чтобы подорвать зло в самой его сердцевине, необходимо снять прежде всего несколько голов капиталистов и затем уже приступить к другим полезным мероприятиям. К числу наиболее полезных для рабочего класса мероприятий Марат относит устройство производительных рабочих кооперативов, раздробление крупных ферм на мелкие, закрытие общественных мастерских и замену их частными, небольшими по размерам предприятиями.

Вместе с этим Марат выступал горячим поборником организации общественных работ, в частности, прорытия огромного канала в Сен-Морэ. По мысли Марата, этот канал обеспечит существование нескольких тысяч рабочих и изменит к лучшему участь 80 тысяч жителей столицы. С прорытием канала мрачный Венсенский замок превратится в обильную житницу, из которой бедняк будет получать нужные ему продукты по возможно дешевым ценам. Житница даст работу мельницам, которые избавят Париж от ажиотажа компаний и барышников. Рабочие примут более близкое участие в де-

лах предприятия, будучи в качестве акционеров предприятия заинтересованы в его процветании.

Приведенные рассуждения интересны, как живое свидетельство социально-экономических воззрений в эпоху Французской революции. Нечеткость идеологии даже у передовых мыслителей того времени является верным показателем нечеткости и расчлененности социальных группировок. Как уже отмечалось выше, Марат и его современники сильны в критике старого порядка, но слабы в теоретическом осмыслении будущего. Отсутствие во Франции рабочего класса в нашем смысле этого слова и преобладание мелкого производства являлись причиной отсутствия социалистических и коммунистических теорий, ставших возможными лишь в половине прошлого столетия. Квалифицированные мастера (рабочая аристократия) свой идеал усматривали в прошлом, т.-е. в несколько подновленном цеховом строе. Требование высокого качества и даже художественного совершенства продуктов, установление семилетнего срока обучения, профессионального экзамена и всяческого поощрения «таланта» больше всего находили сочувствие именно в среде квалифицированных мастеров. Слабо квалифицированные рабочие скорее склонялись к рабочей ассоциации или синдикату, в том виде, как его представлял себе Марат. Большинство же трудящегося люда просто не знало, как вырваться из тяжелого экономического положения и поэтому металось из стороны в сторону. Иногда оно смотрело в будущее, а нередко сожалело о «добром старом времени», когда не было ни машин, ни капиталов. Лишь одна идея объединяла весь французский пролетариат—это недовольство своим настоящим положением и желание так или иначе из него выбраться. Впечатлительный мозг Марата впитал в себя все противоречия психологии рабочих масс и почти в чистом виде передал его потомству.

Было бы напрасной работой искать у Марата, как и у других первостепенных деятелей Революции, точного различения социальных категорий и точного определения рабочего класса. Читатели «Друга Народа», увлеченные повседневной жизнью и борьбой, понимали, о чем там шла речь, и не требовали ученой терминологии. Газета Марата хороша именно тем, что она не являлась ученым органом, в котором все сглажено, прибрано и расставлено по своим местам. «Друг Народа»—ослепительное зеркало, передающее все из-

гибы социальной жизни и отражающее все извороты и противоречия человеческой психики. Достаточно одной этой газеты, чтобы понять и почувствовать самый дух Французской революции. При желании Марата с полным правом можно отнести как к крайним революционерам, так и к крайним ретроgrадам. Многочисленные статьи и книги «Друга Народа» дают достаточное количество материала для подтверждения того и другого положения. С исторической точки зрения вернее всего сказать, что Марат, идеолог и организатор парижского пролетариата, был таким, какой в его время была сама рабочая масса.

При всей неотчетливости социально-экономических воззрений Марата, во всех его статьях постоянно повторяется одна мысль: необходимость самостоятельной организации рабочего класса и мелкой буржуазии в целях обороны и нападения. На мысль об организации трудящихся прежде всего наводили те глубокие и частые потрясения, которые нарушали экономическую жизнь Франции до Революции и особенно во время Революции. Рабочие союзы, известные и старому порядку, в годы Революции получили новые импульсы и широкое распространение. Отношение же Учредительного собрания ко всякого рода рабочим объединениям все время было резко отрицательное. Буржуазные теоретики во всякого рода совместных выступлениях и союзах усматривали пережитки средневековых отношений и стеснение личной свободы. Практические же дельцы попросту боялись объединенных рабочих. Но чем строже были меры против союзов, тем сильнее росла изобретательность в организации этих союзов. В это время, по примеру старинных сект и союзов франк-массонов, стали образовываться тайные организации. Не имея возможности обсуждать свои нужды открыто, недовольные собирались в потаенных местах, пустых домах, рощах и т. д. Цель всех этих собраний, число которых с каждым днем все возрастало,—говорил при обсуждении проекта карательных мероприятий докладчик Учредительного собрания Шапелье,—сводится к принуждению предпринимателей, мастеров и подрядчиков повысить заработную плату и признать за рабочими право ассоциации. Под влиянием усиливавшегося забастовочного движения Собрание декретом от 14 июня 1791 года запретило все без исключения союзы и корпорации.

Борьба с рабочими союзами.

Шапелъе не скрывал своего отрицательного отношения ко всякого рода организациям и корпорациям. «Нарушение этих принципов,—подчеркивал докладчик,—грозит большими осложнениями общественному порядку. Забастовщики не останавливаются перед прямыми насилиями, принуждая своих товарищей прерывать работу и участвовать в общем движении. Надо твердо и решительно, раз и навсегда, постановить, что в государстве не существует больше ни корпораций, ни частных интересов, а есть только единый интерес нации; потому никому из граждан не может быть разрешено «сговариваться о своих классовых интересах и какими бы то ни было корпорациями отделять себя от общества». Докладчик вполне согласен с тем, что у свободной нации заработная плата должна быть достаточно высока, ибо в противном случае человек, живущий заработной платой, окажется в тяжелом и позорном положении, обусловленном отсутствием необходимых средств существования. Но вся забота о рабочем классе должна быть возложена исключительно на Учредительное собрание, как на высший орган всей нации. О промежуточных же интересах между целой нацией и индивидуумом не может быть и речи, ибо это в самом принципе исказило бы сущность революции. Национальное собрание,—закончил свою речь Шапелье,—ни при каких условиях не позволит возобновлять всякого рода корпорации одного и того же состояния и одной и той же профессии. «Всем властям,—гласила одна из статей нового закона,—воспрещается принимать какие бы то ни было петиции и адреса, подаваемые от имени профессиональных групп или ремесленных союзов. Зачинщики же, вожаки и подстрекатели будут преданы суду и наказаны наложением штрафа в размере 500 ливров и лишены всех прав активных граждан». Закон Шапелье являлся первым звеном в длинной цепи мер в борьбе труда и капитала.

Запрещение союзов и сокращение срока выкупных платежей произвело крайне неблагоприятное впечатление на городской и сельский пролетариат. Социальная атмосфера накалялась, и достаточно было малейшего повода, чтобы разразилась уже настоящая кровавая гроза. Таким толчком послужил день 17 июля 91 года. Под свежим впечатлением событий 20 июня (бегство короля в Варенн), члены клуба Кордильеров составили петицию протеста, одновременно на-

правленную против короля и Учредительного собрания и положили ее для подписи на алтарь отечества на Марсовом поле. В петиции говорилось, что совершилось великое преступление, Людовик решился на дерзостное преступление бежать из Франции и соединиться с врагами. Государство едва не сделалось благодаря этому жертвой анархии. Возмущенные поведением короля и еще больше поведением Учредительного собрания, патриоты единодушно обращаются к народу за утверждением конституции и отмены королевской власти. Кроме того, петиционеры настаивают на лишении депутатских полномочий 250 членов собрания, протестовавших против суда над королем. В заключение предлагалось отменить декрет о повиновении королю, приняв в соображение, что преступление Людовика XVI доказано и что король отрекся от престола. Необходимо созвать новую учредительную власть и приступить к замене и организации новой исполнительной власти. Недовольные содержанием петиции, не решаясь вступить в открытый конфликт с народом, искали случая, чтобы скомпрометировать авторов петиции и сорвать предполагавшуюся манифестацию. Благоприятный случай скоро представился. Прибывшую на Марсово поле национальную гвардию манифестанты встретили градом камней и оскорблений. Лафайет дал приказ стрелять. Произошла стычка гвардии с народом, в результате чего оказалось несколько убитых и раненых. Столкновение на Марсовом поле возбуждающим образом действовало как на Учредительное собрание, так и на его противников.

Собрание хотело обеспечить себя на будущее время от всякого рода покушений со стороны недовольных; по этому поводу был издан специальный закон, гласивший, что все лица, замеченные в подстрекательстве к убийству, грабежу, поджогу или в неповиновении закону, равно как и составители прокламаций, афиш, статей, брошюр, речей и т. д. «будут считаться мятежниками или нарушителями общественного спокойствия, а, следовательно, полицейские чины должны будут немедленно задерживать их для отдачи под суд, согласно закону». Затем вотировали закон, стеснявший свободу печати и провели избирательный закон, требовавший для выборщиков уплаты прямого налога в размере 40 марок серебра. Таким образом Учредительное собрание, начав с Декларации прав человека и гражданина и признания выс-

шей власти за всем народом, в процессе развития революции отказалось от своих первоначальных требований. Ревностно оберегая свою власть от одновременных покушений справа и слева, Учредительное собрание вернулось к дореволюционным методам защиты интересов одних классов в ущерб другим. Полное народоправство, на которое так любят ссылаться в наше время,—говорил один из представителей средней буржуазии Барнав,—не более как фикция. Все, ссылавшиеся на чистую демократию Спарты и Афин, совершенно не понимают природы античного государства; не понимают они и сущности представительного правления. Разве они забыли, что лакедемоняне имели право вотировать в общественных собраниях лишь потому, что у них были илоты (рабы), и что у лакедемонян, как и у римлян, чистая демократия существовала лишь потому, что в жертву ей были принесены не политические, а личные права большей части населения? В наше время вошло в моду ссылаться на права честных ремесленников, рабочих и мелких землевладельцев, но этим обычно стараются лишь прикрыть эгоистические стремления некоторых лиц, желающих на спинах бедного люда составить себе политическую карьеру. Существует особая порода людей, как бы движимых интригой и одушевляемых духом мятежа и перемен. Происходит это потому, что эти люди ничего другого делать не умеют и ничего, кроме честолюбия, зависти, и интриги не имеют. Мятежи и интриги сделались как бы их второй натурой. «Я спросил бы членов этого Собрания, отстаивающих противоположное мнение, принадлежат ли они к рабочим? Нет. Принадлежат ли они к земледельцам? Нет. Принадлежат ли они к журналистам? Да, они все журналисты!». Собрание покрыло слова Барнава бурными аплодисментами. При таком настроении Учредительного собрания, считавшего революцию оконченной, низшим классам, т.е. рабочим и мелкой буржуазии, пришлось повторять слова Робеспьера: нам придется или впасть в прежнее рабство, или же опять взяться за оружие.

Мирабо.

Всю историю Учредительного собрания можно проследить на истории виднейшего ее представителя и одного из самых крупных людей революции графа Мирабо.

Своим образом мыслей, своей внутренней раздвоенностью, своей позой и страстью к актерству, своей большою любовью к пышной фразе и малой практической подготовленностью

Мирабо более, чем кто-либо другой, выявлял общую физиономию людей первого периода великого кризиса на заре XIX столетия. Дворянин—аристократ по происхождению, непризнанный своим сословием и от него отколовшийся, журналист по натуре, граф Мирабо еще до Революции благодаря своим брошюрам, сделался лидером и трибуном «третьего сословия». Его пугала и отталкивала от аристократии и абсолютной власти короля та «страшная болезнь старой власти, которая никогда не позволяет делать никаких уступок, как бы в ожидании, чтобы у нее исторгли силою то, что она должна была бы дать добровольно». «Во всех странах и во все времена,—писал раздраженный граф,—аристократия преследовала друзей народа. Если, не знаю, по каким случайностям судьбы в среде аристократов являлся друг народа, то его-то, главным образом, они и стремились поразить, стараясь навести страх на других выбором своей жертвы. Так погиб последний Гракх от руки патрициев. Но, уже пораженный смертельным ударом, он бросил к небу горсть пыли, взывая к богам-мстителям, и из этой пыли возник Марий, который был велик не тем, что истребил кимбров, а тем, что низверг в Риме привилегии знати. Я же сам есть и всегда буду человеком общественной свободы. Дворянским привилегиям придет конец, но народ вечен!». Усматривая большую угрозу только что зарождающейся свободе в «аристократических заговорах», Мирабо вместе с другими представителями в то время еще нерасколовшегося «третьего сословия» в порыве восторга и удивления в глубоко прочувствованных словах приветствовал события 14 июля.

«Бастилия, — писал Мирабо в издававшемся им «Провансальском Курьере», — пала после трехчасового штурма, вследствие чудес храбрости, проявленных французскими гвардейцами, которые, не колеблясь ни минуты, засвидетельствовали свою высокую преданность делу свободы». Выше всякой похвалы было «при этом чрезвычайном перевороте» среди всеобщего замешательства поведение самого народа — ни грабежей, ни малейшей жестокости. Смена одного порядка другим совершилась без пролития крови, почти незаметно. Таким образом мы используем разрушение этой твердыни тирании, которая вот уже два столетия позорила и устрашала столицу. Если же нашим внукам потребуются напоминание о деспотизме, — оставим неприкосновенными мрачные венсенские баш-

ни. Действительно,—прибавлял Мирабо,—гнев народа часто бывает страшен, но все-таки хладнокровие деспотизма всегда хуже и отвратительнее. «Его рассчитанная жестокость часто в один день низвергает в несчастье много больше людей, чем падет жертв за целые годы народных восстаний».

Всецело поглощенный борьбой с «аристократическими заговорами» и еще не видевший своих классовых врагов слева и внутри самого «третьего сословия», Мирабо дал правильный, и даже в наше время заслуживающий внимание анализ народных движений. Он соглашается, что переход от плохого к хорошему часто бывает ужаснее, чем самое плохое. Нельзя, конечно, отрицать, что выступления народа иногда сопровождаются потрясающими эксцессами и даже при этом получается впечатление, что «стремясь смягчить свои страдания, он их увеличивает, отказываясь платить налоги, он беднеет еще больше, покидая работу, он способен накликать на себя новый голод». Но хотя все это и правильно—все же это избитые и банальные истины. Если признают, что деспотизм лучше анархии, и что плохие законы лучше отсутствия законов, то этим выдвигают ложный, преувеличенный и отвратительный принцип. Мы не хотим последовательно сравнивать необузданность и тиранию. И то и другое ведет к несчастью, то и другое принижает. Но из этого не следует, что последствия того и другого одинаковы. История не знает ни одной нации, для которой состояние анархии было бы длительным. Суть дела в том, что народ, состарившийся в рабстве, так рабом и умрет, в необузданности же он или погибнет или же реформирует свое правительство. В настоящее же время события, как никогда раньше, благоприятно сложились для Франции.

Настроение Мирабо сильно изменилось, когда на общественную арену и на сцену истории стали выступать малосостоятельные элементы «третьего сословия»,—или народ в настоящем смысле этого слова. Уверенный в разгроме «старого порядка», лидер умеренно-конституционной группы все внимание теперь направил на «эксцессы демократии», как раньше он все внимание сосредоточивал на аристократических заговорах. События 5—6 октября, связанные с «походом женщин» на Версаль, окончательно сбили с толку «великого трибуна». Демократические эксцессы,—писал он в это время,—действительно способны довести

революцию до полного банкротства. Революцию до полного отчаяния скорее всего могут довести порочные люди, которым уже нечего терять, слишком хорошо знающие самих себя и слишком много ожидающие от интриг и авантюризма. Эти люди прекрасно сознают и чувствуют, что «они погибнут, как только придет свобода». При таких обстоятельствах, когда «эксцессы народа» становятся обычным каждодневным явлением, у нации остается одно естественное средство обуздания плебейских страстей: военное положение.

Верный своему принципу, Мирабо 14 октября, т.е. девять дней спустя после октябрьских событий, внес в Национальное собрание законопроект о введении военного положения, требовавший драконовских мер против всякого рода уличных демонстраций, сходок, попыток восстания и т. п. Последние статьи и выступления Мирабо в Национальном собрании дают основание предполагать, что его отклонение вправо все время должно было бы прогрессировать, но судьба была снисходительна к великому графу, и еще в самом начале Революции, 12 апреля 91 года, унесла его, разочарованного и опороченного изменой принципам свободы, в могилу.

После 17 июля поведение Учредительного собрания становится нервным, о недавнем революционном энтузиазме не было уже и помина, настроение депутатов пало, а вместе с тем пала и популярность самого Собрания. К осени 91 года авторитет первого представительного собрания Франции сошел почти на нет; разочарованные депутаты спешили разъехаться по своим провинциям. С октября страной руководило уже не Учредительное, а Законодательное собрание или Легислатива (1791—92 гг.). Выборы в Легислативу протекали при исключительных обстоятельствах. Повсюду происходили волнения. Из Креси, Булони, Перигора и многих других мест приходили тревожные известия, что крестьяне поголовно отказываются платить ренты, образуют союзы, ходят толпами, наводя панику на мирное население и врываются в дома сеньеров, духовных лиц и вообще зажиточных людей. В одной из петиций говорилось, что Учредительное собрание, почти сплошь состоявшее из горожан, пренебрегло интересами деревни. Никто не позаботился о нуждах мелких землевладельцев. До сих пор еще «эта всемогущая шайка продол-

Законодательное собрание.

жает держать деревенских жителей в оковах». Эти бывшие сеньеры и их агенты, нынешние фермеры, в союзе с не-присягнувшими священниками, убивают революционное усердие простых земледельцев, заставляя их бояться восстановления старого порядка. Как и в июле 89 года, «прямое действие» деревни заставило Законодательное собрание более решительно высказаться за отмену феодальных пережитков. Было издано несколько декретов, согласно которым уничтожались без вознаграждения все случайные поборы: пятина, $\frac{1}{18}$ доля, пошрины, взимавшиеся при переходе участка от одного лица к другому, ленные подати и т. д. Сеньер имел право требовать уплаты лишь в том случае, если он мог документально доказать, что данный участок действительно уступлен им под условием определенных платежей. Наряду с революционными движениями, в некоторых частях Франции вспыхивали и контр-революционные движения, направляемые не-присягнувшими священниками и бывшими дворянами. В интересах охраны еще неокрепшего социального порядка, Легислатива принимала суровые меры против контр-революционных попыток и, главным образом, против их идейных руководителей.

Состав Законодательного собрания.

По своему составу Легислатива значительно отличалась от Конституанты. Преобладающее влияние в ней имели представители средней и крупной буржуазии, по большей части представленной чиновниками, адвокатами, интендантами, нотариусами, литераторами и учеными. В общей сложности чиновникам и интеллигентам принадлежало более 400 мест из общего числа. Партию крупной и средней буржуазии представляли фейльяны и часть якобинцев, известных под именем жирондистов. (Жиронда—департамент с городом Бордо.) Обе эти группы представляли, главным образом, интересы провинциальной промышленности и торговли. Центрами влияния фейльянов и жирондистов были Нормандия, Пикардия, Арденны, Руссильон, города—Бордо, Марсель, Лион, Тулуза и др. Как по характеру и объему торгово-промышленных оборотов, так и по составу покупателей интересы провинциальной и парижской промышленности не всегда совпадали. Другая, меньшая часть якобинцев, представленная в Собрании Шабо, Кутоном, Мерлэном и Базиром, более ориентировалась на мелкую буржуазию Парижа, рабочих и пролетарскую интеллигенцию. Занимая в Собрании

верхние места, левое крыло якобинской партии получило название Горы или монтаньяров. Между фейльями и якобинцами помещалась группа приблизительно в 200 человек «независимых», прозванная «брюхом» за то, что они всегда в определенное время завтрака или обеда покидали зал заседаний. «Независимые», смотря по разбираемому вопросу, склонялись то в ту, то в другую сторону. Различием классовой базы объяснялось резкое расхождение программ и тактики партий. Жиронда, главными представителями которой считались Верньо, Петион, Гюадэ, Жансоннэ, Кондорсе и др., и фейльи, представителями которых были Барнав, Дюпор, братья Ламетт, Лафайет и др., революционными оказывались только в вопросах, касавшихся старого порядка и препятствовавших утверждению торгово-промышленного класса.

Первым важным вопросом, по которому резко разошлись интересы правого и левого крыла якобинской партии, была война. Проповедниками войны выступили фейльи и особенно жирондисты. На войну толкали, как соображения экономического, так и политического порядка. О торгово-промышленном состоянии Франции того времени можно судить по отчету жирондистского министра Ролана, прочитанному им в Конвенте в январе 93 г. Общую ценность торговых оборотов за одну половину 92 года Ролан определял в 227 миллионов ввоза и 382 миллиона вывоза, что давало перевес экспорту над импортом на сумму 155 миллионов. Ввоз главным образом составляли предметы добывающей промышленности и сельского хозяйства: зерно, мука, вино, коньяки, уголь, металлы, пенька, строевой лес, кожа и пр. Экспортировались же преимущественно предметы индустрии: шелк, ткани, кружева, батист, местные вина, продукты французских колоний: сахар, кофе, табак и др. Оживленные торговые сношения поддерживались с северо-европейскими странами—Германией, Польшей, Данией, Швецией, Пруссией и Россией, затем с Голландией, Англией, Соединенными Штатами, с Оттоманской империей, Малой Азией, Левантом и со многими варварскими народами. Несмотря на все военные и дипломатические поражения (торговый договор с Англией 1786 г. и с Австрией 1756 г.), торгово-промышленная жизнь Франции была очень сильна и, как видно из доклада Ролана, имела определенную тенденцию не сокра-

Экономическое состояние Франции.

щаться, а расширяться. Коммерческая деятельность привлекала к себе много сильных и энергичных людей, искавших на торгово-промышленном поприще удовлетворения своих страстей и честолюбия. Революционный подъем дал себя почувствовать и в торгово-промышленной сфере. Повышенная жажда деятельности и желание развернуть свои творческие силы выводили людей из их привычного круга и тем самым побуждали к столкновению различных интересов. Нельзя доказать, что деловая Франция именно весной 92 года во что бы то ни стало должна была вызвать войну с Европой, но зато бесспорно одно, что торгово-промышленная и денежная Франция готова была принять и поддерживать войну. Таково было экономическое состояние и настроение коммерческих кругов накануне объявления войны Австрии.

Политическое
состояние.

Что же касается политических и партийных соображений, то они вытекали из вышеописанного состояния Франции. Буржуазия, на долю которой выпали реальные блага Революции, готова была перейти к мирной работе, но для мирной работы у нее не было солидной уверенности в прочности своих завоеваний. Поведение короля после неудачного бегства в Варенн менее всего говорило о прочности новых отношений. Ясно было, что Людовик лишь скрепя сердце подписывал декреты представительных собраний. Подымавшиеся то там, то здесь контр-революционные волны и слухи о готовящемся вторжении иностранцев так же не располагали к мирным занятиям. Постоянные же конфликты между буржуазией и пролетариатом еще, со своей стороны, способствовали контр-революционным выступлениям. Скорбь, вызываемая утратой имущества,—писал в октябре 1791 г. Камилл Демулен,—все увеличивает желание мести у многих защитников старого режима. Партию старого порядка, сверх того, еще укрепляет корыстолюбие лавочников и торговцев, вздыхающих по своим эмигрировавшим покупателям, затем опасение всех держателей государственных процентных бумаг, опасаящихся возможности банкротства. Больше же всего контр-революцию питает всеобщая усталость и, в частности, усталость национальной гвардии. «Демон аристократии» подорвал доверие к революции пролетариата и обострил классовую вражду. Благодаря ему, неравенство вкралось во всю Конституцию; он предоставил право подачи голоса, право носить

оружие одним привилегированным, а народ дал себя ограбить, не сказав ни слова. Демон же говорит: «я назвал их пассивными гражданами, и они на этом успокоились». Ко всему сказанному следует еще прибавить тревожное состояние во французских колониях (особенно на Сан-Доминго), вызванное расхождением интересов белых плантаторов и черных рабов-негров.

При таком положении вещей горевшим жаждой славы и деятельности депутатам правой части Собрания предстояла скучная и опасная борьба с контр-революцией и укрепление конституционного режима. Ни для первого, ни для второго они не имели ни сил, ни призвания. Напротив, счастливая война,—думали они,—сразу выведет страну на широкую дорогу и откроет необъятные горизонты энергии и таланту. Мысли и чувства активной буржуазии и примыкавшей к ней военной партии блестяще выразил жирондист Бриссо в речи, произнесенной им в Законодательном собрании 20 октября 91 г. Оратор развивал ту мысль, что борьба с контр-революцией возможна исключительно строгими мерами: Контр-революция прекратится лишь в тот момент, когда французское правительство потребует немедленного возвращения на родину глав эмиграции, должностных лиц, принцев крови, братьев короля и т. п. Призыв эмигрантов безусловно произведет сенсацию среди европейских дворов и заставит их изменить свое отношение к революции. Угроз же иностранцев бояться не следует, надо только надеяться на силу революционного пафоса. «Вы должны заставить мятежников и их вождей уважать конституцию, или же она падет от презрения. Вопрос стоит таким образом, что вы должны или выбрать гибель дворянства, или же предпочесть гибель конституции. Выбирайте!». И как только революционная Франция заговорит с иностранными державами языком свободных людей, то вся система контр-революционных мятежей рассеется подобно миражу, и сами эмигранты поспешат на родину. «Кроме того, международное положение в настоящий момент как нельзя более благоприятно для нашей страны. Английский народ симпатизирует революции, а главный наш враг австро-венгерский император хочет мира и боится войны. Его громадные потери деньгами и людьми в последнюю войну и беспокойный характер народов, которыми он управляет, не обещают ничего

Прения о
войне.

хорошего в предстоящей войне. К этому, наконец, присоединяется еще вражда между Австрией и Пруссией, парализующая совместное действие обеих держав. Что же касается русской императрицы, то, можно сказать, в настоящее время все соединилось против нее: истощенная разорительными войнами казна, стихия и дальность расстояния».

«Примем же, наконец,—убеждал Собрание другой апологет войны адвокат Верньо,—строгие меры! Перестанем терпеть и давать повод мятежникам говорить о нашей слабости! Произведем внушительное впечатление на Европу нашей гордою осанкой! Рассеем призрак контр-революции! Избавим нацию от жужжания жаждущих ее крови насекомых, беспокоящих и утомляющих ее, и вернем народу спокойствие». Логика вещей и красноречие сторонников войны оказали свое воздействие на умы и чувства членов Законодательного собрания. В первых числах ноября был предложен и вскоре с небольшими изменениями принят проект обращения к эмигрантам. Декрет был составлен в очень энергичных выражениях. «Все французы,—гласила одна из статей этого декрета,—оказавшиеся за границей Французского королевства, с данного момента объявляются заподозренными в заговоре против отечества, и, если они не вернутся на родину к 1 января следующего 92 года, то все их доходы, как доходы заговорщиков, приговоренных заочно, будут в продолжение их жизни поступать в пользу нации».

Обсуждение вопросов внешней политики продолжалось до весны следующего 92 г. Наконец, вопрос был решен в положительном смысле. 20 апреля в Собрание прибыл король и под впечатлением сообщения друга Бриссо, генерала Дюмурье, произнес короткую речь, в которой высказался в пользу предложения лидеров Жиронды. Переговоры с венским двором,—сказал Людовик,—не привели к желательным для французских патриотов результатам. Вследствие упорства венского двора приходится принять решение, согласное с волею множества граждан королевства. «Очевидно,—все предпочитают войну дальнейшим унижением французского народа и беспрестанным угрозам национальной безопасности. Я должен был предварительно исчерпать все средства, клонившиеся к сохранению мира; сегодня я предлагаю Национальному собранию, на основании Конституции, войну с королем Богемии и Венгрии». Последние слова ко-

роля были покрыты бурными аплодисментами большинства Законодательного собрания. Война,—агитировала жирондистская пресса,—требование всех французских патриотов. Это требование всех патриотов, рассеянных по лицу Европы, они едва сдерживаются в ожидании этого шага, чтобы свергнуть своих тиранов. Эта война, как потоп, обновит лицо мира и водрузит знамя свободы на дворцах королей, на серале султана, на замках мелких феодальных тиранов, на храмах пап и муфтиев. И «как можно было бы колебаться еще хоть один момент и не напасть на них! Наша честь, наша безопасность, наш общественный кредит, необходимость упрочить нашу революцию,—все диктует войну».

Таким образом, Жиронда добилась своего. Военная партия победила, и верховное правление Франции перешло в руки жирондистской партии. Портфель министра внутренних дел получил Ролан, министра общественных работ Клавьер, внешних сношений Дюмуре,—все люди, по аттестации Людовика, известные своими популярными мнениями. Апрель 92 года—высшая точка достижений Жиронды. Но, беря на себя ответственность перед нацией за войну, Жиронда тем самым связывала с войной и всю свою будущую судьбу. Счастливая война, несомненно, укрепила бы положение французской буржуазии и увеличила бы популярность жирондистской партии. В случае же поражения почти с уверенностью можно было предсказать, что торгово-промышленные круги отвернутся от Жиронды, и партия лишится главной своей опоры. Ближайшая история Франции пошла именно не по первому, а по второму пути. Наспех собранная революционная армия, поставленная под команду несочувствовавших революции офицеров, первое время терпела одно поражение за другим. Военные неудачи показали, до какой степени непрочна власть жирондистского министерства, да и всей вообще партии. При первом же толчке извне, все пришло в движение. И справа, и слева подымалась оппозиция. Запутанность земельных отношений, в связи с повышением налогов и набором, усиливали крестьянские волнения; вооруженные отряды крестьян, пользуясь ослаблением местной власти, пытались разрешить силой те узлы сельской жизни, которые, повидимому, не в состоянии было распутать центральное правительство. Под влиянием крестьянских волнений Законодательное собрание для успокоения де-

Состояние
Франции в
первые годы
войны.

ревни издало ряд декретов о распродаже имущества эмигрантов.

Сельская буржуазия особенно жаловалась на непрочность земельных владений, высокие налоги, на противоречивость и туманность правительственных декретов. «Я обращаюсь ко всем собственникам и спрашиваю их: кто из них не трепещет за свое имущество?»—писал один из идеологов сельской буржуазии. Причина такой неустойчивости, по его мнению, заключается совсем не в качестве отдельных лиц, но в объективной обстановке. В самом деле, как можно было рассчитывать на сохранение имущества во время столь острого кризиса, при адском ажиотаже, при бесчисленных выпусках ассигнаций, при волнениях в колониях, при спешных наборах, экстраординарных налогах и т. д.? Число ассигнований давно уже перешло поставленные им границы, и курс ассигнатов катастрофически падал. Перебои в хозяйственной жизни, а вместе с ними ажиотаж и спекуляция, становились повседневным явлением. Это было время создания крупных состояний и, с другой стороны, время окончательного разорения средних и низших классов. Поэтому не удивительно, что экономические вопросы и тесно связанные с ними вопросы политические в это время поглощали все внимание прессы без различия направлений. Особенно остро и возбужденно вопросы политики и экономики трактовали органы мелкой буржуазии и рабочих, для которых продовольственный вопрос являлся вопросом жизни и смерти. «Как ни бранил я проклятых торговцев, скупщиков и лихоимцев, как ни гонялся я за ними, как ни преследовал я их ударами бича, негодяи осмеливаются показываться снова»,—писал популярный в рабочей среде революционный листок Эбера «Отец Дюшен». Вину за всю разруху Эбер склонен был свалить на правительство и на господствовавшую в Собрании партию, иными словами, на Жиронду. Шайка негодяев, которые руководят общественным мнением и которые делают вид, что они служат благу народа, одной рукой ласкают его, а другой наносят ему удар. Эти проклятые люди, став во главе революции, говорили, что они защищают народную свободу, между тем, как они защищали свое золото. Но, проклятие! Этот народ не получает ни ассигнаций, ни эку, а дельцы устраивают свои собственные дела. Но этот обман,—прибавлял Эбер,—не пройдет даром! Мы, сокрушив-

шие дворянство, духовенство и парламенты, не пощадим и спекулянтов. «Пусть трепещут чудовища! Настанет день, когда разъяренный народ подвергнет их ужасному, но справедливому наказанию». Слова Эбера совсем не были пустыми угрозами. Отовсюду приходили известия о крестьянских волнениях и восстаниях рабочих. В некоторых местах, как, напр., в Пуатье, мануфактурные рабочие потребовали от муниципального совета установления твердых цен на хлеб и единовременного пособия в размере 30 тысяч ливров. Когда же совет колебался в нерешительности, около 600 рабочих окружили совет с криками: «К оружию!», и лишь вмешательство национальной гвардии восстановило порядок. Случай в Пуатье один из многих подобного же рода случаев, разыгрывавшихся то в одном, то в другом месте.

В числе противников войны с самого начала находился и лидер Якобинского клуба Максимилиан Робеспьер. Жиронда, по мнению Робеспьера, сделала большую ошибку, понадеявшись на внезапный взрыв революции в странах старого порядка. Предупрежденные нашим опытом, европейские правительства с особенным вниманием в настоящее время следят за всем происходящим внутри и вне их страны. Надежда на всеобщее и быстрое распространение революции—пустая мечта, и потому все свои силы следует направлять не на войну, а на борьбу с внутренней контр-революцией. «Знайте же, что по мнению всех просвещенных французов, истинный Кобленц (место сбора эмигрантов) находится во Франции». Робеспьер попадал в самое чувствительное место Жиронды, предлагая перевести внимание с внешнего фронта на внутренний. Робеспьер при этом, конечно, прекрасно понимал, что Жиронда, как партия имущих слоев, менее всего будет стоять за продолжение революции внутри страны. Ибо дальнейшие шаги по пути революции с необходимостью привели бы к подрыву собственности и к диктатуре народа, т.е. мелкой буржуазии и рабочих. Именно на эту-то сторону дела особенно и упирал Робеспьер. «Народ, этот огромный трудящийся класс, совершенно не подверженный действию пороков, развращающих высшее сословие. В то время, как на стороне этих презренных эгоистов, этих гнусных заговорщиков—могущество, богатство, сила и войска, для народа существует только его нищета и небесная справедливость». Из этого Робеспьер делал вывод, что единственным

Точка зрения Робеспьера.

органом, более или менее полно отражающим интересы всего народа, является представительное правление и конституционная монархия. «Тщетно хотят соблазнить пылкие и непросвещенные умы приманкой более свободного правления и словом республика. Ниспровержение конституции в данный момент может вызвать только гражданскую войну, которая приведет к анархии и деспотизму». В ожесточенной критике Жиронды Робеспьер доходил даже до утверждения, что ни при каких исключительных обстоятельствах один класс не имеет права присваивать себе исключительное право «спасать отечество». Такова точка зрения главного лидера якобинцев до 10 августа 92 года. После восстания 10 августа и образования Парижской Коммуны точка зрения Робеспьера сильно изменилась: от защиты Законодательного собрания он перешел к резкой его критике, настаивая на необходимости его немедленного роспуска и созыва Учредительного Национального Конвента. При Конвенте Робеспьер, под давлением все осложнявшихся событий, окончательно склонился в сторону централизации и настаивал на диктатуре одного класса, т.-е. как раз на том, что он с таким рвением отрицал вначале.

Католическая
реакция.

Из контр-революционных сил наибольшую опасность представляла католическая церковь. При распадения старых социальных форм (пока еще не успели сложиться новые формы жизни), особенно в глухих местах, церковь являлась единственной организующей силой, имевшей за собой тысячелетний опыт управления народными массами. Под церковную сень уходили не только определенно контр-революционные элементы, но сплошь и рядом за церковные обряды крепко держались в других отношениях весьма революционно настроенные крестьяне и рабочие. Закон о «гражданском устройстве духовенства» 1790 г., превращавший служителей религии в обычных чиновников, разделил церковь на две части: на присягнувших и неприсягнувших конституции священников. Церковь была еще настолько сильна и церковная идеология так прочно засела в сознании клира, что конституции присягнуло не более $\frac{1}{3}$ духовенства. Само собой разумеется, что папа и король стояли на стороне неприсягнувшего духовенства. При фанатизме клира и косности населения в некоторых департаментах на Рейне, в Вандее, Бретани и Нормандии положение неприсягнувшего духовенства

было совершенно невыносимо. В обновленческих церквях происходили форменные скандалы, женщины шикали и мешали совершать обряды, в домах обновленцев били окна, не давали звонить в колокола, прогоняли священников камнями. Желая положить предел церковному расколу, Законодательное собрание постановило известный срок, в течение которого все духовные обязаны были присягнуть на верность конституции. Декрет против неприсягнувших священников от 9 ноября 91 года был еще раз подтвержден в мае 92 года. «Все духовные лица,—гласил декрет,—обязываются принять в восьмидневный срок гражданскую присягу. Ослушники будут лишены всякого содержания и всяких пенсий. Кроме того, они будут считаться заподозренными в возмущении против закона и в злых умыслах против отечества и в качестве таковых отданы под надзор властей. В общинах же, где произойдут беспорядки, они могут быть временно удаляемы из места их жительства в силу департаментского постановления». Мало того, что за беспорядки в общинах декрет карал неприсягнувших священников—возмутителей, он возлагал ответственность за могущие произойти беспорядки и волнения также и на всю общину, заявляя, что «в случае религиозных беспорядков в общине, расходы на их подавление возлагаются на общину, если она не примет мер против подстрекателей».

Король отказался утвердить этот декрет, что и дало повод для первого серьезного конфликта между королем и жирондистской партией. За первым конфликтом не замедлил последовать второй. Вторым пунктом столкновения Собрания с королем послужил отказ Людовика утвердить лагерь добровольцев (федератов), пришедших из провинций на праздник Федерации. Жиронда двадцатитысячный корпус федератов рассматривала как свою собственную армию, на которую она в любой момент могла бы опереться. Рассчитывая на внутреннюю и внешнюю контр-революцию, партийную вражду и на помощь генерала Лафайета, Людовик 13 июня дал отставку министерству Ролана и призвал умеренно-конституционное министерство Террье де-Монсьея. В-ответ на такой шаг со стороны короля, жирондисты решили обратиться за помощью к парижскому населению и произвести на исполнительную власть некоторое «моральное воздействие». Утром 20 июня, в день празднования го-

Конфликт
между коро-
лем и Собра-
нием.

довщины клятвы в манеже, потянулись толпы людей из парижских предместий. Демонстранты были вооружены ружьями, пиками, саблями, сапожными ножами, вилами, дубинами и т. п. После незначительного сопротивления национальной гвардии, демонстранты овладели арсеналом и вооружились пушками. Около 10 тысяч появились перед зданием Законодательного собрания и с пением революционных песен вошли в зал заседаний. Среди толпы было много женщин и детей. Демонстранты не ограничились посещением Законодательного собрания, но отдали визит и королю. По желанию пришедших, король надел на себя красную шапку, символ патриотизма, и выпил из предложенной ему одной женщиной бутылки за здоровье нации. Июньская демонстрация однако не удовлетворила Жиронду, т. к. с этого времени король определенно пошел на сближение с фейльями и с командующим армией Лафайетом.

Лафайет, со своей стороны, решил воспользоваться ослаблением Жиронды и в союзе с королем произвести государственный переворот. Франции угрожает внешняя опасность и в ней происходят внутренние брожения,—писал с фронта в половине июня Лафайет. Виновником всех несчастий, по его мнению, являлась вся якобинская партия в целом. «Эта секта, организованная как особое государство, слепо подчиняющаяся руководству нескольких честолюбивых вождей, образует среди французского народа отдельную корпорацию, поработавшая его законных представителей и его уполномоченных». Намечавшийся союз главнокомандующего с королем произвел сильнейшее впечатление на все партии. На момент якобинцы даже соединились с Жирондой. «Якобинцы, будем благоразумны, но непоколебимы. Вы, вызвавшие раздор,—вот ваше дело!»—заканчивал одну из своих статей Бриссо. 3 июля Верньо подверг жестокой критике поведение короля и высказался за упразднение королевской власти. «Правда,—иронизировал оратор,—король может сказать, что хотя посланные им на фронт армии были слишком слабы, но Конституция, ведь, не предусматривает количество сил, которые я должен предоставить. Правда, следовало бы держать резервные кадры и увеличить интендантские запасы, но, ведь, Конституция ничего не говорит на этот счет. Правда, генералам вступавшим на вражескую территорию, приказывалось не продвигаться вглубь неприятельской

страны, но, ведь, опять-таки Конституция не обязывает меня одерживать победы» и т. д. Закончил свой обвинительный акт Верньо призывом к свержению королевской власти. В настоящую тяжелую для родины и свободы минуту единственное, по мнению оратора, спасение заключалось в возбуждении общественного энтузиазма и провозглашении «отечества в опасности»—*la patrie en danger*.

Верньо правильно учел момент, массы откликнулись на призыв, и в Париж потянулись батальоны федератов. Возбуждение было так велико, а негодование против короля и Лафайета так сильно, что лионский епископ Ламурет счел уместным предложить всем партиям забыть старые счеты и примириться (поцелуй Ламурета). Был момент, когда могло показаться, что Жиронда одержала полную победу. В несколько дней записалось более 15 тысяч добровольцев. Но на беду Жиронды 25 июля в Париже был получен угрожающий манифест главнокомандующего прусской армией герцога Брауншвейгского. Манифест грозил в случае неповиновения полным разгромом Парижа и уничтожением его населения. Манифест послужил последней каплей, решившей судьбу короля, а вместе с ним и судьбу жирондистской партии. С конца июля события пошли усиленным темпом. Запись волонтеров продолжалась, и из провинций приходили все новые и новые отряды федератов, в числе которых был и знаменитый марсельский батальон, в значительной части составленный из матросов марсельского порта. Марсельцы явились в Париж с пением марсельезы, переделанной военным инженером Руже де-Лилем из одного старинного гимна. Своим бодрым видом, загорелыми лицами, свободой морской стихии и крепкими нервами, марсельцы придали революционному Парижу крепость и бодрое настроение. Быстро организовался комитет федератов, согласовавший свою работу с комитетом парижских секций (районов). Комитет федератов и комитет секций произвели новый натиск на королевскую власть 10 августа 92 года. Полночный набат с 9 на 10 августа возвестил парижанам о готовившемся наступлении на Тюльери. С восходом солнца федераты и рабочие двинулись на Тюльери. Штаб движения составлял комитет секций, занявший место прежней Коммуны. Охраняемый швейцарской гвардией Тюльерийский дворец был взят с боя, но короля пощадили и отправили под охрану За-

Отмена королевской власти.

конодательного собрания. Власть же короля, как гласила официальная прокламация, временно приостановлена. В действительности десятое августа 1792 г. отменило королевскую власть во Франции навсегда.

Парижская
Коммуна.

10 августа освободило Жиронду от короля и от умеренных конституционалистов, но, взамен одних противников, оно усилило других. Главным врагом жирондистской партии с августа становится революционная Коммуна Парижа. Каково было отношение Коммуны к Законодательному собранию, убедились утром того же 10 августа во время приема делегации Коммуны. «К вашей решетке является новое городское начальство, назначенное народом. Народ, в течение четырех лет всегда оказывавшийся игрушкой вероломного двора и интриганов и, наконец, уставший, почувствовал, что настало время спасти государство, которому угрожает гибель. Мы пришли сюда от имени народа, чтобы условиться с вами относительно мер, которые следует принять для общественного спасения» — заявила делегация. Понимая, что власть над мелкобуржуазным и рабочим Парижем всецело переходит к Парижской Коммуне и якобинцам, жирондисты старались удержать за собой, по крайней мере, руководящее значение в провинции. Изданный в спешном порядке декрет о понижении размера выкупных платежей и о льготной распродаже эмигрантских имений расчитан был прежде всего на приобретение симпатий сельской демократии. Революционное настроение парижан развернулось с полной силой уже через несколько дней после отмены королевской власти. Тревожные известия с фронта и сообщение о падении крепостей Лонгви и Вердена вызвали набывалое возбуждение умов. В спешном порядке образовывались отряды. В то время, как в Париже уже чувствовалось «дыхание прусских коней», делегаты Коммуны обратились с воззванием к населению, предлагая немедленно организовать армию в 60 тысяч человек и собраться на Марсовом поле. Настроение было в высшей степени напряженное, и поэтому достаточно было одного слова, чтобы масса вооруженных людей разразилась страшным гневом. «Мы идем умирать на фронт, а за спиной оставляем врагов и пособников контр-революции! Даже швейцарские офицеры, убивавшие наших братьев 10 августа, еще живы и завтра встанут во главе заговорщиков!» — кричали собравшиеся на Марсовом поле волонтеры.

2 сентября возбужденная толпа бросилась к тюрьмам и произвела кровавую расправу с арестованными, известную в истории под именем «сентябрьской резни».

Сентябрьский погром, совпавший с предвыборной кампанией в Конвент, был использован Жирондой в агитационных целях против Горы. «Остервенелая шайка, которая не блещет ни талантами, ни заслугами, но одинаково ловко владеет и кинжалом мести и стилетом клеветы, хочет добиться господства путем террора,—писала одна из видных жирондистских газет. Подкупленные Пруссией негодяи или шпионы, действуя исключительно в своих интересах, обманывают и обкрадывают нацию. Агитация против «сентябрьских убийц», прихлдившаяся по настроению перепуганной буржуазии, имела свои последствия. В Национальный Конвент жирондисты прошли в большинстве, хотя парижская демократия послала исключительно монтаньяров в количестве 113 человек, в числе которых находились лидеры партии—Робеспьер, Дантон, Марат, Камилл Демулен и др. Правую сторону заняли жирондисты, имевшие главную опору в провинции (и потому иногда и называвшиеся федералистами), кроме того, на стороне Жиронды стояли все министры и большинство генералов. На левой разместились монтаньяры, оплотом которых прежде всего служил Париж и некоторые индустриальные центры провинций. Середина принадлежала Болоту или Равнине, составлявшей более $\frac{1}{3}$ всего состава депутатов. Открытие Конвента 20 сентября 92 г. совпало с первыми успехами французского оружия при Вальми. 22 числа последовало торжественное провозглашение Франции республикой и установление республиканского летоисчисления. После этого Конвент приступил к работе. Несмотря на военные успехи, выпадавшие на долю республиканских армий, в общем работа Конвента протекала при чрезвычайно трудных обстоятельствах: непрерывных наборах, реквизициях, затяжном экономическом и политическом кризисе и т. д. В атмосфере мирного времени даже нельзя было бы и представить себе той ожесточенной борьбы партий, которая с первых же дней развернулась в Конвенте. В одном из номеров «Друга Народа» описан тот социально-экономический фон, на котором развернулась борьба партий с сентября 92 года. «В течение уже нескольких месяцев,—писал орган Марата,—Франция находится в состоя-

Учредитель-
ный Нацио-
нальный
Конвент,

нии напряженнейшей борьбы, и она истощила себя, стремясь развернуть как можно шире свои силы. Государственная казна содержит более 800 тысяч солдат, из них едва половина одета и вооружена; 300 тысяч человек, истощенных голодом, усталостью, дурной погодой, заполняют госпитали, закрывая доступ туда раненым». 50 тысяч призванных наспех в слишком раннем или в слишком старом возрасте погибли от болезней. Плохая осень не оправдала преувеличенных надежд на урожай, а усиленный выпуск ассигнатов, сумма которых превышала 270 миллионов, поселяли страх и недоверие. В виду замечавшегося утека благородных металлов за границу, пришлось приостановить сначала вывоз золота и серебра, а вскоре золотой и серебряной посуды. За этим последовало прекращение выплаты жалования духовенству. Некоторые из монтаньяров экономический кризис ставили в связь с заговором роялистов и духовенства и уверяли, что с уничтожением заговора сразу появится хлеб, и все станет дешевле.

Партийная
борьба в
Конвенте.

Обе партии одинаково понимали, что при создавшемся положении совершенно невозможно избежать диктатуры; весь вопрос сводился лишь к тому, — диктатуру какого класса предстоит пережить Франции. С другой стороны, жирондисты и якобинцы злобно упрекали друг друга в стремлении к диктатуре. Марат в Якобинском клубе 12 октября предупредил, что в недрах Национального Конвента обнаружилась преступная партия, пользующаяся большим влиянием среди членов Конвента. Цель этой партии распустить под каким-либо предлогом Коммуну и перевести собрание в провинцию. «Когда я видел, что приходившим из провинции федератам, — жаловался в Конвенте в свою очередь министр Ролан, — оказывается дурной прием, то я во всем этом усматривал козни «сентябрьских героев», открыто провозглашающих принцип мятежа». Цитаделью жирондистского обстрела, как и следовало ожидать, сделался Робеспьер. Над Робеспьером в Конвенте был устроен настоящий суд, на котором обвинителем выступил незначительный поэт Лувэ. Лувэ ставил в вину Робеспьеру его честолюбие, склонность к клевете, интригам и стремление к единовластию. Но, кажется, еще более, чем Робеспьеру, пришлось выдержать «другу народа» Марату. Имя Марата, — писал один «независимый» публицист того времени, — и даже воспоминания об его личности вну-

шают мне такое отвращение, что я избегаю о нем говорить. Легко понять всеобщую ненависть в Конвенте к Марату, если припомнить отношение самого Марата к парламентскому деспотизму и невысокую оценку, даваемую им, самим народным представителям. «Труссы, слепцы, мошенники и изменники объединились для того, чтобы изобразить меня, как желчного безумца!». Марат был одним из первых политических вождей, разглядевших классовую природу представительных учреждений и, в частности, Конвента. Собрание,— разъяснял он своим читателям,—вместо того, чтобы сосредоточить все внимание на основных вопросах, без всякого плана перескакивает с одного предмета на другой; вперемежку оно касается тысячи вопросов. Еще недавно оно являло из себя вид строителя, который начал строить дом с крыши; теперь оно похоже на каменщика, который без плана начинает тесать камни». Эти слова относятся еще к самому исходу революции, непосредственно же после событий 10 августа 92 г. Марат уже открыто заявлял, что «революция обернулась против народа и превратилась в величайшее несчастье для него. С самого начала она служила вечным поводом для различных подкупов и заговоров». Депутатам революция открыла возможность всякого рода мошеннических проделок, обманов, коммерческих гешефтов и т. п. Больше же всего от революции выиграли богачи и спекулянты. «Теперь она должна послужить богатым и спекулянтам для того, чтобы добиться неограниченных барышей и монополий, чтобы до крайности взвинтить ростовщические проценты и цены на средства существования, чтобы разорять народ системой бесстыдного грабежа и эксплуатации и, постоянно угрожая низшему классу нищетой, заставить его продавать себя». Общий вывод «Друга Народа» в высшей степени печален и прозаичен: «Изменились на государственной сцене только декорации. Актеры, гримы, интриги, разделение ведомств остались те же самые. В ходе же политического механизма ничего не изменилось. И так будет до тех пор, пока у народа не наступит прозрение, пока он не положит конец игре тех обманщиков, которые проводят его».

Марат, истинный друг униженных и обездоленных и притом в течение всей своей жизни сам не выходивший из бедности, главное зло революции усматривал в той огромной роли, которая была сохранена за капиталом. «Не подде-

жит спору,—что капиталисты, маклеры и монополисты, продавцы предметов роскоши, шайка крючкотворов, бюрократы и бывшие дворяне,—все они почти сплошь опоры старого строя... Так как я не вижу никакого способа изменить их разумение, то я не нахожу других средств, способных обеспечить спокойствие государству, как совершенное уничтожение этих достойных проклятия заговорщиков». «Если я советовал отрубить 500 преступных голов, то это исключительно для того, чтобы сохранить головы полмиллиону невинных. Если бы эти полтысячи были бы в надлежащее время обезглавлены, то не лишились бы с того времени своих голов сто тысяч патриотов, и жизни других 100 тысяч не угрожала бы опасность».

До тех пор, пока борьба шла против общего врага, жирондисты и якобинцы могли работать вместе, так как интересы крупной и мелкой буржуазии в то время еще имели точки соприкосновения. Но положение вещей должно было в корне измениться с момента объявления войны и абсолютной неизбежности сжать верховную власть, подчинив весь государственно-административный аппарат воле одной партии. Жирондист Гюадэ правильно схватил исторический момент, открыто заявив Дантону, что между партиями отныне началась война не на жизнь, а на смерть, и потому одна из борющихся партий должна непременно погибнуть, а другая победить. И, действительно, в течение 1793 г., самого великого и страшного года Революции, погибла на эшафоте почти вся партия Гюадэ, т.-е. жирондисты.

Поводом для первого серьезного столкновения послужило обсуждение дальнейшей судьбы короля в декабре 1792 г. Мнения жирондистов и монтаньяров резко разошлись по вопросу об апелляции приговора к народу. В то время как Верньо настаивал на необходимости «соблюдения юридической формы и уважения народного суверенитета», Робеспьер заявил, что голова всей нации стоит головы одного тирана. Победил Робеспьер, и король был гильотинирован без соблюдения формальной процедуры, но при единодушной поддержке революционной коммуны. После декабрьских поражений, азарт жирондистских газет достиг предельной точки. Старый враг и соперник Робеспьера Бриссо успех якобинцев среди «темного народа» объяснял тем, что «разбойники всегда найдут хвалителей». Кроме Робеспьера, мишенью жирон-

дистского остроумия попрежнему оставался Марат. Страсти разгорелись до того, что в апреле 93 г. Марата привлекли к суду революционного трибунала, открытого месяц тому назад для борьбы с контр-революцией. Но и на этот раз секции поддержали своего защитника, и не только освободили его от ареста, но еще, со своей стороны, предъявили 22 видным членам Жиронды обвинение в государственной измене. Жиронда в ответ на это потребовала роспуска самой Парижской Коммуны. Конвент колебался и не приняв определенного решения, назначил комиссию 12-и для разбора дела по обвинению Коммуны. Комиссия, почти сплошь составленная из жирондистов, вынесла обвинительный приговор «главному подстрекателю» к мятежам—Эберу. Но раздраженная этим постановлением Коммуна отправила в Конвент 18 мая делегацию с поручением освободить Эбера. Положение Жиронды становилось критическим особенно в виду того, что в то время как последний ее оплот 5 тысяч федератов в конце прошлого года были удалены из Парижа, в распоряжении секций находились пушки и армия санкюлотов, т.-е. парижских пролетариев. Армия санкюлотов, поставленная под команду Анрио, собственно и решила судьбу Жиронды. 31 мая началось настоящее восстание, окончившееся осадой Тюльери и арестом самых видных и деятельных вождей жирондистов: Бриссо, Верньо, Жансоннэ, Гюадэ и др.; в числе арестованных находились также два жирондистских министра Клавьер и Лебрюн.

После генеральной чистки Конвента, верховная власть окончательно перешла в руки монтаньяров. С июня можно уже говорить о диктатуре мелкой буржуазии и рабочих. Подобно тому как объективные обстоятельства предопределили тактику Жиронды, точно так же объективный ход вещей вполне последовательно привел к главенству мелкобуржуазного Парижа и определил методы якобинской диктатуры. Как говорилось выше, для всякого более или менее дальновидного политика было ясно, что такие многочисленные представительства, как Конституанта или Легислатива, очень скоро должны были обнаружить свою политическую несостоятельность. Вопрос о централизации управления в первый раз отчетливо встал в связи с объявлением «отечества в опасности». Последующие же события еще настоятельнее требовали централизации управления. Три

Диктатура
Горы.

главных фактора привели страну к диктатуре и затем к террору: голод, война и контр-революция.

Ослабление подвоза, закрытие многих мануфактур, перевод промышленности на военное положение, содержание колоссальной армии, одно время доходившей до 1½ миллиона, расстраивали снабжение столицы и порождали спекуляцию. В течение всего 93/94 года около продовольственных лавок, повозок дровяников и угольщиков стояли длинные хвосты жаждавших получения фунта хлеба, мяса или нескольких полен дров. Хвосты стояли даже у бассейнов и фонтанов. Вследствие недостатка продуктов и жестокой спекуляции, дороговизна была ужасающая. Нижеприводимая таблица дает некоторое представление о прогрессе роста дороговизны и соответствующего падения ассигнатов.

Рост дороговизны.

Т О В А Р Ы	Ц е н ы	
	в 1790 г.	в 1795 г.
Четверик муки	2 ливра	225 ливр.
Четверик бобов	4 „	126 „
Четверть древ. угля	7 су.	10 „
Пара чулок	3 „	100 „
Аршин сукна	18 „	306 „

Курс ассигнаций.

М Е С Я Ц Ы	Г о д ы						
	1789	1790	1791	1792	1793	1794	1795
Январь . . .	—	96	91	72	51	40	18
Август . . .	98	92	79	61	22	31	2,72
Ноябрь . . .	96	90	82	73	33	24	0,77
Декабрь . .	95	92	77	72	48	20	0,52

Уставшее и изголодавшееся население металось из стороны в сторону; в Конвент поступали одна за другой петиции, требовавшие установления максимума цен на продукты первой необходимости. Предпишите, чтобы весь хлеб продавался на вес, установите максимальную сумму!—повторялось во всех без исключения петициях. Требования секций об установлении максимальных цен были уважены, и 29 сентября 93 года последовал закон о введении твердых цен на муку, мясо, соль, масло, шерсть, лен, фабричные материалы, и т. д. Устанавливалась также и определенная норма заработной платы и жалования. При первых обсуждениях требований парижских секций о таксировке продуктов в феврале 93 г. жирондисты подвергли этот проект резкой критике, как нелепый логически и опасный с политико-экономической точки зрения. «Нам слишком больно, что по такому совершенно простому вопросу нам не могли преподнести ничего, кроме кучи софизмов... Об установлении такс и введении норм на предметы и средства существования могут говорить только простодушные люди, негодяи с напояженными волосами, фигляры и проходимцы, жаждущие нового кровопролития». Таково же приблизительно было отношение Жиронды и к вопросу о введении прогрессивно-подходящего налога. «Прогрессия всегда остается произвольной и тем самым угрожает собственности».

К декрету об установлении твердых цен примыкал целый ряд постановлений о борьбе со спекуляцией. Изданный по этому поводу декрет заявлял: спекуляция есть тягчайшее преступление, поэтому строжайшей каре подлежат все, кто под тем или иным предлогом изъе­млет из обращения предметы первой необходимости. Под угрозой штрафа или лишения прав оптовые и розничные магазины обязаны на окнах вывешивать точные сведения о количестве имеющихся у них товаров. Каждый же гражданин,—говорилось в декрете,—изобличивший скупщика или указавший на нарушителя закона, получает треть цены товара.

Борьба со спекуляцией.

Для успокоения волновавшейся деревни последовали декреты о разделе общинных полей, об окончательной ликвидации всех остатков феодализма и об облегчении выкупных платежей. Юридически деревня теперь становилась уже действительно свободной. Специально в интересах мелкой собственности в течение 10 лет запрещалось отчуждение

Раздел общинных полей.

земельных участков и продажа земли за долги. Каждый житель получал в полную собственность участок, доставшийся ему при разделе. Но он, однако, не имел права отчуждать его в течение 10 лет после издания настоящего закона. Совершенная им продажа будет считаться недействительной или несостоявшейся,—гласила 12 и 13 статьи декрета о разделе общественных земель от 10 июля 93 г. Взамен этого на крестьян возлагались усиленные государственные повинности: поставка рекрут, снабжение армий и столицы продовольствием. Впрочем, несмотря на все принципиальное уважение к мелкому землевладению, финансовая нужда сплошь и рядом заставляла монтаньярское правительство отступать от своих декретов. Вообще расхождение теории и практики можно считать обычным явлением в период всей Революции и, следовательно, в частности в период якобинской диктатуры.

Борьба с
контр-революцией.

Может быть, в некоторых отношениях еще острее и серьезнее, чем борьба со спекуляцией и голодом, была борьба с контр-революцией. Контр-революция не прекращалась, начиная с первых месяцев Учредительного собрания, но в годы Конвента, в связи с повышением государственных повинностей, контр-революционные выступления приняли исключительно опасный характер, и охватили многие области Франции. Очагом контр-революционных движений попрежнему был юг Франции, полудикая Вандея и прилегавшие к ней области. Контр-революционные отряды, предводительствуемые не лишенными дарований вождями Шаретом, Боншаном и особенно двадцатилетним Ла-Рошжакленом, при этом усиленно подогреваемые католической пропагандой, одержали не одну победу над правительственной армией. Наряду с чисто сельскохозяйственными районами, перед монтаньярской диктатурой неохотно склонялись также и крупные торгово-промышленные центры: Лион, Тулон, Марсель, Нант и др. Особенно упорно сопротивлялись Тулон и Лион. Тулон, отдавшийся под покровительство английской эскадры, под власть Конвента вернул офицер Бонапарт, а отчаянно сопротивлявшийся Лион был сметен монтаньярской артиллерией.

Город Лион,—грозил декрет Конвента от 12 октября 93 г.,—будет разрушен; не будет ничего оставлено, кроме жилища бедняка, зданий, предназначенных для потребности

промышленности, госпиталей, общественных памятников и просветительных учреждений. Этот город перестанет называться Лионом; он будет называться «Освобожденная община». На развалинах Лиона будет воздвигнут памятник, на котором начертаны будут следующие слова: «Лион вел войну против свободы, и потому Лиона больше нет». Аналогичная судьба выпала и на долю восставших вандейцев, на знаменах которых было начертано: «не давать пощады республиканцам-революционерам».

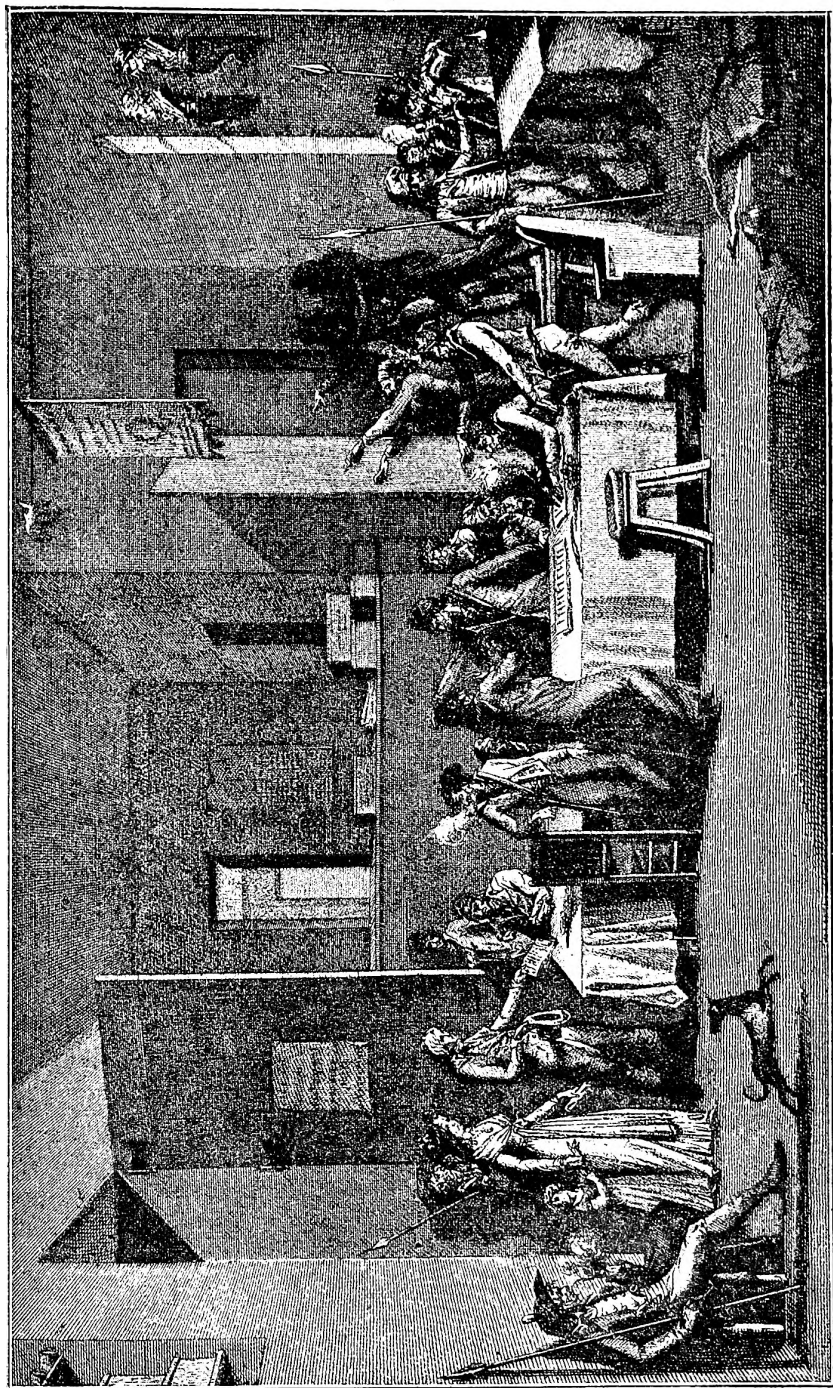
Разбивая артиллерией открытые контр-революционные гнезда, Конвент не забывал и о скрытой контр-революции. Одной из многочисленных мер, направленных против мятежников, был декрет о подозрительных, изданный 17 сентября 93 года, т.-е. в самый разгар Вандейского восстания. В категорию «подозрительных» входили не только открытые противники диктатуры Горы, но также и те, кто выказывал себя приверженцем феодализма и врагом «свободы в речах, писаниях и вообще в поведении». В первую очередь, наряду со старыми дворянами и их близкими и дальними родственниками, сюда причислялись все без исключения эмигранты, покинувшие Францию в период с июля 89 года по апрель 92 года. Далее, принципиальным врагом нового порядка объявлялась церковь. В силу принципа, что свободный народ не может признавать никакого другого культа, кроме культа Разума и Истины, генеральный совет Коммуны, по настоянию эбертистов, издал распоряжение о закрытии всех церквей и монастырей без различия вероисповедания. В случае нарушения постановления, вся ответственность ложилась на священников, поставленных под особо бдительное наблюдение революционных комитетов.

Все вышеприведенные постановления, совершенно неизбежные при том состоянии, в котором находилась Франция в первые годы Республики, возможны были исключительно при диктатуре одного класса и при сильной централизации управления. В докладе, представленном по этому поводу Конвенту в декабре 93 года, Робеспьер с достаточной полнотой охарактеризовал задачи революционного правительства, противопоставляя революционное управление страной мирному состоянию. «Задачи конституционного управления, — говорил Робеспьер, — направить жизнь республики; задачи управления революционного — ее создать. Револю-

Организация
власти.

ция—это война свободы против ее врагов; конституция—это режим свободы торжествующей и умеренной. Поэтому, революционное правительство должно быть чрезвычайно активным, именно потому, что оно правительство войны. Оно подчинено правилам, менее определенным и менее строгим, потому что обстоятельства, в которых оно находится, чрезвычайно бурны, изменчивы и особенно потому, что оно вынуждено применять беспрестанно новые и быстрые средства против все новых и новых опасностей». Оратор энергично возражал против тех, кто считает законы революционного правительства тираническими. Те, кто называет эти законы тираническими, — глупые софисты или испорченные люди, которые желают смешать понятия: они желают объединить воедино мир и войну, здоровье и болезнь. В конце концов они хотят только возрождения тирании и смерти отечества. Только установлением железного революционного режима с широким применением самых крутых и для мирного времени совершенно неприемлемых мер террора возможно победить врагов революции и победить в процессе ломки старого порядка неизбежно возникающую анархию. Революционное правительство не имеет ничего общего ни с анархией, ни с беспорядком; его задача, наоборот, обуздать беспорядок, чтобы утвердить царство закона; оно не имеет ничего общего с деспотией: им руководят не страсти отдельных лиц, а общественные интересы. «Если революционное правительство не будет поддержано энергией, просвещением, патриотизмом и добросовестностью всех депутатов, как будем мы обладать достаточной силой, равной противодействию Европы и всех врагов свободы, которые атакуют нас и теснят Францию со всех сторон?»—закончил свой доклад Робеспьер.

Доклад Робеспьера в сущности только резюмировал и оправдывал то, что, начиная с первых месяцев 93 г., уже было на практике. До крайности осложнившиеся отношения потребовали чрезвычайного напряжения власти и экономии управления. Бытие определило сознание. 10 марта 93 г. Конвент декретировал учреждение Революционного суда (*Tribunal revolutionnaire*) для энергичной борьбы с «изменниками», бунтовщиками, недобросовестными поставщиками на армию, фальшивомонетчиками и т. д.; затем после поражения генерала Дюмуре по декрету Конвента во всех общинах и в парижских секциях вводятся особые коми-

Комитет общественного спасения.

теты для наблюдения за подозрительными, а по инициативе Марата и по предложению (жирондиста) Баррера 6 марта организуется «Комитет общественного спасения» — *Comité du salut public*, — первое время состоявший из девяти членов, выбиравшихся на один месяц. Значение «Комитета общественного спасения» в системе государственного управления и самую механику Комитета, наиболее удачно объяснил один из его членов, инженер Карно: «Комитет общественного спасения» оставляет за собой руководящую идею правительства, он будет предлагать Национальному Конвенту важнейшие меры, временно принимать решения относительно тех мер, неотложность которых или необходимость сохранения тайны не позволят их подвергнуть обсуждению в Собрании; все же детали передаются им на обсуждение различных комиссий, при чем он обяжет последних представлять ему каждодневно отчеты о своих работах; он будет отменять их незаконные акты, устанавливать их относительные сферы действия и централизовать их деятельность, с целью придать ей необходимое общее направление, целостность и энергию.

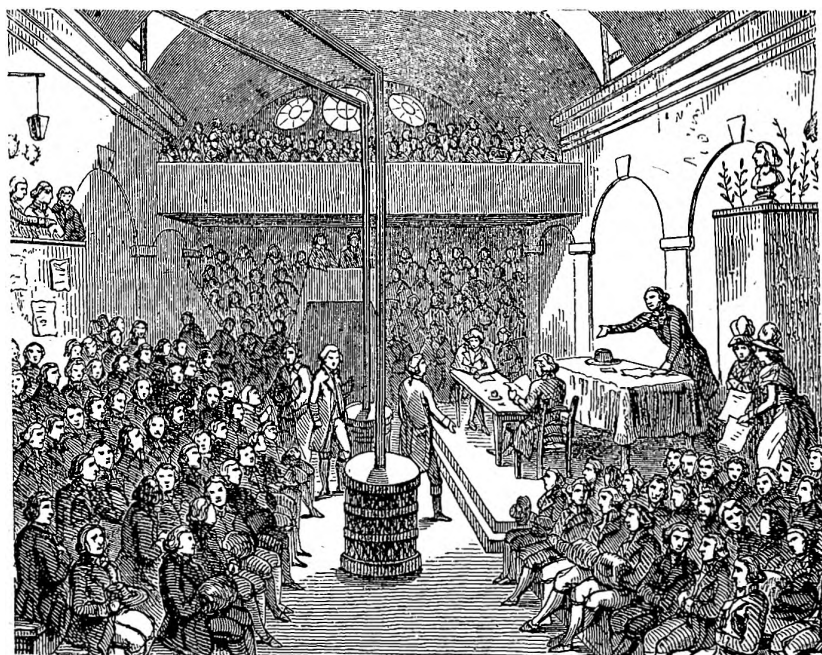
Комиссары
Конвента.

Органами и проводниками воли «Комитета общественного спасения» в департаментах сделались конвентские комиссары — *représentants du peuple*. Какими жестокими подчас ни кажутся действия комиссаров Конвента на местах и как часто, с другой стороны, они ни злоупотребляли своей безапелляционной властью, все же, на расстоянии больше чем столетнего промежутка времени, ясно, какую важную революционную и организующую работу выполнили эти *représentants du peuple*. Без крутых мер революционной Франции никогда не удалось бы ни организовать армию, ни наладить продовольственное дело, ни, наконец, сплотить общественное мнение; поднимавшаяся то в одном, то в другом пункте Франции реакция, без сомнения, задушила бы революцию в самом ее зародыше. О степени же комиссарских полномочий на местах можно судить хотя бы по докладу, представленному комиссаром департамента Шер. «Я заключил, — сообщал уполномоченный Конвента, — всех подозрительных под стражу и дал волю санкюлотам... Я везде поставил террор на очередь; повсюду я наложил контрибуцию на богатых и аристократов. Я везде наэлектризовал сердца и умы. Я устроил оружейные заводы, я осмо-

трел мастерские, госпитали и тюрьмы, я отправил несколько батальонов народного ополчения, сделал смотр большой массе национальной гвардии с целью ее республиканизировать и послал на гильотину несколько роялистов».

На ряду с такими учреждениями, как «Комитет общественного спасения» или «Комитет общественной безопасности», важную организационную роль в Революцию играли политические клубы. Клубы—совершенно особый тип общественные организации, не совсем похожий на все другие

Якобинский клуб.

Якобинский клуб.

виды организаций. Главное отличие клубов от всех иных организаций составляет их более свободный и интимный характер. Члены клуба связаны между собою не только одними обязанностями и правами, но также и личными симпатиями. Элемент принудительности и бюрократизма в клубах чувствуется значительно слабее, чем во всех других учреждениях. В клуб идут не только работать, но отдыхать и развлекаться. Отсюда рождается сплоченность и энтузиазм, которые увеличивают силу напора и сопротивления. Клубы игра-

ли большую роль и в дореволюционной Франции, в период же Революции их значение было исключительно велико. Все учреждения так или иначе испытывали на себе влияние клубов.

Образцом клубной организации может служить Якобинский клуб. В Якобинском клубе ярче и полнее всего запечатлелись характерные штрихи этого типа организации общественного настроения. Якобинский клуб вышел из Бретонского клуба, т. е. из нерегулярных совещаний депутатов «третьего сословия» Бретани; Собрания Бретонского клуба в Версале посещали видные представители «третьего сословия» — Сизэс, Барнав, Робеспьер, Барер, Мирабо и др.; заседания клуба не носили принудительного характера, на них мог присутствовать всякий желающий. В клубе говорили не только исключительно на политические темы, но вели и беседы частного характера, завтракали, пили вино и танцевали — одним словом, Бретонский клуб в значительной мере сохранял обычный характер дореволюционных клубов. С перенесением собрания в Париж и с нарастанием революции, характер клубной организации совершенно изменился. После переезда в Париж Бретонский клуб распался, но через некоторое время, сначала в частном доме, а затем в монастыре св. Якова открылся новый клуб. Официально этот клуб назывался «Обществом друзей конституции», но впоследствии за ним удержалось название «Якобинского клуба», данное ему в насмешку реакционерами. Цели клуба (по уставу 1790 г.), сводились: 1) к предварительному обсуждению вопросов, стоявших на очереди в Учредительном собрании, 2) к работе по обсуждению конституции и 3) к установлению связей с другими подобного же рода обществами. Во главе общества стоял председатель, 4 секретаря, 12 инспекторов и 4 цензора, — все избирались на 3 месяца; в непосредственной связи с клубом находились еще 5 комитетов. С конца 90 года Якобинский клуб издавал собственную газету под названием «Газета Общества Друзей Конституции», позже переименованную в «Journal des Debats». В члены общества принимался всякий желающий, по представлению одного члена и рекомендации двух других и после избрания на общем собрании. Членский взнос определялся в 24 ливра ежегодно, и, кроме того, вносился вступительный взнос в 12 ливров. Число членов клуба быстро росло, в конце 1790 г. оно достигло уже 1120 человек. Одновременно с числом членов

увеличивалось и число филиальных отделений в провинции. К середине августа 90 г. их было более 150, а в марте 91 г. их значилось уже 227. В разгар партийной борьбы членские взносы были понижены, а затем и совсем отменены. Якобинцы широко использовали клуб для пропаганды своих идей в целях увеличения своих сторонников. В Якобинском клубе и в его филиальных отделениях выступали лучшие якобинские ораторы (Робеспьер, Петитон, Колло, д'Эрбуа) освещавшие, волновавшие тогда общество и партию, политические вопросы. К началу 92 г. авторитет клуба был так велик, что он сделался как бы генеральным штабом якобинской партии. В клубе, в сущности, вопросы не только обсуждались, но и решались; на общее же собрание депутаты являлись уже с готовыми решениями и заранее составленными речами. Первоначальная пестрота состава Якобинского клуба естественно не могла не привести к расколам и чистке клуба, в конечном итоге освободившим якобинцев от наиболее правых элементов. После распада якобинской партии на ряд враждовавших друг с другом фракций, Якобинский клуб сделался органом группы робеспьеристов. Историческое значение Якобинского клуба очень велико. В некотором смысле история Якобинского клуба есть история всей Французской революции. На одной этой организации можно проследить все перипетии (переплетения) революции: открытие клуба совпадает с началом, а его закрытие — с концом Революции.

Политическая организация, однако, только одна сторона общественного порядка. Без соответствующего направления умов и чувств политический порядок в сознании граждан иногда не получает должной крепости и исторической необходимости. Деятели Французской революции отлично знали связь между политической формой и идеологией. Находясь под двойным прессом, под натиском внешних врагов и под напором контр-революции, Робеспьер в июле 1793 года делал доклад о постановке народного воспитания и образования. Лидер монтаньяров понимал, какое значение для прочности конституции имеет народное образование и воспитание. Бедное население, в настоящее время обремененное своими детьми, должно быть избавлено от хлопот и забот, связанных с воспитанием детей. «Полезные, несчастные граждане, эта забота перестанет быть для вас бременем, когда благодарная республика облегчит вам

Организация
умов и
чувств.

его; быть может, вскоре, следуя нежным побуждениям природы и пользуясь материальным довольством, вы будете в состоянии без сожаления давать детей родине. Она будет принимать их всех одинаково, одинаково их воспитывать, одинаково кормить и одевать. В демократической республике воспитание и образование должно быть равным и всеобщим». Национальное воспитание будет одинаково для всех, так как оно составляет долг отечества по отношению ко всем, следовательно, на него имеют право все, и никто не может отказывать своим детям в пользовании им. В противоположность церковной схоластической школе, игнорировавшей культ тела и непропорционально перегружавшей мозг, Робеспьер настаивал на непременно соединении физического и духовного воспитания. «Целью национального воспитания будет укрепление тела детей, приучение их к ручному труду, закаление в перенесении усталости, возвышение их сердца и украшение ума знаниями, нужными всякому гражданину, какова бы ни была его профессия». Суровый и последовательный якобинец, прошедший жесткую школу жизни, склонялся в сторону трудовой самооплачивавшейся школы, со спартанским оттенком. В национально-воспитательных заведениях не будет никакой прислуги, все службы в заведениях будут исполняться самими детьми, дети будут получать питательную, но скромную пищу, удобное, но грубое платье, спать они будут не на мягком и т. д., — одним словом, дети будут воспитываться таким образом, что «они в жизни будут в состоянии обходиться без лишнего и презирать кажущиеся потребности».

Демократизация страны.

В проекте новой системы образования и воспитания сказалась основная идея монтаньярской программы: стремление к возможно полному уравниванию и демократизации. Правда, в просветительной области принцип духовного уравнивания был проведен только на низшей ступени, интеллигентная же верхушка выделялась в особый разряд и как бы ставилась над обществом. Значительно последовательнее демократизм проведен в других сферах социальной жизни. Вовлеченному в сложные общественные отношения человеку невозможно было обращать внимание одинаково на все стороны окружающей его жизни. Деловому обществу, — а всякая демократия прежде всего и есть деловое общество, — необходима экономия времени и сил. Главным же принципом всякой организации, рассчитанной на сбережение сил,

является прямолинейность и однообразие. В целях лучшего приспособления к новым условиям жизни необходимо было порвать со всем историческим прошлым. Декларация прав и обе конституции (91 и 93 гг.) набрасывали лишь общую схему, мало касаясь бытовых деталей. Между тем как организация простейших социальных отношений сплошь и рядом имеет большее значение, чем провозглашение отвлеченных формул. Поэтому, с демократической точки зрения, характерное, напр., для феодальной разобщенности разнообразие мер и весов целесообразно было заменить однообразной десятичной системой. За единицу измерения была принята одна сорокамиллионная часть окружности земли, названная безличным словом метр, что значит мера, при этом вместо французской терминологии и счета предписано было употреблять латинские и греческие наименования. При исчислении денег за единицу принимался франк, что значит—свободный. Введение десятичной системы последовательно приводило к реформе календаря. Летоисчисление от Р. Х. заменили летоисчислением со дня провозглашения Республики, т.-е. с 22 сентября 92 г. Месяцы получали свое название от времен года, связанных с особенностями природы, главным образом влияющими на сельское хозяйство. Месяцы исчислялись следующим образом: вандемьер—месяц сбора вина и винограда, с 22 сентября по 21 октября, брюмер—месяц тумана, с 22 октября по 21 ноября, вентос—январь-февраль, месяц ветра, плувиоз—февраль-март, месяц дождя, жерминаль—март-апрель, месяц восходов, флореал—апрель-май, месяц цветов, прериал—май-июнь, месяц лугов, месидор—июнь-июль, месяц жатвы, термидор—июль-август, месяц жары, фруктидор—август-сентябрь, месяц фруктов. Христианскую неделю заменили декады; т.-е. десятидневные промежутки времени, со следующими названиями вместо старых дней: примиди, т.-е. *primus dies*, первый день декады, дуоди—второй день декады и т. д. Три декады составляли месяц, а из двенадцати месяцев складывался год; високосный год принимал 6 лишних дней, называвшихся санкюлотидами, или днями санкюлотов. Добавочные дни посвящались различным праздникам: добродетели, гения, труда, общественного мнения и общественного вознаграждения, Трехлетний период времени составлял франсиаду. На сколько велико было принципиальное значение революционного ка-

лендаря, настолько же было ничтожно его практическое приложение. Официально календарь продержался до 1805 г., но на практике им почти никогда не пользовались, предпочитая традиционное летоисчисление.

Наибольшую помеху при последовательном проведении демократического принципа Революция встречала в учреждениях церкви. Не говоря уже о сознательном противодействии, самое существо католической церкви, этой крепчайшей цитадели Средневековья, стояло поперек дороги всем нововведениям. Из этого корня собственно и вышли нетерпимость и вражда по отношению к христианской церкви. Церковь оставалась единственно организованной силой старого мира, с которой вынуждена была считаться Революция. Лишенная богатств, церковь все еще сохраняла за собой целый арсенал идей и умений внушать людям веру в эти идеи. Борьбу с церковью начало Законодательное собрание, но в широком масштабе повел эту борьбу Конвент. Законодательное собрание закрыло церкви и часовни; запретило ношение clerикального одеяния, ввело гражданскую регистрацию рождений, браков и смертей, признало гражданский брак и облегчило развод. А Конвент устранил безбрачие священников (целибат), отменил многие праздничные службы, в том числе пасху и рождество, когда месса совершалась с особой пышностью. После этого, обиженный папой и либерально настроенный парижский архиепископ Гобель явился в Конвент и собственноручно передал символы папского достоинства: кольцо и крест. Христианские имена, напоминавшие о былой мощи клира, уступили место старым своим соперникам, дохристианским именам. Многие революционеры и лица, сочувствовавшие Революции, меняли свои христианские имена на греческие и римские. Так, Баптист Клоц стал называться Анахарсис Клоц, Шомет принял имя Анаксагора, Кутон—Аристиды и т. д. Кроме имен греческих и римских героев и знаменитостей, принимали отвлеченные имена—Свободы, Равенства, Революции, Республики, Секции или революционных героев—Дантона, Марата, Робеспьера. Церковно-обрядовая реформа задумана была очень остроумно и проводилась с настойчивой последовательностью. В этом вопросе французские революционеры, прямые последователи рационалистов XVIII столетия, показали, насколько они понимали социальное значение быта и церковных учреждений.

В самый разгар войны и при глубочайшей внутренней переформировке, направляя свое внимание на, казалось бы, очень пустые вещи, они разрывали именно те формальные связи, без которых не может существовать ни одна корпорация. Лозунгом Революции было полная отмена всех культов и обрядов, кроме одного «культа свободы и святого равенства». Новому богу—Разуму посвятили старинную церковь Notre Dame de Paris,—важнейший оплот католиков в Париже.

Отнимая привычные формы общения и выражения эмоций, Революция, взамен церковных праздников и ритуала, создала не менее пышные праздники в честь новых богов: Разума и Высшего Существа. Социальное значение революционных праздников состояло в том, что они, направляя мысль и чувства народа на другие объекты, незаметно, но прочно внедряли в его сознание новые общественные идеалы. Одним из самых грандиозных праздников Французской революции был праздник 10 августа 93 года, устроенный в годовщину взятия Тюльери и отмены королевской власти. Десятое августа должно было освятить новую Конституцию,—Конституцию 93 г. Устройство праздника взял на себя известный художник Давид, до фанатизма преданный монтаньярам. При первых лучах восходящего солнца на обширной Тюльерийской площади в парадной форме появились все власти, все члены Конвента, представители департаментов, иностранные гости и союзы. Посреди площади возвышалась колоссальных размеров статуя Природы, из груди которой, в знак ее бесконечного плодородия, лилась вода в белый сосуд. Все подходили к сосуду, пили из него воду и давали друг другу братские поцелуи. Бесконечное море знамен, лент и гирлянд двигалось по линии бульваров. В процессии шли рядом, держа друг друга за руку, ткач, кузнец, мэр и судья; чернокожий негр важно шествовал рядом со своим белым собратом; на триумфальной колеснице в форме плуга ехали крестьянин и крестьянка, за ними шел батальон детей и т. д. Наиболее эффектным моментом праздника было сожжение у подножия статуи Свободы костра из различных символов прежнего порядка. После того как Эро де-Сешель, автор Конституции 93 года, взял факел и поджег костер, из него при восторженных аплодисментах зрителей вылетели три тысячи птиц, украшенных трехцветными лентами с надписью: «Мы свободны, и вы сле-

Революционные праздники.

дуйте нашему примеру». Приблизительно в таком же стиле были проведены праздники в честь Разума, устроенный эбертистами, и праздник в честь Высшего существа, организованный робеспьеристами. Все юное и живое с восторгом приветствовало эти празднества, принимая в них самое живейшее участие, а все дряхлое, духовно или материально связанное со старым миром, их проклинали и все глубже замыкалось в самих себя.

Конституция
92 г.

Якобинцам пришлось действовать при исключительных условиях и потому часто приходилось нарушать Декларацию прав, выработанной ими Конституции 93 года. Согласно этой Конституции, задача правительства состояла в обеспечении человеку пользования «естественными и неотъемлемыми правами». В число естественных и неотъемлемых прав прежде всего входят: свобода, равенство, безопасность и собственность. Согласно природе, все люди равны, и на этом основании, следовательно, все без исключения могут выражать свою волю. Выражением общей воли является закон, которому безусловно подчиняется правительство. Выражать свои мысли и чувства люди могут самым различным образом, как-то: посредством печати, мирных собраний или свободного отправления культа. Каждый гражданин волен располагать своими свободами и заниматься какими угодно профессиями. Закон вмешивается лишь в крайнем случае, когда явно затрагивается общий интерес. Современникам Монтаньярская конституция казалась последним словом радикализма, так что даже Гракх Бабеф усматривал в ней коммунистические мотивы. Провести в жизнь эту Конституцию предполагалось с наступлением мирного времени, но этого мирного времени якобинцам не суждено было дожидаться. Заступившая же их место Директория предпочла выработать свою собственную конституцию.

Монтаньяры.

По своему социальному составу партия монтаньяров была так же пестра и разнообразна, как и все остальные партии Французской революции. В нее входили главным образом мелкая буржуазия и интеллигенция: писатели, адвокаты, артисты, торговцы, ремесленники и мануфактурные рабочие. Отличительной особенностью партии был ее городской, специально парижский оттенок, накладывавшийся мелкобуржуазным, ремесленным и интеллигентским населением столицы. Социальный состав монтаньяров определил и их

программу, а реальная обстановка 92—94 годов продиктовала им тактику. Как состав монтаньяров определился не сразу, так точно и взгляды монтаньяров вырабатывались постепенно, в зависимости от реальной обстановки. Монтаньяры—партия диалектическая по преимуществу. Неизменно оставаясь в существенных чертах идеологами мелкой буржуазии, монтаньяры умели считаться и с реальными условиями жизни, выдвигая на передний план то одну, то другую сторону своей программы. В этом отношении интересно проследить эволюцию взглядов их вождей, хотя бы, напр., на форму правления. В первые годы революции даже выдающиеся вожди якобинцев отдали дань старому порядку, равнодушно относясь к политическим надстройкам и даже предпочитая республике «просвещенную монархию». Людям, воспитанным в атмосфере «просветительной философии», сначала даже и в голову не приходило, что политическая надстройка не более, как выражение интересов определенных общественных групп. «Я,—заявлял Марат в своем «Друге Народа» от 17 февраля 91 года,—остаюсь равнодушным, когда контр-революционеры хотят заставить нас изменить форму правительства, я слишком хорошо знаю, что сильно ограниченная монархия является формой, наилучше пригодной для нас при современных условиях. Федеративная республика слишком уже скоро выродилась бы в олигархию». Приблизительно в таком же духе писал и Максимилиан Робеспьер в майском номере «Защитника конституции»: «В словах ли республика и монархия заключается разрешение великой социальной проблемы? Решается ли благо или несчастье народов теми определениями, которые изобретены дипломатами в целях классификации различных форм правительства или же в действительности важен характер законов и учреждений?». В ходе событий, однако, недавние сторонники централизованной деспотии скоро убедились, что не только «характер законов и учреждений», но также и политическая форма имеет не последнее значение в общественной структуре. Тон якобинской печати резко изменился под влиянием бегства короля под охрану генерала Буилье в июне 91 г. «Какое еще доверие,—спрашивал Марат,—может питать нация к этому слабовольному, который обнаружил свою всегдашнюю готовность превратиться в мерзкое орудие преступных людей, его окружающих, в презренного не-

годя, тысячекратного клятвопреступника и убийцу, который делает себе удовольствие из того, что играет священнейшими обещаниями, ни о чем ином не помышляет, кроме как о вымогательстве налогов, об убийствах и погромах и круглые сутки не мечтает ни о чем другом, как только о том, чтобы купаться в крови народа, его законного суверена?». Принципиальные сторонники народоправства и демократической республики, монтаньяры, волею вещей должны были стать централистами и отстаивать диктатуру одной партии. Централистические тенденции якобинцев сохраняли свою силу вследствие абсолютной невозможности распылять силу власти, в виду надвигавшегося хозяйственного кризиса и происков контр-революции, эмигрантов, малосознательности и неустойчивости масс.

Раскол якобинской партии.

Объективно диктатура якобинской партии была необходима до тех пор, пока требовалась крепкая организация мелкобуржуазной и рабочей Франции для побед на внешнем фронте и для подавления контр-революционных выступлений, но как только в связи с успехами революционных армий и благоприятными вестями из провинций изменилась объективная обстановка, то сейчас же возник вопрос о терроре. Горячие прения по вопросу о терроре развернулись в Конвенте и в Коммуне 3 октября 93 г. Поводом послужило предложение Комитета общественной безопасности предать суду еще 73 жирондиста, подозреваемых в «изменичестве». Сильно разошедшиеся по этому вопросу мнения, свидетельствовали, что партию якобинцев связывало только чрезвычайно тяжелое общее положение. До тех пор, пока силы оттягивались в сторону, Гора казалась несокрушимой, но как только внешняя опасность стала слабеть, то немедленно обнаружилось, что в партию входят много социально разнородных групп и различных по своим характерам людей.

Эбертисты.

Раскол начался слева. Первым отпало левое крыло монтаньяров. Левое крыло Горы составляли эбертисты, большей частью принадлежавшие к интеллигентскому парижскому пролетариату, стремления которого по целому ряду пунктов совпадали с интересами рабочего пролетариата. Характерной чертой этого направления был словесный радикализм, энергичный призыв к «прямому действию» и отказ от каких бы то ни было форм парламентской борьбы. Пестротой своего социального состава и радикализмом своей

критики, равно как и призывом к «прямому действию», левое крыло монтаньяров напоминало современных анархистов-синдикалистов. По части критики «республиканских пиавок» и «новых феодалов» левое крыло вполне примыкало к якобинцам, но оно с большей силой, чем все другие республиканские течения, выдвигало на передний план индивидуальную свободу. Современный человек, в силу беспрерывного принуждения от нежного детства до глубокой старости, потерял всякую индивидуальность и из существа по природе свободного сделался настоящим рабом: «Едва начав говорить, человек уже делается рабом. Вместо того, чтобы предоставить ему играть и прыгать, как ему хочется, и как того требует природа, юное дитя человеческое запирают в школу и угощают розгами, палками и линейкой. Такова-то картина человеческой жизни. Детство проходит в слезах, юность—в желаниях, зрелый возраст—в труде и мучениях, старость—в болезнях, пока, наконец, смерть не завершит всей этой истории,—а в мертвом человеке, тысяча проклятий! не больше толку, чем в живой собаке!». Сильный в критике существующего строя, Эбер слаб по части выработки положительной программы. Не имея определенной программы действий, он ограничивался общими замечаниями вроде следующих: «чтобы привязать рабочего к революции надо поднять его материальное благосостояние и установить «разумное соответствие между платой за труд и ценами необходимых продовольственных продуктов». На той же точке зрения стоял и другой представитель левого крыла, «бешеный» священник Жак Ру. Фанатичные последователи энциклопедистов особенно дорожили свободой и независимостью личности. Вмешательство государства, с их точки зрения, допускалось лишь в самых ограниченных размерах. В конце концов их мало интересовала и форма управления государством. Дело не в форме правления, а в людях, нравах и воспитании. В речи перед Конвентом 26 апреля 93 г. один из представителей левых, Анахарсис Клоц, подробно развил мысль об уничтожении государства путем передачи правительственных функций, до последней степени суженных, «братскому объединению» и о перенесении центра жизни и управления из столицы в свободные коммуны. «Тогда наша организация, получив завершение во всеобщем объединении, в один прекрасный

день освободит нас, наконец, от того, что называют правительством. Законы сделаются крайне малочисленными, а сумма счастья будет столь велика в каждой стране, что общее довольство само собою будет там нести поличия о сохранении созданного порядка». Развитого индивидуализма и эгоизма бояться не приходится, ибо «чем сильнее проявляются страсти каждого индивидуума, тем прочнее будет всеобщее объединение; мы сделаем его нерасторжимым, если мы отнимем у честолюбцев возможность связываться в клики».

Оторванные от какой бы то ни было «деловой» жизни и живя только минутами, интеллигентные богемцы, униженные и оскорбленные существующими условиями, вполне естественно, первым делом обрушились на богачей, спекулянтов и мошенников, во вторую очередь—на поддерживавшее их правительство «республиканских пиявок» и, наконец, на государства и правительства вообще. В мире нет ничего святого, кроме одного—индивида. Далекую от какой либо регулярной работы интеллигенцию интересовали исключительно лишь вопросы, касающиеся воспитания или, вернее, перевоспитания личности. С точки зрения свободы человеческого духа Эбер, Ру, Клотц, Верле и др., вполне последовательно, наряду с неравным распределением имуществ, подвергли беспощадной критике все идеологические устои буржуазного общества. Притом, больше всего выпадало на долю религии: «Первым жрецом был пролаза, несколько похитрее, чем остальные дикари, среди которых он жил. Он заметил, что, когда погода собирается перемениться, его кошка чешется, или его осел двигает ушами. Гордясь этим открытием, он использовал его для того, чтобы обманывать и надувать других, рассказывая им, что «предвечный отец» или даже дьявол шепнул ему на ухо, что скоро пойдет дождь или наступит хорошая погода. И, как известно, всегда лиха беда лишь начать. Раз отыскав дураков, обманщик стал изобретать другие глупости, чтобы водить за нос простаков»... Для Эбера само собой понятно, что религия и культ должны быть исключительно делом личного вкуса и пожелания. Он не желал ни в каком отношении связывать личность: «Если он хочет быть христианином и верует, что несколько латинских фраз и немного подсоленной водицы пойдут на благо его душе и принесут спасение от грехов, которых он не совершал,—в таком слу-

чае он может спокойно примачивать свой череп. Если он иудей, пусть он совершает обрезание. Если он хочет принять веру индейцев, которые не едят ни мяса, ни рыбы, так как верят, что от этого задохнутся,—ну, что ж, пусть он делает это». «Великая радость для «Отца Дюшена» наступит тогда, когда поснимают всех золотых и серебряных обезьян, которых наши старые бабушки называли святыми, и переделают в монету, чтобы покрыть военные расходы и освободить нас, наконец, от язвы королей и жрецов». Помимо религии для самоутверждения личности не менее губительна также и традиционная культура, поддерживаемая государством и санкционируемая религией.

Сторонники прямых действий, поощрявшие разгром лавок и магазинов и проповедывавшие атеистические идеи, уже давно не внушали доверия робеспьеристам, усматривавшим в них скрытую контр-революцию. Неопасные при нормальном течении жизни, анархические элементы делались чрезвычайно опасными в острые моменты. Поводом для открытого конфликта между робеспьеристами и эбертистами послужили разногласия по религиозному вопросу. 21 сентября 93 года Робеспьер выступил в Якобинском клубе с резкой критикой атеизма. Робеспьеру атеизм казался анархической и разрушительной идеей, крайне опасной с государственной точки зрения, ибо дезорганизация неба, по его словам, предполагает такую же дезорганизацию земли. Истинно народной религией является не атеизм или вера в отвлеченные понятия, а идея Высшего Существа. Дантон по этому вопросу вполне разделял точку зрения Робеспьера, упрекая эбертистов в том, что они самое безверие возводят в догму. А издатель «Старого Кордильера» Камилл Демулен называл эбертистов богохульниками и изменниками, состоящими на жаловании у англичан. Не оставались, конечно, пассивными и эбертисты. Имея за собой группу рабочих, сторонников «прямого действия», эбертисты решились на государственный переворот. Они хотели склонить на свою сторону революционную армию и провозгласить мэра Паша (влиятельного члена Коммуны) диктатором. Четвертого марта в Кордильерском клубе Эбер произнес горячую речь против умеренных и призывал народ последовать его призыву. Боевое настроение левого крыла заставило робеспьеристов принять решительные меры против заговора. 14 марта Конвент, по до-

Казнь эбер-
тистов.

кладу С. Жюста, постановил арестовать наиболее опасных заговорщиков: Эбера, Шометта, Клоца, Моморо и др.—всего 19 человек. Все арестованные были приговорены к смертной казни. «Да, я ничего другого, собственно, и не ожидал и потому не удивляюсь, что меня гильотинируют в Париже за те взгляды, за которые сожгли бы в Риме, повесили бы в Лондоне и колесовали бы в Вене»,—спокойно сказал «великий космополит» Баптист Клоц, последним подымаясь на эшафот. Казнь эбертистов состоялась 24 марта 94 г.

Дантониисты. Приблизительно через полмесяца после казни эбертистов, та же самая участь постигла и правое крыло якобинской партии — дантониистов. Дантов, проявивший незаурядную энергию в самые критические периоды Революции, строго говоря, никогда не был настоящим монтаньяром. Это был «Мирабо монтаньяров». В своем понимании революции Дантон ближе подходил к жирондистам, усматривая предельную задачу революции в сокрушении феодального строя и в установлении режима «третьего сословия». Заботы о мелкой буржуазии и рабочих лишь косвенно входили в программу этой группы. «Я предлагаю»,—писал Дантон в декабре 93 г.,—не верить тем, кто хотел бы повести народ за пределы революции и стал бы предлагать ультра-революционные меры». Контр-революция была подавлена, на фронтах счастье повернулось в сторону Республики, и террор стал казаться излишним. За время революции выросла новая буржуазия, сложилось новое чиновничество, и образовалась новая интеллигенция. Все эти группы, хотевшие закрепить за собой раз достигнутое положение, скоро повернулись спиной к революции. Всё, выходившее за пределы буржуазно-интеллигентского режима, стало им теперь казаться изменой и происками внешних врагов. Лучший публицист дантониистской группы, Камилл Демулен, выступил со злобной критикой против Парижской Коммуны, в которой преобладали эбертисты. Эбертисты особенно раздражали Камилл Демулена, считавшего частную собственность основой общественной жизни, а религию—рычагом законодателя. Последние дни своей жизни дантониистские публицисты посвятили беспощадной критике своих недавних друзей и товарищей робеспьеристов. В последних номерах «Старого Кордильера» робеспьеристский режим сравнивался с режимом римского цезаря Тиберия. Газета подчеркивала, что как тогда, так и теперь никто

не уверен в своей судьбе и в завтрашнем дне. В списки подозрительных попадают по совершенно противоположным причинам: богатые за их богатство, бедные за их бедность, популярные за их популярность, а непопулярные за их непопулярность. Даже сложился особый цех доносчиков, пользующийся авторитетом в глазах правительства и презрением в глазах «добрых граждан». «Правда, пора же прекратить, наконец, казни и учредить комитет милосердия!». Отсюда становится понятно, почему, с точки зрения робеспьеристов, представлявших центр монтаньярской партии, устранение дантонистов все более и более становилось вопросом дня. «Казнь Дантона (5 апреля 94 г.),—сказал один из членов трибунала,—это не процесс, а необходимая мера. Вдвоем они невозможны, и нужно, чтобы один из них погиб. Хочешь убить Робеспьера? Нет,—отвечал другой. Ну, так, значит, ты голосуешь за смерть Дантона». Судья был прав, ибо он, хотя и поверхностно, но безусловно правильно схватывал сущность момента.

Последние
месяцы Горы.

После устранения эбертистов и дантонистов, положение самих робеспьеристов с каждым днем становилось все серьезнее и неустойчивее. Не имея определенной социальной программы и опираясь на текущие и разнородные элементы, группа Робеспьера (два брата Робеспьер, С. Жюст, Кутон и др.) должна была искать опоры, смотря по обстоятельствам, то в левой, то в правой части Конвента и Коммуны. Органической же связи с трудовым населением у робеспьеристов было немногим больше, чем у дантонистов. В рабочих кварталах на них редко смотрели, как на людей своей среды, но чаще видели в них лишь временных защитников интересов трудящихся. Будучи связаны с рабочим классом главным образом идеологически и политически, монтаньяры рисковали потерять симпатии тотчас же, как только появится новая группа, обещавшая больше, чем они. Ненадежность социального фундамента была основной причиной скорой гибели робеспьеристов. При нормальном течении вещей робеспьеристы, может быть, и могли бы держаться, но при том критическом положении, в котором находилась тогда Франция, положение партии было весьма неустойчиво. После военной разрухи и гражданской войны, требовалось перейти на мирное строительство, что как раз и не сумели сделать робеспьеристы.

Экономическое состояние Франции в 94 г.

Для того, чтобы понять всю серьезность положения, необходимо представить себе картину экономического положения Франции накануне катастрофы IX термидора. Сначала 93 года Францию волновали война, пожирившая массу средств и отвлекавшая тысячи рабочих рук, и затем глубокий финансовый и торгово-промышленный кризис. Из 9 тысяч ткацких станков Лиона в 94 году действовало не более 4 тысяч, льняные мануфактуры Бретани, кружевные мануфактуры Нормандии и бумажные фабрики Шаренти сократились более чем наполовину. Главный торговый порт на Средиземном море Марсель сузил свои торговые операции с 80 до 3 миллионов. Треть жителей Бретани и Нормандии, раньше занимавшаяся рыболовством, теперь влачила жалкое существование. Гавани были занесены песком, каналы засорились и заволоклись илом, по берегам выросла густая трава, а голодные матросы и рабочие не знали куда им девать свободное время. Школы более чем на половину не имели самой необходимой обстановки для ведения нормальных занятий. По дорогам бродили разбойничьи банды, повсюду царили голод и раздражение. Даже в больших городах вечерний пешеход рисковал сломать себе ногу на вывороченных плитах мостовых и разбитых тротуарах, а всадник—свалиться в канаву.

Экономическая политика робеспьеристов.

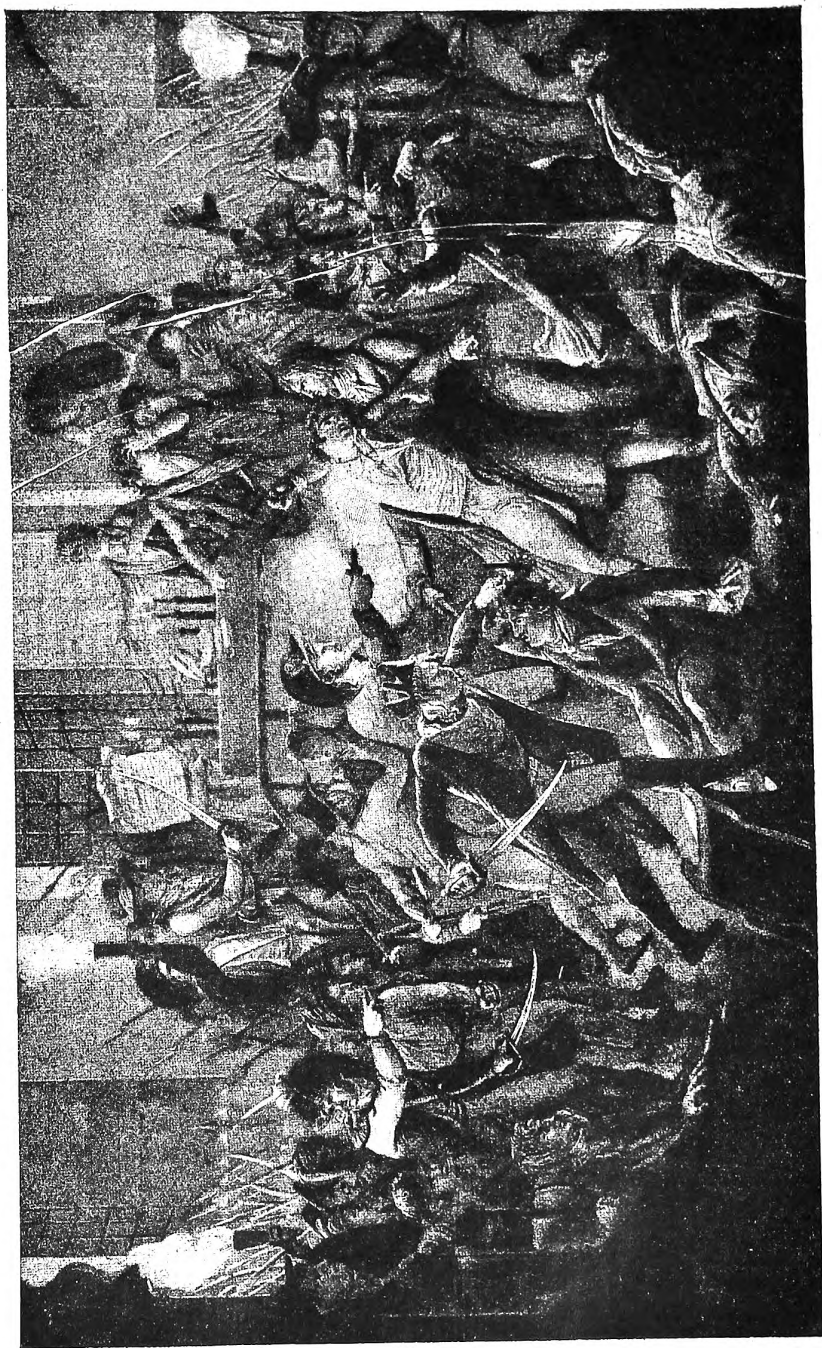
Такова в общих чертах социально-экономическая обстановка, при которой пришлось действовать монтаньярам. Не предполагая радикального изменения способов производства, государственные умы Горы должны были сделать крутой поворот направо, в сторону восстановления капитализма. Восстановление же капитализма означало примирение с буржуазными элементами, на что едва ли можно было надеяться после всего пережитого. Да, кроме того, психологически трудно себе представить, чтобы Робеспьер и его друзья могли бы из защитников бедности и принципиальных врагов капитала превратиться в сторонников и даже воссоздателей капитала. В речи VIII термидора, произнесенной в Конвенте, сам Робеспьер признал, что он создан для борьбы с преступлениями, а не для мирного строительства. До тех пор пока речь шла об организации борьбы с контрреволюцией, монтаньярам не было времени продумать принципы своей экономической политики, когда же наступила передышка, тогда появилась и экономическая программа. Но эта программа мирного времени оказалась в корне про-

тиворечащей интересам мелкой буржуазии и рабочих. Принципы экономической политики робеспьеристов нашли отчетливое выражение в проекте С. Жюста, представленном Конвенту в начале 93 г. «Я не согласен, — говорил докладчик, — с мнением комитета и мне не нравятся стеснительные для торговли законы. Народу можно напомнить слова карфагенского полководца Аннибала: вы умеете побеждать, но не умеете пользоваться победой. Множество зол современной жизни коренится в экономическом оскудении Франции. Требуют продовольственных законов, но, ведь, разрешение продовольственного кризиса есть следствие изобилия. В настоящее время страна наша обеднела, подпала под власть бесчисленных кризисов, интенсивность труда уменьшилась до чрезвычайности, все приходится покупать за границей. Состояние войны до крайности ухудшило производство. «Патриотическая промышленность» же, питающаяся правительственными заказами, разумеется, не может соперничать с действительным производством». Затем С. Жюст нарисовал картину экономического развала: не осталось больше ни металла, ни роскоши, стимулирующей производство, а количество денежных знаков увеличилось наполовину. Если так будет продолжаться и дальше, то деньги потеряют всякую ценность, обмен придет в расстройство, ресурсы иссякнут, производство прекратится, и «нам останется только разделить землю и глотать ее». «В настоящее время мы бедны, как испанцы, благодаря обилию денежных знаков и скудости находящихся в обращении товаров. Мы торгуем только с государственным казначейством или, иными словами, кружим вокруг самих себя и торгуем безо всякого барыша. Поэтому прежде всего необходимо усилить потребности и, в частности, поднять роскошь. Оживить роскошь необходимо, иначе придется постоянно прибегать к насильственным мерам против землевладельцев, незаинтересованных в индустрии». С. Жюст не сделал последних выводов из своей теории, но они напрашивались сами собой. Если снять все запреты и восстановить частную инициативу, то промышленность возродится, но тогда возродится и класс крупных предпринимателей и коммерсантов. Возрождение же крупной буржуазии с логической неизбежностью влечет за собой падение диктатуры мелкой буржуазии и переход политического руководства к экономически сильному классу.

Третьего выхода не было. С. Жюст правильно ставил вопрос: французы или должны стать завоевателями, или же сделаться предпринимателями. Но как в том, так и в другом случае якобинцы оказывались ненужными. Исторический момент требовал совершенно других людей, с совершенно иной социальной философией и психологией. Цепь событий замыкалась. Капитализм, из-за которого, было пролито так много крови, возрождался, и получал новую опору. Революция сокрушила «его главного врага—феодальную систему и расчистила почву для расцвета капиталистических отношений не только во Франции, но и далеко за ее границами. Уже ближайшие события показали, к чему сводилась историческая работа монтаньяров. Партия монтаньяров рассеяла феодальную контр-революцию, создала блестящую армию и восстановила престиж Франции на международном рынке. С этой точки зрения, работу монтаньяров следует признать безусловно прогрессивной, ибо, — говорил Ленин,—капитализм зло по отношению к социализму, но капитализм благо по отношению к феодализму.

Катастрофа
IX термидора.

Как видно из доклада С. Жюста, робеспьеристы теоретически прекрасно понимали исторический момент, но не в их силах было теорию провести в жизнь. Слишком уже сильна была оппозиция. Даже не говоря об уцелевших дворянах и новой буржуазии, нажившейся на общественном несчастье, покупке конфискованных имений, на поставках в казну, спекуляции и т. д., против якобинцев усиленно агитировали уцелевшие друзья эбертистов и дантонистов, возглавляемые Тальэном и Фушэ. К агитации умеренных республиканцев и скрытых монархистов иногда присоединялись и голоса рабочих кварталов, страдавших от свирепствовавшего в них голода и общей разрухи. Сюда же, наконец, следует отнести общую усталость, пониженную жизнеспособность и чрезмерную жажду мира и отдыха. Накануне самой катастрофы VIII термидора, Робеспьер произнес в Конвенте сильную речь, в которой указывал на происки и интриги своих классовых и личных врагов. «Среди членов Конвента и в публике,—говорил Робеспьер,—ходят преувеличенные слухи о нашей жестокости, говорят о новых жертвах и т. д. Как выйти из этого положения? Как помочь злу?» Ответ: наказать изменников, обновить все бюро Комитета общественной безопасности, произвести чистку Комитета

Арест Робеспьера.

общественного спасения, учредить единство правления под верховной властью Национального Конвента и подавить все партии, «чтобы на их развалинах воздвигнуть могущество справедливости и свободы». Слова Робеспьера на этот раз не нашли соответствующего отзвука в сердцах большинства Конвента, заговорщики предупредили его. Мнения секций, Комитета общественного спасения и Коммуны разделились; большая часть высказалась против «главенствующей тройки». Последовал приказ об аресте вождя якобинцев и его друзей. Ошеломленная таким неожиданным поворотом вещей, робеспьеровская группа потеряла голову. Первое оцепенение, однако, скоро прошло, и преданные сторонники Робеспьера, в их числе и командир санкюлотов Анрио, в последний раз обратились ко всем гражданам с воззванием: «во имя спасения народа не признавать никаких других властей». Но в этот решительный момент ослабевший Робеспьер не сумел воспользоваться предложением своего друга. На обращение не откликнулось даже до половины всех секций; к зданию Коммуны, несмотря на проливной дождь, пришло лишь несколько отрядов рабочих из предместий. Десятого термидора арестованные робеспьеристы в числе 21 были гильотинированы при огромном стечении народа, а в ближайшие дни взойшло на эшафот 82 члена преданной Робеспьеру Коммуны. С 28 июля 94 г. начинается новый период французской истории т. наз. Термидорианский Конвент (1794—95 гг.) с боевым девизом: *enrichissez-vous* — «обогащайтесь».

Война и революция.

В то время, как Франция вступала в фазу диктатуры мелкой буржуазии, в соседних с нею странах загорались первые лучи революции и свободы. Первые известия о революции вызвали в Европе тысячи вздохов освобождения и надежд на лучшее будущее всего человечества. Философ Иммануил Кант приветствовал революцию, как знамя освобожденной от средневековой узости личности и зарю свободного творчества. Поэт Клопшток хотел бы иметь голос в сто раз сильнее, чтобы воспевать свободу и равенство. «Франция завоевала себе свободу—это высочайшее дело века. О, Германия, неужели ты в своей жалкой ограниченности не можешь постигнуть этого!». В то же время другой великий поэт Германии, Гете, находившийся тогда в прусской армии, после сражения при Вальми произнес свою знаменитую фразу: «Отсюда и с сегодняшнего дня начинается новая

эра мировой истории, и вы можете сказать, что вы присутствовали при этом». Слова декрета Конвента от 19 апреля 92 г. попадали на раскаленную почву и возбуждающим образом действовали на настроение всех недовольных старым порядком. «Национальный Конвент,—гласил декрет,—объявляет, что он окажет братскую помощь всем народам, которые пожелают возвратить себе свободу, и обязывает исполнительную власть отдать приказание комиссарам французских армий, чтобы они приходили на помощь гражданам, которые подвергаются притеснениям за дело свободы». «Война дворцам узурпаторов, мир хижинам и честным людям!». С некоторой оговоркой можно даже сказать, что как ни велико значение Французской революции для национальной истории Франции, все же ее ни с чем несравнимый исторический интерес заключается не в национальном, а в ее интернациональном значении. За пределами Франции Великая революция имела двоякий смысл: с одной стороны, это было продолжение войн торгового капитала за колонии и рынки сбыта, а с другой —напор революционных армий означал объявление войны отжившему феодальному режиму по всему длинному фронту от Парижа до Москвы.

Международное положение в то время было в высшей степени благоприятным для Франции. Старейший и сильнейший ее враг Англия, утомленная дорого стоившей и неудачной войной с Северной Америкой, находилась в состоянии полного бессилия. Австрийская империя при двух последних императорах Иосифе II и Леопольде II переживала жестокое финансовое банкротство и находилась накануне развала. Что же касается двух других врагов Франции — Пруссии и России, то последняя до Ясского мира 92 г. была отвлечена турецкими делами, а после 92 года обе державы всецело погрузились в польские дела. Наконец, старый антагонизм между двумя частями Германской империи, Пруссией и Австрией, совершенно исключал возможность продолжительного совместного действия названных держав. «Венцы не могут сочувствовать войне, ибо полагают, что вы, пруссаки, обманываете наше правительство». На это союзник ответил: «Точно так же думает и говорит и берлинская публика». Тем не менее, под влиянием агитации эмигрантов и из боязни распространения революции на восток, прусский и австрийский правители встретились в саксон-

Армия „старого порядка“.

ском городке Пильнице в 91 г. и возобновили договор относительно Польши, вопрос же о войне с Францией поставили в зависимость от действий остальных европейских держав. Отношения держав с Францией осложнились вследствие отмены Законодательным собранием 7/II 92 г. феодальных привилегий в германских княжествах Эльзаса и Лотарингии. Тогда Пруссия и Австрия заключили между собой оборонительный союз и стали готовиться к войне.

Жирандистское министерство предупредило берлинский и венский кабинеты. 20/IV 92 г. открылись военные действия, хотя к войне оказались одинаково неподготовленными обе стороны. По всей длинной полосе от Базеля до Дюнкирхена Франция могла выставить не более 82 тысяч человек, а Пруссия всего навсего набрала 42 тысячи; несколько сильнее оказалось вооружение Австрии, но зато боевые качества австрийских солдат, финансы и личный состав австрийского штаба оказались ниже всякой критики. При первых стычках французская армия, поставленная под команду Лафайета и Дюмурье, состоявшая из остатков регулярной армии и плохо дисциплинированных, неподготовленных добровольцев, дрогнула и разбежалась. Важнейшие крепости—Лонгви и Верден перешли в руки пруссаков (сент. 92 г.). Французский главнокомандующий Лафайет, не сочувствовавший парижским событиям 10 августа, не проявил должной энергии и инициативы. Но на этом и остановились успехи австро-прусских армий. Вялость команды, участвовавшее дезертирство, постоянно возобновлявшееся распри между австрийским и прусским штабами и т. д. парализовали боевую энергию армий. Все это определенно говорило за то, что старый порядок отжил не только во Франции, но и во всей Европе. К осени 92 года выросла уже целая Вогезская армия, без большого труда взявшая Шпейр и Вормс и перешедшая на правую сторону Рейна. Главная причина быстрых успехов французских армий скрывалась, однако, не столько в стратегии французского штаба, сколько в успешной революционной агитации в пограничных городах и в рядах неприятельских армий. Комиссары Конвента сумели распропагандировать не только Майнц, Франкфурт и др. города, но проникли даже в Турцию и едва не убедили султана напасть на Австрию. Не без влияния французских идей и денег вспыхивали один за другим бунты английских

матросов. В октябре комиссару Конвента Дантону, в союзе с генералом Дюмуре, удалось провести большую кампанию в Бельгии, где на сторону республиканских войск перешла анти-австрийская партия. 6 октября Дюмуре одержал большую победу над австрийским корпусом герцога Альберта и занял Брюссель, нанеся тем самым удар австрийской чести, армии и торговле. С другой стороны, овладение «жемчужиной Австрии» Бельгией и продвижение в Голландию ставили Францию лицом к лицу с Англией, более других заинтересованной в Нидерландах. Зная военное бессилие Англии, Конвент поспешил с объявлением войны, последовавшим 1 февраля 93 г. В изданной по этому поводу декларации открытие военных действий мотивировалось тем, что английский король со времени революции 10 августа: 1) высказывал свое недоброжелательство французской нации и привязанность к коалиции коронованных особ, 2) препятствовал свободной закупке зерна, вооружения и разного рода других товаров, необходимых Республике, 3) задержал несколько кораблей, груженных зерном и тем самым нарушил трактат 1786 г. о свободе торговли, 4) запретил обращение французских ассигнатов и т. д. В виду вышеперечисленных нарушений, заканчивал декрет, дружественные отношения между державами прерываются.

С момента объявления войны Англии перед французской молодой Республикой встала величайшая проблема: сокрушить англо-европейскую коалицию, или же погибнуть под ударами мировой контр-революции. Революционный подъем и массовый энтузиазм, о котором говорилось выше, спас Францию как от внутреннего разложения, так и от поражения внешним врагом. С февраля 93 года стало особенно ясно, до какой степени внешняя история Франции переплеталась с ее внутренней историей. Приливы и отливы революционной энергии находились в прямой связи с успехами или поражениями французского оружия. Так, взрыв 10 августа 92 г., повлекший за собою падение монархии и утверждение Коммуны, совпал с появлением оскорбительного для французов манифеста главнокомандующего союзной армией. Последовавшее за ним наступление пруссаков вызвало «сентябрьский погром» и резню в тюрьмах, а в роковой для Революции 1793 г. неудачная экспедиция в Голландию сопровождалась восстанием Марселя, Лиона, Вандеи и Нор-

Военный
энтузиазм.

мандии; появление английской эскадры у Тулона вызвало усиленную деятельность в деле снабжения и организации военных заводов и фабрик для изготовления ружей, пороха и т. д. Война вызывала всеобщий энтузиазм и пафос победы. Быстро приводили в порядок литейные заводы, отыскивали новые приемы закала стали, переливали церковные колокола в пушки, увольняли дворян-офицеров и на их место в спешном порядке готовили кадры революционных командиров. Все было приведено в движение и подчинено интересам единой революционной идеи. Каждый француз знал и ощущал, что действительно «отечество в опасности». Само собой разумеется, что при таком положении вещей и при таком напряженном состоянии умов, все средства борьбы считались допустимыми, и ценность человеческой личности опустилась до минимума, *à la guerre comme à la guerre*, и это вполне гармонировало с лозунгом «отечество в опасности». Усиленные рекрутские наборы, реквизиции, принудительный заем, бесконечный ряд мер против эмигрантов и неприсягнувших священников, массовые аресты, напряженная деятельность революционных трибуналов и, наконец, приостановка конституции и передача всей полноты власти «Комитету общественного спасения» надо рассматривать именно как меры обороны, а не как проявление «звериной жестокости компании озверевших дураков и неудачников».

Новая армия

В результате поистине чудовищного напряжения народной воли создалась образцовая армия. Теперь уже воевали не случайные батальоны добровольцев, предводительствуемые несочувствовавшими революции офицерами, а регулярные войска, одетые в однотипные синие мундиры и руководимые военными вождями крупного масштаба, каковыми были недавний конюх Лазарь Гош, простой солдат—артиллерист Пишегрю, Наполеон Бонапарт и др. К концу монтаньярской диктатуры революционные армии наступали по всем фронтам: Гош продвигался по направлению к Антверпену и Амстердаму, Журдан—действовал за Рейном, Пишегрю—с Рейна спустился в северную Италию. Главное руководство инженерной частью и снабжением армии продовольствием, принял на себя член Комитета общественного спасения Карно. Несколько слабее по сравнению с успехами сухопутной армии разворачивались действия французского флота, сильно ослабевшего в первые годы революции. Но слабость фран-

цузского флота уравнивалась соответствующей же слабостью английской эскадры, после американской войны всего на-всего насчитывавшей 26 линейных кораблей с сорокапяти тысячным экипажем. Коротко говоря, монтаньяры создали армию, сокрушившую «старый порядок» и обеспечившую за французской индустрией рынки сбыта продуктов французского производства. Без революционной армии были бы совершенно немыслимы ни завоевания Директории, ни шумные успехи Бонапарта.

3. Буржуазная реакция.

Внешне как будто все оставалось по-старому, но на самом Директория. деле переворот IX термидора означал настоящую реакцию во всех сферах общественной жизни. Внимание Термидорианского Конвента в первую очередь было направлено на оплот демократического и рабочего Парижа—на Коммуну. Революционная активность Коммуны была парализована введением нового административного деления столицы на 12 самостоятельных округов. Дальнейшим шагом реакции было объявление амнистии всем пострадавшим во время террора, т.е. в первую очередь жирондистам и дантонистам. При благосклонном сочувствии Болота, поднявшие голову роялисты (особенно «золотая молодежь») открыли настоящую травлю якобинцев, начали с преследования отдельных лиц, но вскоре перешли к преследованию всей якобинской партии, толкуя при этом слово «якобинец» в самом расширенном смысле. В конце 1794 года по настоянию правых депутатов Конвент издал приказ о закрытии Якобинского клуба и об ограничении собраний; постановлено было даже сломать якобинский монастырь и устроить на его месте «рынок IX термидора». Использувавшие революцию в своих целях буржуазия, крестьяне-кулаки, чиновники и интеллигенты теперь жаждали мира и твердой гарантии, неприкосновенности их прав на землю и на капитал. На требовании мира и новой конституции в то время объединялись самые различные интересы. Требование финансистов, негоциантов, промышленников и мещан, наконец, было удовлетворено, и в октябре 1795 года Франция получила новую конституцию—Конституцию III года. Центральной идеей этой конституции было стремление избежать сосредоточения государственной вла-

сти в одном учреждении, хотя бы отдаленно напоминавшем Комитет общественного спасения. Во избежание повторения якобинской диктатуры законодательная власть была поделена между двумя учреждениями: Советом Старейшин из 250 членов в возрасте свыше 40 лет, и Советом Пятисот. Совет Пятисот законодательствовал, а Совет Старейшин вотирует законы, т.-е. их утверждал или отвергал. Исполнительная власть была вверена не одному лицу, а коллегии из пяти членов или директоров, что и дало периоду французской истории от 1795 по 1799 гг. название «Директории». Исполнительная власть была совершенно отделена от законодательной власти: директора не имели ни места, ни голоса в законодательных учреждениях. Независимость палат, публичность заседаний и свобода мнений были гарантированы законом. Вместе с тем Конституция гарантировала свободное распоряжение собственностью, признавала свободу совести, слова и пр. «Деловитость» буржуазии, кроме установления двойного ценза, имущественного и возрастного, проявилась в создании особой Декларации обязанностей, присоединенной к Декларации прав. Неуверенность же владельцев национальных имуществ была рассеяна подтверждением незыблемости их прав и запрещением эмигрантам возвращаться на родину. 26 октября 1795 года Конвент закрылся, и с этого времени вошли в свои права Совет Старейшин, заседавший в Тюльерийском дворце и Совет Пятисот, поместившийся в кавалерийской школе, где недавно заседали Учредительное и Законодательное собрания.

Завоевание
новых рын-
ков.

Эпоха Директории была временем крайней неустойчивости и экстравагантности во всех областях жизни. Казалось, человеческая распушенность мстит скромности и пуританизму предшествующих революционных годов. Время Директории прежде всего—время войны. Война за высокие лозунги братства, равенства и свободы при господстве капитала неизбежно переходила в обычные захватнические экспедиции. Отрезанная от рынков сбыта Испании, Португалии, Италии, Востока, России и др. французская буржуазия стремилась восстановить свои прежние связи и расширить рынок. Но это вполне закономерное стремление французского капитала наталкивалось на такое же закономерное стремление английского капитала дать отпор своему беспокойному конкуренту.

Открывшаяся с конца XVIII столетия война во всех стра-
нах и прежде всего во Франции выдвинула на передний план
армию и ее вождей. Парижское правительство, не быв-
шее в состоянии содержать и контролировать свои колос-
сальные армии, поневоле должно было всецело предоставить
их в распоряжение полководцев. Непрерывавшийся финан-
совый кризис заставлял правительство Директории обра-
щаться за помощью к армии. Отношения между парижским
правительством и полководцами в то время напоминало отно-
шения между сенатским правительством и колониальными
императорами в Риме в последние века Республики. Полково-
дцы прекрасно чувствовали слабость парижского правитель-
ства. Во время Итальянской кампании генерал Бонапарт, обла-
давший огромным денежным запасом и славой непобедимого
полководца, вел себя уже прямо как самовластный цезарь; но
Бонапарт был лишь одним из многих полководцев, подняв-
шихся в непрерывных кампаниях 1794 — 96 гг. Пишегрю,
Гош, Моро, Ожеро, Десэкс, Клебер, Макдональд, Ней и
др., — все это разновидности одного и того же типа военного
вождя начала XIX столетия. В период 1795 года и до падения
Бонапарта французские армии одержали ряд блестящих
побед и расширили поле деятельности французского капи-
тала. В эти годы Пишегрю завоевал Голландию. Бонапарт
подчинил французским капиталистам северную Италию, раз-
рушил «владычицу Адриатики» Венецию, присоединил Геную
и Папскую область, Гош готовил экспедицию против англий-
чан, надеясь поднять революционно настроенную Ирландию
и т. п. Прошедшие школу гражданской войны и революции
колониальные императоры искусно использовали классовые
противоречия общества в своих собственных интересах и
в интересах своих доверителей. Так, в Венеции, Генуе, Пье-
монте и пр. Бонапарт поддержал ненависть демократов к
купеческой олигархии, в Швейцарии была использована вра-
жда между отдельными кантонами, в Голландии — усилена
ненависть между купеческими фамилиями и мелкой буржуа-
зией и т. д.; одним словом, Европа охватывалась револю-
ционным пожаром. В результате успешного продвижения
французских армий Франция была окружена республиками,
ее сестрами и дочерьми: в Голландии «единая и не-
раздельная» Батавская республика, в Швейцарии — Гельвети-
ческая, в Италии — Цизальпинская, Лигурийская, Римская и

Армия и ее
вожди.

Партенопейская. Через несколько лет все эти демократические республики с такой же легкостью превратились в королевства дома Наполеона I или во владение Наполеонидов.

Рвение французского капитала и пыл генералов, однако, не могли удовлетвориться покорением Европы. Было ясно, что успех может быть прочным лишь в том случае, если Франция вновь завладеет всем Средиземным морем, целиком захватит в свои руки торговлю с Левантом и получит непосредственное влияние на Турцию, Австрию и Россию. Но для этой цели необходимо было во что бы то ни стало нанести удар Англии. Экспедиция Бонапарта в Египет (1798—1801 гг.) как раз и имела целью овладеть Египтом и отрезать Англию от Индии, ее «колониальной жемчужины». Бонапарт в Египте использовал те же самые агитационные средства, что и в Европе. В большом количестве распространявшиеся прокламации указывали, что пришел конец рабству египетского народа, позорное иго мамелюков должно быть сброшено и все нации и люди должны быть свободны. «Все люди равны перед богом и французские солдаты такие же добрые мусульмане»,—гласило воззвание Бонапарта перед походом на Каир. Однако египетская авантюра окончилась неудачно,—англичане подняли тревогу на весь мир; под давлением Англии Турция объявила войну Франции; русская эскадра нанесла чувствительный удар французам при Ионических островах, и, наконец, в 1799 году образовалась вторая коалиция с участием России. При таких обстоятельствах Бонапарт покинул Египет, предоставив армию в распоряжение генерала Клебера. В начале 1800 года Клебер заключил договор с Турцией, по которому обязался немедленно очистить Египет. Несмотря на свой печальный исход, египетская экспедиция все же до крайности перепугала английскую буржуазию и удесятирила ее энергию. Островные империалисты отлично сознавали, что пришел момент решительной схватки двух организованных капиталов, английского и французского, при чем шансы на победу приблизительно были равны, и потому будущее для обоих соперников представлялось окутанным туманом неизвестности.

Финансовый
кризис.

Войны Директории, обогащая одну часть буржуазии, по преимуществу спекулянтов и финансистов, разоряли большую часть населения и вызывали с ее стороны протест. Вследствие повышавшейся бедности населения и все уве-

личивавшейся тяжести военных расходов податная способность населения пала, и государственная казна всегда была пуста. Директории не только не удалось ликвидировать дефицит предшествовавших правительств, но, напротив, дефицит поднялся до огромных размеров. Приходилось изобретать всевозможные способы выколачивания денег из населения; главным из этих способов оставались принудительные займы, продажа национальных имений, всевозможные финансовые махинации и прямые обманы населения. Число бумажных денег (ассигнатов), при Конвенте равное 7½ миллиардам, при Директории поднялось до 45½ миллиардов. Для поднятия курса бумажных денег не придумали ничего лучшего, как в феврале 96 года торжественно сжечь на площади несколько миллиардов ассигнатов и клише для их печатания; и все-таки труд был напрасен, ибо вскоре ассигнаты пришлось заменить мандатами, разделившими судьбу ассигнатов. На почве дороговизны и безденежья росла народная нужда, а вместе с нею и непопулярность Директории.

Особенно усиливал народный ропот резавший глаза контраст бедности и богатства. С одной стороны, ослепительная роскошь, блестящие эталажи (выставки товаров), дорогие костюмы, театры, салоны «райской наготы» и пр., а с другой—стояние в очередях, полупрогнивший хлеб, грязь, вместо платья—рубище, ужасающая нищета обстановки, скученность населения и пр.; сверх того подавляющее большинство «свободных» французских граждан задыхалось в атмосфере реквизиций, поборов, рекрутских наборов и чиновнических грубостей. На директоров и депутатов все больше устанавливался взгляд, как на авантюристов, произвольно распоряжающихся судьбами Франции; интриги между директорами со своей стороны давали повод для обвинения их в авантюризме. «Пять разукрашенных негодяев из Люксембургского дворца распоряжаются судьбами миллионов людей»,—негодовал Бабеф. После сказанного становится понятным, почему Директория была эпохой постоянных *coups d'état*, т.-е. насильственных государственных переворотов. Еще 5 октября 95 года (13 вандемьера) в Париже вспыхнуло восстание против Конвента, поддержанное 30 тысячами вооруженных гвардейцев, и уже тогда для подавления восстания пришлось обратиться за помощью к генералу Бонапарту. В сентябре 97 года (18 фруктидора) директор Баррас

вновь обратился к генералам за помощью против прошедших на выборах в большом числе. роялистов. Явившийся в Париж генерал Ожеро (уполномоченный Бонапарта) приказал палатам вотировать исключение ста человек, в их числе Карно, Пишегрю, Бартеlemi и др., отменить свободу печати, кассировать выборы в 49 департаментах, подвергнуть суровым карам эмигрантов и священников и т. п.; за 18 фруктидором последовал 22 флореаль, а за ним—30 прериаль (18 июня 99 г.) и, наконец, решительный переворот 18 брюмера. В этот день генерал Бонапарт положил конец Директории, потерявшей кредит во всех классах общества. «Конституция?—ответил Бонапарт одному из депутатов Совета Старейшин,—но вы, ведь, ее нарушили 18 фруктидора, вы ее нарушили 22 флореаля, вы ее нарушили 30 прериалья. Конституция! На нее ссылаются все партии, и она всеми партиями была нарушена; она более не может вас спасти, потому, что ее никто более не уважает». Недовольство Директорией на момент объединило все классы Франции, но особенно на твердой власти настаивали представители торгового капитала, жаждавшие «мира» внутри и вместе с тем настаивавшие на поддержании военного престижа Франции в международной политике.

Призыв к социальной революции Гракха Бабефа.

Из какого источника исходила жажда внутреннего мира и классовой солидарности французских капиталистов и мелких буржуазов, показывает «заговор Гракха Бабефа». Франсуа Бабеф (1760—1797 гг.) сначала недруг, а впоследствии обожатель Робеспьера и особенно Марата, в девяностых годах выступил с резкой критикой существующего строя. Слова Бабефа попадали на благоприятную почву, удобренную войной и все возраставшей безработицей. Орган Бабефа «Народный Трибун» находил многочисленных читателей среди бедного и рабочего населения Парижа в домах рабочих, казармах и кафе. «Я вижу без рубах, без сапог, без плятья почти всех тех, кто фабрикует эти материи, шерсть или шелк, почти всех тех, кто изготовляет полотно и ткани, выделяет кожу и шьет обувь»,—писал Бабеф в июле 1795 года. Присматриваясь к ничтожному меньшинству, легко увидеть, что оно состоит из свободных от работы людей, «довольствующихся вычислениями, комбинациями, выворачиванием наизнанку; разогреванием и подкрашиванием—каждый раз все в новой форме—старого престарелого заговора части против це-

лого». Надо раз навсегда отвыкнуть от убаюкивающего голоса правительств, в своих эгоистических интересах проповедующих мирную политику реформ. Нельзя добиться общественной солидарности, пока существует кучка богачей, пользующихся скандальной роскошью, а параллельно с ней существует голодающая масса. Все известные до сих пор революции, в их числе и Французская революция, были войной патрициев с плебеями или бедных с богатыми. «Всегда и всюду людей убаюкивали красивыми словами и никогда эти очаровательные слова не сопровождались делом». Но в настоящий момент чаша зла переполнилась, пробил час решительных мер, зло достигло своего апогея. Хаос, называющийся политикой, господствует повсюду. Порядок должен быть восстановлен. Пусть начала справедливости и счастья сплотятся воедино во имя равенства. Настал момент основать республику равных, — «этот гостеприимный дом, двери которого широко открыты для всего человечества. Наступили дни всеобщего возрождения. Вы, страждущие, придите и займите место за общим столом, уготованным природой для своих детей!..».

Коммунизм
Бабефа.

В положительных требованиях Бабефа, убежденного, что он продолжает дело римского народного трибуна Кая Гракха (отсюда и его название Гракх Бабеф), звучат определенно коммунистические ноты. Коммунизм Бабефа переплетен нитями анархизма, интеллигентского радикализма и сектантских коммунистических учений и потому далек от научно обоснованного коммунизма второй половины XIX века. «Прежде всего,—гласил «Манифест Равных»,—труд и потребление должны быть общими для всех без исключения, в коммунистическом обществе не должно быть ни бедных, ни богатых. Долой возмутительные различия между бедными и богатыми, между сильными и слабыми, между господами и слугами, между правителями и управляемыми!». Кроме того, в обществе действительно равных людей не может иметь места вредное и фальшивое различие между интеллигенцией и народом: «Превосходство таланта и предприимчивости есть только сказка, благовидный повод, употреблявшийся незаконным образом во все времена заговорщиками против равенства». Поэтому «нелепо и несправедливо требовать высшего вознаграждения для того, работа которого требует более высокой степени интелли-

гентности, прилежания и умственного напряжения». «Ценность духовного развития есть просто дело оценки, и что еще нужно исследовать, не равняется ли ей ценность естественной чисто-физической силы». Негодующий протест Бабефа против интеллигенции был ответом на усиленное подчеркивание превосходства «разума» и как бы само собой вытекающих отсюда всевозможных преимуществ интеллигенции. «Социальные учреждения должны быть таковы, чтобы отнимать у каждого индивидуума надежду сделаться когда-нибудь своими силами более богатым, могущественным, значительным, чем кто-либо из его сограждан». «В противном случае, — восклицает Бабеф, — несчастный человеческий род, отданный во власть более или менее ловких негодяев, всегда будет служить игрушкой для всевозможных проявлений властолюбия. Французская революция — это только предвестница другой, более великой, более торжественной революции, которая будет уже последней».

Бабеф полагал, что можно произвести государственный переворот путем «заговора» или захвата власти с небольшой группой сторонников. План Бабефа был выдан, глава «заговора» арестован и в 1797 г. гильотинирован. Движение Бабефа, число сторонников которого по официальным данным превосходило 17 тысяч человек, пробуждало в сознании состоятельных французов все ужасы «аграрного закона» и толкало их в объятия реакции и под защиту «твердой власти».

4. Бонапартизм.

Переворот
XVIII брю-
мера.

Неустойчивое положение потерявшей всякий кредит Директории, с каждым днем все растущие дороговизна, голод и безработица, сопровождавшиеся голодными бунтами то в одном, то в другом квартале грязного и заброшенного Парижа и, наконец, боязнь за свое имущество, приобретенное «незаконным путем» во время Революции, неудержимо толкали имущие классы в сторону твердой власти. Сообщение Осведомительного бюро о ноябрьском перевороте (18 брюмера) правильно передавало общественное настроение, указывая на всеобщее желание «солидного» мира и твердой власти. «Время дать солидные гарантии гражданской свободе и народному суверенитету, независимости конституционных властей, наконец, республике, имя которой часто служит для

освящения насилия; пришло время, когда нация может иметь правительство, достойное ее, твердое и мудрое, которое может дать скорый и прочный мир и наслаждение действительным благополучием». Не менее выразительно и заявление официозной газеты «Монитор» от десятого ноября того же года, что новый переворот удовлетворяет всех, за исключением якобинцев. Даже непримиримые роялисты, в последние месяцы Директории открыто кричавшие на улицах Парижа: «Vive le roi», ничего не имели против нового «*coup d'état*» 18 брюмера, предчувствуя, что в непродолжительном времени «якобинский монарх» уступит место законному Бурбону. Настроение крестьян-кулаков также было вполне на стороне твердой власти. Твердая власть, по их рассуждениям, могла сочетать принципы демократии и монархии; что же касается ремесленников и рабочих, то они, истощенные нуждой и разъединенные правительственными репрессиями, от всей души ненавидели «буржуазное» правительство с его лозунгом «обогащайтесь» и с распростертыми объятиями готовы были принять всякую власть, которая бы пообещала им мир и хлеб.

Но, кажется, более всех солидного мира и твердой власти жаждала средняя буржуазия, к которой, собственно, и могут быть отнесены слова Наполеона, что за короткое время Революции они не могли полюбить свободу и равенство. Как только стало очевидным, что неустойчивое и раздражаемое внутренними неурядицами республиканское правительство не могло представить солидных гарантий спокойствия внутри страны и почетного мира с европейской коалицией, среди торгово-промышленных кругов определенно начали расти симпатии к твердой власти. Перелом на театре военных действий, замечавшийся к концу «Директории», приостановка продвижений французских армий, бурное наступление Суворова и блокада англичан, грозившие потерей рынков и внутренними осложнениями, настойчиво толкали торгово-промышленные круги в объятия генеральской сабли. Боялись, что победа союзников повлечет за собою разгром французской торговли и промышленности, а, может быть, и отобрание земель и реставрацию прежних собственников. Этими обстоятельствами и надо объяснить ту необыкновенную щедрость и любезность, с которой был встречен генерал Бонапарт парижскими торгово-промышленными знаменитостями и банкирами. «Я обращаюсь к вам,—сказал Бо-

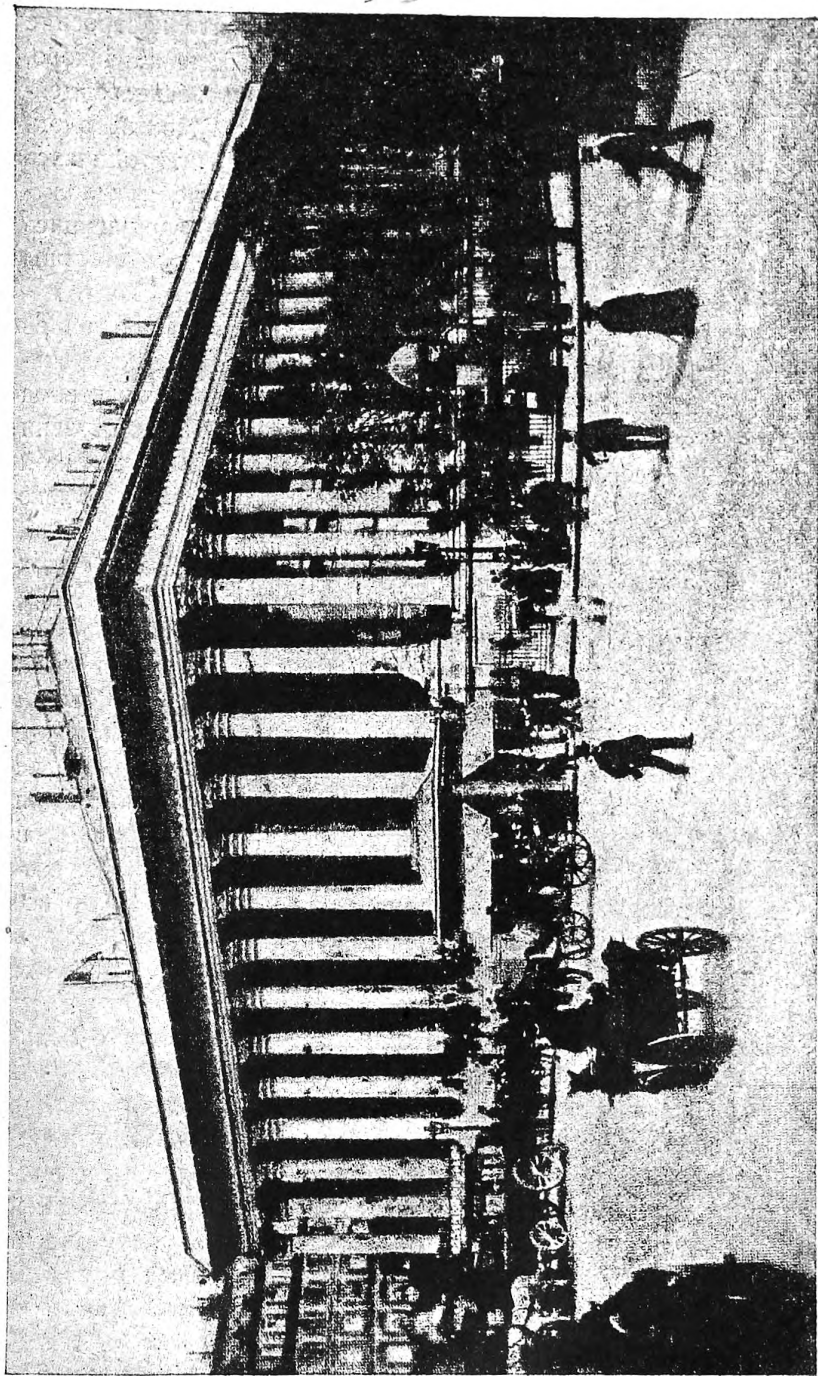
напарт на приеме в Люксембургском дворце, третьего декабря 1799 г., представителям парижских банков,—как к людям, обладающим состоянием и способным обеспечить успех нашего переворота, целью которого было создание во Франции сильного правительства, способного внушить уважение к республике и друзьям и врагам». Накануне переворота банкир Нодлер, поставщик Колле и Увар предложили Наполеону крупную сумму денег. (Колле, например, ссудил 500 тысяч франков золотом.) Таким образом, «гармония интересов» накануне ноябрьского переворота явилась в результате очень сложного взаимодействия многих факторов, при чем тревожное положение на фронтах и здесь было решающим моментом.

18 брюмера VIII г. Французская революция вернулась к своему исходному пункту, т.-е. к борьбе за экономическое преобладание между Англией и Францией. 18 брюмера генералу Бонапарту, гению мира, каковым его считали накануне переворота, дано было определенное задание: разрешить вековой конфликт между двумя соперничающими передовыми странами Европы. Этим и объясняется, во-первых, то удивительное спокойствие, с которым была встречена в «красном Париже» и, за немногими исключениями, по всей Франции, весть о происшедшей в Париже бонапартистской революции, и, во-вторых, та осторожность, которая характеризует первые шаги Временного Правительства 18 брюмера.

Внешняя политика Бонапарта.

Наполеон, получив 18 брюмера верховную власть, если и не с соизволения французского народа, то во всяком случае с его молчаливого согласия, тем самым принял на себя и те обязанности по укреплению и защите интересов Франции против внешнего врага, которые оказались не под силу правительству Директории. На обязанности Бонапарта прежде всего лежало обеспечение прочного и почетного мира, которого так давно и страстно жаждали все французы без исключения; все были убеждены, что только сильное правительство, возглавляемое энергичным и блестяще себя зарекомендовавшим в военном и политическом отношении генералом, могло даровать Франции желанный мир и упрочить завоевания Революции. Поэтому Бонапарт, учитывая охлаждение воинственного пыла страны, истерзанной предшествующими войнами, прежде всего обратился с мирными предложениями к главным своим врагам—лондонскому и венскому правительствам. Он предлагал им прекратить воен-

Кладбищенская железно-дорожная
школа I и II степени

Парижская биржа.

ные действия и заключить мир на условиях, приемлемых для обеих сторон. Однако скоро обнаружилось, что настроение лондонского и венского кабинетов было совсем не таково, чтобы можно было мечтать о прекращении военных действий и об открытии мирных переговоров. Главный вдохновитель англо-европейских коалиций, Вильям Питт, опираясь на большинство парламента, ответил на мирные предложения Наполеона прямым отказом. Венский двор, заручившись обещанием материальной и денежной поддержки со стороны Питта, вскоре также последовал примеру английского министра. Вследствие этого Наполеон был принужден вновь открыть военные действия уже в защиту «мирных» интересов французских граждан. Для Бонапарта при этом весьма важно было то, что он в глазах французской буржуазии являлся не честолюбивым генералом, мечтавшим о военной добыче и славе, а истинным патриотом, заботящимся о благе народа и цельности своего государства. Как бы то ни было, но переворот 18 брюмера вместо «солидного мира» (*la paix solide*) принес солидную войну, или, вернее, серию войн, в конечном итоге неблагоприятных для Франции ¹⁾.

Снова подымался великий спор за господство на океане, на морях и в колониях между двумя передовыми в то время государствами. Повышение производства прежде всего требовало расширения и укрепления рынков для более правильного сбыта товаров и подвоза сырья. Начавшееся задолго до Революции соперничество Англии и Франции в эпоху Консульства и Империи достигло высшей точки и разразилось пятнадцатилетней войной, втянувшей в борьбу все страны Европы; война захватила государства Северной и Южной Америки, Турцию, Египет, Индию и в конечном итоге изменила всю карту мира.

Изучение войн Консульства и Империи, наряду с большим интересом, представляет также и очень большие трудности. Сложность событий чисто военной истории, частые вступления и выходы из коалиций отдельных держав, перемирия и нарушения перемирий, яркие эпизоды, крупные личности, тесное переплетение событий внешней и внутренней истории и т. д., — все это образует какой-то запутанный клубок, сплошь и рядом закрывающий основные пружины наполеоновских батальей.

¹⁾ См. карту — Европа при Наполеоне.

Французские торговцы и индустриалы блестяще использовали благоприятно сложившуюся для них международную конъюнктуру. А это обстоятельство сейчас же отразилось на интересах и настроении английских негодантов и промышленников. Единственным для Англии выходом из создавшегося положения могла быть только новая война с Францией, вернее — продолжение войны, прерванной Амьенским перемирием (1802 г.). Партия Питта торжествовала. В 1803 г. мирное министерство Эдингтона вышло в отставку и уступило место воинственному Питту, лидеру английских негодантов и предпринимателей. Объявление войны вызвало в Англии небывалый подъем воинствующего патриотизма и шовинизма. Правящая партия искусно фабриковала общественное мнение, парламент заключал займы и вводил новые налоги; во главе армии и флота были поставлены лучшие военные вожди того времени: лорд Винцент, призванный на пост военного министра, адмиралы Корневалис, Кейль, Нельсон и другие. Организация и экономическая устойчивость Англии сразу же дали себя почувствовать и на море и на суше. Особенно сильно страдали французы на море и в колониях, теряя один за другим военные и торговые суда.

Только исключительные меры Наполеона, временно отказавшегося от прямой борьбы с Англией на море и даже продавшего Северной Америке Луизиану, могли спасти Францию от полного разгрома. Наполеон напряг не только все силы Франции, но также бесцеремонно использовал и своих союзников. Так, Швеция, Испания и Португалия должны были заключить с Францией союз, Генуя дать денег и солдат, Гамбург поставить матросов и устроить трехмиллионный заем и пр. Что же касается французских рабочих и крестьян, то их, если они по какой-либо причине освобождались от военной службы, насильно сгоняли на работу по постройке фортов и укреплению береговых батарей.

После того, как, несмотря на сверхчеловеческие усилия, пришлось отказаться от высадки в самой Англии, Наполеон прибег к решительной, но обоюдоострой мере: к морской торговой войне или континентальной блокаде. Установление континентальной блокады — важнейший момент в истории наполеоновских войн, вскрывающий действительную природу этих войн. Теперь Наполеону, а также и его врагам становилось ясно, что конфликт может счи-

Континентальная блокада.

таться оконченным не раньше, чем одна из сторон окажется разгромленной и вытесненной из сферы торгово-промышленной конкуренции. Насколько во Франции была популярна война с Англией, можно заключить из того, что коммерческие тузы—ситце-набивной король Оберкам, Фере, Колэн и др., считавшие Наполеона своим человеком, спешили выразить полную свою солидарность с политикой императора. Торгово-промышленные палаты, органы буржуазии, в выражении верноподданнических чувств и солидарности с правительством не отставали от отдельных лиц. Все говорило за то, что стремления французских коммерсантов и промышленников идентичны (тождественны) со стремлениями главы французской нации.

Распоряжаясь Европой, Наполеон по праву победителя заставил примкнуть к блокаде Италию, Германию, Россию и другие страны (Берлинское, Миланское и Тильзитское соглашения). В конечном итоге континентальная блокада не оправдала, или, вернее, превзошла ожидания обеих стран. Для материковых государств блокада имела два противоположных следствия: подъем национальной индустрии, во-первых, и сокрушение целых государств и разорение широких народных масс, во-вторых. Не говоря уже о самой Франции, промышленность других европейских держав континента заметно поднялась. Так, напр., индустрия России, освобожденная от тисков английской конкуренции, за сравнительно небольшой период времени, с 1804 по 1814 год, значительно повысилась. Главной причиной промышленного роста России за это время надо считать подрыв военной мощи Англии вообще и, в частности, континентальную блокаду. Число фабрик и заводов в России, равное в 1804 г. 2423, в 1814 г. уже достигло цифры 3731 при 169.530 человек рабочих, сравнительно с цифрой 95.202 рабочих 1804 г., но зато внешняя торговля России за тот же самый период сильно сократилась. Торговый баланс, равный в 1806 г. 120 миллионам, через один год, т.-е. в 1807 г., пал до 100 с тем, чтобы в следующем 1808 г. понизиться до 83 милл. рублей. Падение торгового баланса весьма неблагоприятно отразилось на интересах некоторых помещичьих и чиновно-аристократических кругов русского общества. Поэтому, начиная с первых же дней союза царя Александра I с Наполеоном, эти круги не переставали указывать царю на большую политическую

и экономическую опасность, которую неминуемо повлечет за собою союз с «исчадием революции», «антихристом» Наполеоном.

Всего сильнее своими отрицательными сторонами континентальная блокада дала себя почувствовать в Пруссии и северной Германии. На севере Германии торговля была окончательно убита с того момента, когда Наполеон запер судоходство по Эльбе и Везеру. По указу всевластного деспота Германия, питавшаяся в то время английской индустрией и имевшая слабую национальную промышленность, должна была уничтожить 427 одних сахаро-рафинадных заводов, субсидировавшихся английским капиталом. Само собою разумеется, произвол Наполеона не мог не отразиться и на без того незавидном материальном положении Германии. Военная кампания 1806 года, окончившаяся разгромом Пруссии (Иена и Ауэрштэdt), континентальная блокада и уплата колоссальной по тому времени контрибуции в 160 миллионов окончательно разорили Германию, низведя ее на положение второстепенной державы. Объединение в Рейнский союз средних и мелких держав Прирейнской Германии, со своей стороны, тоже способствовало раздроблению единого германского союза на три самостоятельных группы.

Во Франции противоречивые следствия континентальной системы сказались еще ярче, чем в союзных с нею странах. С одной стороны,—как свидетельствовала официальная статистика и показания частных лиц,—период с 1800 по 1810 гг. надо признать шагом вперед в развитии французской промышленности; особенно за это время развилась хлопчатобумажная промышленность: изготовление канифаса, муслина, перкаля, коленкора, выросли ситце-набивное дело и металлургия, началось механическое бумагопрядение и мн. др. Парижская выставка 1806 г. показала сильный подъем французской индустрии. Из 340 образцов машин, фигурировавших на выставке, девять оказались новейшей конструкции и последним словом современной техники; заводы в Крезе в это время уже перешли на топку каменным углем.

С другой же стороны, вследствие слабой покупательной способности рабочего класса, лишенного возможности приобретать дорогие (и плохие) фабрикаты национальной промышленности, наблюдалось сужение национального рынка. Бессильный убить Англию, Наполеон стал принимать стро-

жайшие меры к неукоснительному проведению в жизнь торговой изоляции Англии. Устранение заграничной конкуренции окончательно развязало руки французским промышленникам; качество и добротность французских товаров начинали быстро понижаться, а цены на них быстро повышаться. Попытка заменить колониальные товары, оказавшиеся теперь вне сферы достижения французских негодантов, туземными, далеко не всегда давала положительные результаты; в частности, замена колониального сахара туземным, приготовляемым из свекловицы, окончилась полной неудачей. Наконец, ряд фабрик английской индустрии оказывался вообще вне европейской конкуренции. Прямым следствием такого рода положения вещей во Франции и союзных с нею странах было обнищание экономически слабых групп населения, злостная контрабанда и спекуляция. Дикое зрелище публичного сожжения английских фабрикатов, своего рода ауто-да-фэ времен испанской инквизиции, раздражающим образом действовало на полуголодное и полураздетое население. Французская же плутократия в лице торговых палат сочувствовала и приветствовала дикую расправу зарвавшегося правительства. Хилость и тепличность французской промышленности, создавшиеся на почве искусственного ее ограждения от иностранной конкуренции, жестоко дали себя почувствовать после падения Наполеона.

Еще хуже дело обстояло за пределами Франции. Принужденные силою оружия быть в союзе с Наполеоном, континентальные государства и особенно больше других пострадавшая Германия изыскивали всевозможные средства прорвать кольцо континентальной блокады. Следствием этих стремлений было развитие морской контрабанды, с одной стороны, усиление надзора за союзными государствами и соответственное повышение меры наказаний со стороны Наполеона,—с другой. Так, за свободную торговлю с англичанами итальянские города и Папская область были наводнены французскими войсками и жестоко ими опустошены. И тем не менее, несмотря на всю предусмотрительность правительственных агентов, Наполеону не удалось убить торговли английскими товарами и парализовать вызванную ею бешеную спекуляцию. Два особенно важные по контрабандной торговле города—Бременем и Гамбург в Немецком и Балтийском морях буквально издевались над, казалось, всемогущим императором.

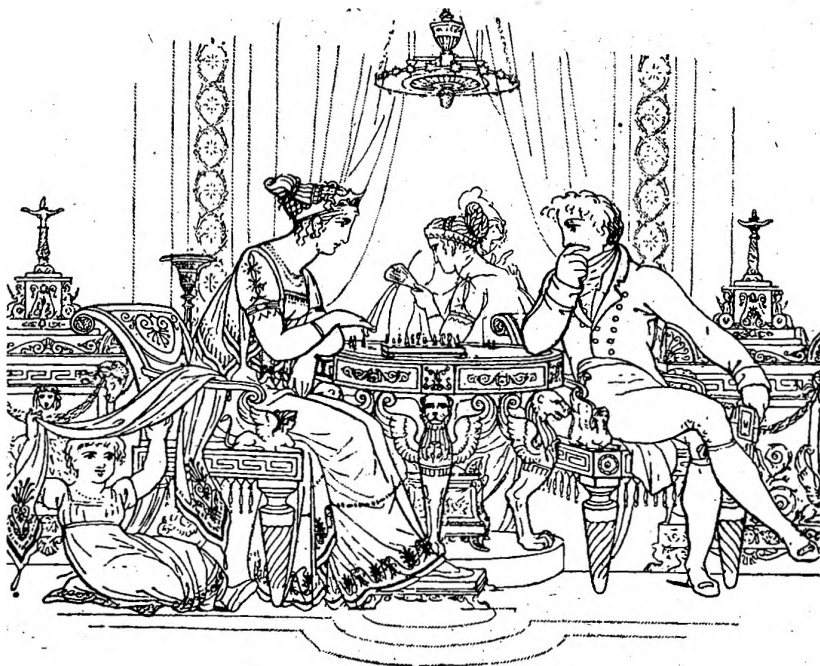
Сокращение торговли сильно сказывалось, не говоря уже об интересах негоциантов, на общем благосостоянии страны и на кредитоспособности государственного казначейства. Наступивший застой в заморской торговле расхолаживал, а иногда и прямо вызывал оппозицию в среде заинтересованной колониальной торговлей буржуазии. В результате этого разбивался тот блок, на котором покоился весь режим Консульства и Империи. На почве разорения, дороговизны и усиленных рекрутских наборов (с 1806 г. призывали уже допризывные возрасты) во Франции росло глухое недовольство. Население особенно раздражали режущее глаза неравномерное распределение благ, роскошь и «свобода» на стороне меньшинства, нужда и гнет на стороне трудящегося большинства. Гнетущая действительность способствовала идеализации Конвента, порождала грустные мечты о потерянной свободе, о некогда существовавшей на земле социальной справедливости и т. п. Нередко случалось, что накопившийся народный гнев, под влиянием даже самого незначительного внешнего толчка, прорывался наружу.

Приступы общественной оппозиции, главным образом, прорывались в моменты отъезда Наполеона или в периоды ослабления военных успехов. Так, еще в начале Консульства, незадолго до битвы при Маренго, в Париже вспыхнуло восстание, в котором принимали участие некоторые воинские части из расквартированных в столице гарнизонов. Однако Маренго заткнуло рот оппозиции. Национальная гордость, страсть к победам и славе сделали свое дело. «Никогда,— говорит французский историк Альберт Сорель,—нация никогда так не боготворила, как Наполеона при его въезде в Париж после битвы при Маренго» (1802 г.). В лице Наполеона парижане прославляли человека, которому нация обязана славой и от которого она все еще ожидала почетного мира. Лавры Маренго, собственно, и давали Наполеону право управлять страной по-военному, т. е. мало или совсем не считаясь с общественной оппозицией. Приблизительно та же самая история имела место и в 1805 году, когда, воспользовавшись отсутствием императора, республиканцы, главным образом якобинцы, устроили антиправительственную демонстрацию. В театре при постановке бюста Наполеону многочисленные голоса кричали: «A bas l'empereur!», т. е. долой императора! Раздавались голоса и на ту тему, что Бона-

Общественная оппозиция.

парт больше давит, нежели управляет страной, и даже была выставлена кандидатура на пост императора в лице брата Бонапарта, Иосифа. Но и здесь успех на фронте, именно бой при Аустерлице, ослепил французов и распылил оппозицию.

Несравненно сильнее и серьезнее выступала оппозиция после 1806 г., т.е. со времени окончательного утверждения континентальной блокады. С этого времени успехи Наполеона стали менее яркими и эффектными, а военные тяготы более чувствительными. Весьма показательно в этом отношении

Великосветский салон.

предложение якобинца Демайло, внесенное в сенат во время пребывания императора на испанском театре военных действий, считать Наполеона низложенным и провозгласить во Франции республику. Особенно страшным казалось Наполеону участие в этих демонстрациях солдат, поддерживаемых его соперниками—генералами: Пишегрю, Моро, Малэ и др.

Центром либеральной оппозиции, как и при Бурбонах, были великосветские и буржуазные салоны. Общественные верхи уже тяготились деспотизмом, стеснявшим свободу и

личную инициативу. Политическим идеалом этой группы был парламентарный строй со всеми его свободами: свободно мыслить, чувствовать и рассуждать. Против монархии, как таковой, они не возражали, они только не хотели абсолютизма. Тон задавала интеллигенция: литераторы, художники и артисты,—все публика с повышенным самосознанием. Политика, однако, только отчасти занимала этих людей, их больше увлекали философия, наука и искусство, т.-е. все то, что было связано с расширением прав личности. В центре их внимания всегда оставался человек с его мыслями и страстями. «Не все ли нам равно, кто правит и начальствует в Америке, если наши мануфактуры находят там хороший сбыт?»,—говорил один из членов этого круга. Идеалы и настроения интеллигенции нашли свое выражение в произведениях Бензамена Констана. Констан с полным правом можно характеризовать как идеолога буржуазно-интеллигентных верхов. В его многочисленных социально-политических трактатах имеется много мест, где он предваряет рассуждения Тьера и Гизо о правах «третьего сословия». Но все же оригинальная сторона Бензамена Констана не в этом. Без большой охоты занимавшийся политикой, Констан олицетворял ту часть буржуазной интеллигенции, которая даже не хотела утруждать себя какими-либо общественными занятиями; она жила исключительно для себя и только для себя. Настроение именно этой части интеллигенции передает как сам Констан, так и одна из его подруг, писательница Жорж Занд. В социально-политической философии Констана есть много родственного с философией богатого и изнеженного откупщика Гельвеция. Как мыслитель Констан не оригинален, но он несравненно лучше других систематизировал и в красивой форме выразил те чувства, которые были общи многим его современникам. В центре всех рассуждений Констана всегда стояла проблема личности. Индивидуальная свобода есть истинная цель всякого соединения людей, на ней покоятся общественная и частная нравственность, на ней основываются и промышленные расчеты. Без нее нет для людей ни мира, ни достоинства, ни счастья! Известная область человеческой жизни безусловно должна быть независимой и свободной от какого бы то ни было государственного вмешательства. Более подробно в объем понятия индивидуальной свободы входят свобода совести, свобода

воспитания, свобода печати, промышленности и абсолютная неприкосновенность собственности. «Под свободой я понимаю торжество личности над властью, пытающейся управлять посредством насилия над массами, предъявляющими со стороны большинства право подчинения себе меньшинства». «Но ту свободу, которую я все время имею в виду, никоим образом не следует смешивать со свободой античного государства, состоявшей в активном участии всех граждан в общем властвовании». Не об этой политической свободе идет речь, а исключительно о возможности спокойно пользоваться личной независимостью. Освобождение от общественных обязанностей и полная личная независимость — таков идеал пресытившихся или, наоборот, совершенно отчаявшихся людей. Вместе с индивидуальной свободой склонной к романтике и сентиментализму, Констан особенно дорожил религией, считая ее интимным чувством человека, самым возвышенным и самым благородным оплотом нравственности.

Изящно написанные и попадавшие в тон богатых ба-
ловней судьбы или махнувших рукой на все (кроме самих себя), интеллигентов памфлеты Констана как при его жизни, так и в последующее время имели шумный успех. Не только широкая публика, но и представители официальной науки уделяли не мало внимания изучению и толкованию этих памфлетов.

Организация
бонапар-
тизма.

Чем дальше, тем все заметнее (особенно с 1805/1806 г.) вырисовывалась настоящая природа бонапартизма, опиравшегося на плечи подвластных ему армий, оторвавшихся от общества и как бы образовавших государство в государстве. Упорная и долголетняя борьба с коалициями естественно передвигала центр жизни и внимания за пределы Франции. Еще в эпоху Конвента начала образовываться новая, быстро нараставшая сила, которая мало-по-малу впитывала в себя большую часть жизнеспособного населения. Сила эта повелительно требовала коренной переустройства и приспособления всего государственного аппарата в интересах войны, а не мира. Собственно, корни цезарской диктатуры надо искать в некоторых распоряжениях Конвента. Когда в 1792 году обнаружилось, что старая армия, составлявшаяся путем вербовки добровольцев и во время Революции сильно поредевшая (особенно в офицерских частях), не была в состоянии удовлетворить новым потребностям, то Конвент ввел общую

воинскую повинность. Следствием введения общей воинской повинности было увеличение численности французской армии. Общая численность республиканского ополчения к началу 94 года достигла солидной цифры $1\frac{1}{2}$ миллиона человек, разбитых на 14 армий. Принятый вначале принцип выбора командиров солдатами на практике оказался невыполнимым и от него начали отступать; сначала $\frac{1}{3}$ командиров стала назначаться сверху, $\frac{1}{3}$ — кооптироваться по старшинству, и только остальная $\frac{1}{3}$ составлялась по выбору; при Бонапарте выборное начало совсем исчезло; в армии была введена строгая дисциплина, при корпусах и дивизиях появились своего рода политкомы (*representant en mission*), развивалось военное искусство, назначались премии и награды, основывались заводы для выделки ружей и пороха, для работ на фронт привлекали ученых и т. п. Все это приводило к тому, что недавние добровольцы-граждане мало-по-малу превращались в настоящих солдат. Из Франции в армию бежало все наиболее энергичное, независимое и выдающееся, побуждаемое к тому самыми разнообразными мотивами: страстью защищать революцию, патриотизмом, авантюризмом, голодом, страхом и т. п. Таким образом создавалась постоянная армия, объединенная единым духом и единою волею.

Внутренняя
организация.

Стоя на плечах всегда победоносной армии, бонапартизм обязан был соответствующим образом организовать и государственно-правовой порядок. Внутреннюю политику Консульства и Империи можно охарактеризовать следующими двумя чертами: систематическая борьба с остатками республиканизма и стремление создать новую монархию цезарского типа. Конституция, выработанная Временным Правительством 18 брюмера и утвержденная плебисцитом, наносила удар идее народного суверенитета, стараясь вытравить самый дух республиканизма. Составители новой Конституции VIII года (1799 г.) воспользовались популярной в то время идеей разделения властей и довели ее до полного абсурда. Представительные органы до такой степени были разобщены, что вся полнота власти в конце-концов сохранялась в руках первого консула, в 1804 году превратившегося в императора. Прежде всего заслуживает внимания самая система избирательного права. По системе четырехстепенных выборов 5 миллионов французов выбирают 500 тысяч выборщиков, эти 500 тысяч из своей среды выбирают 50 тысяч, а эти

50 тысяч — 5 тысяч, которые уже окончательно намечают 500 депутатов в Представительное собрание. По Конституции VIII года законодательная власть распределялась между следующими учреждениями: 1) государственным советом, предлагавшим проекты законов, 2) трибуналом, обсуждавшим эти проекты, 3) законодательным корпусом, их вотиновавшим, и 4) сенатом, согласовавшим принятые законопроекты с действующей Конституцией. Сам же сенат и его председатель (одно время автор Конституции VIII года аббат Сиэс) назначался первым консулом. Таким образом от главы исполнительной власти, т.е. от «гражданина Бонапарта» зависела судьба представительных учреждений. Кроме назначения сената, от «гражданина Бонапарта» всецело зависело также и назначение командного состава армии, назначение министров, чиновников, судей и пр.; коротко говоря, Конституция VIII года передавала в руки одного человека диктаторскую власть над целой страной. С диктаторским положением Наполеона вполне согласовалась и муниципальная реформа 1800 года. Согласно этой реформе, во главе каждого департамента назначался префект и подпрефект, а во главе сельской и городской общины ставился мэр. Система организации местного управления Бонапарта во многом напоминала централистическую политику кардинала Ришелье. Учитывая влияние католической церкви на умы современников, диктатор повел примирительную политику по отношению к духовенству; в 1801 году с мирно настроенным папой Пием VII был заключен конкордат (соглашение), по которому католицизм признавался религией «большинства французов».

Взятое под бдительный контроль и опеку правительства, императорское образование довершило общую картину бонапартизма. Подобно тому, как и во всех других отраслях официальной Франции, так и в центре образования стоял император, которому, как было сказано в школьном катехизисе, «надо воздавать всевозможное почтение и безропотно нести военные, денежные и всякие другие повинности». В преобразованном в 1803 году «Институте», увенчанном зданием образовательных учреждений, преподавались математика, физика, изящные искусства, древне-классическая литература и история. Собственно говоря, высшее образование от низшего разнилось только в объеме подлежащего усвоению материала. В науках исторических предписывалось сообщать толь-

ко одни факты, воздерживаясь от какой бы то ни было их интерпретации (объяснения). Как и везде, в деле народного образования была проведена строгая централизация; даже ректор императорского университета (великий магистр), назначаемый правительством, должен был свои постановления направлять на утверждение государственного совета. Низшие классы французского населения (крестьяне, ремесленники и фабричные рабочие) были почти отстранены от всякого образования; на долю же французов выпала почетная роль производить здоровых рекрутов и воспитываться при монастырских школах. В интересах общей централизации императорское правительство мало считалось с великими принципами «Декларации прав человека и гражданина», — личной свободой, свободой публично выражать свои мысли и т. д. Достаточно одного примера; так, еще в самом начале Консульства, после того как генерал Брюн раскрыл организацию шуанов в западных департаментах, Наполеон сразу закрыл 60 газет. Главным проводником правительственных точек зрения и организатором общественного мнения Франции в то время был щедро субсидируемый государственным казначейством «Монитор». Для газет, книг и театра были учреждены две цензуры, а для политических преступников выстроены новые тюрьмы.

Внешним символом диктаторского величия должен был служить город Париж, одна из резиденций новоевропейского цезаря. Залитые ярким светом улицы Парижа с ресторанами и богатыми кафе, на-ряду с колоссальными дворцами и единственными в мире музеями (Лувр), воскрешали в памяти французской буржуазии и бюрократии времена «Счастливого периода» Римской Империи.

Укрепляя свое собственное положение и создавая новую бюрократию, Наполеон, само собою разумеется, не забывал интересы и главных своих доверителей — финансистов, промышленников и негоциантов. Тесный союз с финансовой аристократией и с парижскими банкирами обеспечивал «императора волею меча и сената» деньгами, добывавшимися путем усиленных займов и выпуска кредитных билетов. Покровительство национальной торговли и промышленности, урегулирование системы обложения и взимания налогов, наконец, организация общественных работ, проведение шоссейных дорог и каналов гарантировали финансовую мощь государства.

«Кодекс гражданского права», «Новый свод коммерческих законов» и урегулирование отношений между работодателями и наемными рабочими упрочили положение французской буржуазии.

Наука, литература и изящные искусства отразили на себе общий дух и психологию государства генерала Бонапарта. При строгой цензуре и невозможности свободно мыслить, о развитии общественных и философских наук и в частности истории не могло быть и речи. Не случайно поэтому, что свободомыслящий историк Мишле во французской науке начала XIX века не находил ничего более или менее значительного и достойного упоминания. Мишле был безусловно прав по отношению к дисциплинам общественно-историческим, но он совсем не был прав по отношению к наукам о природе и математике. Имена Лалланда, Лагранжа, Лапласа, Кювье, Биша и Ламарка говорят сами за себя. Кроме того известно, что общий прогресс в индустрии и агрикультуре сопровождался важными открытиями Бертоле, Шапталя, Волена, Текара, Э. Адама и др. Богатый материал по этому вопросу собран в книге Левассера «История рабочих классов во Франции». Левассер в период Империи отмечает значительный прогресс не только в области индустрии, но также и в сфере сельского хозяйства.

Представитель возрождающегося классицизма Бернардин де С.-Пьер на одном из торжественных заседаний французской академии отметил основные мотивы французской изящной литературы и науки. «Наконец,—говорит Бернардин де С.-Пьер,—небо послало нам освободителя. Он, подобно орлу, появляется среди бурь; напрасно ветры стремятся отнести его назад; сила его растет от их ярости, и он высоко парит в воздухе,—такой орел появился и перед взорами заговорщической Европы; доблесть этого человека растет через препятствия; это—герой и философ, созданный Империей. Вместе с честью Франции он восстановил L'Académie française, чтобы вернуть музам их прежнее положение и к славе оружия присоединить еще словесно-литературную славу». «О, ты,—воскликает оратор,—который мудро задумываешь и героически приводишь в исполнение, будь предметом любви рода человеческого и употреби твою славу на их счастье»... «География опишет те области, через которые ты проходишь; история восславит твои завоевания, твои победы, твои мир-

ные договоры во-вне и твою администрацию внутри; искусства скажут о памятниках, которые ты воздвиг Аполлону, Минерве и страшному богу войны—Марсу».

На-ряду с наукой, публицистикой и изящной литературой, дух эпохи запечатлелся также и в искусствах. Колоссальные создания архитектуры с прямыми и строгими линиями стиля еmрiге—с одной стороны, монументальная, искусственно надутая, но в то же время классически правильная форма в живописи—с другой стороны, в главном характеризуют искусство Консульства и Империи. Талантливым и типичным представителем живописи начала XIX столетия считают Давида, придворного художника Наполеона. Выбор сюжетов: «Наполеон на С.-Бернаре», «Сабинянки» и др., стиль, форма и приемы трактовки позволяют в лице Давида видеть крупного представителя возрождающегося классицизма. Другим первоклассным художником времени Наполеона считают широко образованного, много путешествовавшего и долго занимавшегося изучением искусства классической древности Жерико. Произведения третьего представителя живописи Империи, Ангра («Апофеоз Гомера», «Эдип и Сфинкс», «Сон Оссиана») лишний раз подтверждают, откуда черпали свои сюжеты художники, поэты и писатели первых десятилетий XIX века. Популярная при дворе и среди аристократии декоративная живопись, игра с большим пафосом актера Тальма, живые увертюры Мегюля и, наконец, комическая оперетта вполне гармонировали с эпохой военной диктатуры и со вкусом буржуазии.

Перестраивая и приспособляя весь административно-правовой аппарат к потребностям военного государства, Наполеон тем самым перестраивал и армию, главную силу, на которой базировалось его государство. Естественное расчленение армии, начавшееся еще ранее Консульства, было поддержано и углублено. Первое время армия была единообразна и сплочена. В последующие же годы она стала расслаиваться: скоро из нее выделился особый корпус, так называемая, императорская гвардия, впоследствии доведенная до 92 тысяч человек. Императорская гвардия пользовалась очень значительными привилегиями, в сравнении с остальными воинскими частями, получала больше жалования, лучшую пищу, экипировку и имела право говорить самому императору «ты». В результате этого расчленения образовалась новая

Новая аристократия.

аристократия, всецело зависимая от шефа армии и главы государства. Раздачей денежных подарков и имений Бонапарт превращал своих друзей, военных и светских, сановных и простых в новых феодалов. Своих друзей Наполеон осыпал богатыми подарками и милостями, назначив, например, генералам Нею 600 тысяч, Даву—900 тысяч, Бертье—1 миллион франков годового содержания и т. п. По данным, заслуживающим доверия, уже до 1810 года состоялось 5716 дарений на круглую сумму 34 миллиона франков, при чем наибольшая милость выпала на долю маршалов, генералов, затем унтер-офицеров и рядовых солдат. Чиновники гражданской службы, представители муниципальной администрации и клира тоже не были забыты. Из пожалований особенно резко выделялись «сенаторства» (крупные имения с годовым доходом от 20—25 тысяч франков), утвержденные декретом 1804 года. Однако сенаторские имения по объему доходности и политико-социальному значению все же сильно уступали настоящим вассальным княжествам Невшательскому (герцога Бертье), Фриульскому (Дюрока), Далматийскому, Истрийскому, Неаполитанскому и др. На расслоении армии дело, однако, не остановилось. Вскоре ко двору и в армию стали охотно допускать раскаявшихся аристократов и эмигрантов в надежде, что пребывание в ней вышколенных и вылощенных дворян-офицеров придаст войску и самому императору еще более блеска, пышности и величия. Богатство в системе бонапартизма тесно переплеталось с общественным почетом, титулами, гербами и прочими знаками отличия. Но фундамент, на котором покоился бонапартизм, в одно и то же время был очень твердым и очень хрупким. Стоило только расшатать армию, как вместе с нею валилось и все, с виду величественное, здание Империи.

«Табель о рангах» 1808 года в сущности восстановила титулатуру старого королевского режима; с этого времени вновь появляются графы, герцоги, архиканцлеры, бароны, кавалеры и т. п. Успешное привлечение ко двору родового дворянства и рыцарства, более эластического и покорного, нежели буржуазия и люди Революции, имело целью укрепить положение вновь созданной аристократии и еще более возвысить ее положение в государстве. Закон 1806 года, восстановивший майораты, равно как и удержание непроданных во время Революции имений за старыми вла-

дельцами (вместе с сохранением прежней титулатуры), также был одним из средств насаждения и укрепления новой императорской аристократии, оказавшейся новому режиму столь же необходимой, как и «старому порядку». Неродовитые люди, нажившиеся за время Революции на покупке и перепродаже национальных имений, подрядчики, поставщики на армию, разного рода специалисты и т. п., одним словом лица, обладавшие солидными материальными ресурсами, могли рассчитывать на зачисление в ряды придворной знати.

Главным центром новой аристократии и главным рассадником вкусов и мод и в то же время критерием наук и искусств сделался императорский дворец. Двор Наполеона, «императора французов божиею милостью и волей народа», своим блеском, роскошью, чопорностью, напыщенностью и авторитетом не только не уступал, но даже превосходил двор «короля-солнца». Императорская аристократия, среди которой особенно выделялись двадцать маршалов, (символ военного характера Империи) блестящее убранство колоссальных дворцовых зал, ослепительные костюмы, придворные балы и пр. производили ошеломляющее впечатление на умы французского мещанства. «Люди,—гласило одно донесение по поводу праздника коронации 1804 г.,—которые раньше спрашивали, какой смысл имеет перемена титула, теперь узнали, что речь идет не о простой перемене имени, а об изменении в самих вещах». Особа императора скоро сделалась недостижимой. Из первого консула Наполеон быстро превратился в абсолютного монарха божиею милостью, смахивавшего на сына Юпитера, «идеального юношу», Александра Македонского. Изображение императора на монетах (восходящее к 1805 году), равно как и отмена народных республиканских празднеств окончательно санкционировали гибель Первой Республики, торжество Империи.

Взамен убитой общественной самодеятельности необходимо было найти какой-либо другой выход народной энергии. Существенно важно было поддержать веселое и миролюбивое настроение среди, по крайней мере, парижского мещанства. Этой цели удовлетворяли многочисленные праздники, театры, цирки и балаганы. С другой стороны, о «монаршей милости» напоминали бесплатные раздачи хлеба, денежные вспомоществования, благотворительные дома, приюты, богадельни и т. п. В наполеоновской Франции, как и в императорском Риме, об-

разовались два полюса: двор с окружающей его средой и аристократией и на противоположном конце—народная масса или «чернь», питавшаяся подачками и милостями правительства.

Но все эти меры, рассчитанные на сохранение социального равновесия, прежде всего требовали хорошего состояния финансов. Государственная же промышленность, к которой перешли почти все заказы казны, не могла покрыть всех расходов. Блеск двора, раздачи подарков, угощения народа, наконец, собственные траты императора предполагали более обильный приток благородных металлов. Надо признать, что по части изыскания средств Наполеон сделал все, что было возможно только сделать,—даже больше, он сделал в этом направлении нечто, превосходящее силы обыкновенного человека. Ограбление Польши, Ганновера, Вестфалии, Италии и пр. лишь один из примеров финансовой политики Бонапарта. Доля заграничного поступления, равная в 1801 году двадцати двум миллионам франков, в следующем 1802 году поднялась до ста двадцати трех миллионов, а в период с 1806 года по 1810 годы заграничные поступления превысили уже 1 миллиард франков.

И тем не менее, несмотря на сверхчеловеческие усилия Бонапарта, Империя, начиная с 1807 года, (когда последовало закрытие многих фабрик и заводов, сопровождавшееся массовой безработицей), не выходила из полосы кризисов и финансового банкротства, в конце-концов приведших к катастрофе 1812 года. За время с 1806—1812 годы оборот внешней торговли Франции упал с 933 миллионов франков до 640, между тем как расходы на армию, двор и бюрократию с каждым днем все возрастали. Вот здесь-то и открылась тайна французского цезаризма! Режим, порожденный войной и питавшийся военными захватами и контрибуциями, и в своем дальнейшем развитии требовал беспрестанного расширения театра военных действий и усиления военного обложения. Начавшееся же разложение армии и ее аристократизация неблагоприятно отразилась на ее дисциплине и боеспособности. Это обстоятельство, развивавшееся параллельно с ростом численности войска и организованности в рядах противников Франции, грозило Империи серьезными последствиями. Кроме того, осложнившиеся отношения между классами внутри Франции еще более подтачивали силы и ослабляли упругость бонапартизма.

Со времени введения континентальной системы военные успехи начали уже изменять Наполеону. Разгром французской военной флотилии Нельсоном при Трафальгаре в 1805 г. надо считать началом конца наполеоновской державы. Абукир и Трафальгар показали всему миру, что на море перевес безусловно принадлежит англичанам. Наполеону не только не удалось ликвидировать захваты англичан в колониях, сделанные ими во время и до Революции, но он должен был допустить усиление британского могущества в Индии. Кроме Индии, английский капитал расположился уже в Гвиане и подчинил своему влиянию некоторые острова Тихого океана. Английские капиталисты особенное внимание уделяли С.-Доминго, центру французской колониальной промышленности. Поддерживая брожение черных на острове, англичане ударили в самое чувствительное место французского капитала.

Но, как сказано, самое худшее в положении Наполеона было то, что опора его власти и могущества — армия начинала терпеть нужду в провианте и терять свою прежнюю дисциплину. Какая пропасть отделяет армии, бывшие при Маренго и Аустерлице, от «великой армии», направлявшейся на Варшаву и Москву! Мародерство, дезертирство, пьянство и разврат растут с каждым днем в некогда революционном и энтузиастически настроенном ополчении свободных французских граждан, бывших и умиравших за великий лозунг братства, равенства и свободы. И в этом отношении, как и во многих других, континентальная блокада сыграла роковую роль. Как Наполеон ни скупал хлеб на армию по ценам выше нормировочных, как он ни устанавливал твердые максимальные цены на продукты первой необходимости, все же ему не удалось убить спекуляцию и в должной мере обеспечить армию; недостаток снабжения армии особенно остро давал себя знать в неурожайные годы, каковым был и роковой 1812 г. Все это в самых мрачных тонах рисует нам положение Наполеона и Франции накануне злосчастной для Империи «испанской гверильи» (горной войны) и уже совсем катастрофического похода «великой армии» на Москву. Последней счастливой кампанией Наполеона надо считать австрийскую кампанию.

Ослабление военных успехов вызвало разочарование и охлаждение к политике Наполеона представителей торгово-промышленного капитала. Пониженное настроение купцов-

предпринимателей нашло свое выражение в словах директора одной большой торгово-промышленной фирмы Ришер-Ленуара. «Я открыл правительству,—сказал Ленуар,—богатый рудник, и оно черпает из него, не думая больше о нас; беспрестанно поднимая огромными таксами цены на сбыт, оно безжалостно разоряет тех, кто его обогатил». Экономическая депрессия обострила классовые противоречия. Со всех сторон оппозиция начинала подымать голову. К оппозиции радикальных и либеральных кругов присоединились и новые аристократы, по разным причинам недовольные абсолютизмом. Особенно же резко проявляло свое недовольство разоренное войной и чиновническими поборами крестьянство и голодавшее рабочее население. Все это вместе взятое расшатывало уже и без того начавшее трещать здание французского бонапартизма.

При создавшемся положении вещей бонапартизм, может быть, и мог бы продержаться и перейти на мирное строительство, но это было возможно исключительно при условии, если бы Наполеон заключил с европейской коалицией прочный и почетный мир, на что в то время как раз и нельзя было рассчитывать.

Поражение при Ватерлоо сделало невозможным существование уже достаточно разложившейся изнутри французской монархии Наполеона I Бонапарта. Но обломки разбитых и рассеявшихся великих армий долго еще давали себя знать в разных концах Европы, представляя горючий материал, готовый вспыхнуть каждую минуту и разразиться каким-нибудь итальянским заговором, испанским пронунциamento ¹⁾ или бунтом русских декабристов. Правительственные конгрессы двадцатых годов XIX столетия в сущности главным образом и занимались изысканием мер к пресечению там и здесь раскрываемых военных заговоров и подавлению восстаний, руководимых либеральными офицерами.

Общественная психология.

Эпоха Директории, Консульства и Империи, с их бурной лагерной жизнью и бешеной спекуляцией внутри страны, создали особый психологический и моральный тип человека. При изучении этого времени получается впечатление, что как будто люди спешили возможно скорее и больше урвать на жизненном пиру и в кратчайший срок

¹⁾ Военный бунт.

получить максимум впечатлений и нервных раздражений. «Il faut vouloir vivre et savoir mourir» — фраза Бонапарта, удивительным образом гармонирующая с психологией эпохи. Сам Наполеон — настоящий сын своего времени; в нем, как в ярко светящемся фокусе, отобразилась вся эпоха Sturm und Drang'a в подлинном смысле этого слова. Положительные и отрицательные черты причудливо переплетались в характере корсиканского авантюриста. Гигантская трудоспособность, упорство, железная воля, необычайная ясность ума, свободное, чтобы не сказать дерзкое, отношение к авторитетам во всех сферах без исключения, умение найти и использовать подходящих сотрудников составляли один ряд психических качеств Наполеона. Безумное же честолюбие, необузданный эгоизм, презрение не только к народным массам, которых он в пылу гнева называл *sapaille*, но даже и к самым близким ему людям, — другая сторона его психики. «У меня нет друзей, дружба — звук пустой, я никого не люблю, даже моих братьев; пока я то, чем я теперь, друзей по виду у меня будет сколько угодно». Особенно бросалось в глаза презрительное отношение «главы французской нации» к военным и ученым авторитетам, судорожно державшимся за раз усвоенные формы и положения.

Сотрудники Наполеона, его ближайшая свита, среди которых блещут имена Мюрата, Даву, Нея, Моро и др., большей частью тоже, как и он, — выходцы из народных низов, талантом и грудью пробившихся наверх. Все эти люди также могли сказать, что они не более, как игрушки в руках судьбы, живут минутою, не отдают ясного отчета в том, что делают, не имеют ни к кому привязанности, никого не любят и т. д. Действительно, события показали, что они верно служили консулу и императору только из одного сухого эгоистического расчета, и как только почва под ногами их «любимого» вождя заколебалась, тотчас же заколебалась и верность его славных маршалов. «Маршалы ему изменили и продали шпагу свою». Авантюризм, карьеризм, спекуляция и связанные с ними, казалось бы, несоединимые страсти, — жажда жизни и равнодушие к смерти, — характерные черты эпохи Директории, Консульства и Империи. В это время люди спекулировали на всем: на покупке и перепродаже английских товаров, на поставках и снабжении армий, на собственных талантах и даже на собственной крови. Все сказанное по

отношению к самому Наполеону и его маршалам может быть перенесено и на каждого рядового француза его времени. Все дело было не в людях, а в объективных условиях.

Битва при Ватерлоо и свержение Бонапарта закончили целый период европейской истории. Эпоха Наполеона служит гранью между церковно-феодальной Европой и Европой торгово-промышленного капитализма. Характерные элементы следующего периода уже наметились: создались крупные политические тела, аристократия крови уступила место аристократии денег, выросли постоянные армии, установились международные связи. Феодализм и абсолютизм отживали свой век. В производстве с этого времени машина окончательно вытесняет ручной станок, а фабрика выбивает средневековое ремесло и мануфактуру. Фабрика и завод становятся центрами, около которых вырастают новые коллективные организации рабочего класса. Борьба между владельцами орудий труда и рабочими составляет содержание всей последующей истории XIX—XX веков.

5. Ликвидация революции и войны в Европе.

Венский
Конгресс.

Продолжительные войны и внутренние перевороты в различной степени давали себя чувствовать во всех странах. Вся Европа из кризиса начала XIX столетия вышла истощенной и уставшей. Для восстановления разрушенного хозяйства и укрепления новых классов требовалась длительная созидательная работа. Пострадали не только Франция и ее союзники, но и сама сокрушительница Бонапарта—Англия. Говоря о бедственном положении Франции в эпоху консульских и особенно имперских войн, не надо упускать из виду также и тяжелого положения Англии. Континентальная блокада одинаково разрушительно действовала на обе воюющие стороны: на континент и острова. Ущерб, нанесенный английской буржуазии континентальной блокадой был весьма ощутим. Ведь более 45% английского экспорта приходилось на европейский континент. Континентальная блокада, закупорив пути английской торговли, скоро дала себя знать и в сфере английской промышленности, создав переполнение рынка, промышленный кризис и безработицу со всеми вытекавшими из них социально-политическими последствиями. Зстой в промышленности, косвенные налоги и впервые введенный Питтом про-

грессивно-подходный налог, огромный государственный долг (к 1816 г. достигший неслыханной по тому времени цифры 800 миллионов) будировали общество и не способствовали устойчивости власти. Все это учили и использовали французы. Следуя образцу самих англичан, французы старались ударить в самое больное место. Больным же местом Англии в то время была Ирландия. На Ирландию и обратили своё внимание французские революционеры. Среди ирландских крестьян началась усиленная агитация против лордов. В период 1793—1795 года Ирландия почти не выходила из состояния аграрной революции. В конце концов, дело дошло даже до того, что ирландские патриоты (демократы) вступили в формальный союз с Францией. «Общество соединенных ирландцев» склонялось к отпадению от Англии. Самое большое крестьянское восстание произошло в 1798 году. Восстание было подавлено, но революционный пыл ирландцев сохранился и в последующие годы. В течение всей кампании Ирландия для англичан оставалась такой же уязвимой Ахиллесовой пятой, как С.-Доминго для французов. То, что переживала Англия в различных степенях переживали и другие европейские государства: Германия, Италия, Испания и Россия.

Таково было общее состояние Европы при открытии Венского Конгресса 1814/1815 года. Венский Конгресс завершил круг революции. Оставалось подвести итоги двадцатилетнего периода. Первое время могло даже казаться, что сокрушившие Бонапарта силы «старого порядка» в порыве своей злобы и ненависти сумеют уничтожить все результаты Великой революции и во всей целостности восстановят прежние отношения. Однако, несмотря на все, казалось бы, благоприятные условия, постановления Венского Конгресса далеко не означали восстановления прежних порядков. Правда, отдельные представители Венского Конгресса страстно желали полной реставрации дореволюционных порядков, но объективное положение вещей, т.-е. новые экономические отношения, новые способы производства, новые социальные группировки и т. п., не позволили дельцам Венского Конгресса развернуться во всю ширь и повернуть колесо истории. Революция во Франции и наполеоновские войны настолько перепутали и изменили все прежние отношения, что о восстановлении старого мира не могло быть даже и речи. За Революцию и за период европейских войн

народились новые общественные группы, заинтересованные в удержании революционных порядков и потому дрожащие за свои приобретения. В эти группы входили поставщики на армию, подрядчики, земельная буржуазия, чиновники и т. д. Против реставрации «старого порядка» восставала торгово-промышленная буржуазия не только во Франции, но также и во всех других странах западной и восточной Европы, задетых Революцией. Повсюду под напором победоносных армий французов распадались прежние феодальные союзы, и расчищалась почва для образования нового государства на базе капитализма.

Национальный вопрос.

Идея феодального государства в умах современников уже давно была вытеснена противоположной идеей национального государства. Сложение национальных государств началось еще задолго до XIX столетия, но особую остроту национальный вопрос получил в эпоху войн за «освобождение Европы». Годами тянувшиеся войны, вырывая людей из привычной для них колеи мирного времени, сама собою внедряли мысль об интересах всего народа или всей нации. При длительном военном состоянии и при искусственно подогреваемом патриотизме очень легко могла возникнуть иллюзия о том, что война ведется не в интересах определенных групп буржуазии или дворянства, а в интересах всей нации, борющейся за право своего самоутверждения и всеобщего благополучия. До какой степени национальный вопрос оказался сложным и неприятным делом, лучше других почувствовали представители Венского Конгресса. При чрезвычайной запутанности экономических отношений в Европе и в колониях оставалось очень мало надежд на благоприятное для всех разрешение национального вопроса. Этим и объясняется, почему Венский Конгресс, поставивший в центр своего внимания именно национальный вопрос, в конце концов не только его не разрешил, но еще более запутал и обострил. Не говоря уже о трудности согласования интересов великих держав, в пределах отдельных национальных государств сплошь и рядом выступали противоположные интересы различных наций. Поэтому неудивительно, что, несмотря на все усилия, Венскому Конгрессу так и не удалось составить сплоченные национальные государства. После долгих прений и обсуждений, в конце концов, пришлось отказаться от создания добровольных национальных союзов и

остановиться на идее принудительного объединения многих национальностей в одном государстве. Естественным следствием такого рода насильственной перекройки карты Европы были постоянные споры, недоразумения и частые революционные вспышки то в одних, то в других государствах.

Австрийский министр князь Меттерних верно схватил истинное положение вещей в Европе, «созданное Венским Конгрессом. «Национальный вопрос для монархии Габсбургов,—сказал Меттерних,—с этого времени сделался действительно важнейшим из всех других вопросов. Правительства могут не обсуждать его теоретически, но они обязаны с ним серьезно считаться». Мысль своего министра развил император Франц. «Мои народы чужды друг другу,—сказал Франц,—но тем лучше, ибо я посылаю венгров в Италию, а итальянцев в Венгрию; каждый стережет своего соседа. Они не понимают друг друга и друг друга ненавидят, но из их взаимной антипатии рождается порядок, и эта ненависть служит основанием мира».

Что из национальной вражды не всегда рождался «прочный порядок», яснее всего доказывали частые съезды европейских правителей на конгрессы для улаживания и подавления то там, то здесь вспыхивавших восстаний. Не прошло и полных пяти лет со дня подписания Парижского мира 20 ноября 1815 года, как монархи главнейших держав (России, Австрии, Пруссии) и уполномоченные всех пяти великих держав снова съехались для укрепления своей дружбы на конгресс в Аахен в 1818 году, а через два года, в 1820 году, объективные обстоятельства вновь вынудили правителей прибыть в город Троппау для обсуждения вопросов, связанных с внезапно вспыхнувшими революциями в Испании, Португалии, Неаполе и Пьемонте. Политические движения в Испании и Италии (1820—1823 гг.) в значительной мере были вызваны распоряжениями Венского Конгресса, желавшего провести принцип национального единства. При этом революции в южно-романских странах совершенно определенно показывали, что за национальным вопросом всегда в том или ином виде скрывался экономический вопрос. Наряду с этим конгрессы еще раз подтверждали, что при тогдашнем положении вещей о возвращении к старым порядкам не приходилось и думать.

Европейская дипломатия в эпоху конгрессов все время чувствовала себя неуверенно, почти на ощупь вырабатывая все новые и новые формы соглашений. «Государы

и министры,—говорил на Аахенском конгрессе австрийский министр Генц,—поняли, что им диктовал общий интерес. Они живо почувствовали необходимость взаимного доверия и более тесного соглашения, чем обычные соглашения, устанавливаемые трактатами. Они пожертвовали своими второстепенными интересами и заставили умолкнуть всякие соображения перед высшим долгом защитить авторитет от крушений, спасая народы от их собственных заблуждений. Не входя в излишние обстоятельства, они самым тесным образом сговорились о направлении, которого надо держаться среди бури». Как видно из только что приведенной тирады, существовали серьезные причины, мешавшие установлению общеевропейского порядка.

Не помог делу и Священный Союз, предложенный русским царем Александром I и скрепленный подписями австрийского императора Франца и прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Напрасно вершители судеб Европы «во имя пресвятой и нераздельной троицы» старались соединиться узами действительного и неразрывного братства и, почитая себя как бы уроженцами одной матери, подавать друг другу помощь и управлять своими верноподданными в «духе братства», как управляют отцы семейств. Положительные результаты всех их стараний и мистических деклараций оказывались необыкновенно ничтожными. Не взирая ни на что, ни на призыв к взаимной доброжелательности и любви, и ни на ссылки на волю провидения, верноподданные никак не утверждались «в правилах и деятельном исполнении своих обязанностей».

Дележ мира.

Расхождение экономических и стратегических интересов великих держав исключало всякую возможность найти общую формулу примирения интересов держав-победительниц. Из наполеоновских баталий, как и следовало ожидать, больше всего выгод пришлось на долю Великобритании. По Шомонескому договору (1814 г.) и по Парижскому трактату (1815 г.) англичанам удалось не только расширить владения собственных колоний, но и укрепиться в испанских и португальских колониях Центральной и Южной Америки, захватить острова в Антильском архипелаге, остров Тасманию в Океании, Капланд в Африке, присоединить значительную часть Индостана, Ионийские острова, первостепенный стратегический пункт в Средиземном море—остров Мальту, вход в устье реки Рейна, остров Гельголанд, проникнуть в Ав-

стрию и мн. др. Всем этим английская дипломатия, однако, не удовлетворилась. Казалось, что мало приобрести и расширить собственные владения, но, что для большей прочности, необходимо обессилить своих конкурентов и прежде всего свою старую соперницу—Францию. С этой целью было склеено из Бельгии и Голландии королевство Оранского дома, которое должно было нести сторожевой пост на северо-восточной границе Франции, отрезая Францию от устья реки Шельды и важного торгового порта Антверпена. Само собою понятно, что такого рода сверхнормальное усиление Англии в ущерб другим державам не могло служить залогом европейского «концерта». Немедленно же начались трения между Англией и Россией, интересы которых, помимо польского вопроса (служившего яблоком раздора на Венском Конгрессе), сталкивались на Балканском полуострове и в Азии. Восточный вопрос таким образом был уже готов на Венском Конгрессе.

Кроме Англии, желавшей вознаградить себя за потерю американских колоний (утраченных по Версальскому миру 1783 года), в дележе богатой добычи собирались участвовать также и другие члены Священного Союза. В первую очередь, конечно, Россия, настаивавшая на восстановлении старой Польши, связанной с ней унией. Во вторую очередь следовали Австрия и Пруссия. «Священная Римская Империя» за время наполеоновских погромов утратила часть своих владений в Италии, потеряла Бельгию, оставила Тироль и с 1806 г. стала называться просто Австрией. Вследствие этого Меттерних на Венском Конгрессе с особым азартом старался наверстать потерянное. В то время, как внимание австрийских дипломатов устремилось на Балканский полуостров, замыслы разгромленной при Иене и Аустерлице Пруссии были направлены вглубь Германии, на приобретение Саксонии и на расширение территории на востоке. Неустойчивое равновесие между великими державами иногда приводило к очень странным соединениям и неожиданным комбинациям, как это случилось, например, в 1815 году, когда французский министр Талейран заключил тайный договор между Францией, Англией и Австрией, надеясь тем самым поссорить их с Пруссией и Россией,—другими словами, намереваясь одну коалицию противопоставить другой. В конце концов, после долгих колебаний, дипломатической борьбы, тайных и явных согла-

шений европейское равновесие все же так или иначе установилось, и жизнь Европы вошла в свою колею.

Одним из стимулов сохранения общеевропейского равновесия послужили события внутренней истории второстепенных держав. Революции первых двух десятилетий, одна за другой вспыхивавшие в южно-романских странах, не могли не убедить европейские кабинеты в опасности этих мятежей и для социального порядка самих великих держав. Даже не только для зоркого глаза дипломата было ясно, что в испанской, итальянской, неаполитанской и прочих революциях с национальным вопросом самым тесным образом сплетался вопрос социальный. Национальными движения казались только в первый момент, в дальнейшем же ходе событий, особенно в случае победы, внутри национального движения оказывались скрытыми социально-экономические противоречия.

Насколько неодинаковы были интересы различных классов, можно видеть хотя бы на примере Испании. В Испании герою войны против французов, полковнику Рафаэлю дель-Риего и полковнику Антонио Квиросу при поддержке части населения сравнительно легко удалось свергнуть клерикально-феодальный абсолютизм Фердинанда VII и восстановить либеральную Конституцию 1812 г. Однако ни Риего, ни Квиросо не сумели потушить партийных разногласий, раскрывшихся на заседаниях кортесов¹⁾ 1828 года. Между умеренно-конституционной группой (*moderados*), стоявших за цензовую конституцию, и более либеральной группой кортесов (*esaltados*) началась жестокая борьба, окончившаяся победой короля, поддержанного европейскими державами. *Moderados* были народолюбивы до тех пор, пока их отталкивали от власти клерикалы и камарилья (двор). Но они тотчас же обнаружили свою классовую природу, как только власть попала в их руки.

Социальная борьба, сравнительно слабая в государствах Апеннинского и Пиренейского полуостровов, во всей широте развернулась в передовых странах Европы, т.е. в Англии и Франции. Период от 1815 года до 1848 года является временем консолидации буржуазии, завоевания торгово-промышленным классом политической власти и началом сознательной борьбы рабочих за свои права.

¹⁾ Собрание сословных представителей.

V. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО.

1. Индустриальная Франция.

Венский Конгресс закончил бурную эпоху Революции и военных походов и перекроил карту Европы. Годы, следовавшие за Венским Конгрессом, были годами политического и военного затишья, время от времени прерываемого военными революциями в южно-романских странах, бунтом декабристов в России, студенческими волнениями в Германии и т. д. Период 20—40-х годов может быть назван периодом мирного строительства и усиленного накопления капиталов. На политической арене и на военном поприще за это время не появилось ни одного значительного таланта, так как народная энергия отлила в другую сторону общественной жизни, именно в сторону финансовой и торгово-промышленной деятельности, литературы, искусства и науки. В этих областях появился, действительно, целый ряд выдающихся людей, проявивших свои дарования в самых разнообразных направлениях. Это период романтики и веры в творческие силы человека. Достаточно припомнить имена Байрона, С.-Симона, Фурье, Прудона, Конта, Пушкина, Герцена, Шопена, Берлиоза, химика Либиха, физика Майера и мн. др., чтобы судить о высоте культурного уровня первой половины истекшего столетия. Высшей точки творческий подъем достиг в конце 40-х годов, т.-е. совпал с появлением произведений Маркса и Энгельса. Богатая духовная культура, по общему правилу, предполагает и соответствующий уровень быта. Творческая энергия 20—40-х годов была направлена на создание материального быта и житейского уюта. Хорошая квартира, богатая обстановка, приятное времяпрепровождение, выезд в театр, ресторан и занимательный роман, а в лучшем случае беседа о новейших изобретениях, технических усовер-

Общая ха-
рактери-
стика.

шенствований, разговор на научную тему или лекция популярного профессора исчерпывали круг интересов европейского буржуа. Те одиннадцать мещанских добродетелей, которые выставил американский деятель и педагог Вениамин Франклин: умеренность, прилежание, спокойствие духа, незыскательность, целомудрие, кротость и т. д., находили полное теоретическое сочувствие в буржуазных кругах, хотя и не всегда выполнялись на практике.

Топ давали богатые купеческие и банкирские дома, а средний и низший классы старались им подражать по мере своих сил и возможности. Накопление капиталов, богатый быт, житейский уют, внешняя и духовная культура, были достоянием только одних буржуазных верхов и, за редкими исключениями, почти не просачивались в толщу трудящегося люда,—ремесленников, фабричных рабочих и крестьян. Богатство одних выросло на обеднении других. Различием материального благосостояния как раз и вызывалась та непримиримая и все возрастающая борьба классов, которая к середине столетия перешла в настоящую войну труда и капитала. После сказанного становится понятным, почему при изучении периода, предшествовавшего Февральской революции, главное внимание должно быть направлено в сторону культурной и бытовой истории, ограничиваясь при этом изучением передовых стран Европы—Англии и Франции, которым подражали более мелкие и отсталые государства. Различие же между Англией и Францией состояло в том, что процесс капиталистического развития, завоевание политических прав средним классом и укрепление рабочего класса в Англии проходил проще и ровнее, чем во Франции.

Хартия 14 г. — Политическая и социальная обстановка Франции была значительно сложнее английской. Причину большей сложности социально-политической жизни Франции надо искать в общей истории этой необыкновенно богатой событиями страны. Волею великих держав восстановленные (в лице Людовика XVIII) на опустевшем троне, Бурбоны стремились всеми средствами создать режим, замкнутый небольшим кругом дворянства и самой богатой буржуазии: Юридическим выражением преобладания новых феодалов являлась октройрованная (пожалованная) королем «божией милостью», Конституция 1814 г. Избирателями по этой Конституции счи-

тались лишь плательщики налога в размере 300 франков, что составляло около 100 тысяч человек при общем числе населения в 25 миллионов. Для депутатов ценз повышался до 1000 франков и, сверх того, требовался сорокалетний возраст. Требованиям ценза удовлетворяло не более 15.000 человек, большей частью принадлежавших к богатым землевладельцам юга и запада, или банкирам и промышленникам северной и восточной Франции. Другой гарантией прочности

Въезд Людовика XVIII в Париж (Сатира).

нового режима считалась верхняя палата наследственных пэров, назначаемых королем. Провозглашенные Конституцией свобода слова, печати, несменяемость судей и ответственность министерства были не более, как теоретическими формулами, мало к чему обязывавшими правительство.

Заветным желанием ничего не забывших и ничему не научившихся Бурбонов было по возможности полно реставрировать (восстановить) «старый порядок», удерживая из нового лишь то, что могло служить большей прочности

этого порядка. Правительство Реставрации, инстинктивно чувствуя связь базы и надстройки, прежде всего направило свое внимание на восстановление земельных прав и преимуществ уцелевших потомков знати. Без этой материальной базы нельзя было бы и думать о проведении в жизнь идей нового правительства. Лидер крайних правых (ультрамонтанов) князь Полиньяк формулировал эти идеи следующим образом: «реорганизовать общество, вернуть духовенству его преобладание в государстве, создать могущественную аристократию и окружить ее всевозможными привилегиями». Из острого и более всего привлекавшего к себе общественное внимание вопроса о конфискованных землях правительство Людовика XVIII вышло двумя путями: с одной стороны, возвращением прежним владельцам находившихся в государственном фонде и еще непроданных земель,—с другой, ассигнованием вознаграждения в размере 998 миллионов франков в пользу пострадавших от революции (закон 1825 г.). Бережное обращение правительства с землевладельцами, в смысле изъятия их земель и владений от прямых и облегчения от косвенных налогов, также свидетельствовало о симпатии нового режима к представителям «старого порядка». Симпатии Бурбонов к прошлому сказывались даже в незначительных, но тем более характерных пустяках, как, напр., в замене слова конституция, как слова новейшего происхождения, средневековой—«хартией», в восстановлении феодальной обрядности, средневекового костюма, рыцарской манеры обращения, благоговейного отношения к реликвиям и т. д.

Идеология
Реставрации.

Идеология и чувства эпохи Реставрации нашли яркое выражение в литературе романтиков, представителями которой являлись Леопарди, Шатобриан, Жозеф-де-Местр, Бональд и др. Оригинальной чертой писателей и идеологов этого направления являлось их резко отрицательное и презрительное отношение к «веку торговцев и лавочников» и «карманных энциклопедий», культ чувства и страсти, вместо холодного рассудка «века просвещения», и, наконец, в противовес новому времени, идеализация старины и Средневековья, другими словами—романтика и сентиментализм. Настроение и мотивы романтиков типа Леопарди или Шатобриана ближе всего подходили к общественным группам и людям, выбитым из привычной социальной колеи, не приспособившимся или,

может быть, даже и не желавшим приспособляться к новым, чуждым им по происхождению, воспоминанию и идейным убеждениям людям. Представители феодального режима, т.е. разорившиеся дворяне, эмигранты, разжалованное духовенство, отставленные ученые и т. п., скорее всего должны были откликнуться на призыв романтиков, воспринять их идеи и проникнуться их по-своему боевым настроением. Драмы личной жизни, неудачи и разочарования, явления, постоянно наблюдавшиеся в периоды больших общественных и идеологических кризисов, с своей стороны, могли еще обострить понимание и восприятие философии и романтиков. Самым выдающимся и симптоматичным писателем этой школы считают итальянца Джакомо Леопарди (1798—1837 гг.).

Леопарди.

В Леопарди сочетались все черты общественного и индивидуального характера для того, чтобы он сделался выразителем настроений людей переходного периода 20—30-х годов, не примкнувших к настоящему, но уже силою вещей отторгнутых и от родного им прошлого. Не получивший места на новом жизненном пире, больной и раздражительный итальянец шлет проклятия оскорблявшей его современности: «О, гордый и глупый век, ты воображаешь, что идешь вперед, и не замечаешь, что прогрессом ты называешь движение назад. Ты боишься признать слабость и ничтожество человечества, ты превозносишь только тех поэтов, которые льстят тебе и твердят о всемогуществе людей. Но я не хочу этой дешевой славы, я не настрою своей лиры на лад подобных певцов, я предпочитаю открыто презирать тебя и сознаться в нашем бессилии». В наш век люди пытаются чего-то достичь прогрессом техники и социальными реформами. Может быть, и впрямь железные дороги, пар и электричество соединят между собою отдаленнейшие народности и возрастающее могущество машин и реторт объявит войну самим небесам; и, может быть, в самом деле уже не далеко то время, когда глухие переулки заблестят светом электрических ламп, рабочий и крестьянин сбросят с себя грубые одежды, украсят стены своих просторных жилищ дорогими сукнами и будут наслаждаться предметами роскоши, но, ведь, не в этом счастье; количество добра и зла в мире неизменно. Счастья вообще нельзя найти на земле. Природа—наш враг, а вечное страдание—наш удел. Поэтому людские стремления жалки

и смешны. Печальные руины городов и вилл, некогда укрывавшие сильных мира сего, теперь поглощены потоками лавы огнедышащего вулкана—Везувия. Страдания причиняет не только общественная жизнь, но также и самые интимные отношения с друзьями и с женщинами. Современная женщина растоптала великие дары, ниспосланные ей небом, смяла цветы роскошных юных дум и заглушила пылкий гордый ум, «хранивший прошлого священные предания». Как далеки теперь те героические славные времена Спарты и Рима, где Виргиния без жалоб и стонов умерла, разбудив свою смертью силы Рима: «и пал тиран растоптанный в пыли, и цепи рабские с свободных рук упали».

Но и старина не совсем успокаивает и утешает Леопарди. Теория грусти, тоски и отчаяния, выражаемые итальянским словом *infelicità*, как теория вечного круговорота жизни, логически и психологически последовательный вывод из всей философии итальянского романтика. «Жизнь вселенной есть бесконечный круг возникновения и разрушения, соединенных взаимно так, что одно постоянно служит другому и оба вместе сохранению мира, который неминуемо сам придет в упадок в случае уничтожения одного из этих элементов. Отсюда следует, что в мире нет ни одной вещи, которая была бы свободна от страдания». Сознав всю бренность и тяжесть земного существования, человек должен направить свою мысль, т.е. самое надежное и цепкое орудие человеческого существа, на исследование и познание «суровой истины и тайны бытия». «Зачем создан род людской, почему он удручен горем и несчастьями, какая конечная цель его существования, кому доставляют удовольствия его страдания, как, почему и по каким законам совершается движение вселенной, — вот существенные вопросы, достойные познания человека. Поглощенный пессимизмом, терзаемый меланхолией и весь ушедший в исследование «тайны бытия», Леопарди с негодованием, презрением и раздражительностью отвергает советы своих более практичных и прозаичных друзей, примирившихся с новым порядком вещей, заняться социально-политическими и экономическими проблемами современности: «Перестань рыться в своем сердце. В серьезный век не до таких чувств. Обратись к политическим и экономическим вопросам. Пой о потребностях и надеждах века». «Я же не намерен,—отвечает

поэт,—предметом своих песен делать нужды века. Пусть они растут. Дело купцов и лавочников заботиться о них».

Леопарди выразил все чувства и настроения, которые вдохновляли представителей переходного периода 20—30-х гг. XIX столетия. Жозеф де-Местр, Шатобриан («Дух христианства») и другие идеологи реакции в смысле основных мотивов и общего фона мало что могли присоединить к философии Леопарди. Кроме того, с точки зрения литературно-художественной, итальянский поэт-философ бесспорно стоит выше, чем даже Шатобриан или Жозеф де-Местр. Палитра, обороты речи и символы слов у него значительно приятнее, тоньше и гибче, чем у его современников французов, не говоря уже об англичанах или немцах. Уже одно богатство итальянского языка ставило Леопарди, художника и психолога, на трудно достигаемую высоту.

По части восстановления Средневековья более всего хлопотали и волновались католическое духовенство и иезуиты. Раздражение клира против «грабителей» и «нечестивых законов» почти не поддается описанию. Призыв «устранить все препятствия, мешавшие благу религии и исполнению церковных законов», в период Реставрации сделался лозунгом французского, да и вообще всего католического духовенства. Католической церкви за Революцию был нанесен серьезный удар, но это еще не означало полного ее разгрома. У церкви оставались материальные и моральные средства. Вековая организация католиков давала себя почувствовать при всяком столкновении с светской властью. Требовалось только некоторое попустительство со стороны власти, чтобы церковь вновь подняла голову. Судьба была снисходительна к католикам. Восстановленные на троне Бурбоны не только прекратили гонения, но сами пошли навстречу церкви. В 1815 году был восстановлен орден иезуитов.

Католическая
церковь и
иезуиты.

Иезуиты, признанные педагоги и пропагандисты, не ограничивались скромной ролью церковных проповедников, но старались захватить в свои руки главные средства пропаганды и обработки общественной идеологии—школы. Иезуиты забрали в свои руки среднее и низшее образование, разбросали по всей Франции свои «маленькие семинарии» и всецело утвердились в университете, во главе которого в 1822 г.

1) Папские буллы называются по первой их фразе.

в качестве «великого магистра» очутился епископ Фрессину. В деле организации народных умов и чувств иезуиты достигли огромных успехов. Какое большое значение иезуиты придавали низшей школе и как они зорко следили за соответствующим подбором сельских и приходских учителей, видно, напр., из циркуляра «великого магистра» де-Фонтонна. Де-Фонтонн предписывал епископам собирать самые детальные замечания о школьных учителях и их приходах, «а затем,—поучал циркуляр,—когда эти замечания будут собраны, вы будете добры препроводить их мне с вашими собственными заключениями. Согласно этим заключениям, я утвержу учителя, который заслуживает вашего ходатайства, и он получит диплом, который даст ему право продолжать свои функции; наоборот, тот, по отношению к коему у меня не будет означенных гарантий, не получит диплома, и я озабочусь заменить его немедленно лицом, которое вы признаете наиболее способным». Учитывая первостепенное влияние женщины на семью, иезуиты особое внимание обратили на организацию женского образования. С этой целью они устраивали женские школы при монастырях и конгрегациях. Кроме школ, под непосредственным влиянием иезуитов находились также (возникшие еще при Наполеоне) многочисленные религиозные братства и конгрегации, из которых наибольшим влиянием и авторитетом пользовался монашеский орден «братьев христианских школ».

Признанием католицизма «государственной религией», изданием закона о святотатстве, новыми правилами о браке, и заменой наполеоновского конкордата более выгодным для церкви соглашением 1817 г. католическая церковь вновь провозглашалась крупной социальной силой Франции. Наконец, ордонанс короля от 1817 г., разрешавший всем церковным учреждениям и, следовательно, в первую очередь ордену иезуитов принимать в дар движимое и недвижимое имущество, подводил под католическую церковь твердую материальную базу. Артистическое же умение иезуитов играть на народных страстях и предрассудках, устраивая по разным поводам всенародные молебствия, крестные шествия и торжественные процессии по улицам Парижа и других городов и местечек, поднимало их моральный престиж и увеличивало материальный фонд отцов-иезуитов. Тон всему движению задавали несколько крайних фанатиков. Но к ка-

кому-нибудь десятку идейных фанатиков и ревнителей церкви присоединилась не одна сотня всякого рода карьеристов, честолюбцев и эгоистов. Эти элементы торопились воспользоваться поднявшимся авторитетом церкви в соображениях чисто личного характера. «Люди, торопившиеся сделать карьеру, вступали в орден, как на путь, который может привести к успеху»,—писал один роялист, граф Монлозиэ. Несмотря на разжижение и ослабление ордена Иисуса вливающимся в него посторонним элементом, влияние иезуитов в 20-х годах было необыкновенно велико. «Повсюду,—писал только что упомянутый Монлозиэ,—где замечается движение, волнение, театр или что-либо подобное,—можно с уверенностью встретить иезуитов. Это—их пища, их элемент. Как раз в такой стране, как Франция,—стране, которую революция разодрала на части, и которая волнуется в борьбе партий, им можно действовать с успехом».

Но как ни сильна была феодально-клерикальная реакция в первой половине XIX века во Франции, все же, по объективному положению вещей, она в конце концов принуждена была держаться на поверхности. Победа капитала и машин ставила непреодолимые преграды длительному и глубокому внедрению «старого порядка». Несмотря на самое искреннее желание ультра-роялистского правительства, и наперекор подвижной и цепкой организации иезуитского ордена, жизнь брала свое. Бурбонам, строго говоря, даже не удалось собрать и, значит, тем более реставрировать феодальные отношения. Политический режим, провозглашенный «хартией» 1814 г., означал не реставрацию в собственном смысле, а консолидацию (укрепление и слияние) нового социального порядка, сложившегося в период Революции и окрепшего при Первой Империи¹⁾.

Непрочность
Реставрации.

Ростом промышленности и соответствующим повышением самосознания фабрикантов, купцов, банкиров и спекулянтов была продиктована вся экономическая политика Реставрации. Систематически проведенная сеть покрови-

1) В 1820 г. во Франции насчитывалось 65 паровых машин, а в 1830 г. число машин увеличилось до 625; с 1822 года началась плавка чугуна на каменном угле, в 1825 г. было выплавлено 192 тысячи тонн чугуна и 140 тысяч тонн железа. Внешняя торговля, равная в 1831 году 1131 тысяч франков, в 1846 году уже превышала 2.437 тысяч франков, число рабочих занятых в индустрии в 1830 г. составляло 25 тысяч, а в 1848 г.—38 тысяч.

тельствующих пошлин, направленных на защиту национальной металлургии (пошлины на чугун), текстильной, шерстяной и сахарной промышленности, показывала, чьи интересы имела в виду политика последних Бурбонов. О социальном значении финансового и торгово-промышленного класса дают представление сочинения популярного писателя и философа 20-х годов Сен-Симона (1760—1825 г.). Разлагавшееся и уходящее с исторической арены дворянство не привлекало к себе внимание жаждавшего новых ощущений философа. Аристократический строй отжил свое, и поэтому аристократия должна уступить место новым людям, господам капитала и хозяевам машин. «Очень многие французы отлично выполнили бы функцию брата короля, принцев, герцогов и т. д. Ибо все эти люди не работают непосредственно для прогресса науки, искусств, ремесл..., они, наоборот, только вредят, потому что лишают ученых, артистов и ремесленников тех высоких степеней, которые им принадлежат по праву, вредят, потому что употребляют их денежные средства без всякой пользы для науки и искусств». Сен-Симон идеализирует силу капитала, которая в его время так отчетливо выступала в общественной жизни. Все надежды на реорганизацию современного «мира наизнанку» (*le monde renversé*) он возлагает на тот общественный слой, в очевидных успехах которого уже не приходилось сомневаться—это индустриалы, землевладельцы, фабриканты и negociants. «Какое место в обществе должны занимать индустриалы? Во-первых, они образуют самый важный общественный класс и могут обойтись без других, а другие без них обойтись не могут. Они существуют собственными силами, личным трудом. Все делается через индустрию, и потому, следовательно, все должно делаться для нее». Успех позитивных наук, физики, химии, механики, вызванный машинным производством, также не мог не оставить следа в мозгу французского социалиста-утописта. «Какая неизгладимая будет потеря для Франции,—рассуждает Сен-Симон в «Параболе»,—если она внезапно потеряет 50 первых физиков, 50 первых химиков, 50 художников и т. п. Ведь, это люди наиболее производительные во Франции. Они производят самые важные продукты, направляют самую полезную работу для нации... представляют воистину цвет французского общества... Когда нация их потеряет, она станет телом

без души, она немедленно станет слабее тех наций, с которыми сейчас соперничает». Промышленники, банкиры и ученые—вот кто, по теории Сен-Симона, способен обновить общество. Ближайшая и важнейшая задача государственной власти: всеми возможными средствами беречь и покровительствовать индустриалам, ученым и философам. Нет ничего страшного и опасного, если Франция, например, вдруг потеряет 10.000 богатейших землевладельцев-дворян, тысячи кардиналов, маршалов, придворных чиновников и прочие категории «бесполезной части общества», но наступит великое бедствие и ужас, если та же самая Франция потеряет 3.000 физиков, химиков, математиков, архитекторов, банкиров, негодциантов, хлопчато-бумажных фабрикантов и т. п.,—словом, «весь цвет и красу нации».

Красивую и счастливую жизнь могут создавать лишь «прирожденные гении» индустриалы и финансовые сеньеры, вдохновляемые артистами и руководимые учеными. «Только под их благосклонным патронатом и по их просвещенным указаниям и рецептам может возродиться угнетенное и трудящееся человечество». «Подчиняйтесь предпринимателям!—поучает рабочих «социалист-утопист»,—потому что они богаты и образованы, а вы бедны и невежественны». Всеобщая вера в безусловный авторитет науки, охватившая тогда торгово-промышленные круги, нашла восторженное признание и в трудах Сен-Симона, полагавшего, что «если бы физиологи и философы согласились смело соединить свои усилия, они свели бы все политические вопросы к соображениям гигиены».

Недовольство правительственной политикой в 20-х гг. обуславливалось тем, что тот буржуазно-аристократический блок, на который оно опиралось, был слишком узок и потому оставал за бортом целые слои торгово-промышленного класса средней руки. В особенно резкой оппозиции правительству находилась интеллигенция, не имевшая возможности (вследствие высокого избирательного ценза), пройти в палату, а вследствие строгой цензуры и высокого денежного штрафа лишавшаяся главного своего орудия—прессы. Уничтожение цензуры и отмена высокого имущественного и возрастного ценза были главными требованиями интеллигенции. Лозунги буржуазии и буржуазной интеллигенции (в частности, уволенных профессоров университета), поскольку дело шло о

Буржуазно-интеллигентская оппозиция.

сокрушении монархии Бурбонов, поддерживали также и более радикальные элементы.

Одним из главных объектов недовольства была крепко организованная бюрократия жандармов, префектов, супрефектов, мэров, епископов и других чиновников, возглавляемых такими воинственными персонажами, как Виллель, князь Полиньяк, Мартиньяк и пр. Людовик XVIII и тем более совсем уже средневековый монарх Карл X (с 1824 г.) старались заполнять административные посты людьми по возможности аристократического происхождения, безусловно преданными трону и горячими исполнителями воли его величества. Статья 14-я хартии, дававшая правительству право «в интересах безопасности государства» и общего блага самовластно издавать регламенты, а в случае надобности менять и самую конституцию, не сходила с языка оппозиции за все время Реставрации. В конце концов правительство зарвалось. Падение началось с того, что опьяненный своими успехами, в связи с удачами в области внешней политики (занятие французами Алжира), министр Полиньяк задумал еще более сузить круг избирателей и усилить власть бюрократии. С этой целью Полиньяк, опираясь на четырнадцатую статью хартии, провел пять указов, по одному из которых число избираемых депутатов понижалось до 250 человек. Бюрократическая дерзость министра вызвала взрыв негодования среди парижской интеллигенции, в среде которой в то время особенно высоко стоял авторитет редактора газеты «Националь», Тьера. Передовая статья Тьера от 26 июля 1830 г. в газете «Националь», вышедшей в этот день в траурной рамке, в крайне резкой форме осуждала общую линию правительства и заканчивалась призывом населения к отказу в платеже налогов. «Сегодня правительство утратило законность, которою приобретает повиновение. Мы будем ему сопротивляться!».

Июльская
революция.

Возбужденные событиями последних дней рабочие, студенты, сторонники династии Бонапарта (бонапартисты), карбонарии, демократы и республиканцы, возглавляемые Годфруа Кавеньяком, присоединились к протесту и покрыли город баррикадами. На улицах Парижа начался баррикадный бой, окончившийся поражением правительства.

В то время как бившиеся на баррикадах со швейцарской гвардией рабочие и студенты, выполнив свое дело, разо-

шлись по домам, на квартире банкира Лафита собрался весь цвет буржуазно-интеллигентского Парижа: либерально настроенные депутаты, Тьер, Гизо, «герой революций» маркиз Лафайет и др. Буржуазные лидеры прекрасно использовали победу рабочих и студентов. Отказавшись от созыва громоздкого Учредительного собрания, они, по предложению профессора истории Гизо, сошлись на выборе комиссии, долженствовавшей заменить Временное Правительство. Комиссия в несколько дней пересмотрела старую Конституцию 1814 года и заменила ее новой Конституцией 1830 г. В спешном порядке большинством 219 голосов против 33 голосов королем французов был провозглашен принц Орлеанский, Людовик-Филипп. Конституция 1830 г. несколько исправляла «хартию» 1814 г. в демократическом направлении. Ценз с 300 франков понижался до 200 фр., что увеличивало число выборщиков до 200.000 человек; далее, расширялись права присяжных, ограничивалось право короля изменять основные законы, вводились большие гарантии против полицейского произвола в отношении печати и, наконец, к титулу короля «божьей милостью» прибавлялось еще и «волею народа».

Бедная красками и небогатая яркими событиями Июльская революция 1830 г., тем не менее, как в истории Франции, так и в общей истории Европы, имеет большое значение. Ее значение состоит в том, что с падением Бурбонов уже окончательно уходил в вечность «старый порядок». Июльская революция таким образом довершала дело, начатое, но не законченное первой революцией. С другой стороны, Июльская революция заслуживает внимание потому, что она открывает собою период Июльской монархии, являющейся типичным примером диктатуры финансовой буржуазии. Кажется, в истории мира никогда не было более яркого примера преобладания буржуазных и интеллигентских интересов над интересами всей нации, как это наблюдалось во Франции при Людовике-Филиппе, этом воплощенном купце, по выражению Гейне. Одна фраза из речи «короля божьей милостью и волею народа» Людовика-Филиппа, произнесенная им перед открытием сессии палаты, выражала положение исполнительной власти и роль капитала. «Палатам,—говорил только что избранный король,—надлежит руководить мною; все права должны быть солидно гарантированы. Привязанный сердцем и убеждением к принципам свободного строя,

Диктатура
финансовой
буржуазии.

я заранее принимаю все вытекающие из них последствия». Время, со своей стороны, блестяще оправдало тронную речь выборного короля, являвшегося простой игрушкой в руках буржуазных дельцов и политиков.

Июльская революция, более чем какая-либо другая, обманула надежды рабочих, мелкой буржуазии и средней интеллигенции. В первые же дни после Июльской революции для всех стало очевидным, что оппозиция предшествовавшей эпохи, критикуя «средневековые порядки» Бурбонов, имела в виду прежде всего, если только не исключительно свои собственные классовые интересы. Уже первые месяцы Июльской монархии на этот счет не оставляли никаких сомнений. С воцарением Людовика-Филиппа во главе Франции стали банкиры, промышленники, финансисты и ростовщики, олицетворением которых были премьер-министры, Казимир Перрь (директор богатой купеческой фирмы в Париже), банкир Лафит и др. Эти люди призваны были организовать практическую и деловую Францию, между тем как оказавшиеся у власти журналисты и ученые, в числе которых находились имена Тьера, Гизо, Вильмена и Кузена, приняли на себя организацию общественного мнения. Трибуна, книга, газета, философия, история, литература, искусство и школа,—словом, все было пущено в ход в целях создания твердого общественного мнения. На обязанности преподавателей лежала не только препарация (обработка в желательном направлении) знания, но также и убеждение общества, особенно подрастающего поколения, в необходимости именно такого рода познаний. И надо сознаться, что идеологам и ученым чиновникам парижских банкиров и ростовщиков в этом отношении удалось достичь весьма ощутительных результатов: имена Гизо, Кузена и Тьера еще до наших дней «украшают» страницы не только ученых диссертаций, но даже и самых скромных учебных пособий.

Социальная
философия
июльской мо-
нархии.

Министр Людовика-Филиппа (с 1840 г.), швейцарец по происхождению и кальвинист по убеждению, Гизо возглавлял целую школу буржуазных идеологов. В удачно скомпанованной и хорошо написанной «Истории европейской цивилизации» Гизо на историческом материале доказывал правильность своей социально-политической философии, в главных чертах сводившейся к отрицанию привилегированного положения аристократии и утверждению «третьего

сословия». Отвергая значение дворянских привилегий, идеолог буржуазии «узурпированным привилегиям» аристократии противопоставлял собственным трудом приобретенные привилегии «среднего сословия». Выбившаяся наверх своими трудами, личными талантами и своей бережливостью буржуазия в глазах Гизо являлась цветом нации и ее высшим разумом. Народный суверенитет, о котором так много говорят и пишут, как раз по всей справедливости и должен быть передан этому «верховному разуму» нации. Лишь одна буржуазия сумеет сочетать свободу и порядок, эти высшие принципы государственной и общественной жизни цивилизованного общества.

В своей защите, сложившегося после революции порядка, Гизо недовольствовался одними доводами логического порядка. В его распоряжении находился богатый исторический материал, из которого он искусно выбирал факты, подтверждавшие или иллюстрировавшие его положение. Сила Гизо, как литератора, появилась в двух монографиях по истории культуры: в «Истории цивилизации в Европе» и в «Истории цивилизации во Франции». На основании большого количества умело сгруппированных фактов Гизо доказывал, что основа исторического прогресса есть цивилизация, а идея прогресса есть основа самой цивилизации. Сущность же прогресса выявляется в двух фактах: в развитии строя общественного и строя индивидуального, короче—в усовершенствовании личности и общества. Взяв за исходную точку идею прогресса, Гизо обязан был оправдать и так называемые регрессивные факты, смущавшие многих историков и социологов. Все прошлое в целом, т.-е. как факты прогрессивные, так и факты регрессивные, служили одной цели—общественно-индивидуальному прогрессу или цивилизации. Факты, которые по существу своему гнусны и пагубны для нации, как, например, деспотизм и анархия, если они чем-нибудь содействовали цивилизации, становятся извинительными. Даже Средневековье, так сказать, эпоха анархии и деспотизма по-преимуществу, с этой точки зрения, получала свое историческое оправдание. Средневековье, ведь, время зарождения и величественной борьбы «третьего сословия» с феодальной аристократией за право самоутверждения. «Третье сословие», по теории Гизо, в процессе нарастания цивилизации играло и продолжает играть первостепенную

роль. Пройдя длинный путь развития, оно теперь прорвало все препоны и достигло своего величия; «Третье сословие» — теперь вся страна». История «третьего сословия» является общей историей всех западно-европейских наций, но во Франции, как само это сословие, так и его история имеет особый, больший смысл и величие. «Третье сословие», пришедшее в 1789 г. к Французской революции, было такой судьбой и силой, которая принадлежит исключительно нашей истории и которую вы напрасно стали бы искать в других».

Благодаря своей истории и особенно истории «третьего сословия», Франция стала самой цивилизованной страной мира, в которой больше всего процветает общество и развивается индивид. «Без лести,— пишет Гизо,— можно сказать, что Франция была центром и фокусом европейской цивилизации. Нет почти ни одной великой идеи, ни одного великого начала цивилизации, которые не прошли бы сначала по французской почве раньше, чем получить повсеместное распространение». Таким образом, нашлось научно-философское и историческое оправдание господства ростовщиков, спекулянтов, банкиров, промышленников, торговцев, чиновников и т. п. Сочетание общественного порядка и индивидуальной свободы казалось возможным исключительно при буржуазии; при этом полная победа капитала,—прибавляет Гизо,—исторически обеспечена не только в самой Франции, но и во всем мире. Гизо настолько был убежден в правоте своей идеи, что считал ее необходимой и даже единственно возможной категорией мышления. Движение цивилизации, общественного и индивидуального прогресса возможно исключительно при условии господства «третьего сословия». Это, ведь, цвет нации, это класс людей, обязанных своим возвышением личным способностям, трудолюбию и бережливости, притом такой класс, двери которого открыты для всякого трудолюбивого и деятельного человека.

Любопытно сопоставить двух современников, идеологов враждебных друг другу классов, Леопарди и Гизо. Насколько Гизо полон веры в себя, в свое превосходство над другими людьми и охвачен неутолимой жадной работы, настолько же Леопарди пассивен, метафизичен, безжизненен, хотя также верит в собственное превосходство; но превосходство Гизо — источник энергии, превосходство же Лео-

парди—источник несчастья и постоянной неудовлетворенности самим собою и всем окружающим. «Я не завидую больше ни дуракам, ни умным, ни маленьким, ни слабым, ни сильным, завидую мертвым, и только с ними поменялся бы я жребием». Гизо значительный и последовательный идеолог европейской буржуазии, оставивший след в истории европейской мысли. Все другие идеологи «третьего сословия» в том или ином отношении уступали французскому доктринеру, как в насмешку прозвали Гизо. В литературном отношении Тьер, автор «Истории французской революции» и биограф Наполеона, может быть, и превосходил Гизо, но зато он уступал ему в смысле четкости, методичности и, главное, непреклонной последовательности в проведении своих взглядов.

Из группы «доктринеров», примыкавших к Гизо и задававших тон эпохе, заслуживает еще внимания публицист и оратор Ройэ-Коллар. Ройэ-Коллар развил целую философию буржуазной демократии. Демократия во Франции развивалась прогрессивно; это не случайность, а непреложный закон истории. Промышленность и собственность создают, усиливают и возвышают «средние классы». Сила богатства чрезвычайно велика и всемогуща. Богатство дает досуг, а досуг дает просвещение; материальная независимость, кроме того, рождает патриотизм. В настоящее время у кормила власти стали просвещенные люди «среднего сословия», которые всей душой отдаются государственным делам. Государственные дела они считают своими собственными делами. Культура и цивилизация в наше время покоятся исключительно на «средних классах». «Пусть другие печалются или гnevаются по этому случаю, но что касается меня, то я благодарю Провидение за то, что оно призвало более значительную часть своих творений к благам цивилизации. Надо либо принять, либо разрушить это состояние общества, а чтобы его разрушить, надо «обезлюдить и всех сделать нищими», т.е. довести до звероподобного состояния. Промышленность—вот истинный, неиссякаемый источник цивилизации и всякого рода народного благосостояния. Но цивилизация возможна лишь при наличии свободных социальных условий, созданных благодаря труду, богатству и досугу. Нет промышленности, значит, нет больших городов, а раз нет больших городов, то, значит, нет и культуры! Есть одно

средство разрушить цивилизацию—это разрушить большие города, уменьшить население, вернуть людей, занятых промышленностью, к земле, сжечь мануфактуры и расшатать большие дороги. Подчеркнув значение промышленности, роль большого города и историческую миссию буржуазии, красноречивый доктринер делает и все дальнейшие выводы из своей основной темы. По мнению Ройэ-Коллара, власть должна покоиться на народном суверенитете, но все дело в том, что есть два суверенитета: один истинный, а другой ложный. Ложный суверенитет есть не что иное, «как грубый символ силы, как вечный крик демагогов, как пища революционных партий, которые, питаясь им, никогда не насыщаются». Насколько опасно опираться на «грубую силу» народа и вечный крик демагогов, показывают недавно прошедшие «печальные» времена Революции. Истинный же суверенитет подчиняет грубую силу законам справедливости и весь целиком основывается на представительном образе правления. Лейт-мотив всех рассуждений Ройэ-Коллара один и тот же: неповиновение закону порождает или анархию и деспотизм толпы, или же диктатуру Наполеона. «Бездна революции может быть закрыта только всегда присутствующим и всегда победоносным правом». Создание же права, конечно, принадлежит энергичному, трудящемуся и бережливому элементу, т. е. буржуазии.

Экономическая политика.

Принявшие в свои руки правление буржуа первым делом начали укреплять материальную основу своей власти, прекрасно понимая, что бытие определяет сознание и что деньги не только нерв войны, но также и нерв всей жизни. Запретительные пошлыны, раздачи концессий на постройку железных дорог на самых выгодных условиях акционерным обществам, пайщиками которых сплошь и рядом были сами члены правительства, переложение налогов с промышленности на землевладение и т. п., указывали, в какую сторону пошла экономическая политика Людовика-Филиппа и чьи интересы, главным образом, оно имело в виду.

Об успехах финансовых операций и широте торгово-промышленной деятельности Июльской монархии красноречиво свидетельствовали увеличение вывоза французских фабрикаторов и сумма капитала, вложенного в промышленные предприятия. В период с 1830 года по 1847 год вывоз возрос с 455 миллионов до 890 миллионов франков, а общая сумма

капитала за это время увеличилась с 30 до 45 миллиардов. Нижеприводимая таблица показывает, в какие именно отрасли торговли и промышленности притекали свободные капиталы:

Рост железнодорожной сети		Количество паровых машин	
годы	Длина жел. дор. пути в километрах	годы	количество
1831	38	1839	2.540
1835	149	1840	2.591
1838	183	1841	2.810
1839	248	1842	3.053
1840	435	1843	3.360
1841	573	1844	3.645
1842	600	1845	4.114
1843	829	1846	4.395
1844	831	1847	4.853
1845	880	1848	5.212
1846	1.322		
1847	1.837		

Добыча каменного угля		годы	Ввоз сырья	
годы	количество в тыс. тонн		Шерсть в тыс. килогр.	Шелк в тыс. килогр.
1830	1.863	1831	3.836	14,4
1835	2.506	1835	14.044	
1838	3.113	1838		13,2
1842	3.592	1840		14,7
1843	3.693	1841	20.323	
1844	3.783	1842	20.356	
1845	4.202	1844	21.273	
1846	4.464	1845	21.407	62,6
1847	5.153			

Свободная от войн и политики творческая энергия устремилась в область создания материальных и духовных ценностей, т. е. в область индустрии, финансовых спекуляций, науки, искусства и литературы. Ныне, вместо «благородных» идей и «возвышенных» целей, рычагом, приводящим все в движение, стали деньги. Там, где были прения о неотъемлемых правах человека, о государственной политике, о патриотизме — теперь занимаются одной политической экономией. Экономическая и культурная революция значительно опередили политическую революцию. Десятилетия, предшествовавшие Февральской революции, отмечены распадением одних культурно-бытовых форм и появлением других. Непонятные на наш взгляд противоречия писателей-современников не казались таковыми их читателям, ибо это были противоречия реальной жизни. Интернационализм и национализм, коллективизм и анархизм, романтика и классицизм, позитивная наука и мистика, трезвый взгляд исследователя и парящая фантазия утописта сплетались в одно целое в сознании людей того времени.

Наиболее экзальтированной (возбужденной) во всех отношениях опять оказалась Франция. Отрезанная Венским Конгрессом от мирового рынка, но располагавшая огромными денежными суммами, награбленными в покоренных странах, французская буржуазия в это время питала особенную страсть деятельности. Постройка железных дорог, отчаянная биржевая игра и увлечение техническими усовершенствованиями и изобретениями захватили французское общество и сделали симптомом времени. Жажда денег и развившийся на этой почве авантюризм гнали людей на всё, вплоть до поисков клада фараонов в Красном море. «Кто все теперь завоевывает и становится господином всего существующего,—спрашивал один из последователей Фурье,—если не высшая спекуляция, банки и крупный капитал?». Англия и Франция задыхаются от чрезвычайных усилий развезти свои продукты по всем концам мира. Пушечной пальбой фабриканты открывают себе порты Древне-Китайской империи. Вооруженные, они безостановочно рыщут по всему земному шару, отыскивая повсюду потребителя.

С другой стороны, обилие капиталов и сосредоточение внимания на личной жизни привели к созданию культа внешности, материальной обстановки и житейских удобств. В это

время создается настоящий культ вещей, беспрестанно меняется мода, гастрономия становится сложной системой знания, а театр оттесняет все остальные виды искусства. Слова любовь и страсть, постоянно пестрящие на страницах многочисленных романов (Жорж Занд, Мюссэ, Гофман и др.), напоминают о чувственной разнузданности того времени, на все лады прославляемой модными писателями. Желание в каком-либо отношении (изобретении, костюме, кухне, театральной игре и пр.) превзойти другого являлось совершенно естественным следствием из описанного уклона общественной психики.

После сказанного становится понятным, какое необъятное море всевозможных мыслей, переживаний и впечатлений рождалось в умах таких страстных и сильных натур, каким был, например, Фурье. Обширный мозг Фурье вобрал все противоречия его времени и почти в переработанном виде передал их последующим поколениям. Для историка культуры особенно ценно то, что Фурье запечатлел не только все возвышенное, но что также самое низкое и даже пошлое не ускользнуло от наблюдательного ума французского утописта, добросовестно передававшего увлечения, надежды и ропот своих современников. Как человек определенного класса, все это он изложил под углом близкого ему класса средней буржуазии. В виде примера, достаточно взять хотя бы описание бала из «Всеобщей гармонии». «Группа баядерок и баядеров, вакхантов и вакханок разгуливают по зале. «Сановники любви», феи и сильфиды, волшебники и маги распределяют колонны случайных симпатий» и т. д... Все это вещи очень хорошо знакомые салонам французских тузов, промышленников и спекулянтов; не менее знакомы им и описанные в «Гармонии» всякого рода эротические (любовные) фантазии. Наибольшего полета фантазия автора «Всеобщей гармонии» достигла в описании кухни, гастрономии и театра. Философия желудка или гастрософия была объявлена высшей философией. Утонченный вкус и изобретательность,—говорит Фурье,—могут быть с большим успехом приложены к приготовлению питательных продуктов и к созданию всякого рода житейских удобств. Гастрософия была особенно близка сердцу высших кругов купеческого общества Реставрации и Июльской монархии. Несмотря на всю виртуозность портных, модисток и «античное искусство» поваров, фантазия пресы-

щенного буржуа на существующем не остановилась, требовалось повышение остроты и увеличение числа раздражающих факторов,—словом утончение и расширение психологии. И в этом отношении Фурье был только человеком своего времени. Восемьсот десять различных характеров вполне гармонировали с запросами его многочисленных читателей из среды буржуазной интеллигенции и учащейся молодежи.

Вера в технический прогресс и в силу индустриалов, пронизывающая все сочинения Сен-Симона и Фурье, увлекла также и анархиста Прудона (1809—1865 гг.): Старый аристократический мир, отмеченный печатью бездействия и косности, безвозвратно уходит в область истории, а на его место выступает мир энергии и творчески напряженного труда. Прогресс—это безостановочное движение. Все элементы человеческого общества,—писал Прудон в «Философии прогресса»,—ныне находятся в постоянном брожении, приближаются и расходятся во всех направлениях. Идеализм, имевший значение в прошлом, в наше время заменяется реализмом или, вернее, практицизмом. Идеализм—источник зла. Пагубная сторона идеализма заключается в том, что он, заковывая в неподвижные формы живую действительность, замедляет прогресс. Для Прудона жизнь—война, но война индустриальная. В книге «Война и мир» Прудон дает настоящую философию истории своего времени. Разрушительная война теперь заменяется войной созидательной. Прудон убежден, что век индустриалов выдвинет не менее мощные фигуры, чем все предшествовавшие века. Промышленность, ведь, также представляет огромное поле битвы, на котором погибают изнеженные, неприспособленные и робкие, а выигрывают смелые и энергичные. Цель промышленной войны: определить, какой из двух спорящих держав принадлежит преимущество силы. Она—борьба сил, но не их разрушение; борьба людей, но не их уничтожение. «В этих новых битвах нам придется проявить не меньше решительности, самоотверженности, презрения к смерти и к наслаждениям; мы насчитаем не меньше раненых и убитых; и все трусливое, хилое, нежное, без смелости сердца и ума, и при новых порядках также должны ожидать для себя лишь угнетения, презрения и нищеты». На арене промышленности силы находятся не в менее жаркой борьбе, чем на поле сра-

жения, и здесь происходит постоянное взаимное разрушение. «Я сказал бы даже, что и в труде, как на войне, больше всего и прежде всего тратится человеческая кровь». В своем преклонении перед промышленным развитием Прудон идет так далеко, что считает необходимым во имя индустриального прогресса заменить политическую систему экономической системой. «Уничтожить политическую или правительственную систему, заменить ее экономической системой, уменьшая, упрощая, децентрализуя и уничтожая одно за другим колеса этой огромной машины, носящей название правительства или государства».

Не менее ярко, чем в сочинениях социалистов-утопистов, эпоха финансовой буржуазии отображена в романах французского писателя Бальзака (1799—1850 гг.). В наше время,—жалуется Бальзак,—жадность наживы и общая душевная низость захватили всех без различия сана, возраста и пола. Мягкое, гуманное, идеальное и честное беспощадно засасывается общим омутом и расплющивается стремительно несущимся потоком бешеной жизни. В романе «Отец Горио» молодому студенту Растиньяку, вступающему в великосветское столичное общество, при первых же шагах его карьеры опытные и сведующие люди предлагают целый ряд мудрых правил светской парижской жизни. Первый завет этого чистого зеркала жизни гласит: «чем холоднокровнее будете вы рассчитывать, тем дальше вы уйдете»; вторая заповедь—быть безжалостным и уметь заставить себя бояться; третья—быть циничным и смотреть на мужчин и женщин, как на почтовых лошадей; в-четвертых—никогда и ни при каких условиях не быть искренним, ибо всякая искренность и сердечность в этом «сборище плутов и обманутых» ведет к неминуемой и неизбежной гибели. Самым же верным и надежным залогом успеха в столичном обществе является умение подойти и использовать женщин, и тогда успех, наверное, уже обеспечен. «В Париже успех—все; это—ключ к власти. Если женщины решат, что вы человек умный, даровитый,—мужчины этому поверят, если вы их сами в том не разуверите. Вы можете желать чего угодно, вы имеете доступ всюду». Зараженному всеми пороками «сборищу плутов и обманутых» противостоит другое общество людей «среднего класса» буржуазии, миру светских людей противостоит мир деловых людей. Характерным типом делового общества у Бальзака

Парижское общество в романах Бальзака.

является сомюрский миллионер Грандэ. Грандэ одновременно скуп, циничен, хищен, прозаичен и в высшей степени энергичен. Грандэ Бальзака тот же самый социально-психологический тип, порожденный эпохой капиталистического разгула, что и герои Диккенса. Грандэ с какой-то садической страстью наслаждается процессом накопления самим по себе, даже вне зависимости от тех результатов, которые за этим последуют. В своих ледяных арифметических расчетах, статистических справках и коммерческих построениях Грандэ забывает не только его окружающих близких людей, но также и самого себя: он плохо и небрежно одевается, мало спит, ест стоя и торопясь. Газета, сообщавшая о смерти его брата миллионера, сразу же родит новые планы в голове старика Грандэ. Новые перспективы обогащения спекуляцией дают только сильный толчок его воле, так что он сейчас же на полях той же самой газеты, сообщавшей о самоубийстве его брата, принимается за бухгалтерские выкладки и расчеты: «Стоны племянника долетали, между тем, до него, но он лишь слышал, а не слушал». В конце концов, страсть к приобретению, занимающая все внимание и сожигающая всю внутреннюю силу, у Грандэ переходит в своего рода чистое искусство, т.-е. искусство для искусства. Собственно говоря, ему—старiku—уже ничего не надо, но, тем не менее, его более всего гложет и гнетет мысль о возможном банкротстве. «Обанкротиться же—это значит сделать самую низкую подлость, самое черное дело. Разбойник на большой дороге честнее банкрота». Кошмарный ужас банкротства пугает полуразвалившееся существо миллионера Грандэ потому, что он с биологической точки зрения чистейший садист. Ему ничего не надо—ни далеких, ни близких людей, ни даже самого себя; но его неудержимо влечет к садическому наслаждению, бесконечному самоутверждению собственной личности и власти над другими. «Грандэ,—говорит Бальзак,—понимает терзания нищеты, он постиг агнца, ведомого на заклание, эмблему умирающего с голоду. Скупость сначала откормит своего агнца, обнажит его, потом его режет, потом его жарит, потом его ест, по правилам, терпеливо, методически. Презрение и золото—вот насущный хлеб Грандэ».

В мире великосветского разврата и вырождения, равно как и в среде банкиров, ростовщиков, промышленников и

садивов не могло быть и речи о чем-либо чистом, искреннем и незапятнанном. В Париже, как и в Лондоне, Амстердаме и Венеции и т. д., все было продажно, порочно и подкупно. Разврат коснулся не только человеческих поступков, но также и человеческих мыслей. Газета и книга, наука и искусство, сделавшиеся одним из сильнейших социальных факторов, за деньги стали организовывать общественное мнение в угодном своим хозяевам и плательщикам направлении. «В качестве наемного убийцы идей и репутаций промышленных, сценических и литературных я зарабатываю пятьдесят экю в месяц»,—чистосердечно заявляет журналист Лусто в «Погибших мечтаниях» Бальзака. В наше время, поучает Лусто молодого и талантливого коллегу Люсьена, надо ненавидеть, а не любить, надо действовать, а не петь, читать хорошие книги или создавать великие образы; быть идеалистом и романтиком в наше время в переводе на простой обыденный язык, означает искалечить себе жизнь и испортить себе желудок, ибо все великое, высокое, истинное, но практически ненужное, «будет оклеветано, предано, продано, брошено в лагуны забвения журналистами, погребено вашими лучшими друзьями».

Сознавая свое финансовое превосходство и чувствуя свою политическую мощь, финансовые и торгово-промышленные верхи, чем дальше, тем более стремились отгородиться от других классов общества, замыкаясь в узкий круг аристократии; но так как один капитал все же не создает аристократии, то «новым феодалам», подобно наполеоновским маршалам, спекулянтам и ростовщикам, пришлось заискивать у старой аристократии. Среди других средств брак оказывался самым верным и испытанным орудием слияния двух аристократий—денежной и родовой. Результатом этого слияния явилось новое деление общества на два неравных и друг другу враждебных слоя: аристократии и народа. Социальную философию эпохи выразил министр кабинета Тьера, Жобер, богатый владелец металлургического завода, заявивший в палате, что «никакое общество не может обойтись без аристократии и всякое правительство нуждается в таковой. Желаете ли вы знать аристократию Июльской монархии? Аристократия крупных промышленников—вот феодальное дворянство новой династии. Система правления, которая оттолкнула бы его, была бы безумна: это значило бы нанести

самой Июльской революции удар в сердце». Таким образом, на деле оправдалось предсказание хитроумного аббата Сиэса, что после победы «третьего сословия» дворянство перейдет на его сторону, а само «третье сословие» превратится в замкнутую аристократическую касту.

Но, по общему закону, чем сильнее плутократия (богачи) замыкалась в небольшой круг и усваивала привычки старого дворянства, тем сильнее против нее подымалась волна недовольства со стороны среднего (зажиточные крестьяне, состоятельные ремесленники, квалифицированные рабочие и интеллигенция) и низшего (рабочие, менее состоятельные ремесленники и деклассированные интеллигенты) классов. Общественная оппозиция Июльской монархии, шедшая из самых различных групп и вспыхивавшая по самым различным поводам, можно сказать, не утихала ни на одну минуту. «Акционерной компанией» Людовика-Филиппа,—писал один из современников,—за ничтожным исключением были недовольны вся мелкая и средняя буржуазия, часть интеллигенции, рабочие, часть помещиков и даже часть самой крупной буржуазии, обеспокоенной головокружительными успехами английской промышленности и фоптавшей на медлительность своего правительства.

«На этом огромном поле битвы,—писал фурьерист Консидеран,—одни образованы, хорошо дисциплинированы и вооружены с ног до головы. В руках этих вооруженных людей в настоящее время скопились неисчислимые запасы всевозможных земных благ, военных машин, денег и пр. В то время как одни утопают в богатстве и гордятся своим просвещением, другие (большинство) бедны, невежественны, голодны и обязаны выпрашивать кое-какую работу у своих же врагов—богачей. В нашем обществе господствуют сильные и с великой бесцеремонностью давят слабых». Чудовищно-неравная борьба, украшенная именем промышленной свободы, приводит: к 1) порабощению пролетарских масс и к 2) уничтожению средней и мелкой собственности, промышленности и торговли. Наступает новый индустриальный феодализм, отличительными признаками которого являются «концентрация капиталов в руках малочисленной аристократии, сокращение средних классов, рост пролетариата и пауперизма. Пролетарий—современный крепостной. Положение противное всем правам человечества!».

Одной критикой оппозиция, однако, не ограничилась. По мнению всех критиков без различия направления единственным средством спасения пролетариата и выходом из-под тяжелого господства новых феодалов являлась организация общества на коллективистических началах. Все реформаторы, при всем их несогласии друг с другом, сходились на том, что высокий уровень производительных сил, достигнутый современной техникой, должен быть сохранен, но само общество должно быть преобразовано. Таким преобразующим началом, например, по теории Сен-Симона, были моральное воздействие и гуманизм, «и это вполне понятно, если иметь в виду, что сен-симонисты вербовались, главным образом, из среды учащейся молодежи и интеллигентных слоев». Во «Всемирной ассоциации» сен-симонистов, на подобие католической церкви, послушной массой руководит ассоциация ученых и благожелательно настроенных пасторов. Спасительным якорем фурьеризма являлся фаланстер. «Современная организация,—рассуждал Фурье,—также представляет ассоциацию, но лишь с той существенной разницей, что, имея в виду, прежде всего, интересы немногих богатых и ловких людей, она является паразитической по отношению к большинству. Проектируемая же им ассоциация непременно должна быть всеобщей, в которой каждый человек, не исключая и беднейшего плебея, будет ее членом и собственником. Фурье подробно разработал организацию будущей ассоциации, положив в ее основу социальную ячейку от 400 до 2000 человек, названную им фалангой. Фаланга признает собственность, имеет капитал, инвентарь, строения и земли. Члены фаланги являются ее акционерами, получающими доход от общего дела пропорционально затраченному труду и капиталу. В чрезвычайно интересной и проникнутой верой в творческие силы человека «Теории всеобщего единства» Фурье рисует целую космогонию (систему мира) и изображает новую психологию, призванную оправдать его центральную идею создания всеобщей ассоциации. Существует особая «математическая теория судеб всех стран и народов», которая учит, что социальный мир людей есть лишь один из неисчислимых элементов общего мироздания (космоса), подчиненный главному космическому закону развития, по которому «всякое общество несет в себе семена будущего общества и всякое общество переживает кризис, когда достигнет полноты своего

развития». Человечество проходит четыре больших фазы от детства до дряхлости; каждая фаза, в свою очередь, распадается на восемь периодов, имеющих собственную номенклатуру. Современная цивилизация, с присущими ей дефектами и насилием человеческой природы, еще не вышла из первой фазы детства. Неорганизованность современного хозяйства, раздробление предприятий, торжество крупного производства над мелким, монополии, эксплуатация, коммерческий феодализм и пр.,—все это досадные пережитки первой фазы детства. Новая организация, на знамени которой начертаны великие слова *l'unitéisme ou l'harmonie* (единение или гармония), призвана заменить старую несовершенную организацию. Цель проповедуемой ассоциации может быть, однако, достигнута лишь в том случае, если прежде всего будет хорошо изучена человеческая природа.

Изучению психологии Фурье посвятил много напряженного труда и внимания, составив целую скалу основных влечений, сходств и страстей. Проникновение в человеческую психику у Фурье подчас изумительно. Идеальная всеобщая фаланга, построенная на строго научном исследовании человеческих характеров и страстей и оправданная высшей философией космоса, должна избавить человеческий род от сковывающих его пут. В противоположность современному порядку вещей, в идеальной фаланге все будет по-новому: не будет чудовищного расхищения человеческой энергии, не будет «положительного разрушения», т.е. военной промышленности, биржевой игры, ростовщичества и пр., легкий труд заменит однообразно-утомительный труд дезорганизованной современности, к услугам человека в «новом промышленном мире» явятся еще неслыханные виды животных—антильвы, антикиты; морская вода превратится в лимонад и человеческая жизнь удлинится до 144 лет.

В системе Фурье имеются две части: учение об идеальной фаланге будущего и ряд практических мероприятий для улучшения настоящего. Во всех отношениях больше интереса представляют рассуждения Фурье об обществе будущего. Фурье писатель, главным образом, учащейся молодежи и интеллигенции, в народную же толщу его сочинения, написанные ученым языком, проникли весьма медленно, да и сам он более напоминает ученого профессора, нежели практического политика, непосредственно связанного с рабочим классом.

Фурье и особенно его последователи (фурьеристы) защищали идею солидарности между буржуазией и рабочими, популяризировали идею ипотечного кредита, право на труд и т. п. Отношение фурьеристов к рабочему классу такое же покровительственно-филантропическое, что и у сен-симонистов. В трактате «О распределении богатств» одного из почитателей Фурье, Видаля, говорилось: «социалисты вовсе не подстрекают к социальной войне, они хотели бы, наоборот, предотвратить ее, они требуют реформ, чтобы избежать революции».

В то время, как Сен-Симон и Фурье подходили к общественной реорганизации с городской точки зрения, Прудон подошел к тому же вопросу с крестьянской точки зрения.

Призыв к
земле Пру-
дона.

Главная причина социальных недугов, по теории Прудона,—бегство от земли. Современное общество, разоряющее деревню, в конце концов погибнет от тех же самых зол, которые разрушили древний Рим, а Рим погиб от «квиритского права собственности, доведенного до своего логического конца». Прудон враг крупной собственности, имеющей своим источником чистое воровство, но он восторженный поклонник мелкой крестьянской собственности. «Современная собственность устроена, повидимому, вопреки всякому разуму, праву и здравому смыслу». Другое дело мелкая собственность, принадлежащая целой семье, своего рода «домашнему государству», во главе которой стоит глава семьи, *pater familias*.

Прудон, однако, слишком захвачен современным прогрессом, чтобы мечтать о действительной реставрации давно изжитого идеала крестьянина. Общественная философия 30—40-х годов уже приходила к выводу о независимости законов общественного развития от капризов человеческой воли. Поэтому, в полном согласии с философией своего времени, Прудон заявляет: «законы общественной экономии независимы от воли человека и законодателя, наша привилегия—их признать, наше достоинство—повиноваться им». Вследствие этого требования общественных реформ должны быть не произвольными, а научно обоснованными. «Не религия и не власть, а наука должна быть принята в каждой стране за общественное правило, за верховного судью интересов. Но как ни настаивал Прудон на строгости и объективности научных законов, все же его социально-экономические и политические

идеалы наибольшее сочувствие находили у средней и мелкой буржуазии, в том числе, значит, и у сельской. В главных чертах пожелания Прудона сводились к проведению в жизнь принципа мутуализма (взаимности) в производстве и обмене. С этой целью он прежде всего рекомендовал свободные рабочие организации. Ассоциация объединит мужчин, женщин, стариков и детей, но отнюдь не поглотит их индивидуальности. Каждый ученик имеет право на известную часть общей собственности, участвует в прибылях и расходах и по своей воле может покинуть ассоциацию. Прудон и его продолжатели потратили много сил на теоретические обоснования и на защиту идей «свободных рабочих ассоциаций», но практические результаты их деятельности были более, чем скромны. Отказ от активной политической борьбы и отрицание классовой природы общества приводили мутуалистов и анархистов к кустарничеству, оппортунизму и идеализации мещанского спокойствия. Пестрота социального состава анархических объединений один из верных показателей их мелкобуржуазного уклона. Далее интеллигентско-буржуазный характер мутуалистов виден из их проповеди мирного переворота и отрицания революции. Как и для всех мелкобуржуазных теоретиков, для Прудона весьма характерно сочетание противоположностей: крайнего радикализма и умеренности, веры в науку и бесконечный прогресс и в то же время призыва к земле и защите мелкой крестьянской собственности, призыв к «прямым действиям» и одновременно отрицание политики и т. д.

Коммунистическая утопия Кабэ.

Сочинения социалистов-утопистов, как сказано, наибольшим вниманием пользовались в кругах учащейся молодежи и с трудом проникали в народную толщу. В отношении популярности сочинения Фурье, Сен-Симона и Прудона даже не могут идти и в сравнение с социальным романом Кабэ «Путешествие в Икарию». Утопией Кабэ буквально зачитывались. В романе в живых картинах изображался коммунистический строй в идеальной коммунистической общине—Икарии. В икарийском устройстве приезжему путешественнику прежде всего бросается в глаза отсутствие того, от чего так жестоко страдает европейское общество. Коммунистическая организация народного хозяйства прекрасно умеет утилизировать человеческий труд с максимальной для общества пользой. Об анархии производства или о каких-

либо кризисах в Икарии нет и помина. Коммунистическая община, в которой нет частной собственности, не знает и эгоизма, этого главного порока европейского общества, разрушающего нравственный устой общегития и служащего источником порчи, преступлений и ненависти между людьми.

Дезорганизация производства, нецелесообразная распыленность человеческой энергии, однообразно-утомительный труд, серость рабочей жизни и низкий уровень культуры считались наиболее отрицательными сторонами буржуазного порядка. Отсюда и психологически понятное стремление автора романа в своей идеальной общине выдвинуть на передний план именно эти стороны жизни. При научно-организованном производстве в икарийской коммуне труд потерял свой утомительный и однообразный характер, сделался привлекательным и, благодаря применению нанусовершенствованной техники машин, стал кратковременным. Светлые и чистые национальные мастерские Икарии похожи скорее на торжественные молитвенные дома, время от времени оглашаемые бодрыми и стройными песнями рабочих и работниц, чем на мастерские. Организация общины простирается до того, что ученым, стоящим во главе коммуны, предоставлено назначать время приема пищи, устанавливать род пищи, определять форму и покрой костюма и т. п. Всеобщая и строгая регламентация образования только в деталях дополняет общую картину. Общая же религия идеологически спаивает всю икарийскую общину в одно крепкое и организованное целое.

Припомнив то анархическое состояние, в котором находилось французское (да и вообще все европейское) хозяйство, станет понятным, почему автор романа так много внимания уделил именно организационной стороне дела. Организация производства, привлекательный труд, материальная обеспеченность рабочего и научная организация труда были теми лозунгами, за которыми особенно охотно шла беднейшая и угнетенная часть трудящегося европейского общества. Икарийская коммунистическая община по своему устройству и по своему внутреннему распорядку представляла полный контраст тому обществу, в котором работал и страдал европейский пролетариат. Икария—утопия, но утопия в духе пролетарских идеалов, чем и объяснялись огромный успех и по-

пулярность этой книги. Однако и Кабэ, несмотря на весь свой радикализм, подобно другим утопистам, все же не мог выйти из рамок и условий своего времени. В его системе главную организующую роль играет религия. Та роль, которую при Реставрации и при Июльской монархии играла католическая церковь, дала знать о себе и в фантастическом романе Кабэ. Созывом собора из священников, профессоров, моралистов, философов, ученых, писателей начал свою замечательную реформу государства Икар. Первое, что выполнил этот собор, была выработка новой религии. Атеизм же и вольнодумство искоренялись страшными карами.

Революцион-
ный комму-
низм.

Совсем по иному смотрели на вещи коммунисты-революционеры. В лондонском «Коммунистическом Журнале» от 1847 года говорилось, что освобождение трудящихся может быть достигнуто не иначе, как «путем коренного преобразования современных отношений собственности, что может осуществиться лишь в обществе, построенном на принципах коммунизма». Свое обоснование эта точка зрения нашла в знаменитом «Коммунистическом Манифесте» Маркса и Энгельса. В «Коммунистическом Манифесте», изданном за несколько месяцев до Февральской революции, в сильных и гибких, словно граненых формулах, выражены те настроения и те идеалы, которые смутно, но зато упорно начинали появляться в поле сознания пролетариев всех стран и всех народов. Интернациональный характер «Коммунистического Манифеста» согласовался с интернациональной природой пролетариата, но в своем анализе общественных отношений Маркс предвосхитил свое время. «Коммунистический Манифест»—одновременно боевой клич и библия пролетариата, его социально-политическая философия и, кроме того, один из первоклассных памятников мировой литературы.

«Манифест коммунистической партии» открывается констатированием факта начинающегося разложения Европы и распространения коммунизма: «Призрак ходит по Европе, призрак коммунизма! Все силы старой Европы соединились для священной травли этого призрака, папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские».

Всю историю развития человеческих обществ авторы Манифеста понимают, как непрерывную историю борьбы

классов. «Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако, тем, что упростила классовые противоположности. Все общество более и более разделяется на два больших, друг другу противоречащих класса: буржуазию и пролетариат».

«Современная государственная власть—не более, как комитет, управляющий общественными делами всего буржуазного класса». Но в самом буржуазном обществе, однако, происходят изменения в орудиях труда, нарушающие правильность взаимоотношений между различными элементами буржуазного общества: «Буржуазия не может существовать без того, чтобы не производить постоянных революций в орудиях производства, следовательно, и в производственных отношениях, и, следовательно, и во всех общественных отношениях. Но чем больше дезорганизуется буржуазия, тем соответственно больше организуется пролетариат.

В результате мощного развития машинного производства и скопления капитала в немногих руках общественные группировки упрощаются, и в конце концов, остаются, принципиально говоря, два враждебных друг другу класса,—буржуазия и пролетариат». Классовая борьба—по существу дела—борьба политическая и насильственная. И потому коммунистическая партия, являющаяся истинным носителем идей и защитником интересов пролетариата, не скрывает необходимости насильственного или революционного переворота в конечном итоге в интересах всего общества и даже всего человечества: «Коммунисты считают позором утаивать свои взгляды и намерения, они заявляют открыто, что их цели могут быть достигнуты лишь насильственным переворотом всего существующего общественного порядка».

Таким образом к февралю 1848 г. пролетариат не только сознавал все различие своих собственных интересов и интересов буржуазии, но уже имел в форме «Коммунистического Манифеста» определенную социальную философию и программу действий. Вся беда заключалась лишь в том, что в половине истекшего столетия пролетарские массы, горевшие страстью борьбы и уверенные в своей конечной победе, не имели должной боевой организации и необходимого во всяком серьезном деле опыта. Это обстоятельство и предопределило исход междоусобной войны труда и капитала на общеевропейском фронте.

2. Индустриальная Англия.

Англия первой половины XIX века в общем развивалась в том же направлении, как и Франция. Поэтому, вследствие сходства условий, английская история этого периода выдвигает те же самые социологические проблемы, которые были поставлены в предшествующей главе. Такова, напр., проблема создания крупных состояний, обнищания широких масс, борьбы за государственный аппарат, расширения политического господства средних классов и т. д.

Кризис пер-
вых десяти-
летий XIX в.

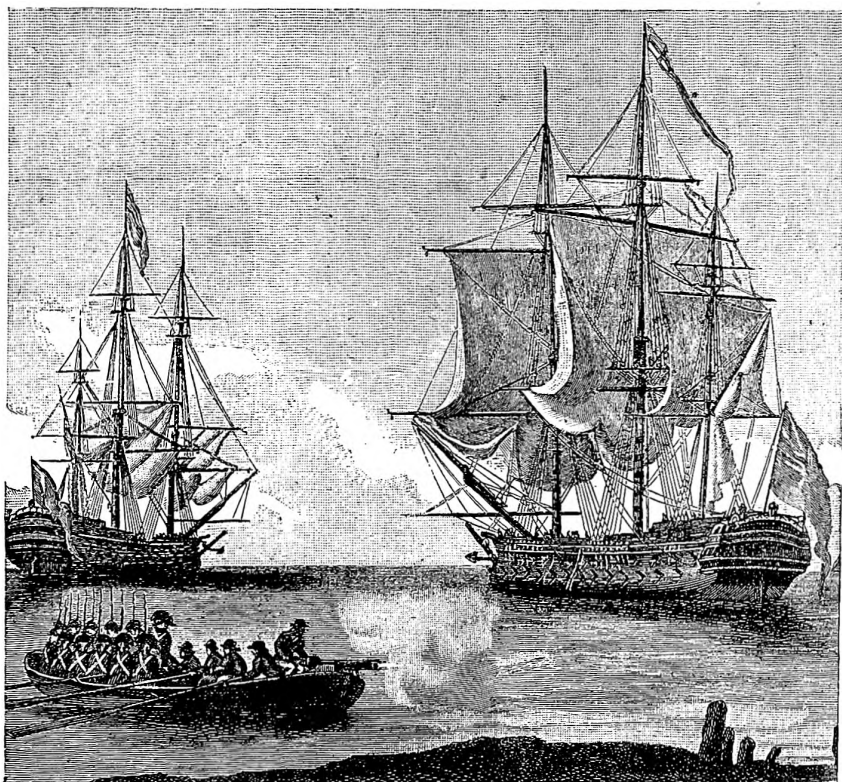
Последние годы XVIII и первые десятилетия XIX вв. для Англии были тяжелыми годами торгово-промышленного застоя и финансовой депрессии. Если Англия из континентальной войны и вышла победительницей, то эта победа пришлась ей дорогой ценой. Расстройство народного хозяйства Англии в этот период подтверждается самыми разнообразными фактами. Так, государственный долг, равный перед войной 1792 г. 20 миллионам, к 1814 г. поднялся до 160 миллионов, а в 1815 одних процентов по государственным займам уплачивалось более 32 миллионов, не считая при этом расходов на Ирландию. В виду крайне напряженного положения, пришлось обратиться к экстраординарным мерам: повышению налогов, акцизов, налогов на наследства, роскошь, произведения печати, повышению цен на чай, кофе, соль, спиртные изделия и даже к введению подоходного налога. Особенно серьезно было положение с хлебом. Вследствие чрезвычайно быстрого роста городов в Англии уже в 90-х годах XVIII столетия не стало хватать собственного хлеба и потому пришлось перейти на потребление привозного, в частности русского хлеба. До войны конкуренция привозного хлеба не расстраивала национального земледелия. Открытие же военных действий, и особенно установление Континентальной блокады, дало новый импульс к расширению туземного земледелия. Во время войны с Наполеоном английское правительство всеми мерами поощряло аграриев и направляло капиталы в сельское хозяйство. Таким образом, благодаря правительственной поддержке и целому ряду искусственных мер, в деревне возникло много дутых предприятий спекулятивного характера. Только высокая цена на хлеб вызывала и поддерживала эти предприятия. Но положение вещей резко изменилось с за-

ключением мира и появлением в британских портах флотилий с иностранным хлебом: Положение сельского хозяйства сразу стало катастрофическим: цена пшеницы с 155 шиллингов за квартал, стоявшая на рынке в 1812 г., слетела до 66 шиллингов. При создавшемся положении вещей перед парламентом вставал грозный вопрос: разрушить национальное земледелие, открыв свободный ввоз балтийского хлеба, или же установлением высоких ввозных пошлин еще более усилить нужду малообеспеченных классов. После бурных прений, парламент принял точку зрения аграриев и в 1815 г. установил высокие пошлины на привозной хлеб. Таким образом, вотированием хлебного закона спасли национальное земледелие, но достигли этого ценой большого обременения городского населения. В течение первой половины XIX в. билль о хлебном законе, можно сказать, почти не сходил с парламентской трибуны, вплоть до его отмены в 1846 г.

Против закона 1815 г. особенно ратовала так называемая манчестерская школа. Политико-экономы манчестерского направления настаивали на отмене хлебных пошлин, выгодных для одних аграриев. Фабриканты и рабочие,—говорили они,—терпят разорение, промышленность сокращается, заработная плата падает, а качество хлеба все понижается. Голоса манчестерцев особенно резко звучали около 1836 года; на этот год падает торговый кризис в Америке, повлекший за собою закрытие ряда производств. В 1838 г. семь манчестерских фабрикантов образовали даже особую «лигу против хлебных законов» (*Anti corn law league*) и повели в этом направлении широкую агитацию. Вдохновителем лиги и вообще душой всего манчестерства был разбогатевший портной Ричард Кобден.

Хлебный закон, прямые и косвенные налоги, расстроенная промышленность, внушительная армия безработных, выросшая еще от притока демобилизованных солдат и матросов, и появление на рынке более дешевых иностранных фабрикатов,—такова приблизительно картина английской жизни начала истекшего столетия. Надо было искать выхода. Выход подсказывался сам собою. При слабой покупательной способности внутреннего рынка из катастрофического положения вывести могло единственно приобретение мощного иностранного рынка. В эту сторону и направили свое внимание государственные деятели Англии. Кажется, никогда

английская дипломатия не была так виртуозна, как именно в это время. Дело доходило до того, что даже торийские министры (Пиль, Каннинг) превращались в либералов и произносили горячие речи (речи) против деспотизма турецкого султана и жестокого обращения испанцев и французов с «черной слоновой костью», т.е. с рабами-неграми. К двадцатым годам международный рынок стал оживляться,

Английский флот начала XIX в.

и Англия начала выходить из состояния кризиса. Но темп хозяйственного развития все время оставался неровным; за подъемом немедленно следовал кризис, сопровождавшийся многочисленными банкротствами и наносивший тяжелый удар торгово-промышленному населению.

Оживление
20-х годов.

1823 г. закончилась война Франции с Испанией, и под непосредственным давлением английской дипломатии испанские

колонии объявлялись свободными. Преувеличенное представление о богатствах этих стран создало необычайное оживление на европейских и прежде всего на английских биржах; свободные капиталы в большом количестве устремились во вновь открытые страны. Заманчивая перспектива легкого и скорого обогащения вызвала спекулятивную горячку. С поразительной быстротой по всей Англии возникали одно за другим акционерные общества; на покупке и перепродаже акций во множестве возникавших акционерных компаний (Бразильской, Колумбийской, Англо-Мексиканской и многих других) биржевые маклера и дельцы наживали по тысяче и более процентов. За биржевой игрой не замедлила последовать промышленная игра, выразившаяся в постройках и расширении фабрик и заводов. Особенно поспешно вырастали хлопчатобумажные фабрики. За один 1824/25 год ценность вывоза хлопчатобумажных фабрикатов поднялась с 1509 тысяч до 3596 тысяч фунтов стерлингов.

Как раз именно к этому времени относится широкая деятельность банкирского дома Ротшильдов, начавших свою деятельность (еще при Наполеоне) ссудой денег нуждавшимся правительствам: Австрии, Пруссии, России, Франции. Правительственные займы послужили тем первоначальным фондом, который впоследствии был увеличен биржевыми спекуляциями.

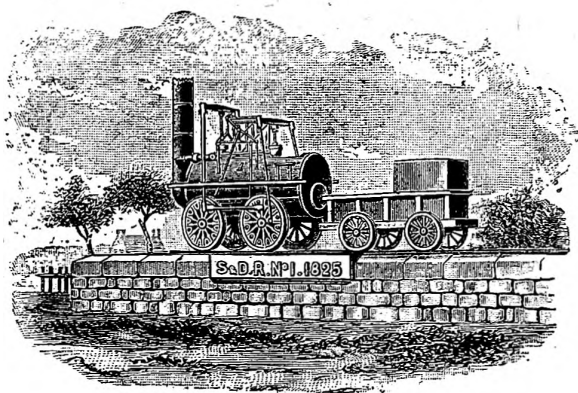
Новый прилив коммерческой энергии, наступивший после заминки 1825/26 г., был вызван отливом капиталов в Северо-Американские Штаты в связи с открывшейся там в 30-х гг. земельной спекуляцией. За несколько лет в Соединенных Штатах на европейские деньги было основано больше 60 банков, с золотым фондом приблизительно в 52 миллиона. Параллельно с этим, на английской бирже заключались земельные сделки. Так, в 1834 г. испанское и португальское правительство заняли у английских банкиров большую сумму денег для приобретения земель в Америке и для увеличения армии. Англия 30-х годов XIX века во многом напоминала Голландию эпохи ее расцвета. Страсть наживы в эти годы охватывала все слои английского общества. «Нельзя прочесть газеты, биржевого листка или прейс-куранта, чтобы не встретить объявлений об учреждении новых акционерных обществ», — писал один современник. «Я, — заявлял

Земельная
спекуляция.

в мае 1836 г. в палате общин министр торговли Томсон,—счел своим долгом составить список различных акционерных обществ и их основного капитала. Оказалось, что число их равняется 300 или 400, а номинальный капитал достигает почти двухсот миллионов. Большинство этих обществ устраивается спекулянтами, желающими с выгодой перепродавать свои акции».

Железнодорожная спекуляция.

В 40-х годах, после ослабления северо- и южно-американского рынка, свободные английские капиталы и фабрики устремились на европейский рынок и на Дальний Восток. Вывоз в один только Китай за 3 года с 1842—45 гг. поднялся с 969 до 2495 тысяч фунтов. Другим важным источником наживы английских, как и французских, банкиров и предпринимателей была постройка обширной сети железных

Локомотив Стефенсона.

дорог. Постройки сплошь и рядом, кроме выгоды частных лиц и акционерных обществ, не оправдывались никакими другими соображениями. В конце 40-х годов железнодорожная спекуляция разрослась до пределов настоящей мании. Пока число лиц, желавших спекулировать, увеличивалось, цена акций росла, но как только приток денег замедлился, началась настоящая паника, кончившаяся печально для большинства вкладчиков.

Открытие россыпей.

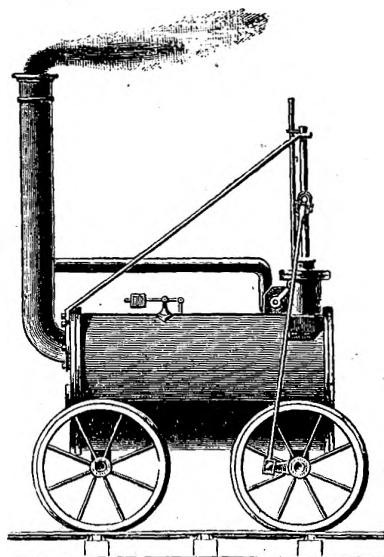
Не успела еще окончиться железнодорожная мания, как лондонская биржа оживилась и заволоновалась под влиянием слухов об открытии золотых россыпей в Калифорнии и Австралии. На время калифорнийское и австралийское золото ослабили депрессию. Вновь открытый австра-

лийский рынок поглощал значительное количество английских фабрикатов, залеживавшихся за насыщением других рынков. За одно десятилетие с 1851—61 гг. английский экспорт в Австралию вырос в 10 раз.

Однако, несмотря на частые кризисы, в общем в Англии первой половины XIX века имелись налицо все условия, благоприятные для развития крупной промышленности. Рост торгово-промышленной городской Англии, начавшийся задолго до Французской революции, после Венского Конгресса пошел особенно быстрым темпом. В известном отношении война даже

Рост крупной промышленности.

импульсировала промышленность. Широкое применение пара, быстро следовавшие одно за другим технические усовершенствования, применение механических станков и минеральное топливо делали свое дело. Цифры дают представление о факте роста великобританской обрабатывающей промышленности. Так, выработка хлопка в период 1819—1821 гг., равная 20 миллионам фунтов, за три года (с 1844 по 1847) поднялась до 580 миллионов при общей сумме английского вывоза, поднявшегося в 1841—

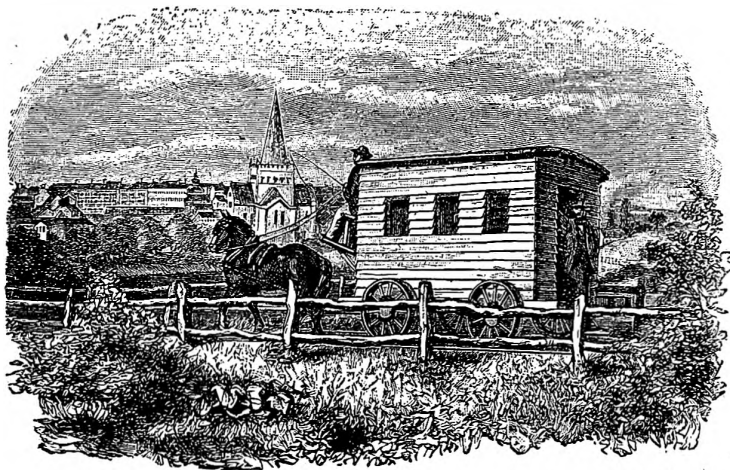
Локомотив начала XIX века.

1850 гг. до 132 миллионов, с 35 миллионов в период 1811—20 гг. В 1829 г. Стефенсоном была открыта первая железная дорога для перевоза пассажиров и багажа между Ливерпулем и Манчестером. Протяжение железнодорожной линии, равное в 1830 г. 130 милям, в 1850 г. поднялось до 1330, между тем как во Франции до 1853 года железнодорожная линия равнялась 400, в России в 1850 г.—50 милям. В 1820 г. Великобритания насчитывала всего лишь 34, а в 1848 г. под английским флагом ходило уже более 1000 паровозов. Около 1840 года на английских фабриках применялось около 620 паровых машин, между тем как во Франции—90, Бельгии—40, Германии—40 и Австрии—20. По применению пара и машин Англия в то время уступала толь-

ко одним Соединенным Штатам, в индустрии которых насчитывалось 760 паровых машин, длина рельсового пути (1835 г.) равнялась 197 милям, а число пароходов (1839 г.) превышало 700.

Рост городов.

На то же указывает и необычайно быстрый рост промышленных городов. Так, один из «черных городов» Англии, Бирмингем, в 1844 г. показал прирост населения приблизительно в 150 тысяч человек. В 1844 г. население Бирмингама равнялось 200 тысячам, а в 1801 г. оно едва доходило до 73 тысяч. Главной массой, увеличивавшей городское население, были фабричные рабочие. По данным статистики в одной бумажно-ткацкой промышленности за время с 1819 по

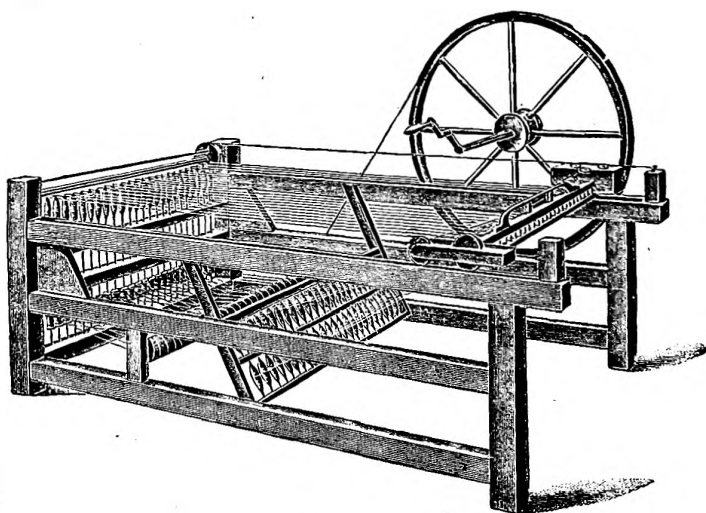
Первый железнодорожный вагон.

1821 г. число рабочих доходило до 100 тысяч человек. Резервуаром, пополнявшим кадры рабочих и безработных, попрежнему служила деревня. Эмиграция и огораживание общинных полей в XIX в. совершались особенно быстрым темпом. С половины XVIII столетия по 1805 г. в общей сложности было огорожено $4\frac{1}{2}$ миллиона акров, а за 30 лет, с 1801 по 1831 г.—4 миллиона.

Тип капиталиста.

Литературные памятники дают возможность ознакомиться не только с действующими силами, классовой борьбой и идеологией, но позволяют также нарисовать портреты людских экземпляров изучаемой эпохи. Образ задававшего в то время тон жизни капиталиста навеки запечатлелся в

произведениях писателей современников. В этом отношении неоценимую услугу историку культуры оказывают, напр. романы Диккенса. В романе Диккенса «Тяжелые времена» как раз и выведен тип капиталиста, достойного представителя трудового, энергичного, бережливого «среднего класса». В городе Коктоуне, насквозь пропитанном зловонным воздухом и всегда затянутым серым дымом фабричных труб, где машины, котлы, улицы, дома, люди,—все, как две капли воды, похожи друг на друга, у человека одна единственная забота: добыть капитал и сделаться богатым. Город, где нет эстетики, где не встают, за неимением досуга, вечные вопросы бытия, где, наконец, люди не уважают и не ценят, а лишь

Прядильная машина „Дженни“.

эксплуатируют один другого, и где «тюрьма удивительно напоминает больницу, больница тюрьму, городская дума, в свою очередь, могла назваться тем и другим вместе»,—требует от человека только одного: напряженной воли, и сухого, холодного практического расчета. Всё и во всем факты, факты, и факты. «Всюду царили факты,—как во внешнем устройстве города, так и во внутренней его жизни. Все, что не имело осязательной формы, что не приобреталось за бесценок на рынке и не продавалось втридорога,—все это энергически изгонялось из основательного и строго-практического города Коктоуна». Нетрудно себе представить, какой

социально-психологический тип должен был создаться в этом деловом, математически расчетливом и бессердечном городе Коктоуне. Мистер Бондерби, ныне знаменитый капиталист и всеми превозносимый человек, патриот и отец семейства, родился в канаве, воспитывался в свином хлеву; Бондерби не знал никакой школы и не получил никакого образования, но он неуклонно методически поднимался по иерархической лестнице жизни, пройдя длинный и тернистый путь от дворника через фермера, клерка, писца, управляющего вплоть до крупнейшего фабриканта Англии, обладателя колоссального состояния. Психология и философия мистера Бондерби до чрезвычайности просты, элементарны, но зато очень выразительны, а главное, практичны. Железная воля и крепкие нервы—вот основы бытия, по философии Бондерби. Если вам нужны люди с железными нервами и крепкими кулаками, я к вашим услугам,—острит вновь испеченный аристократ. По философии Бондерби, весь мир правильно делится на два слоя: бедных и богатых. Первые, как слабые люди, суть прирожденные рабы, а вторые—владыки мира, люди сильные, а потому и уважаемые. Направив все свое внимание исключительно на практическую приобретательскую сторону жизни, Бондерби не оставил в своей психике ни одного уголка для чувства, фантазии или отвлеченной мысли; ему понятны, близки и дороги одни городские трубы, копоть и серый дым этих труб, шум колес, гарь и мертвый воздух длинных, длинных фабричных корпусов. «Если кто-либо,—раздражается Бондерби,—начнет толковать мне о чувстве, о воображении или фантазии, то я отвечу, что все это ложь и меня этим не надуешь. Под этими высокими словами подразумевается суп из черепахи, жаркое из дичи, золоченые ложки и карета шестерней».

Таков же, как и сам Бондерби, его тесть Грандгринг; он также человек крепких нервов, стальной воли, сторонник делового языка фактов и обожатель статистики. Высшим доказательством в глазах Грандгринга, как и Бондерби, является прежде всего статистика и факт, ибо только точные арифметические исчисления и статистические выкладки показывают наличность счетов, состояние баланса, доходов и расходов.

Обнищание
населения.

Чем сильнее развивалось фабричное производство и чем больше скоплялись капиталы в немногих руках, тем все резче развертывалась пропасть между бедностью и богат-

ством. Тысячи семей заложили всё свое имущество и продали всю свою одежду и утварь, чтобы купить хлеба, а другие всё распродали и уехали в Америку. Никто не мог запомнить такой голодовки и нищеты. Одна большая фабрика, имевшая до 1000 рабочих, совершенно закрылась, и не было надежды, чтобы она возобновила работу... «Безработица с каждым днем все повышается»,—писала в сентябре 1841 г. радикальная газета «Северная Звезда». Много жутких страниц посвящено описанию быта рабочих и в известной книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Один современник, автор в свое время популярной книги «Англия и Америка», использованный Энгельсом,—Уэкфильд,—даже склонен был думать, что положение американских рабов значительно лучше положения английских индустриальных рабочих. «Английский бедняк,—писал Уэкфильд,—терпит почти все бедствия рабства и не наслаждается ни одной его выгодой: он не свободный человек и не раб, он—паупер. Если в Америке жестоко эксплуатируют рабов-негров, то там все же обращаются с ними, как с дорогим стоящим скотом, дают им досыта есть, укрывают их от непогоды, держат их в хорошем настроении духа и даже выводят их ребят прогуливаться на лужайку; всего этого нет и в помине у английских свободных рабочих, и поэтому с полным основанием можно сказать, что худший вид рабства существует в Англии».

Особенно тяжело было положение фабричных детей и подростков, эксплуатацию которых сделала возможным усовершенствованная машинная техника. Как правило, дети имели дурную наследственность, и сплошь и рядом работали на фабриках и в мануфактурах по пятнадцати, шестнадцати и восемнадцати часов. Поэтому естественно они очень скоро изнашивались, становились преждевременными стариками, и истощенные условиями жизни умирали в раннем возрасте. «В большинстве случаев,—говорилось в одной парламентской анкете,—физическое развитие детей очень серьезно пострадало под совокупно вредным влиянием подобной преждевременной работы, длины рабочего дня и недостаточного количества питания и одежды; в большинстве они кажутся удрученными, хрупкими, имеют бледный цвет лица и болезненный вид, малорослы и производят впечатление поколения со слабыми физическими силами. Болезненное явление органов питания, искривления и вывихи позвоночника, изуро-

дование членов и болезнь легких, кончающаяся истощением и чахоткой,—обычные спутники рабочих подростков.

Хуже всего приходилось ткачам, суконщикам и чулочникам, лишившимся последнего своего заработка вследствие непосильной для них конкуренции с крупным фабричным производством. «Что касается до ткачей,—писал корреспондент «Северной Звезды»,—то они уже так давно находятся в состоянии нищеты, и нам уже приходилось так часто указывать на это, что на этом пункте не стоит даже и останавливаться. Нужда теперь принимает всеобщий характер».

Социальные
утопии и про-
екты.

Резкие социальные контрасты и повышенное настроение рабочих масс возбуждающим образом действовали на впечатлительные умы современников, породив целый ряд проектов улучшения положения трудящихся. Что создавшееся положение вещей ненормально и опасно—не вызывало сомнений даже у людей, сравнительно далеко стоявших от общественной жизни. К числу людей, сознававших всю ненормальность современного положения, но при изыскании средств исправления обращавшихся не к будущему, а к прошлому, принадлежал Томас Карлейль. Сочинения Карлейля в общем обзоре Англии заслуживают внимания потому, что в них удивительным образом сплетались все противоречия его переломной эпохи: неудовлетворенность настоящим, страх перед грозным, но неминуемо следующим будущим, романтизм, простота и счастье в прошлом. Мистика и религия, как правило, в подобные переходные и напряженные периоды скорее всего захватывают именно таких людей, как Карлейль,—людей по своей природе тонких, чутких и впечатлительных, но по своему социальному бытию, воспитанию и привитой с детства идеологии глубоко выросших в старую почву. Такие люди безусловно, неудовлетворены настоящим, боятся будущего и поэтому охотнее всего идеализируют прошлое. Покайтесь и исправьтесь—вот, собственно говоря, сущность проповеди Карлейля.

«Печальной особенностью настоящего времени, говорит Карлейль, является механизация жизни и всеобщее поклонение маммоне. Религия нашего времени: мамманизм». Крепко выросший в условия английской жизни, пропитанный школьными традициями, и, сверх того, обвеянный средневековой романтикой, Карлейль все же чувствовал несправедливость

современной ему жизни. Он ощущал «грозные знамения времени», и напоминал правителям о неотложной необходимости реформ; он интуитивно улавливал причины бедствий, не выливая их в какую-либо определенную формулу. Карлейль, поэт и художник, остро чувствовал отрицательные стороны машин и капитала и не мог спокойно переносить того, что спины людей сгибались под тяжестью нищеты и что «человек, подчинивши себе нашу планету, сам не пользуется плодами своей победы». Какая печальная картина!—воскликает Карлейль. На самой высокой ступени цивилизации $\frac{9}{10}$ человеческого рода обречены на вечную борьбу с голодом средствами, которые в ходу не только у дикарей, но и у хищных животных.

В общем правильно подметив разрушительное действие машин и капитала, Карлейль однако ослабил свою критику указанием на «роковую основу» народного протеста (чартистов), корни которого далеко уходят и в ширь, и в глубь. «Не вчера это началось, кончится также не сегодня, и не завтра». Отсюда его пессимизм и уклон в сторону Средневековья, которое в противовес несущемуся к гибели настоящему, идеализируется всеми богатыми средствами недюжинного художественно-литературного таланта Карлейля. В этом отношении особенно показательное написанное в 1843 г. «Прошедшее и настоящее». На темном фоне современности Карлейлю рисуются великие люди Средневековья и «мощные фигуры» пап. «История учит,—говорит Карлейль,—что движущей силой общественного прогресса являются сильные личности; не общество ведет личность, а личность руководит обществом». Таким образом создавались культ личности и героизация истории. Образцом героизации может служить книга Карлейля о Кромвеле или, еще лучше, в свое время сильно нашумевшая его «Французская революция». К культу личности в каждом из названных произведений присоединяется еще мистический налет, придающий всему изложению таинственность и чудесность. «Герой—это вестник, посланный нам из глубины таинственной бесконечности... Он является из внутренней сущности вещей. Он живет в ней и должен жить в ежедневном с ней общении»... и пр.

Не менее отрицательно и пессимистично на положение вещей смотрел и первый английский «социалист-утопист»—Роберт Оуэн (1771—1858 гг.), богатый филантроп, владелец

Теория Роберта Оуэна.

бумаго-прядильной фабрики в Нью-Ланарке. Оуэн подметил главную особенность своего века — машину. Первым следствием новых технических условий, созданных машинами, — явился рост частных богатств, давший новый импульс к изобретению. Одно техническое усовершенствование порождает другое. Техническое усовершенствования в немного лет не только были применены на мануфактурах Соединенного Королевства, но ревниво заимствовались и другими странами Европы, а также и Америки. Без высокого технического прогресса, т.е. без широкого применения машин и без концентрации капиталов, англичанам никогда не удалось бы сломить Наполеона. Но до сих пор скорее сказывались отрицательные, чем положительные стороны машинного и крупно-промышленного производства. Машины создали колоссальные состояния, в громадное число раз увеличили ежегодное производство продуктов, повысили культуру, создали неслыханные культурные ценности и богатства, но машины не увеличили покупательной способности рабочего. Машины создали монополию, и рабочие «благодаря этому стали простыми рабами невежества и произвола этих монополистов, находясь в гораздо более безнадежном и бедственном состоянии, чем они были до того, как имена Уатта и Акрайта стали известны в Англии». Успехи наук и окончательная победа машин скоро совсем обесценят человеческий труд и приведут к неизбежной социальной катастрофе.

До сих пор все наши блестящие усовершенствования в искусстве и науках своим прямым и наиболее ярким последствием имели деморализацию общества. Основной порок современного общества состоит в том, что «машина, которая могла быть сделана величайшим благом для человечества при существующих условиях стала его величайшим проклятием»; но если бы этой магической силе (*magio power*) дать другое, более правильное приложение, то и результат ее действия для всего общества был бы совершенно иной. В настоящее время положение самого передового в Европе английского общества более, чем печально. Число фабрик и заводов непрерывно растет, увеличиваются кадры рабочих, но, вследствие переизбытка товаров при малой покупательной способности населения, свирепствуют жесточайшие экономические кризисы, потрясающие страну в самых ее глубочайших основах. Надо, следовательно, как-

то урегулировать необходимое соотношение между производством и потреблением.

Теперешнее состояние Британской империи становится поистине угрожающим, ибо, «несмотря на обладание ею в изобилии всякого рода богатством и средствами, необходимыми для бесконечного его развития, миллионы ее наиболее промышленного населения в мире страдают более от бедности и страха ее, чем какой-либо другой народ или нация». Одновременный рост народного самосознания и агитационное возбуждение в Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе верные симптомы надвигающейся социальной катастрофы. «Если правительства всего мира,—писал Оуэн в «Воззвании к пяти великим державам Европы и Америки»—не почувствуют грозности положения и не введут рациональной системы производства и распределения, то очень и очень скоро придется встретиться лицом к лицу с социальной революцией, настолько непреодолимой, что не найдется на земле такой силы, которая могла бы приостановить ее или замедлить ее наступление. «Революция эта будет осуществлена или посредством разума или посредством насилия над обществом при всеобщем духовном прогрессе и при чрезвычайных бедствиях для многих».

По мнению Оуэна, есть один только выход из создавшегося грозного положения: повысить заработную плату рабочих и устранить искусственное орудие обмена, т.е. деньги, заменив его «естественным мерилom ценности». «Это сразу удалит задержку, парализующую промышленность страны, а опыт показывает, что этот результат не может быть достигнут никакими иными средствами». Под «естественным же мерилom ценности» Оуэн разумел трудовое мерило ценности. «Человеческий труд, таким образом, приобрел бы свою естественную или внутреннюю ценность, которая возрастет по мере прогресса науки, стремящейся к осуществлению полезных целей». Однако, как об использовании машин в интересах всего общества, так точно и о введении трудового мерилa ценности, речь может быть только при одном условии, именно при отказе от принципа индивидуализма и свободной конкуренции и замене ее принципом социальной гармонии. «Если бы вашим знаменитым экономистам, считающим краеугольным камнем принцип индивидуального интереса, стали известны удиви-

тельные последствия согласования и единения, они признали бы, что нынешний строй общества есть самый антисоциальный, нецелесообразный и иррациональный, какой только можно себе вообразить, что под его влиянием все высшее качество человеческой природы подавляется с самого младенчества и пускаются в ход самые неестественные средства, чтобы вызвать вреднейшие наклонности».

Практиче-
ская деятель-
ность Оуэна.

Положительная особенность учения Оуэна (как и континентальных утопистов), это—соединение теории с практикой. Они прекрасно понимали, что теория, не одухотворяемая живой жизнью, пуста, и, наоборот, практика, не направляемая и не руководимая теорией, в качестве организующего принципа, слепа. Отсюда их постоянное стремление сочетать воедино теорию и практику. Организации всякого рода коопераций, производительных ассоциаций, трудовых братских общин, «справедливых базаров труда», банков, национальных компаний и пр., хотя и терпели фиаско, но тем не менее сыграли большую историческую роль, показав будущим поколениям путь дальнейшего коллективного строительства и сотрудничества. Оуэн поставил замечательный опыт на своей хлопчато-бумажной фабрике в Нью-Ланарке и в этом отношении дал толчок последующей европейской мысли. Опыты Оуэна, несмотря на все неудачи и разочарования в «моральной природе человека», не заглохли и в тех или иных комбинациях повторялись в течение всего девятнадцатого столетия. Практическая деятельность Оуэна необычайно широка и разнообразна. То он со всем усердием идеалиста уходил в дело просвещения рабочих на своей хлопковой фабрике, то устраивал образцовые рабочие общежития, то всецело отдавался устройству производительных коопераций. После многочисленных частных опытов в сознании нью-ланарского фабриканта (Нью-Ланарк около Глазго) возникла мысль об устройстве производительной кооперации на девственной почве Америки. С этой целью он купил в Америке участок земли и поставил опыт большого кооперативного предприятия.

Английское рабочее движение до 1848 г. в значительной мере проходило под знаменем оуэнизма. Оуэнисты и прежде всего сам Оуэн приняли деятельное участие в парламентских работах в период от 1802 по 1842 гг. В 1815 г. под их влиянием сложился Комитет десятичасового рабочего дня, в три-

дцатых годах превратившийся в Комитет восьмичасового рабочего дня. В 1831 г. оуэнисты устроили народный дом в Бирмингеме, в следующем учредили биржу социалистического обмена и, наконец, в 1833 г. по их инициативе созданся «Общий союз производительных классов». «Общий союз» уже в то время насчитывал больше полмиллиона членов. С «Общим союзом» были связаны союзы отдельных отраслей производства, «Союз хлебопашцев», «Союз жнецов», «Союз земледельческих рабочих», «Ложка портных», «Кооперативные ложки вязальщиков» и др. Автор книги «Жизнь, время и работа Р. Оуэна» — Джонс — поражается той огромной деятельностью, которую развили английские социалисты-оуэнисты. В связи с высокой оценкой практически-организационной работы Оуэна, становится понятным, почему председателем первого конгресса английских рабочих союзов (трэд-юнионов) был избран именно социалистически настроенный кооператор Роберт Оуэн.

Консервативный социализм Оуэна и Карлейля находил сочувствие в кругах старой либеральной буржуазии, понимавших всю серьезность положения и потому внимательно прислушивавшихся к проповеди мирного обновления. Долгая практика жизни убеждала этих людей, что для сохранения существующих порядков необходимо, прислушиваясь к голосу трудящихся масс, идти на некоторые компромиссы. Совершенно другое впечатление производят рассуждения ученых теоретиков, выражавших настроение активной, т. е. особенно хищной буржуазии. Теоретик-активист брал какую-нибудь одну идею и старался довести ее в своих рассуждениях до логического конца, не заботясь о ее практических следствиях. Среди теоретиков буржуазного лагеря, начиная с 20-х годов и в течение всего XIX века, наибольшим авторитетом пользовались Роберт Мальтус и Давид Рикардо. Рассуждения Мальтуса и Рикардо подкупали, с одной стороны, привлекательностью развиваемой ими идеи, а с другой — логической стройностью и блеском изложения. Мальтус и Рикардо — классовые идеологи буржуазии, в собственном смысле слова, и в этом заключается вся их культурно-историческая ценность. Читая «Опыт о принципах народонаселения», Мальтуса и «Принципы политической экономии» Рикардо, не возникает сомнения ни в смысле ни в цели этих произведений. По одним сочинениям

Социальная философия активной буржуазии.

Мальтуса и Рикардо хороший историк мог бы восстановить динамику, стиль и облик эпохи. Роберт Мальтус .-(1766—1834 гг.), священник аристократического прихода в графстве Сэрри, а впоследствии профессор новой истории и политической экономии в колледже, основанном Ост-Индской компанией, известен своим сочинением, озаглавленным «Опыт о принципах народонаселения» (1798 г.). Его апология существующего строя и перенесение вины за нищету и страдания на самих же неимущих встретила горячий прием среди капиталистов, недавно выступивших на историческую сцену.

По мнению Мальтуса, размножение человеческого рода управляется тем же законом, действию которого подвержено размножение всех органических существ вообще. Инстинкт размножения настолько силен, что его можно считать безграничным. Единственным регулятором безграничного размножения является ограниченность средств пропитания. С одной стороны, с ужасающей быстротой происходит рост предоставленного самому себе населения, а с другой—относительно медленное, в связи с убывающим плодородием почвы, умножение средств пропитания. Возможное размножение человеческого рода Мальтус выразил в формуле геометрической прогрессии, а рост производства в арифметической. Это несоответствие между естественным законом размножения населения и увеличением средств существования является истинной причиной народных бедствий и единственной причиной нищеты, ибо в каждый данный момент существует больше людей, чем необходимых средств. «Человек, появляющийся в мир, уже занятый другими людьми, не находит для себя места на великом пиру природы. Природа повелевает ему сгинуть и не замедлит привести свою угрозу в исполнение». На основании таких соображений Мальтус приходит к заключению, что существующий строй не может быть изменен. Народные бедствия не им созданы и не в его власти их устранить. Какие бы меры ни были приняты для облегчения участи бедняков, они ни к чему не приведут, так как всякое улучшение существования неимущих повлечет за собою увеличение населения, т.е. опять-таки создаст несоответствие между потребностями и средствами их удовлетворения. В области практических мероприятий Мальтус требовал отмены закона о бедных и был ярким противником увеличения заработной платы рабочим. Он полагал, что низкий уровень заработной

платы показывает только одно, что общество не нуждается в таком количестве рабочих, которое имеется налицо. Единственное предупредительное средство обнищания масс Мальтус усматривал в подавлении инстинкта размножения или в «нравственном обуздании». Воздержание от брака,—вот в чем заключается возможность рабочего класса улучшить свое положение. Рабочие должны понять, что вступая в брак они подвергают себя нищете, и общество в таком случае не только не обязано, но и лишено возможности им помогать. «Если эти истины будут усвоены, то низшие слои населения станут более миролюбивы и послушны; тогда они не так легко будут готовы к возмущениям, потому их труднее будет волновать соблазнительными и поджигательными книжками».

К не менее пессимистическим выводам о положении рабочего класса пришел и знаменитый основатель классической школы политической экономии банкир Рикардо. Происходя из голландской еврейской семьи, Давид Рикардо с ранних лет был посвящен своим отцом—маклером во все тайны банковых махинаций. Вступив на жизненный путь и занявшись банковыми операциями, он нажил в скором времени огромное состояние (до 40.000.000 фр.). Поводом к занятиям экономической наукой для Рикардо послужило обесценение денег, вызванное войной с Францией. В дальнейшем от работ, посвященных банкам и кредиту, он перешел к выяснению основных вопросов политической экономии, изложенных им в «Принципах политической экономии», (1817 г.) Рикардо, в противовес своим предшественникам, основную задачу политической экономии усматривал в установлении законов распределения (рента, плата, прибыль), а не законов производства. «Определить законы, управляющие распределением—вот основная проблема политической экономии». В соответствии с «законом народонаселения» Мальтуса и развитой им теорией ренты, (по которой стоимость земледельческих продуктов определяется стоимостью их производства на худшем участке земли) Рикардо пришел к выводу, что заработная плата рабочих не только не будет повышаться, но, наоборот, скорее будет понижаться. Рабочий окажется сдавленным с двух сторон. Рост числа пролетариев будет понижать заработную плату, а необходимость обращения ко всем менее плодородным землям вызовет про-

Рикардо.

грессивное вздорожание продуктов. Номинальная заработная плата может при этом увеличиваться, но реальная плата служащая мерилom благосостояния рабочего, будет иметь тенденцию к падению. «При естественном ходе развития обществ, заработная плата будет стремиться к падению постольку, поскольку она будет увеличиваться, быстрее, чем спрос на них». Единственным выходом для рабочего класса является воздержание. «Достаток и благосостояние бедных могут быть обеспечены только при условии, если они сами позаботятся об этом или если законодательство принудит сократить число браков между молодыми и непредусмотрительными индивидуумами». Рабочий класс всецело зависит от потребности индустрии. Как только рабочее население начинает перерастать эту потребность, то заработная плата падает ниже минимума необходимых средств существования. Английская действительность начала XIX столетия наводила Рикардо на самые печальные размышления. В природе общества, казалось ему, заложены глубокие неустранимые противоречия. Самое же резкое и досадное из этих противоречий—противоречие труда и капитала. Суть дела в том, что прибыль фабриканта может увеличиваться главным образом за счет рабочей платы. Поэтому, если рабочие будут слишком нажимать на предпринимателей, то исчезнет главная побудительная причина производства—нажива, и тогда индустрия не будет привлекать инициативу и, следовательно, пойдет под уклон. Окончательный вывод из этого Рикардо тот, что, раз конфликт и несправедливость заложены в природе общества, рабочие должны примириться с существующим, иначе все общество погибнет. Прибыль фабриканта не менее справедлива, и необходима, как и заработная плата.

Правительственная политика.

Взгляды реакционных писателей в значительной степени разделяли и официальные руководители английской политики. Королевское правительство, опиравшееся по большей части на торийское большинство парламента, в первые десятилетия XIX в. стояло определенно на консервативной точке зрения. Никаких уступок и никакой слабости! При открытии сессии 28 января 1817 г. глава исполнительной власти регент Георг в ответ на предложение реформистов заявил, что настоящую форму правления он считает совершеннейшей из всех ему известных государственных форм. Министр иностранных дел Каннинг, со своей стороны, предостерегал

парламент от каких бы то ни было уступок, ибо за малыми уступками всегда следуют большие уступки и неизвестно, чем в конце концов все это может окончиться. На народ эти речи производили самое неблагоприятное впечатление. Раздражение дошло до того, что в экипаж уезжавшего регента полетели камни. Встревоженные происходившим брожением верхняя и нижняя палаты в спешном порядке назначили тайные комиссии для исследования причин народного недовольства. В скором времени тайные комиссии сообщили, что вся страна охвачена волнением, и повсюду составляются заговоры. Под влиянием инцидента с регентом и сообщений тайных комиссий, парламент принял ряд экстраординарных мер, способных, по его мнению, восстановить нарушенное социальное равновесие. Главной из этих мер являлось введение исключительных законов и стеснение прав личности, чем так недавно еще возмущалась английская плутократия, возводившая неприкосновенность личности в научную догму. Первые два десятилетия XIX в. богаты исключительными законами. После тяжелого кризиса 1816 г., когда в стране стало подниматься революционное движение, парламент прибег к крайней мере—к приостановке основного закона Англии Habeas corpus. По этому закону администрации были предоставлены широкие полномочия. Арест налагался не только за действительное участие в «заговорах» против существующего строя, но также и за составление «мятежных сочинений» и даже за простое сочувствие заговорщикам, при чем, как сказано, существующий общественный строй объявлялся «наисовершеннейшим из всех когда-либо выпадавших на долю народов».

Более удачны были выступления английского правительства во внешней политике. Каннинг все свое внимание перенес на внешнюю политику. За границами Англии английский министр выступал либералом, настаивая на свободе испанских колоний и ратуя за освобождение Греции. Революционные брожения в мелких странах, по его расчету, должны были ослабить силу «Священного Союза» и предоставить свободу действий Англии. С этой же целью Каннинг высказался и за освобождение рабов-негров. Освобожденные негры, усвоившие европейскую культуру, должны были стать прежде всего потребителями великобританской индустрии. Либерализм во внешней политике последовательно привел к

либерализму и во внутренней. Став в 1827 г. во главе кабинета, Каннинг скоро убедился, что при данном положении вещей без компромиссов обойтись невозможно и потому пошел на сближение с влиятельной радикальной партией, занимавшей среднее место между обеими аристократиями¹⁾ и рабочими. В интересах этой группы он понизил пошлину на хлеб и внес билль об эмансипации (освобождении) католиков. Внезапная смерть оборвала работу Каннинга.

Радикально-
демократиче-
ская партия.

Радикальная партия появилась еще в XVIII столетии, как знамение широкого развития английской индустрии и торговли. По своей политической и социальной программе радикалы в одних пунктах соприкасались с правящей олигархией, а в других, близко подходили к рабочей партии. Первое время, когда рабочий класс еще не сложился и рабочая партия не занимала определенного положения в политике, радикалы, пользуясь поддержкой рабочих и мелкой буржуазии, играли видную роль, как в парламенте, так и вне его. Идейным вождем радикалов был Иеремия Бентам (1748—1832 гг.). Не представляя ничего оригинального в теоретическом отношении, Бентам поражал своим гигантским трудолюбием и последовательно проведенным демократизмом. В своих многочисленных сочинениях («Теория разумного законодательства», «Катехизис реформ» и мн. др.), Бентам неизменно развивал мысль о реформе парламента, о распространении избирательного права на всех умеющих читать, включая сюда и женщин, о равномерном распределении округов и т. п. Все мысли Бентама вращались около одной центральной идеи: демократизации страны. С крайней сухостью и фактичностью Бентам каким-то образом сочетал мелодраматичность и сентиментализм. Все эти качества вместе с проповедью утилитаризма (крайнего практицизма), сделали Бентама одним из самых популярных людей демократической Англии.

Первая пар-
ламентская
реформа.

Практическая деятельность сторонников Бентама развернулась во время борьбы за парламентскую реформу. Парламентский строй уже давно превратился в замкнутую корпорацию. С формальной стороны, парламент представлял всю денежную и землевладельческую аристократию, по существу же дела парламент являлся уполномоченным бюро нескольких фамилий, связанных друг с другом круговой

¹⁾ Земельной и денежной.

порукой и родством. Из этих фамилий выходила большая часть министров и первых сановников государства. Выработался даже особый порядок прохождения политической карьеры, нарушать который допускалось лишь в исключительных случаях. Образцом политического карьериста и парламентского деятеля может служить Роберт Пиль (1788—1850 гг.). Сын богатого фабриканта Пиль 21 года начал свою политическую карьеру с младшего секретаря колоний, затем сделался секретарем Ирландии, председателем комиссии по реформе банка, с 1821 г. занимал пост министра внутренних дел, а с 1834 г. был премьером. Отличительная черта Пия (типичная и для всех людей его круга) — «отсутствие гениальности, но ясность мысли», позволяла ему лавировать между консерваторами и либералами, склоняясь, смотря по обстоятельствам, то в одну, то в другую сторону.

Накануне реформы избирательная система представлялась приблизительно в таком виде. Пассивное избирательное право требовало 600 фунт. стерлингов основного дохода для представителей графств и 300 фунт. для городских представителей. Из общего числа 650 депутатов парламента 425 назначались правительством или же рекомендовались аристократическими корпорациями (напр., университетами). Богатые люди имели в парламенте забронированные места, которыми они распоряжались по своему усмотрению. «Гнилые местечки» к 30-м годам достигли полного расцвета: 75 мест имели не более 50 выборщиков каждое, а некоторые и совсем таковых не имели. Ольд-Зарум, например, состоял только из 5 домиков, Гапон превратился в заросший парк, Дунвич стоял на половине затопленный морем, и т. д. Взимание платы за политические права и обязанности исключалось обычаем. Такова картина парламента накануне реформы.

В 30-х годах на реформе избирательной системы сходились самые различные группы. Более других в удержании старой системы были заинтересованы лорды и верхи буржуазии, покупавшие у лордов избирательные округа. Большинству же купцов и фабрикантов Манчестера, Лондона и других городов действовавшая избирательная система казалась грубым пережитком прошлого. Ненормальность положения сознавали не только представители Сити, но также и сами руководители парламентского большинства. Еще в 1785 г. Питт предложил ассигновать крупную сумму на выкуп «гнилых

местечек» у их собственников. С окончанием же наполеоновских войн вопрос парламентской реформы сделался злобой дня. В 20—30-х годах, как сказано, за парламентскую реформу особенно сильно ратовала радикальная партия с Коббетом во главе, затем умеренно-либеральная фракция вигов, возглавляемая Росселем и поддерживаемая группой католиков, с О'Коннелем во главе. Радикальная и католическая партии предлагали: всеобщую и тайную подачу голосов, трехлетнюю, вместо семилетней, сессию, полное уничтожение «гнилых местечек» и др. Кампания за парламентскую реформу велась с необыкновенной энергией и настойчивостью: «Билль! все билль! и ничего, кроме билля!» И тем не менее, несмотря на весь пафос речей О'Коннеля и Коббета, большинство оставалось глухо к предложению оппозиции. Вопрос решили рабочие. Устояв перед красноречием оппозиции, парламентское большинство склонилось перед силой народных митингов. Июльская революция со своей стороны заставила задуматься противников реформы и в особенности ее вождя Роберта Пиля.

В конце концов, после долгих прений и давления на парламент извне, билль о реформе был принят большинством палаты. Радикальная партия добедила. Демократический характер билля выражался в распространении избирательных прав на всех домохозяев и нанимателей, плативших за квартиру не менее 10 фунтов. Победа же торгово-промышленного класса выразилась в предоставлении в парламенте 44 мест крупным промышленным центрам и, в частности, 8 мест Лондону. В общей сложности парламентская реформа 1832 г. увеличила число избирателей на 220 тыс. Реформа удовлетворила часть крупной буржуазии, но совсем не удовлетворила мелкую буржуазию и рабочих. Главное зло—подкуп—в полной силе оставалось и после 1832 года.

Расширением числа выборщиков и упорядочением избирательной системы, достигались две важные цели: во-первых, окончательно ликвидировалась система «гнилых местечек», неприятно напоминавшая о господстве феодальной знати, и, во-вторых, привлечением к управлению средней буржуазии создавался естественный барьер против напора снизу. В тех же расчетах и соображениях, как и избирательная реформа, был проведен школьный билль и затем реформа местного самоуправления. Либералам уда-

лось испросить у правительства 20 тысяч фунтов стерл. на дело народного образования; в дальнейшем правительственная субсидия школам была увеличена, и школа таким образом начинала терять свой былой клерикально-феодалный облик. С этого времени частные школы светского (буржуазного) направления определенно стали вытеснять прежнюю церковно-приходскую школу. Учреждение особого центрального комитета по школьным делам, введение школьной инспекции достаточно ясно показывали, что буржуазия, господствовавшая в то время экономически и политически, намеревалась поставить от себя в зависимость также и школьное дело. «Новые феодалы» инстинктивно понимали, что школа, как и парламент, является одним из методов организации умов и чувств в желательном направлении.

Избирательная реформа, не разрешившая главного вопроса, более всего волновавшего рабочих, т.-е. экономического кризиса, не нашла никакого сочувствия в рабочих кругах. Наивно думать,—писал один из рабочих вождей О'Брайенн,—что перенесение избирательных прав от аристократов к плательщикам десятифунтового налога что-либо изменит в положении рабочего класса. Либералы, как и аристократы,—не друзья, а враги народа; они пользуются вами в качестве слепого орудия до тех пор, пока у них нет избирательных прав, и вы, естественно, верите в это на основании тех либеральных мнений, которые вы слышите, и принципов, которые у вас на глазах эти люди защищают. Но теперь, когда битва благодаря вашей помощи выиграна, и либералы у власти, то вы им уже не нужны; ваши пути теперь уже разошлись в разные стороны. И вот теперь я вас, дорогие друзья, спрашиваю: «на основании опыта всех времен, что вероятнее—пожелают ли они господствовать над вами или же захватив то, чего они так добивались вместе с вами, отдадут вам должную часть добычи?».

Неудовлетворенность рабочих парламентской реформой.

Богатым и сильным не следует верить не только в том, что они говорят о настоящем, но надо считать сознательной ложью и то, что ими рассказывается и о прошлом. История, на которую так любят ссылаться современные политики и ученые, не действительная история, а собрание басен, выдуманных не в интересах народа, а для того, чтобы обманывать народ и таким образом сохранить все мошеннические учреждения богатых. «Окончательный» вывод О'Брай-

Волнения ра-
бочих.

енна тот, что до настоящего момента все правительства были лишь заговорщиками богатых против бедных, и потому, следовательно, они подлежат уничтожению.

Рабочий вопрос со времени промышленного переворота становился центральным вопросом социальной жизни Англии. История этого вопроса своими корнями уходит далеко за грани XIX в., но о рабочем классе в современном смысле можно говорить только со второй половины XVIII в. и, главным образом, с начала XIX. Экономический кризис первых десятилетий особенно остро поставил рабочую проблему. Безвыходное положение обостряло сознание, укрепляло идею ассоциации и от мирных средств воздействия на имущие классы заставляло переходить к физической силе и массовым действиям. История Англии 20—40-х годов отмечена беспрестанными народными волнениями, мятежами, митингами и вооруженными нападениями. Прудон не без остроумия называл первую половину XIX века эпохой индустриальной войны. С самого начала столетия в парламент направлялись жалобы на тяжелое положение рабочего населения, но все эти петиции под тем или иным предлогом отклонялись нижней палатой. Другой более радикальной формой воздействия на власть издавна служили стачки, митинги и вооруженные нападения. Первый большой митинг имел место в Манчестере в 1819 г. Митинг окончился вмешательством полиции, расстрелами манифестантов и арестом вождей. В последующие годы митинги становились уже обычным явлением промышленной Англии. Настоящая полоса митингов наступила с конца 30-х годов, т. е. совпадала с моментом чартистского движения и с агитацией в пользу избирательной реформы.

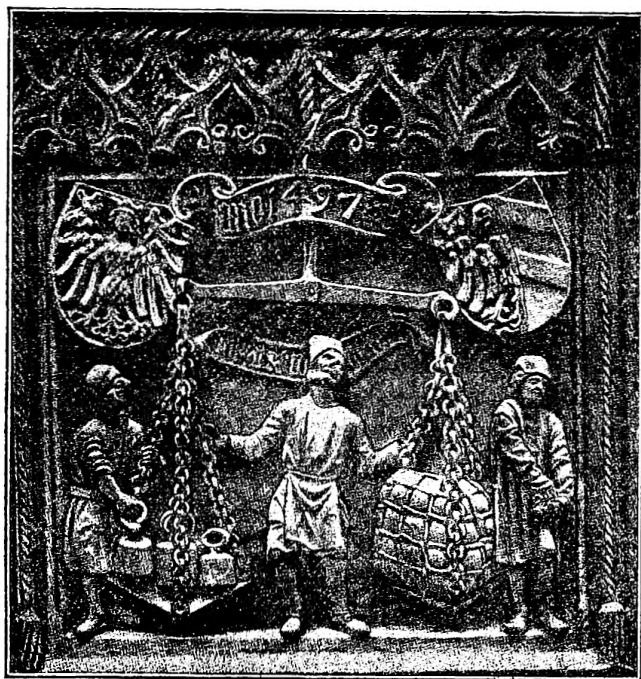
3. Индустриальная Германия.

В основном история Германии не отличалась от истории других европейских государств. Генеральная линия там и здесь оставалась неизменной. Подобно Англии и Франции, Германия проходила длинный путь развития от первоначального накопления, через торговый капитал, к промышленному капиталу, от ремесла, через домашнюю промышленность и мануфактуру—к фабрике; от раздробленного феодального государства—к централизованному государству; от профес-

сиональной и государственной опеке—к свободному соревнованию; от господства земельной аристократии—к главенству денежной олигархии и т. д. Но при всей общности генеральной линии, немецкая история все же имела и свои индивидуальные черты. Главное отличие истории Германии заключалось в ее своеобразном географическом, а вследствие этого, и международном положении. В зависимости от топографического и международного положения историю Германии можно разделить на два периода. До тех пор, пока фокусом общеевропейской жизни оставалось Средиземное море и Европа лицом была обращена на Восток, Германия, как посредник между югом и севером Европы, занимала первое место в системе держав. Но дело круто изменилось с закрытием восточного рынка и перенесением центра жизни на Запад. В системе Атлантических держав Германии уже не было места. С XV столетия заметен упадок торговой Германии и ее перерождение в аграрное государство. С половины же XVIII столетия происходит повторный процесс превращения Германии из аграрного в торгово-промышленное государство. Особенно быстрый рост торгово-промышленной Германии приходится на вторую половину XIX столетия. Подобно Французской революции 1789 г., Мартовская революция 1848 г., была завершением процесса разложения дворянского и утверждением буржуазно-мещанского государства.

Германия—одно из самых старейших государств Европы. Составленная из различных кусков Римской Империи, Германия никогда не представляла единого целого. Священная Римская Империя германской нации,—официальное название средневековой Германии,—до конца Средних веков представляла пример настоящего феодального государства. В ее состав входило несколько почти совершенно самостоятельных политических сил: королевство Богемское, герцогство Саксен-Виттенбургское, маркграфство Брандербургское, пфальцграфство Прирейнское, епископство Кельнское, Майнцское и Трирское, несколько свободных городов,—Любек, Гамбург и т. п. Выдающееся положение на юго-востоке занимали австрийские земли, входившие в состав Священной Римской Империи, и королевство Бавария на юго-западе выделялось герцогство Вюртембургское, а на северо-западе владения герцогов Клеве и богатые бургундские земли Нидерландов. Пруссия в то время еще не принадлежала к

Германии. Отношения между отдельными частями. Империи представлялись в высшей степени неустойчивыми и запутанными. Власть императора самостоятельные владельцы признавали лишь номинально. В своих владениях каждый феодал имел неограниченную власть над своими подданными, носившими характерное название *homines proprii* (свои люди), по большей части являвшимися крепостными или арендаторами его доменов. Таково в общих чертах было состояние Германии в конце Средних веков.

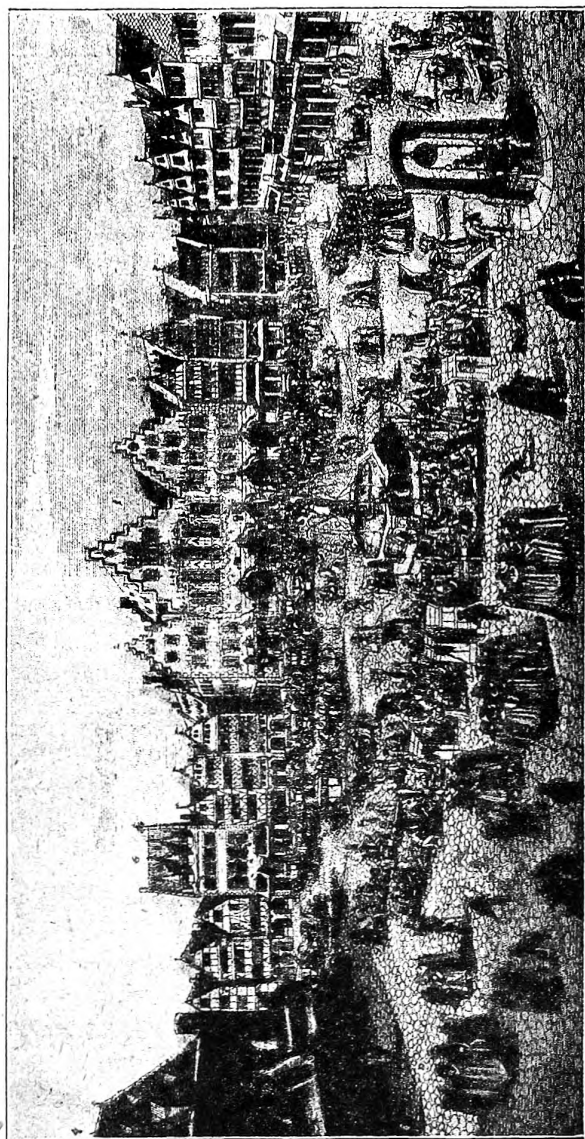

Взвешивание товаров.

С конца Средних веков положение вещей начинало меняться. Отдельные области все более и более втягивались в мировой торговый оборот. Главной торговой артерией Германии являлись две ее большие реки Рейн и Дунай, связывавшие в одну обширную систему Средиземное и Северное моря. В XV веке большой степени развития достигла южно-немецкая торговля. В южной и западной Германии развилось общение с Францией, по реке Рейну с Нидерландами, вниз по Дунаю с Венгрией, через Альпы с Венецией.

О широте торговли можно судить хотя бы по тому факту, что город Кельн около 1500 года получал более 1 миллиона гульденов торговой пошлины, а с другой стороны, Венеция имела торговых пошлин с товаров, шедших в Германию, более, чем на 20 тысяч дукатов. Крупнейшие немецкие фирмы Аугсбурга, Франкфурта, Кельна и др. отправляли целые флотилии в Левант и состояли в тесной связи с купцами Лондона, Лиссабона и Севильи. Немецкие капиталы в значительной доле были вложены в португальско-африканско-индийскую торговлю, что гарантировало предпринимателям выгодный сбыт для обширного горного производства. В один раз из Лиссабона было вывезено 36 тысяч центнеров перца и 24 тысячи центнеров корицы. Некоторые торгово-промышленные предприятия приносили более 150 процентов дохода. Наряду с торговлей и промышленностью, процветали также ростовщичество и биржевая игра. В начале XV столетия в одном Франкфурте было 4 больших банка, снабжавших капиталами торговые компании и дававших в займы сановным особам. Как и повсюду в Европе, в Германии составлялись союзы городов, войском и деньгами поддерживавшие королевскую власть в ее борьбе с феодалами. Благодаря поддержке купеческих фирм, только и возможно было образование централизованных политических тел: на юго-востоке государства Габсбургов, из которого впоследствии образовалась Австро-Венгрия, и на северо-востоке королевства Гогенцоллернов, будущей Пруссии. Параллельно с накоплением капиталов и укреплением королевской власти, выросла и идея национального объединения. Приблизительно с конца XIV столетия все чаще и чаще появлялись всевозможные проекты создания единого государства. Авторы проектов предлагали самые различные меры: усилить власть императора, упразднить церковные владения, ввести реформу податной системы, уничтожить право междоусобиц, право сенъериального суда, разделить страну на 12 округов и т. п. Одним словом, к моменту перемещения торговых центров Германия окончательно вступила в фазу торгового капитализма. Однако, на этом дело и остановилось. Открытие новых путей нанесло Германии непоправимый удар. В XVI столетии Священная Римская Империя переживала один кризис за другим. Социальные противоречия в то время обострились до крайней степени, выступая на поверхность то в виде

крестьянской войны, то в виде борьбы двух вероисповеданий (реформация), то, наконец, в виде жестокой Тридцати-

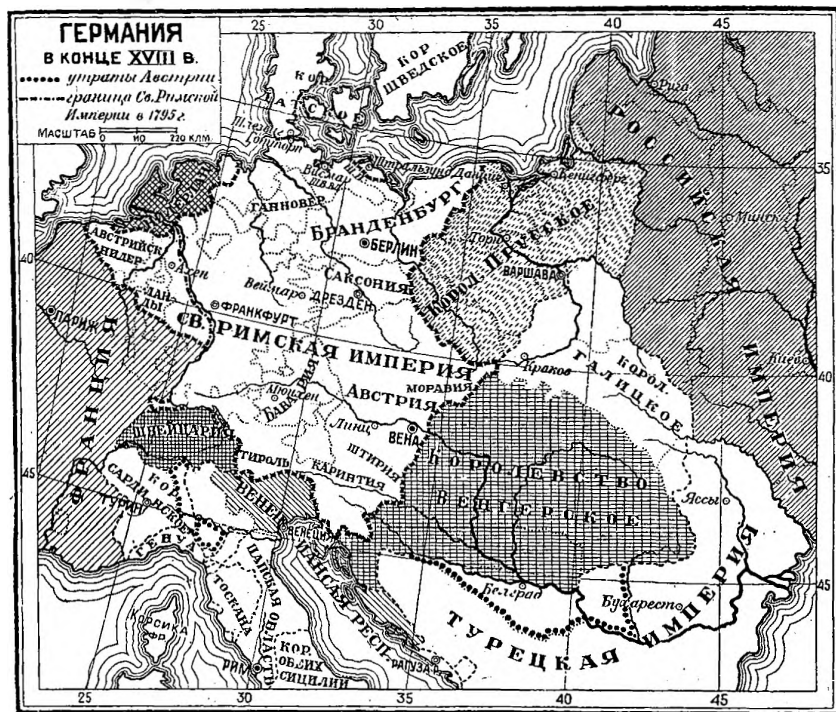
Рыночная площадь во Франкфурте на М.

летней войны. Тридцатилетняя война, составляет переломный момент в истории Германии. Опустошенная и разоренная внешними и внутренними вра-

гами, Германия лишь в конце XVIII столетия возвращается к своему исходному пункту.

Закончивший Тридцатилетнюю войну, Версальский мир 1648 г. фактически положил конец Священной Римской Империи, поставив на ее место 360 самостоятельных тел. Правильный торговый обмен между этими телами (курфюршествами, герцогствами, епископствами, вольными городами и пр.), был нарушен, дороги заросли травой, один владелец не признавал прав другого и жил совершенно обосо-

Княжеская
Германия.

Карта Германии в конце XVIII века.

бленной жизнью. Торговля и промышленность, за отсутствием значительных рынков сбыта, ограничивались узким кругом местных потребителей среднего достатка. Двор и аристократия предпочитали пользоваться продуктами заграничной индустрии, более изящными и в конечном счете более дешевыми. До половины XVIII столетия торговую монополию в Германии имели голландцы, поляки и англичане, спрос же на фабрикаты удовлетворяла исключительно французская и

английская индустрия. Отрезанная от Атлантического океана, Германия была отрезана также от северных морей и от устьев главных своих рек. Господами положения на северных морях являлись голландцы, шведы, датчане и поляки. История Германии XVII и в значительной степени XVIII вв. в сущности— история отдельных княжеских дворов. С социально-экономической стороны немецкий князь этих времен немногим отличался от средневекового феодала. Подобно средневековым сеньерам, светские и духовные князья XVII—XVIII столетий жили в укрепленных рвом и валом бургах, имели собственное ополчение и соблюдали правила ленной (феодальной) системы. Центром политической и культурной жизни служил, как и раньше, двор главного феодала— курфюр-

Крестьяне за пряжей льна

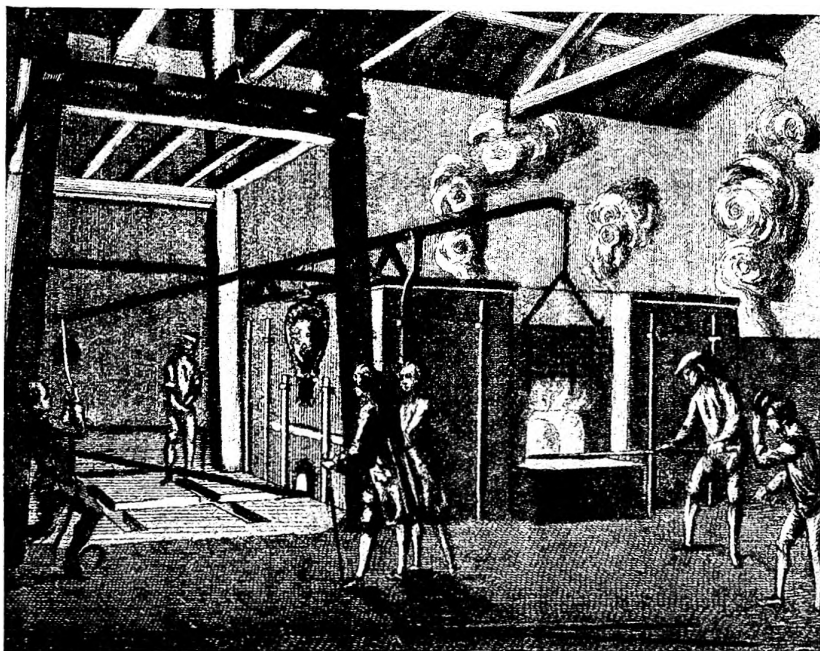
ста, герцога, епископа и т. д. Главным источником дохода была земля, которая обрабатывалась крепостным и отчасти свободным трудом. Обычно лучшие земли округа составляли собственность помещика или (по прусской терминологии) юнкера, а худшие были поделены на гуфы (небольшие участки) между крестьянами, или же находились в общинном владении. Обработка земли была экстенсивной, но отдельные помещичьи и особенно княжеские земли, по заграничному образцу, вели интенсивное хозяйство. Сельское хозяйство и скотоводство в то время более всего привлекали свободные капиталы. Немецкий хлеб и скот, как самые дешевые, экспортировались в индустриальные страны—в Англию, Францию и Голландию.

С другой стороны, развивавшийся аграрный капитализм толкал князей и юнкеров на захват свободных земель и колонизацию. Успешнее всего колонизация шла на северо-востоке, за Эльбой, где было много свободных земель и мало соперничавших друг с другом князей. Значительно хуже было экономическое положение юга и запада. Феодалы юго-западных областей при каждой попытке расширения сталкивались друг с другом и потому не выходили из состояния междоусобной войны,—положение напоминавшее удельный период русской истории. Широкая жизнь дворов, из всех сил подражавших «Версальскому Содому», затем расходы на армию и управление толкали князей на изыскание все новых и новых источников дохода. По этой причине модная в то время в Европе система меркантилизма нашла свое практическое приложение и в немецких княжествах. Нуждавшиеся в деньгах немецкие «коронованные эстеты» постепенно переходили к обычным методам первоначального накопления: торговле, ростовщичеству, усиленной эксплуатации земель, к продаже людей за границу и к насаждению туземной промышленности. Примером князя-меркантилиста может служить муж австрийской императрицы Марии Терезии (половина XVIII в.). Предоставив руководство высшей политикой своей честолюбивой супруге, император занялся торговлей, основывал собственные мануфактуры, отдавал деньги под проценты, принял на себя поставку на армию форменной одежды, муки и корма для лошадей; затем в компании с одним купцом взял на себя сбор таможенных пошлин в Саксонии, давал деньги в займы военному ведомству и пр.

С начала XVIII столетия из всех немецких государств выдающееся место занимала Пруссия, принадлежавшая фамилии Гогенцоллернов. В 1701 г. прусский курфюрст получил от императора корону, и с этого времени Пруссия стала называться королевством. Прусский двор ни чем не отличался от всех прочих княжеских дворов Германии; те же королевские и юнкерские домены, то же крепостное право, блестящие приемы, пышные обеды; покровительство художникам и ученым, увлечение итальянской оперой и французским балетом,—словом стиль рококо со всеми сопровождающими его явлениями. Но географическое положение Пруссии, служившей буфером против славянского напора с Востока, сплотивило и сделало из нее военную державу. Владения Го-

Прусское королевство.

генцоллернов состояли из разрозненных и слабо заселенных территорий, которые требовалось «сшить» и заселить. Кроме того, превращению Пруссии в военное государство не малой степени способствовало и соперничество между собою крупных держав. Планы Франции, сталкивавшиеся с интересами Австрии в Нидерландах и с видами Англии, главным образом, в Сев. Америке, приводили ее к союзу с молодой Пруссией; но, с другой стороны, и в прямых расчетах Англии было иметь союзника в Европе, а в расчетах России—на-

— Пушечно-литейный завод.

дежную опору на Западе. Вследствие этого, начиная с Войны за «испанское наследство» Пруссия не выходила из сетей европейской дипломатии.

Военно-бю-
рократи-
ческая система.

Таким образом, естественное положение и международная обстановка определили направление внутренней политики Гогенцоллернов. Подъем производительных сил внутри страны и освобождение от опеки (австрийского) императора Священной Римской Империи сделались двумя главными целями прусской политики. С наибольшей отчетливостью та и дру-

гая цель выступила при Фридрихе Вильгельме I и его сыне Фридрихе II. По своей природе дезорганизованный и слабый человек, растрепанный и неумытый, «дурак-дураком» по характеристике собственного отца, Фридрих (Великий) по воле обстоятельств сделался государственным деятелем и военным стратегом. Некоторое время интересы Фридриха и европейской дипломатии совпадали. Для Европы важно было ослабить Австрию, а для Пруссии—отторгнуть от Австрии богатую ее область, Силезию. После двух кровопролитных войн, Войны за «австрийское наследство» (1740 г.) и Семилетней войны, было достигнуто то и другое. С самого начала первостепенной заботой прусских королей сделалась армия. Около армии вращается вся история Пруссии, и уже к ней примыкает вся остальная часть народной жизни. Любовь позднейших Гогенцоллернов к «долговязым молодцам» восходит к самому истоку прусского государства; в армии отца Фридриха II самый маленький солдат был не менее 5½ футов. Общая численность армии накануне Войны за «австрийское наследство» превышала 100 тыс. человек, т.е. равнялась австрийской армии и несколько уступала французской; население же Пруссии в то время, по крайней мере, в 4—5 раз было меньше населения Франции. В отношении снабжения продовольствием и вооружением прусская армия также занимала первое место.

Соответственно с главной целью было организовано и все остальное управление, превращавшее Пруссию в военный лагерь. Устоем армии была общая военная повинность крестьян, хотя юнкерство в значительной части тоже привлекалось к несению военной повинности; освобождались от службы только сыновья наиболее богатых дворян и горожан, обладавших состоянием не менее чем в 10 тысяч талеров (тальер—1½ р.). За службу «служилое дворянство» вознаграждалось поместьями, населенными «людьми» (поместная система). В целях вербовки солдат и управления, страна разделялась на провинции, провинции—на рекрутские округа (кантоны), а округа—на полки. Изданный в 1733 г. «Указ о наборе» в деталях разработал систему рекрутских наборов. Главной задачей правительственных учреждений было изыскание средств на содержание армии, двора и штата чиновников. Этой цели служила генеральная счетная палата, позднее превратившаяся в верхнюю расчетную палату или верхнюю

директорию финансов и государственных имуществ. От верховной директории зависели комиссариаты и всевозможные мелкие канцелярии.

Для изыскания средств увеличения доходов и внушения населению большего уважения к правительственным учреждениям, прусские короли привлекали к себе на службу видных ученых юристов и профессоров университета. Ученые бюрократы обязаны были научным путем доказывать правильность королевского изречения: «Мы являемся господином и королем и можем делать все, что пожелаем». Рассадником чиновничества служили покровительствуемые королями университеты, а внешний блеск королевскому сану должны были придавать королевский дворец в Берлине, арсенал, статуи героев, большие казенные здания, мосты и т. д. Об эстетическом лоске двора заботились академия художеств и театральная школа. Связь немецкой науки с правительственной канцелярией не прошла бесследно: тяжелый канцелярский язык ученых сочинений, страсть к мелочам, бухгалтерская точность, ссылки на авторитеты и т. п.—все это восходит к своему первоначальному источнику—к прусской канцелярии. О чистоте феодальных форм при таком положении вещей, конечно, не могло быть и речи. Юнкер сохранял значительную часть своих прав по отношению к зависевшему от него населению, но не смел и думать о каком-либо соревновании с королем. Когда, напр., епископ Лютиха осмелился несколько поднять голову, то в его области тотчас же появились 12 отрядов гренадер с конницей и артиллерией, и мятежный епископ поспешил уплатить 20 тысяч талеров штрафа. Против самого опасного феодала, католической церкви, прусские короли выдвинули веротерпимость и «свободную» науку.

Главной заботой прусских королей была не борьба со строптивыми феодалами, а изыскание новых доходов для все увеличивавшегося содержания армии, бюрократического аппарата и двора. Доходов с одних доменов уже не хватало, т. к. крепостной труд при всем нажиме не мог удовлетворить широким потребностям королей. По этой причине Фридрих-Вильгельм I счел благоразумным вовсе отказаться от крепостного труда и перейти к свободному труду поденщиков. По примеру королей, богатые юнкеры тоже начинали больше ценить землю, чем крепостной труд их арендаторов (лас-

ситов). Все возраставшее стремление юнкеров «округлять» свои владения, под тем или иным предлогом выдворяя (Bauegnlegen) мелких арендаторов, вызвало ряд законов об охране мелкого землевладения (Bauernschutz). Но результаты, однако, не оправдывали политику правительства. «Если так будет продолжаться,—писал один владетельный князь,—то через каких-нибудь 200 лет случится то, что в тех частях моей страны, где рыцари и князья имели владения, не останется больше ни одной деревни и не будет никакого крестьянства».

Покровительственная система не дала результатов; гораздо большее значение имела колониционная политика. Особенно успешно колонизация шла на восток от Эльбы, где было много свободных и хороших земель. Цель колонизации была двоякая: военная и коммерческая, при чем одна пополняла другую. Если мы приобретем польскую или восточную Пруссию,—писал в «Современной политике Пруссии» Фридрих II,—то мы создадим не только совершенно свободную связь между Померанией и Пруссией, но и будем держать на узде поляков и предписывать им свою волю, ибо свои товары они могут сбывать только по Висле и Прегелю, чего они не могут сделать без нашего согласия». «Дальше,—рассуждал Фридрих,—мы наталкиваемся на Померанию; если бы мы присоединили эту часть Померании к нашей, то это произвело бы, без сомнения, на всех прекрасное впечатление. От этого пункта открывается широкий путь к нашим дальнейшим завоеваниям, на которые повелительно толкают нас наши естественные интересы». Прусское правительство давало субсидии колонистам, и, действительно, насадило несколько тысяч мелких и средних землевладельцев в Восточной Пруссии. Однако, для поднятия нови, одних правительственных субсидий было далеко недостаточно; требовалось приложение частных капиталов. Отсюда и получилось, что колониционная политика привела к укреплению в Восточной Пруссии крупного землевладения и образованию класса аграриев. Это и объясняет, почему в течение всей последующей истории Германии наибольшее число аграриев и консерваторов приходилось именно на долю Восточной Пруссии.

Переход к капиталистической системе хозяйства имел место и во всех других германских государствах, и, в частности, в Австрии.

Австрия, сначала восточная провинция Баварии, по своей

Колонизаци-
онная поли-
тика.

структуре во многом напоминала Пруссию. Служа буфером против набегов турецкого султана, Австрия, по тем же самым причинам, что и Пруссия, превратилась в военную державу. Однако положение Австрии во всех отношениях было сложнее: во-первых, это было государство, составленное из множества самых разнородных частей, и, во-вторых, в Австрии очень сильны были феодальные и особенно католические традиции; по этой причине Австрия никогда не могла так сплотиться вокруг центра, хотя основные линии ее истории существенно ничем не отличаются от контуров других европейских стран. С половины XVIII столетия (со времени Марии Терезии и, главным образом, ее сына Иосифа II, брата Марии Антуанетт) австрийский абсолютизм открыл беспощадную войну с феодализмом. В восьмидесятих годах на государственных и помещичьих землях отменяется или смягчается крепостное право, дворянство лишается судебных и податных привилегий, конфискуются земли монастырей, католики изгоняются из университетов и гимназий и т. д. Борьба с феодализмом в Австрии вызывалась теми же причинами экономического характера, что и в остальных частях Германии, но к этому в большей степени, чем где-либо, присоединялись еще и политические соображения.

Индустриализация Германии.

Параллельно с капитализацией деревни, росли торговля и промышленность. Быстрее других индустриализировалась Пруссия. Прогресс прусской промышленности и торговли совпадает с ее военным ростом. В 1751 г. по инициативе короля и в подражание передовым странам была основана Азиатская компания для торговли с Китаем и Бенгальская — для сношений с Индией. Обе эти компании в значительной степени питались еще иностранным капиталом. Эра насаждения патриотической промышленности началась с Фридриха-Вильгельма и достигла высшей точки при Фридрихе II. Главными источниками, поддерживавшими национальную индустрию, как и в других странах, были война и двор. В зависимости от этого и все производство распадалось на две части: на выработку предметов военного снаряжения и на изготовление предметов роскоши. Поставив себе неосуществимую цель сравняться с предковыми державами, Фридрих действовал по методу настоящего самодура. Желая во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами аграрную страну превратить в индустриальное государство, он

не щадил ни средств ни сил нации. Те результаты, которых достиг Фридрих, были куплены ценой колоссальной растраты народной энергии и потрясения всего общественного организма. Для того, чтобы удержать, напр., рабочих на королевских мануфактурах, потребовалось введение крепостного права на фабриках и применение такой дисциплины, что пропадала всякая разница между мануфактурой и тюрьмой. За побег с фабрики, как и за самовольное оставление поместья, королевские регламенты грозили телесным наказанием, тюрьмой, каторжными работами, клеймением, приксыванием к тачке и т. п.

Немецкий Михель.

К концу XVIII столетия в Пруссии появились питавшиеся казенными субсидиями шерстяные, льняные, хлопчатобумажные фабрики, сахарные заводы, производство галантерей, бархата, шелка, фарфора, чулок и т. д. Общая сумма ежегодного промышленного производства около 1780 г. равнялась 30 миллионам талеров. Промышленными центрами были Силезия, насчитывавшая более $\frac{1}{2}$ миллиона ткачей и прядильщиков, Саксония и западные провинции. Из отдельных городов Берлин славился высшими сортами бархата и одноцветных материй, Бранденбург—выделкой киперных тканей, Магдебург и Потсдам—производством чулок и носовых

платков. Наряду с казенными предприятиями, существовали также и частные промышленные предприятия, хотя правительственная опека служила одной из причин, задерживавших развитие частной инициативы.

Бюргерство.

Вместе с индустриализацией в Германии выросал и новый общественный класс—бюргерство (буржуазия). К исходу столетия бюргерство уже занимало видное место в общественном строе Германии, хотя по своей численности и влиянию оно значительно уступало французской, нидерландской и английской буржуазии. С социологической стороны история немецкого бюргерства не представляет особого интереса. Так же, как и в других странах, оно распадалось на несколько слоев: крупных купцов и промышленников, с одной стороны, и мелких купцов и предпринимателей (мещан), с другой. Высшим идеалом бюргерских верхов было желание проникнуть в дворянские круги и купить дворянскую грамоту. Расточительность, балы, маскарады, пышные свадьбы и путешествия характеризуют жизнь купеческой олигархии. Несравненно скромнее протекала жизнь мещан. Однообразная работа в лавках, мастерских, школах или канцеляриях время от времени прерывалась семейными вечерами, хождением по гостям, «выездом» в театр, оперу или концерт, аккуратным посещением церкви и т. д., но больше всего мещане наслаждались всевозможными сплетнями и пересудами. Предельным желанием немецкого мещанина было приобретение собственности, затем высшее или, по крайней мере, среднее образование сына и, наконец, путешествие в Италию с образовательной целью.

Бюргерская
идеология.

В некоторых пунктах стремления бюргеров совпадали с планами абсолютизма. У них имелся общий враг—феодальное дворянство и церковь. Особенно в то время давила церковная идеология, с формальной стороны представлявшая значительную силу. В распоряжении церкви находилась целая система высших, средних и низших школ. Главной цитаделью католичества являлся университет, пропускавший через свою выучку тысячи молодежи. Господствующим направлением университетской науки были схоластика и формальная логика. Но формальное направление, или статическое знание, предполагало устойчивое общество и мало удовлетворяло динамичные классы. Молодые общественные группы более удовлетворяли материальное знание и исто-

рическая точка зрения, чем формальная логика и философия. В германских университетах конца XVIII и первой половины XIX столетий развернулась настоящая война между старой и новой наукой. Усилия ученых бюргерского направления сводились к подрыву авторитета схоластической философии. В первую очередь они стремились разрушить богословскую теорию познания, поставив на ее место механическую и волюнтаристическую (волевою) теорию. Божественное происхождение мира с научной точки зрения, учил популярный в кругах бюргерской учащейся молодежи философ Кант (1724—1804 гг.), не выдерживает никакой критики. Современному состоянию знания (естествознания) гораздо более соответствует механическая теория мира. Солнце, луна и все планеты возникли не по слову божиему, а произошли из вращающейся туманной массы. Сильный удар богословской догматике Кант нанес своей «Критикой чистого разума», составившей целую эпоху в истории европейской науки. В силу присущих уму антимоний (противоречий), человеческое понимание мира ограничено; мир «вещей в себе» непознаваем, и потому следует отказаться от всякой попытки проникнуть за пределы мира физических явлений (феноменов). После этого метафизике, являвшейся центральной дисциплиной католических университетов; в системе нового естественно-научного и исторического образования совершенно не оставалось места; то, что составляет предмет веры (напр., бог), учил Кант, не может быть объектом научного знания. Идеи немецкой идеалистической школы не отличались оригинальностью, но нова была их формулировка. Это был синтез (соединение) привычных знаний иезуитской коллегии, стиля правительственных канцелярий и последних достижений естественно-математических знаний. Именно по тем самым причинам, почему философские книги конца XVIII столетия чужды нашему времени, они возбуждали удивление и восторг своих современников.

Дальше Канта в критике старой системы знаний и верований пошел его ученик Фихте (1763—1814 гг.). Видимый мир не только не есть дело божественного акта, но он вообще не существует вне человеческого сознания. Мир не сотворен богом и не пребывает в своей неизменности, но беспрерывно творится самим человеком. Истинный творец мира не бог, а человек, но не отдельный человек, а весь челове-

ческий род. «Вещи создаются только нашим я. Нет никакого бытия, а есть только деятельность». Никакой абсолютной философии также не существует; все философские системы одинаково правильны и ложны, все зависит от того, с какой точки зрения данная система знания рассматривается. Философия в конце концов зависит от стремлений, воли и темперамента людей. Волюнтаристическая точка зрения легла в основу даже целой философской системы Шопенгауэра, объявившей мир созданием разлитой по всему космосу воли. Полная сил и энергии бюргерская молодежь зачитывалась произведениями Канта и устраивала бурные овации автору «Замкнутого торгового государства» и составителю пламенных «Речей к германской Науке»—Фихте.

Социально-политическое укрепление бюргерства.

Таким образом, к началу Французской революции перед немецкой буржуазией стояли две главные цели: объединение Германии и уравнивание бюргерства в социально-политических правах с высшим сословием. Французская революция и особенно походы Наполеона ускорили обе эти естественные тенденции. Слабость бюргерства и отсутствие общей направляющей воли со всей силой дали себя знать во время войны с Конвентом и затем с Бонапартом. По Люневильскому миру 1801 г. император Священной Римской Империи отказался от левого берега Рейна, а после разгрома союзных армий при Аустерлице от Австрии отошла площадь в 1.140 кв. миль с населением в 800 тыс. человек; через год наступила очередь Пруссии. После двойного поражения при Иене и Ауэрштедте 1806 г., Пруссия сделалась в прямом смысле вассальным государством Франции. Наполеоновский режим нанес удар бюргерству, но он нанес удар и феодализму. Основанный по инициативе Бонапарта Рейнский союз германских государств (Бавария, Вюртемберг, Баден и др.) и формальное уничтожение Священной Римской Империи означали большой шаг по пути централизации. Три года ранее Регенсбургский сейм уничтожил 112 германских государств, несколько церковных областей и имперских городов, которые были распределены между крупными государствами. Но как ни сильна была централистическая идея, тем не менее, накануне Революции 48 г. в Германии еще оставалось 38 государств, 29 княжеств, 5 королевств и несколько вольных городов, постоянно колебавшихся между

Австрией и Пруссией. Окончательное объединение Германии под главенством Пруссии и Австрии относится уже к позднейшей эпохе 60—70-х годов.

Можно без преувеличения сказать, что войны Революции и Наполеона сыграли решающую роль в истории Германии. Не говоря уже о том, что война сама служила источником накопления капиталов, Германия очень много выиграла от новых международных комбинаций. Континентальная система избавляла ее от конкуренции двух самых страшных ее врагов: Англии и Голландии. Немецкое и Балтийское моря фактически оказались во власти немецких купцов и судовладельцев. Портовые города—Данциг, Штеттин, Любек, Гамбург и др. быстро воспрянули духом и повели широкую торговлю не только с соседними государствами, но даже с Северо-Американскими Штатами, недавно освободившимися от Англии. Кроме того, после разгрома Голландии к Германии вновь отошла посредническая роль между севером и югом Европы. Сообщение по Рейну вновь оживилось, тем более что путь по Атлантическому океану во время военных действий считался небезопасным. Прекрасным рынком для сбыта немецкой добывающей и обрабатывающей промышленности, равно как и для всевозможных финансовых операций немецких капиталистов, служили южно-американские колонии Испании и Португалии. Наконец, коммерческому оживлению Германии помогла колоссальная контрибуция, полученная Пруссией с Франции после окончания военной кампании. Сто миллионов франков, полученных в качестве контрибуции одной только Пруссией, должны были произвести настоящую революцию во всех сферах народного хозяйства. Сто миллионов в системе тогдашнего хозяйства означали то же, что миллиарды в системе современного хозяйства. Возрождение Германии таким образом произошло за счет других государств, и в первую очередь за счет Франции. После заключения мира, Германия переживала настоящую эру торгово-промышленного грядущего (строительства). Первое время капиталы бросились на землю, в торговлю и в финансовую спекуляцию, затем уже они пошли в индустрию. В общем экономическое оживление продолжалось приблизительно до 30-х годов. С 30-х же годов, вследствие усиленной конкуренции западной индустрии, частых неурожаев и неблагоприятной для Германии

Эпоха вели-
ких реформ.

международной ситуации, наступила торгово-промышленная депрессия, продолжавшаяся до нового подъема 50-х годов.

При столь благоприятном для бюргерства стечении обстоятельств, правительства немецких государств не могли уже игнорировать голос «третьего сословия». Бюргерство отныне становилось социальной силой первой степени, с которой необходимо было серьезно считаться. Социальную силу бюргерства, не говоря уже о мелких немецких владетелях, начинали понимать также прусские и австрийские бюрократы. Первые десятилетия XIX в. в истории Пруссии могут быть названы эпохой великих реформ. Цель этих реформ совершенно ясна: дать простор капиталу и увеличить права торгово-промышленного класса. Октябрьским эдиктом 1807 г. вводилось городское самоуправление, передававшее в ведение бюргерской олигархии все управление городом, а дворянам разрешалось заниматься торговлей и промышленностью. Что же касается крестьянства, то оно освобождалось от сеньеральной опеки и таким образом косвенно передавалось капиталистам, ибо бедные (безлошадные) крестьяне переходили на положение поденщиков капиталистических ферм. Особенно жесток был эдикт о регулировании 1811 г., обязывавший за приобретение права собственности наследственных крестьян отдавать $\frac{1}{3}$, а ненаследственных— $\frac{1}{2}$ своего участка юнкеру. В процессе освобождения с 1815 по 1840 гг. крестьяне в общей сложности потеряли более 400 тыс. гектаров и внесли 19 миллионов талеров выкупных платежей, капиталист таким образом, одновременно приобретал и землю и свободные рабочие руки. Либеральный чиновник фон-Шен современную ему практику возвел даже в целую теорию, доказывая необходимость проведения в немецкой деревне «английского принципа экономии», т.-е. полной свободы конкуренции, соединение мелких экономий в крупные фермы и защиту прав богатых арендаторов. Протестовали же против освобождения крестьян, главным образом, те юнкера, которые вели экстенсивное хозяйство, и средние землевладельцы, не имевшие капиталов.

Навстречу бюргерам шла также и военная реформа, проведенная генералом Шарнгорстом. «Цель военной реформы,—писал Шарнгорст,—порвать путы предрассудков, влить в нацию чувство независимости, дать ей познать самое себя и не мешать ее свободному развитию». На практике эта рефор-

ма сводилась к отмене дворянских привилегий, и к введению лучшей системы набора, а все это взятое вместе вело к ослаблению аристократии и повышению социальной мощи бюргерства. Однако, бюргерство не удовлетворялось этими реформами; теперь речь шла уже не о милостях короля, а об ограничении верховных прав короны и аристократии. Прусская буржуазия требовала учреждения парламента и передачи верховных прав богатым и просвещенным классам. Главные деятели эпохи великих реформ, Штейн и Гарденберг, вполне соглашались с точкой зрения «третьего сословия» и убеждали дворянско-бюрократические круги пойти на «национальное представительство». Либералы победили, и по их инициативе в 1811 г. король созвал «национальное представительство», так наз. *Landesabgeordneterversammlung*. В этом Собрании, наполовину выбранном, а наполовину созванном, было всего 36 человек, но в числе этих 36 человек находились 12 представителей городов. В глазах правительства это Собрание далеко не было пустым звуком. В речи при его открытии канцлер Гарденберг прямо заявил, что «король от вас требует не одной только покорности». «Национальное представительство» просуществовало недолго: с заключением мира и образованием Священного Союза оно постепенно сошло на нет, но важен был самый факт признания бюрократией социально-экономического значения бюргерства.

Торгово-промышленное развитие Германии, столь бурно начавшееся с первого десятилетия XIX в., продолжалось и в последующие годы. Правда, с 30-х годов, как уже на это указывалось в другой связи, Германия переживала длительную депрессию, но тем не менее процесс развития продолжался. В первые десятилетия Германия была по преимуществу торговой и аграрной, к середине же столетия она становится в значительной степени индустриальной. Усиленный приток в промышленность туземных и иностранных капиталов революционизировал промышленную технику. До походов Наполеона Германия совсем не знала машинного производства, начиная же с 1810 г. стали появляться вязальные и прядильные машины, а в 1837 г. имелось уже пять больших механических прядилен с 10½ тысячами веретен, а в середине века число веретен превышало 65 тысяч. В 1802 г. существовало всего-навсего одна шерсто-прядиль-

Экономический подъем в первой половине XIX в.

ня с 30 рабочими, в 1846 же году в прусских прядильнях работало уже 420 тыс. механических веретен, а в бумажной промышленности было в обращении 750 тыс. веретен.

Введение машин и увеличение капиталов повлекли за собой важные перемены также и в характере производства. Машина и капитал, разрушая кустарное производство и мануфактуру, ставили на их место фабрику. Индустриальная деятельность в Германии концентрировалась в трех главных районах: Силезии, Саксонии и Рейнско-Вестфальской области. Лаузиц стал центром полотняного производства, Хемниц—хлопчатобумажного, Золлингеном—металлического; Эльберфельд—текстильного и т. д.

С конца 30-х годов началась настоящая мания железнодорожного строительства. К 1843 г. Пруссия имела казенную железную дорогу и более 867 килом. частных железных дорог. Наиболее важные торговые пункты: Берлин, Лейпциг, Дрезден, Нюрнберг, Мюнхен, Аугсбург, Франкфурт и др. были связаны железнодорожными линиями и сделались узловыми станциями. В тесной связи с железнодорожным строительством стояло развитие горнозаводской и машиностроительной промышленности; улучшено было также и шоссейное сообщение; за одно поколение с 1816 по 1842 г. длина шоссе учетверилась, достигнув 1313 миль. В пределах Таможенного Союза ежегодно перевозилось не менее 130 миллионов тонно-километров, вместе с тем увеличилась и скорость сообщения.

В связи с усилением национального производства, германский рынок начинал освобождаться одновременно как от иностранных капиталов, так и от заграничных фабрикатов. В 30-х годах уже 25% хлопчатобумажных и 16% шерстяных фабрикатов экспортировалось за границу. Что касается германской торговли, то она с каждым десятилетием все более и более входила в систему мирового обращения. Приводимая таблица показывает место германской внешней торговли в системе общеевропейского оборота (в милл. марок):

	1830 г.	1840 г.	1850 г.
Англия	1.760	2.260	3.380
Франция	740	1.320	1.320
Германия	660	1.120	1.120

Идея национального объединения.

Столь существенные изменения в системе производства и распределения национального дохода естественно должны

были повлечь за собой перемены в социальном, политическом и международном отношениях. Центральным вопросом экономической политики торгово-промышленной Германии в 20—30-х годах был вопрос о коренной реформе внутренних и внешних таможенных тарифов. В 1818 г. фабриканты Рейнских провинций подали прусскому правительству докладную записку, в которой указывали на опасность иностранной конкуренции. «Наша промышленность,—говорилось в этой записке,—исключена со всех рынков Европы благодаря таможенным барьерам, между тем как все отрасли промышленности других европейских стран имеют в Германии открытый рынок». Заявление рейнских фабрикантов нашло поддержку и у фабрикантов других областей. Правительство пошло навстречу промышленникам и ввело очень высокие ввозные пошлины. Вместе с этим ставился и другой вопрос—о торговом объединении самой Германии. Теоретически вопрос не вызывал возражений, но практически мелкие государства, боясь быть поглощенными крупными, оказывали всяческое противодействие. Вопрос о таможенном союзе обсуждался в течение нескольких лет, пока, наконец, в 1834 г. не завершился формальным утверждением Таможенного Союза (Zollverein), постепенно впитавшего в себя все германские государства, за исключением Австрии.

Из экономического объединения уже само собой вытекало и политическое объединение. Пререкания между отдельными государствами во время обсуждения проектов союза особенно красноречиво говорили о необходимости централизованного государства. На идее сильного государства в то время сходились интересы почти всех классов. Сильное государство, так сказать, висело в воздухе. Раз появилась практическая необходимость сильного государства, то вполне естественно и своевременно было появление и теоретического обоснования государственного абсолютизма. Теоретическое обоснование идея сильной государственной власти нашла в сочинениях берлинского философа Гегеля (1770—1831 гг.).

Исходным пунктом философии Гегеля послужила теория познания Канта. Для Гегеля так же, как и для Канта, сущность исторического процесса сводилась к раскрепощению личности. Но, он значительно сильнее, чем все его предшественники, в их числе и Кант, подчеркнул связанность

Теоретическое оправдание государственности.

индивида с государством. Сам по себе индивид ничто, всю свою силу и значение он приобретает только в государстве. Государство в концепции (системе) Гегеля представлено самодовлеющей формой, в которой выявляется сущность всей жизни, которую Гегель называл Абсолютным Духом. Конечные цели Абсолютного Духа, или конечные цели мира, превосходят понимание ограниченного человеческого разума. Для разума ясно только одно, что ход истории человечества определяется не волей людей, а объективным потоком вещей. Трагедия культуры состоит в том, что люди, стремясь к одному, сплошь и рядом достигают диаметрально противоположного. «В мировой истории выходит нечто совсем иное, чем то, к чему люди стремятся и чего они достигают; они непосредственно знают и осуществляют свой интерес, но за этим следует нечто дальнейшее, что внутренне заключается в их действии, но не лежит в их сознании и не входит в их намерения. «Причина расхождения стремлений людей и достигаемых ими целей заложена в характере мирового процесса. Мировой процесс диалектичен: в каждый момент достигается определенная стадия развития мирового процесса, которая уже содержит в себе элементы будущего; таким образом, во всяком конкретном понятии одновременно сочетается и настоящее и будущее. Между элементами настоящего и будущего происходит конфликт, составляющий содержание истории». Схематически течение исторического процесса Гегель изобразил в виде триады: тезиса (положительное), антитезиса (отрицательное) и синтезиса (соединение положительного с отрицательным).

Движение исторического процесса можно проследить на отдельной личности, но значительно ощутительнее диалектика выявляется в общественных организациях (семье, всевозможных союзах, корпорациях и т. п.) и, главным образом, в высшей из них—в государстве. Государство, как определенная общественная форма, имеет свою историю. Как и всё в природе, государство развивалось от узких форм к более широким формам, или, другими словами, от рабства к свободе. В древнейших государствах носителем культуры или Абсолютного Духа был один человек, все же остальные находились на положении рабов или животных. Совсем иначе дело обстоит в настоящее время. В настоящее время каждый индивид составляет неотъемлемую часть государства и пользуется не-

отъемлемыми благами свободы личности, обеспечиваемой государством. Обеспечивая свободу культурного развития, государство, тем не менее, не берет на себя заботу об отдельном индивиде. Оно,—как выражается Гегель,—не является «страховым обществом» частных интересов. Государство живет, как самостоятельная организация (или как чистая форма), интересы же отдельных лиц могут и не совпадать с государственными интересами. С точки зрения данного момента и данного лица, конечно, это несправедливо, но с точки зрения мирового процесса страдания отдельных людей необходимы. Важна жизнь государства, как замкнутой и целостной организации, а не как суммы отдельных лиц. Государство как бы вбирает в себя массы психологических энергий и ведет организованную борьбу (войну) с другими государствами. Народы, не имевшие государства, не имели и культуры, ибо они пребывали в состоянии орды, а орда не знает культуры. Наивысшего напряжения культурная жизнь достигает в том государстве, где все элементы приведены в соприкосновение друг с другом и живут общими (государственными) интересами; такова, напр., Пруссия. Согласование интересов различных групп и лиц составляет важнейшую обязанность правителей, при этом во имя интересов целого правительство может пренебречь не только интересами отдельных лиц, но даже и целых групп, помня, что целое всегда дороже части.

Философия Гегеля многогранна и исключительно богата мыслями. Гегель не только сильный мыслитель, но он также и художник. В его философии собраны все идеи эпохи ранней молодости германской буржуазии. Силой логических абстракций и художественной фантазии Гегель дополнил то, чего тогда недоставало немецкой действительности. Запросы учащейся молодежи были значительно шире, чтобы их могла удовлетворить реальная обстановка, отсюда и родилась потребность в сверх-реальных надстройках, отвлеченной философии и художественной фантазии. Каждая страница гегелевских трактатов представляла самостоятельный интерес и возбуждала целый поток новых идей. Важнее всего было то, что Гегель подчеркнул непрерывное нарастание исторического процесса (в форме развития идей), выдвинул культурную роль государства и, дал очень высокую оценку интеллигенции, как носительницы высших знаний и чувств. «Просвещенный» абсолютизм и особенно прусская бюрократия очень многое

могли извлечь из философии Гегеля. Потому то Гегель и получил широкое признание в правительственных кругах, а его система права легла в основу всей германской науки. Бюрократия подметила в гегелианстве общую охранительную форму, между тем как революционно настроенная молодежь, так называемое «левое крыло» гегелианцев (в числе которых находился и Маркс), ухватила за идею бесконечного прогресса и диалектики. С точки зрения официальной науки в системе Гегеля важнейшими элементами являлась статика и культ государства; «левое же крыло» гегелианцев выдвигало идею вечной смены общественных форм, в конечном итоге приводящей к разрушению и самого государства.

Защита прав
личности.

На немецкой почве вопрос о государстве получил очень широкую теоретическую постановку. Подымавшееся бюргерство, с одной стороны, нуждалось в сильной власти, но с другой, оно боялось чрезмерного усиления бюрократии. Гегель подчеркнул положительные стороны государства, другие же мыслители оттенили отрицательные стороны твердой власти. Таким образом вопрос о государстве превращался в вопрос о правах личности. Впервые Кант в «Идеях всемирно-гражданской истории» развивал мысль о бесконечном нарастании исторического процесса и о постепенном расширении прав личности. Исторический процесс вращается около одной центральной идеи — борьбы личности за свою автономию. Но личность может быть свободной только в том случае, если установлены правильные отношения между людьми, другими словами, если общество построено на правильных началах. Высшей формой общественного союза является государство и в особенности прусская «просвещенная» монархия. В государстве точно отграничены права и обязанности каждого человека, и в этих пределах личность может совершенствоваться до бесконечности. Необходимость государства для всестороннего совершенствования личности для Канта являлась категорическим императивом, т.-е. безусловным требованием человеческой природы.

Несколько иную постановку вопрос о правах индивида принял у Фейербаха и братьев Бауэр. Дело в том, что «посягательство на индивидуальные права» шло не только со стороны государства, но также и со стороны целого, ряда других корпораций и прежде всего со стороны католической церкви. В связи с общеевропейской реакцией церковь

вновь возобновила свои притязания на абсолютное руководство умами и сердцами людей. В изданной в 1832 г. папой Григорием XVI булле попирались самые старые идеалы гражданского права: свобода совести и религиозная терпимость. Против церковных притязаний, а косвенно и против всякого покушения на индивидуальную свободу, как раз и была направлена философия Фейербаха.

Божественная философия, рассуждал Фейербах, в наше время должна уступить место человеческой философии. Высшим и единственным объектом философских спекуляций может быть только один человек. Вследствие этого и высший универсальный принцип, по мнению автора «Мыслей о смерти и бессмертии» целесообразнее всего именовать не богословием или философией, а антропологией. Человек, в виду полной бесплодности метафизических изысканий, должен удовлетвориться эмпирической истиной, постигаемой непосредственно органами чувств; достоверно, следовательно, лишь то, что непосредственно. В конце тридцатых и сороковых годов, Фейербах принялся за систематическое опровержение теологической догматики, противопоставляя церковной системе догматов свою собственную материалистическую или, вернее, антропологическую философию. В трех своих главных сочинениях — «Сущность религии» (1845 г.), «Сущность христианства» (1841 г.) и в «Философии христианства» (1839 г.), Фейербах вариировал одну основную мысль, что религия не более и не менее, как создание творческой (человеческой) фантазии. Не бог познает себя в человеке, как того хочет церковная догма, а, наоборот, человек в боге, как в зеркале, познает и видит самого себя. Не человек, следовательно, — божественная тварь, а, наоборот, бог — человеческая тварь. Присущая человеку психическая раздвоенность заставляет его по своему образу и подобию творить надземный идеальный мир, возводя индивидуальную человеческую сущность до бесконечности. В боге человек желает иметь то, чего ему не хватает в собственной жизни. Постоянная противоположность между желанием человека и невозможностью практического осуществления этого желания служит главным мотивом религиозного творчества и, следовательно, источником всякой религии.

Вопрос о тесной связи и зависимости бога от человека привлек внимание также и братьев Бауэр, Бруно и

Эдгарда, принадлежавших тоже к левым гегельянцам. Платя дань своему времени, Бруно Бауэр специально останавливался на вопросе о древнейшем христианстве. В трех капитальных своих сочинениях: «Критика евангелия Иоанна», «Критика евангелий синоптиков» и «Христос и Цезари», Бруно Бауэр с изумительной логической остротой подрывал самый столп христианской догматики: божественность и подлинность важнейших книг нового завета и евангелий. Всякая же догма, как и всякая философская теория, имеет значение до тех пор, пока не подвергнута сомнению ее основные источники, т.-е.—основные ее предпосылки, или аксиомы. Своей критикой евангельских текстов, обнаружившей логические противоречия и несообразность в учениях евангелистов, Бруно Бауэр нанес чувствительный удар престижу богословской науки. Центральная мысль философии Бауэра та, что всякая идеология, как бы она ни была глубока и искусно выражена, при ближайшем рассмотрении оказывается не более, как идеологией своего времени. Следовательно, и христианская идеология в этом отношении не может представлять исключения из общего правила. Критика евангелий окончательно убедила Бауэра в правильности его исходной точки зрения. Синоптики, т.-е. первые три евангелиста, по мнению Бауэр, больше всякого другого исторического памятника испытали на себе действие различных временных причин, обусловленных желанием приспособить евангелие для оправдания тех или иных субъективных или групповых взглядов.

Гносеологи-
ческий скеп-
сис.

В конечном итоге Бауэр пришел к тому взгляду, что как на евангелия и на католическую догматику, так и вообще на все в мире не может быть правильного и устойчивого взгляда. Раз жизнь в каждый данный момент не перестает совершать своего вечного движения, то каким образом можно говорить о какой-либо абсолютной истине? Истина, если бы даже она и была, то ее нельзя было бы выразить, ибо в самый момент выражения поток жизни продвинулся бы вперед, а словесно формулированная истина перестала быть таковой, как более уже не соответствующая действительности. Из всего этого следовал тот логический вывод, что незачем искать каких-то вообще несуществующих истин, а гораздо целесообразнее и человечнее удовлетвориться простым созерцанием вечно разрушающего и вечно созидającego, постоянно сменяющегося потока жизни. Существует

ли какая-нибудь истина в мире помимо нас самих—этого мы не знаем и знать не можем, но зато мы очень хорошо знаем и непрерывно ощущаем творческую работу нашего сознания нашего, я, в каждый данный момент комбинирующего и объясняющего мир по своему никому непонятному закону. Подобно большинству своих современников, Бауэр не шел дальше критики существующего порядка. У него не было определенного социального идеала и веры в этот идеал. Его захватила и увлекла динамика жизни, он верил в непрерывное изменение мира и идей, но в каком направлении в ближайшем будущем изменится общество, это его мало интересовало. Бауэр отражал настроение той части немецкой интеллигенции, которая выше всего ставила «знание ради знания», дорожила своим покоем, боялась женщин и сторонилась практической деятельности.

Отказ от жизненной реальности и чистое созерцание, проповедниками которых являлись бр. Бауэр, показывали, какой острый кризис переживала Европа, в том числе и Германия, перед самым взрывом Февральской революции. Как и всегда бывает в переходные эпохи, старое ломалось, отмирало, блекло и исчезало, а новое пока еще не приходило, но только, подобно предрассветной заре, виднелось на одной стороне горизонта. При таком состоянии вещей люди, слишком привязанные к жизни и более всего дорожившие своим собственным покоем и индивидуальным счастьем (Шопенгауэр и Бауэр как раз и были такими людьми), скорее всего склонны были уходить в пессимизм (нирвану) или, что собственно одно и то же, в чистое созерцание.

Еще дальше в отрицании объективно существующего и общеобязательного пошел анархист-индивидуалист Макс Штирнер, автор в свое время нашумевшей книги «Единственный и его собственность». Философия Штирнера, на первый взгляд, последовательна и убедительна. Что такое мир? существует ли он независимо от нашего сознания и воли? или же он всецело продукт нашего сознания? Для Штирнера это совершенно безразлично. Разрешать этот вопрос попросту означает заниматься пустяками. Объективно существует только наше я; в этом никто не может сомневаться, ибо ежечасно, ежеминутно и ежесекундно все знают и все ощущают призывы и веления своего внутреннего существа. Этически правильно поступает и действует тот, кто

все свои поступки подчиняет императиву (воле) этого единственно постигаемого. С точки зрения я, весь мир представляет собою объект для действия и удовлетворения этого я. Пусть человек смотрит на мир, как на богатейший и неисчерпаемый источник удовлетворения индивидуальных потребностей, капризов и страстей. Все же остальное, т.-е. общественное служение и общественная работа, по мысли Штирнера, находится за гранями правильно понятого субъективного сознания. Но анархист Штирнер, в отличие от консерватора Шопенгауэра, не призывал к нирване; наоборот, он звал к полной жизни и кипучей деятельности, но только отнюдь не для других и ни в интересах будущего общества, а только ради единственной цели удовлетворения своего «Единственного» я. Как в пессимистической гносеологии Шопенгауэра сквозят элементы «старого порядка», так точно и в анархо-индивидуалистической концепции Штирнера нельзя отрицать элементов бюргерского эгоизма.

После всего изложенного, едва ли есть необходимость доказывать, почему ни система Бауэра ни тем более проповеди Шопенгауэра и Штирнера не пошли дальше обычного очередного увлечения интеллигенции новой философией и совсем не захватили широких общественных кругов. Анархический характер как раз и был причиной слабого действия названных систем, сплошь и рядом выраженных в блестящей форме. Для того, чтобы философская система не осталась простой игрой мысли и фантазии, но сделалась бы действительно могучим орудием общественного прогресса, она должна заключать в себе какое-либо общественно-организующее начало. Проповедь же крайнего индивидуализма, в какой бы форме и в каком бы виде она не высказывалась, непременно ведет к общественной дезорганизации, т. к. всякая организующая система в большей или меньшей степени содержит коллективистические начала. Организовать общество может только философия господствующего в данный исторический момент класса, т.-е. коллективистическая система, но отнюдь не индивидуальная. Индивидуализм сильнее всего проявлялся в эпоху больших общественных кризисов и с особенной силой выдвигался той общественной группой, которая стремилась стать господствующей, но желаемого господства еще не имела. Так было в эпоху французского и английского просвещения, то же самое повторилось и в Германии в

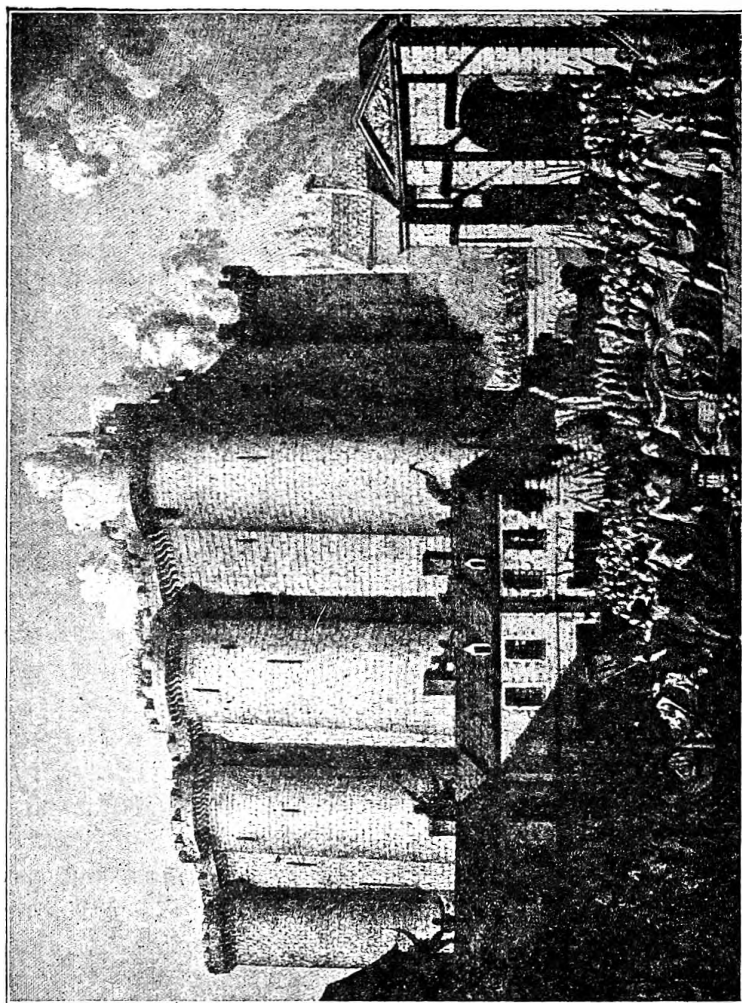
30—40-х гг. Историческое значение немецкой идеалистической и индивидуалистической философии в том, что она обострила мысль и в дальнейшем своем развитии привела к материализму и коллективизму.

Учащаяся молодежь, привыкшая разбираться в сложных теоретических вопросах, привыкала по иному смотреть и относиться к окружающей действительности. Приемы философской критики начинали переносить и на практическую политику. Буржуазная молодежь обосновывала права своего класса на участие в управлении уже не только соображениями практического, но также и доводами научно-философского характера.

В каждой из рассмотренных систем философии, сколь бы отвлеченной она ни казалась, в центре неизменно стояла одна и та же политическая проблема: борьба за конституцию и за права буржуазии. Южно-немецкие государства (Баден, Вюртемберг и др.) уже в 20-х годах перешли от сословного к представительному или конституционному образу правления. Хуже в этом отношении дело обстояло с обоими главными государствами Германии, с Пруссией и Австрией. Общевропейская реакция, возглавляемая Священным Союзом и князем Меттернихом, как нельзя более благоприятствовала консервативной политике отдельных держав. Но, несмотря на всю строгость правительственного надзора, атаки против абсолютизма не прекращались. Студенческая молодежь, подогреваемая лекциями либеральных профессоров, при всяком удобном случае выражала свой протест против правительственной косности. Один из подобных протестов имел место в год трехсотлетнего юбилея реформации (1817 г.) в Иенском университете. По существу праздник носил совершенно мирный характер; непочтение к правительству выразилось только в довольно неясных намеках в речах ораторов и в торжественном сожжении символов полицейского режима: капральской палки, офицерского корсета и произведений некоторых особенно непопулярных публицистов. Однако за Иенским праздником последовали карлсбадские постановления (1819 г.), наносившие серьезный удар либеральной оппозиции. Карлсбадские постановления лишали бюргерство очень важного органа распространения своих идей—университета. Новый регламент ставил университет под надзор правительственного комиссара, тщательно следившего за «духом преподавания»,

Борьба за конституцию.

запрещал студенческие организации, общества и землячества, суживал свободу печати и т. д. Карлсбадские постановления должны были вызвать бурю негодования в душе каждого профессора-бюргера. Особенно иронически звучала статья, формально запрещающая комиссарам вмешиваться

Символ революции (Штурм Бастилии 14 июля 1789 г.).

«в непосредственно научные и методические планы». Ирония состояла в том, что сами либеральные профессора не скрывали, что их научная работа совершенно неотделима от политической деятельности. «Плодотворность нашей деятельности,—писал один из видных представителей оппозиции

профессор Дальман,—обусловлена не столько научной ценностью наших лекций, сколько безупречностью нашего имени. Стоит учащейся молодежи убедиться в том, что мы легкомысленно играем нашей присягой,—как сейчас же пропадет вся священная суть нашего влияния». В некоторых государствах дело доходило до открытого столкновения между профессорской оппозицией и правительством, так в 1837 г. семь геттингенских профессоров (Гриммы, Дальман, Гервинус и др.) вынуждены были даже покинуть университет.

Университет был только одним из многих органов оппозиции. Другим сильным органом в руках бюргерской интеллигенции была пресса. Война на идеологическом фронте в Германии кипела не менее бурно, чем в Англии и Франции. При всяком удобном случае либералы напоминали о своей политической программе с ее конечной целью: уравниванием бюргеров в правах с юнкерством. Абсолютизм и господство дворянства при современных условиях,—говорилось, напр., в «Политическом Лексиконе» Роттека и Велькера,—являются уже политическим анахронизмом, а теории их защитников противоречат разуму и здравому смыслу. На аналогичной точке зрения стоял и популярный экономист Фридрих Лист, горячий защитник идеи Таможенного Союза и видный член «Немецкого общества торговли и промышленности». Период высокого развития промышленности Англии,—писал Лист в «Национальной системе политической экономии»,—совпадает с провозглашением национальной свободы и, наоборот, упадок венецианской, испанской и португальской промышленности стоит в прямой связи с утратой свободы. «Как бы прилежны, бережливы, изобретательны, интеллигентны не были люди,—все эти качества совсем не могут возместить отсутствия свободных учреждений».

Идейная борьба, особенно в 30—40-х годах носила крайне напряженный и страстный характер. Заострению мысли либеральных публицистов, кроме всего другого, способствовала также отчаянная защита своих точек зрения сторонниками абсолютизма, в рядах которых в то время находились Геллер, Генц, Савиньи, Шлегель и мн. др. Основным аргумент немцев консерваторов заключался в ссылке на политическую и культурную незрелость населения. Конституционная реформа, которой так горячо добиваются либералы,—писал юрист Савиньи,—будет опасным экспериментом над народным сознанием. Ни одна реформа не улучшает народную

жизнь, если она не вырастает органически из исконных начал национальной самобытности и исторических традиций. Либералы и консерваторы сплошь и рядом били друг друга одними и теми же аргументами, вплетая их только в различные контексты (связь). С историко-культурной точки зрения полемика консерваторов и либералов имела важные последствия в смысле расширения философского образования и формальной дисциплины мысли.

Выступление
пролетариата.

Значение либеральной оппозиции в сокрушении немецкого феодализма и абсолютизма оспаривать, конечно, не приходится. Но и по отношению к Германии остается в силе общий закон, что во всех революциях решающая роль принадлежит не либеральным публицистам, а трудящимся массам. В то время как буржуазия расширялась материально и планомерно вырабатывала свою идеологию, трудящиеся буквально умирали с голода. В Германии наблюдалась та же самая картина, что в Англии и во Франции: богатство одних выросло на обеднении других. Не рискуя переходить к новым способам производства, т.-е. к машинной технике, и в то же время вынужденный считаться с иностранной конкуренцией, предприниматель напрягал до последней крайности силы рабочих; особенно круто приходилось силезским ткачам. С 30-х годов в немецкой промышленности, после подъема первых десятилетий, наступила промышленная депрессия, продолжавшаяся до самого начала 50-х годов. Депрессия давила фабриканта, а фабрикант давил рабочего, стараясь ручного ткача заставить работать вровень с механическими станками его заграничных конкурентов. Понижение заработной платы и сокращение производства порождали голод и безработицу. На этой почве в 30—40-х годах в Силезии и других промышленных районах (Саксонии, Богемии, Вестфалии) происходили постоянные голодные бунты (картофельная война). В Силезии в 1844 г. напряжение достигло крайней степени, разрядившись огромным для того времени восстанием ткачей. Центром восстания сделались две деревни: Петерсвальдау и Лангенбилау. Восстание из Силезии перекинулось на соседнюю Богемию, захватила промышленные города Прагу и Вену, затем перешло на Баварию, Пруссию и т. д. Особенно грозно было то, что с рабочим движением переплетались крестьянские волнения. Промышленный застой и неурожай последних лет сильно задела деревенский пролетариат. Крупные экономии сокращали свое

производство и рассчитывали массу рабочих. Рабочие волнения и аграрные революции произвели глубокое впечатление на общественное мнение Германии, продолжая сохраняться в «Ткачах» Гауптмана и в песнях силезских ткачей Гейне.

Рабочие и крестьянские волнения, большей частью носившие стихийный характер, свидетельствовали еще о слабой организации немецкого пролетариата. Пролетарская организация в то время, действительно, была очень слаба, но тем не менее, она все же существовала. С тридцатых годов, в связи с рабочими и крестьянскими волнениями и под непосредственным впечатлением Июльской революции, в Германии и особенно за ее пределами возник целый ряд открытых и тайных союзов, основанных с общей целью поддержать эмигрантов и организовать германский пролетариат. Одним из первых союзов немецкой эмиграции, состоявших из представителей буржуазной интеллигенции и из рабочих, был «Немецкий Союз для защиты свободы слова» в Париже. Большое значение имел и тайный союз «Союз Опальных», руководимый доктором Венедеем и Шустером. Своей целью «Союз Опальных» ставил проведение в Германии принципов французской Декларации прав человека и гражданина. К этому же времени относится и возникновение «Молодой Германии», к которой принадлежали два радикальных немецких писателя—Гейне и Бёрне. После распада «Молодой Германии» наиболее радикальные члены этой организации из Швейцарии эмигрировали в Париж и вступили в «Союз Справедливых», пропитанный идеями социалистов-утопистов. «Союз Справедливых» выставил ряд радикальных требований: отмена частной собственности на землю, организация промышленных рабочих и т. д.

По сравнению с другими союзами, пролетарский характер «Союза Справедливых» выражен уже достаточно определенно. «Мы, рабочие,—гласил текст присяги, требовавшийся от всех вступавших в союз,—устали, наконец, работать на тунеядцев, жить в нищете, тогда как другие живут в роскоши; мы больше не хотим нести тягот, взваливаемых на нас эгоистами, мы не хотим впредь уважать законы, осуждающие на унижение, лишение, презрение и невежество самый многочисленный и самый полезный класс людей и дающие в руки какой-то горсточке средства быть господином трудящейся массы. Мы хотим быть свободными, мы хотим, чтобы все люди на земле были свободны, чтобы никому не жилось

Демократические и рабочие союзы.

лучше или хуже, чем другому, чтобы все сообща испытывали общие тяготы, страдания, радости и наслаждения». Бёрне предостерегал от доверия либералам. Конституции, о которых так много теперь кричат либералы, ничего не дают пролетариату; конституции—это сплошное надувательство. «Народ, который хочет добыть свободу, должен силою отнять ее. Тот, кто смиренно просит, не получит ничего, кто угрожает—получит немного, все получит только тот, кто пускает в ход силу». И тем не менее, несмотря на весь свой радикализм, «Союз Справедливых» больше напоминал ассоциацию недовольных, нежели действительно руководящий орган промышленного пролетариата. По своей идеологической тактике «прямого действия» он примыкал к старинным заговорщическим союзам ремесленников. Психология и философия «Союза Справедливых» необыкновенно ярко воплотились в личности и статьях главного его руководителя и председателя Вейтлинга.

Так же, как и его французский товарищ Бланки, Вейтлинг на собственной жизни испытал все особенности буржуазного режима, как-то: нищету, унижение, презрительное отношение богатых и сильных и т. п. Обладая большим революционным темпераментом и кипучей энергией, Вейтлинг так же, как и Бланки, бросился на борьбу с капитализмом. Человечество, заявлял он в своей брошюре «Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть», дальше в таком виде не может продолжать своего существования, ибо оно вырождается и физически и психически, поэтому необходимо немедленное его оздоровление и возрождение. Возрождение,—говорил Вейтлинг,—может дать только коммунизм,—к о м м у н и з м, наступление которого абсолютно неизбежно, раз только люди поймут всю привлекательность этого строя. Просвещение пролетариата в системе Вейтлинга было краеугольным камнем всего его учения. Новое просвещение и коммунистический строй,—учил Вейтлинг,—достаточно глубоко могут быть поняты и оценены только трудящимися и угнетенными классами. Принципиальным врагом всякого буржуазного порядка и борцом за коммунистическое общество Вейтлинг считал городской люмпенпролетариат. Люмпенпролетариат пойдет на всё, ибо этим людям уже действительно нечего терять. Для своей эпохи, когда обнажились отрицательные стороны капитализма, но когда еще не было организованного класса индустриального пролетариата, Вейтлинг очень типичная и яркая фигура.

Отчетливую формулировку программа и философия промышленного пролетариата получили лишь на самом кануне революции в «Коммунистическом Манифесте» Маркса и Энгельса. Оба автора «Коммунистического Манифеста» обладали счастливой особенностью, сочетания всестороннего образования с тонким (интуитивным) пониманием своей эпохи. Рейнско-Вестфальская провинция, в которой жил Маркс, по характеру своего производства более походила на Западную Европу, нежели на остальную Германию. В этой области мелкая промышленность уже давно уступила место крупному производству; диктатура машин и капитала здесь уже никем всерьез не оспаривались. Именно в кругах рейнской буржуазии и возникла мысль о введении пошлин на привозные товары и связанная с ней идея Таможенного Союза. Короли рейнской буржуазии, Кампгаузен и Ганзман, в 1840 г. основали радикальную «Рейнскую Газету», в которой сотрудничали лучшие литераторы Германии: Бруно Бауэр, Штирнер, Гесс и Маркс. В 1842 г. редактором газеты сделался Карл Маркс, к тому времени в значительной степени уже сложившийся человек. Участие в младо-гегелианском кружке, возглавляемом Бруно Бауэром, усиленное занятие французским социализмом, философией и политической экономией не прошли даром для восприимчивого мозга Маркса. Много дала Марксу также и дружба с Энгельсом (1820—95 гг.), человеком философски образованным и большим знатоком истории и жизни английского пролетариата. Переселившись после закрытия «Рейнской Газеты» в Париж, Маркс в «Германо-Французских Ежегодниках» выяснял утопическую сторону французского социализма и в основных чертах уже наметил свою философско-политическую платформу. Под влиянием Маркса произошла переформовка и очищение идеологии «Союза Справедливых», с 1847 г. превратившегося в «Союз Коммунистов». Изданный в этом году «Коммунистический Манифест» завершил первый период деятельности Маркса и Энгельса, как бы проводя грань между эпохой ремесленно-мануфактурного и индустриального пролетариата. Второй период работы вождей пролетариата относится уже ко второй половине XIX столетия и потому будет рассмотрен в другой связи во второй части книги. Годы же после Февральской и Мартовской революций были посвящены Марксом и Энгельсом, помимо организационной практической работы, теоретическому углублению пролетарской (марксистской) социологии.

Идеология
промышлен-
ного проле-
тариата.

VI. СТОЛКНОВЕНИЯ ТРУДА И КАПИТАЛА.

1. Чартизм.

Чартизм.

В конце тридцатых годов экономический кризис в Англии достиг крайне высокой степени напряжения. В связи с ним поднималась и волна рабочего движения. Положение становилось безысходным. Прежде, (до 1834 г.), согнанные со своих наделов и ненаходившие работы крестьяне, вместе с городским пролетариатом, пользовались хоть небольшой поддержкой со стороны государства. Но вследствие участившихся торгово-промышленных кризисов число безработных беспрестанно возрастало, а вместе с безработицей возрастал и налог в пользу бедных. Плательщики налога засыпали парламент петициями об отмене налога. Парламент пересмотрел старые законы о бедных, признал их несоответствующими изменившемуся порядку вещей и в 1834 г. принял новый билль, стеснявший дело благотворительности. Точку зрения защитников билля в палате лордов выразил депутат Брум, заявив, что «всякая благотворительность противоречит принципам политической экономии». Согласно биллю 1834 г., безработные должны были направляться в особо устроенные рабочие дома, беспрекословно подчиняясь казарменной дисциплине этих учреждений. Время сна, еды и отдыха, костюм, книги, часы посещения родственников и т. д.,— все тщательно предусматривалось новым уставом рабочих домов. Эгоистическое поведение парламента заставило рабочих искать иных путей осуществления своих прав на часть общественных доходов. «Если бедные люди в нужде лишены своего законного права помощи, то какой естественный или человеческий закон может лишить их права взять то, что им нужно, чтобы не умереть с голода? Грабеж и насилие станут необходимы»,— предупреждал парламент депутат Коббетт.

Чем сильнее обострялся кризис, тем все настойчивее и чаще поступали в палату петиции. В течение одного 1838 года в палату коммонеров было подано 330 петиций с 268 тысячами подписей, требовавших полной или, по крайней мере, частичной отмены билля о бедных. Параллельно с подачей петиций, все время продолжали собираться митинги, на которых бурно обсуждались вопросы текущего момента. В истории английского рабочего движения, кроме уже упоминавшегося манчестерского митинга, большое значение имел глэзговский митинг 38 г., на котором, (по словам чартистских историков) присутствовало более 200 тысяч человек, преимущественно рабочих. Глэзговский митинг был обставлен особой торжественностью: играли 40 оркестров музыки, развешались сотни флагов, и в течение целого дня по улицам дефилировали процессии. В конце 38 г., в день празднования коронации королевы Виктории, в Ньюкэстлэ произошла одна из самых решительных демонстраций. Лозунгом демонстрации было: тираны жестоко заплатят за поправную ими свободу!

Петиция
38 г.

По мере нарастания безработицы и голода, рабочие от частичных выступлений все чаще и решительнее начинали переходить к большим демонстрациям и массовым протестам. Возникшая два года тому назад «Лондонская Ассоциация Рабочих» в 38 г. обратилась к другим подобным же ассоциациям с предложением обсудить и принять выработанную ею «Народную Хартию». По-английски «Народная Хартия» называлась People's Charter, что и дало всему движению 30—40-х годов название чартизма. Предложение «Лондонской Ассоциации» было принято и хартия одобрена. Члены ассоциации, первое время еще не разочаровавшиеся в парламенте, действовали в полном согласии с традицией, надеясь достичь своих целей мирным путем. Требования чартистов, находившихся под влиянием радикалов и оуэнистов (Ловетт), были главным образом политического характера и сводились к шести основным пунктам: всеобщая подача голосов, ежегодные выборы в парламент, тайная баллотировка, отмена имущественного ценза, вознаграждение членов парламента в период исполнения ими своих обязанностей и равные избирательные округа. «Народная Хартия» в виде петиции была подана королеве Виктории и парламенту.

Петиционеры почтительно изъяснили мотивы, побудившие их обратиться к «достопочтенным общинам Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии». «Мы, ваши просители, — говорилось в предисловии, — живем в стране, торговцы которой отличаются предприимчивостью, фабриканты — знатоки своего дела, искусство рабочих вошло в пословицу. Сама по себе страна прекрасна, почва ее плодородна, климат здоров; она в изобилии снабжена материалами для торговли и промышленности; в ней есть много удобных гаваней; по легкости внутреннего сообщения она превосходит все другие страны» и т. д., однако, за почтительным введением следовало грустное продолжение, в котором черными красками описывалось то бедственное положение, в котором находится вся страна и особенно рабочий класс. «Мы изнемогаем под бременем налогов, которые, несмотря на это, оказываются далеко недостаточными для нужд наших правителей; наши промышленники трепещут на краю банкротства. Наши рабочие умирают с голоду, капитал не дает дохода, и труд не оплачивается; жилище рабочего опустошено, а лавка ростовщика полна, рабочий дом переполнен, а фабрика обезлюдела». Заветной мечтой народа всегда было, что средства от незначительной части, если не от всех своих обид и страданий, он найдет в билле о реформе 1832 г. Но, увы! Народ был горько и низко обманут. «Плоды, казавшиеся столь привлекательными для взоров, превратились в пыль и прах, когда их собрали!». Рабочие, на своих плечах вынесшие нелегкую борьбу с аристократическим парламентом, оказывается, все это проделали для других, не получив ничего для себя. «Акт о реформе» лишь передал власть от одной господствующей партии другой, оставив народ столь же беспомощным, как и прежде. «Наше рабство сменилось тем, что мы стали как бы цеховыми учениками свободы, что еще усилило мучительное чувство нашего социального унижения, прибавив к нему горечь от вновь несбывшейся надежды».

Вторая петиция.

После неудачи первой петиции, под влиянием промышленного застоя 40-х годов, настроение чартистов стало уже значительно радикальнее. Экономические требования теперь определенно выступили на передний план. Место умеренных вождей первого периода (Ловетт и Атвуд) заняли сторонники «физической силы» О'Коннор и О'Брайанн, глав-

ным образом поддерживаемые индустриальным пролетариатом. Сильнее давала себя чувствовать на этот раз и главная организация рабочих «Национальная Чартистская Ассоциация». Общее число организованных рабочих, расписанных по 400 местным секциям, в это время доходило уже до 40 тысяч. В 1842 г. чартисты обратились в парламент со второй петицией, подписанной $3\frac{1}{2}$ миллионами лиц и торжественно внесенной в парламент на плечах 60 депутатов. Сравнительно с первой тон и требования второй петиции сильнее и радикальнее. «Подкуп, устрашение, разврат, лжесвидетельство и личные столкновения,—говорилось в предисловии ко второй петиции,—преобладают во всех парламентских выборах. Об их размерах лучше всего известно членам вашей distinguished палаты. И поэтому ваши просители жалуются на то, что они обременены чудовищными налогами для уплаты процентов по так называемому национальному долгу, который в настоящее время составляет 800 миллионов фунтов стерлингов и является только частью громадной суммы, растраченной в жестоких и расточительных войнах, направленных на подавление свободы». Суммы эти растрачены людьми, которых народ не уполномочивал и которые поэтому не имели ни малейшего права заставлять потомство тяжким бременем налогов расплачиваться за обиды, которые они нанесли человечеству. В Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе люди тысячами умирают от острой нужды и, вынужденные нищетой, совершают преступления, ибо «нищета—самая главная причина всех преступлений». В одном из параграфов петиционеры едко отметили, что, в то время как «ее величество ежедневно получает для своих частных нужд 164 фунта, многие тысячи рабочих семейств имеют дневной заработок $3\frac{3}{4}$ пенса на человека; его королевское величество принц Альберт получает каждый день сумму в 104 фунта, в то время как тысячи должны существовать на три пенса в день».

Вторую петицию постигла та же участь, что и первую: она была отвергнута парламентом без обсуждений. Парламент легко отделался от требований петиционеров потому, что начавшееся с 43 г. промышленное оживление раскололо и ослабило ряды чартистов; часть рабочих, получивших работу, стала равнодушна к общим вопросам, между вождями начались пререкания по личным вопросам,—словом, наступила временная реакция.

Последняя
вспышка
чартизма.

В последний раз чартистское движение поднялось в 1848 г. опять в непосредственной связи с кризисом конца 47 г. и под свежим впечатлением Февральской революции. «Национальный Конвент» чартистов выработал третью петицию для подачи в парламент, подписанную 5½ миллионами людей. Положение становилось напряженным, Лондон был переведен на военное положение и боевой герцог Веллингтон получил от парламента неограниченные права над городом. По первому призыву герцога 150 тысяч молодых людей зажиточных семей предложили свои услуги в качестве добровольцев. До генерального сражения дело не дошло: не имевшие должного опыта чартистские вожди упустили момент и разрознили свои силы; представители же имущих классов, напротив, быстро поняли всю серьезность положения и вовремя сорганизовались.

Историческое место
чартизма.

С культурно-исторической точки зрения чартистское движение поучительно во многих отношениях. Прежде всего интересны причины его ослабления. Основные причины ослабления чартизма заключались, во-первых, в крепости господствующих классов, все время находившихся в борьбе и потому еще не успевших ослабить своей энергии, затем в начавшемся с конца 40-х годов повышением экономической жизни. В конце концов можно даже сказать, что весь чартизм был забастовочным движением, возникшим на почве безработицы. Тесная связь забастовочной волны с безработицей достаточно ясно выступает из нижеприводимой таблицы, показывающей процент безработных сталелитейщиков в период с 30-х по 50-е годы.

1830— 6%	1846—19%
1832— 7%	1847—16%
1833— 8%	1848—33%
1837—12%	1849—22%
1838—10%	1850—13%
1840—15%	

Главная же причина поражения чартизма—пестрота социального состава чартистских организаций.

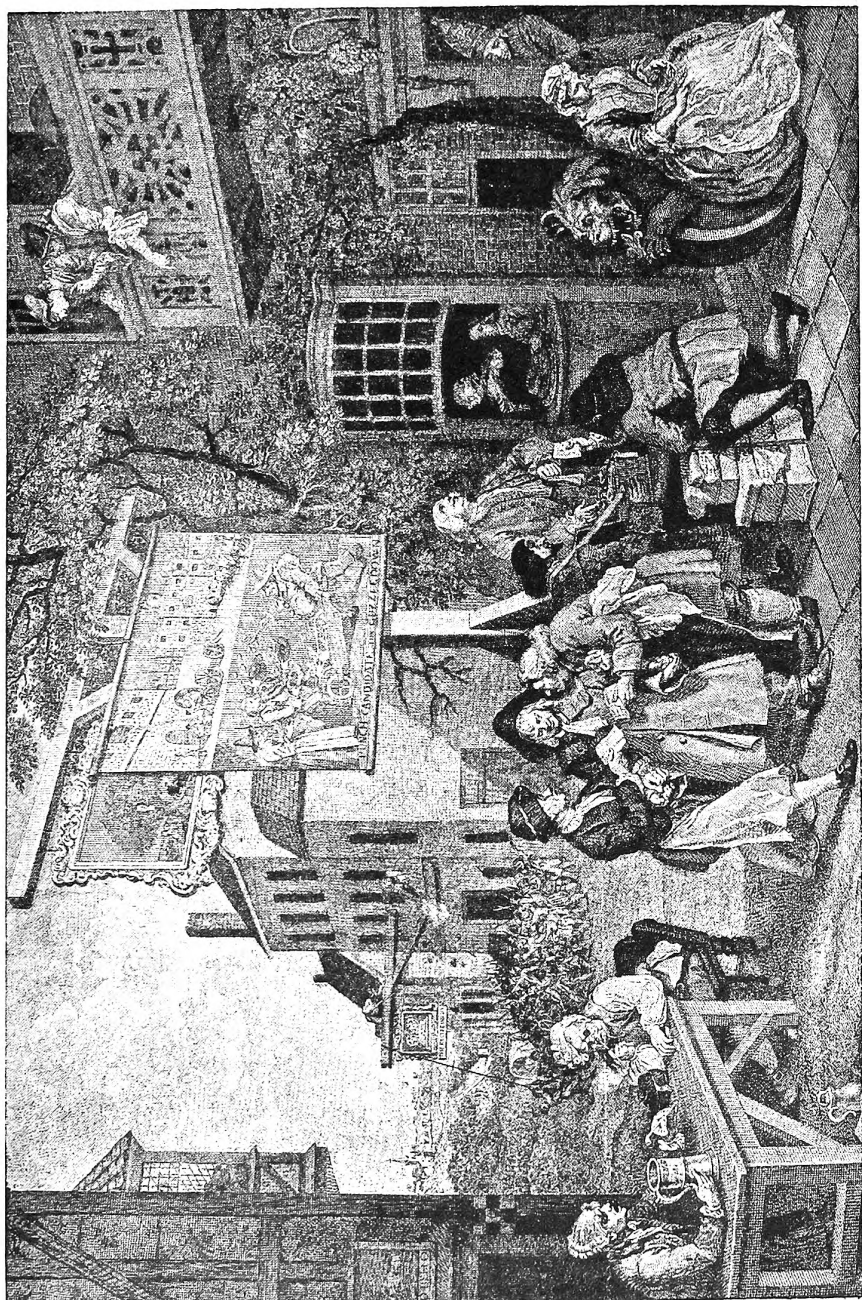
Распыление чартистского движения показало, что история отдельных стран тесным образом связана с общей историей Европы, и что поэтому, поражение на одном фронте означает поражение и на другом. Французские, германские и австрийские рабочие в конце концов бились за те же самые

идеалы, за которые сражались и умирали их английские собратья чартисты. И потому проигрыш одних в то же время говорил и о неудачах других. Чартизм, как и всё рабочее движение на континенте в сороковых годах, можно определить, пользуясь удачным выражением Энгельса, как компактную форму оппозиции трудящихся против буржуазии. «В образе чартизма против буржуазии восстает весь рабочий класс, и восстает он, главным образом, против политической власти буржуазии, против той стены законов, которой она себя окружила. Чартизм—дитя демократической партии, развившейся в восьмидесятых годах XVIII в. одновременно с пролетариатом и внутри его самого».

В первое время чартистское движение было широким движением народных масс, недовольных своим экономическим положением вообще и требовавших от правительства, главным образом, политических реформ, являвшихся, по общему мнению той эпохи, целительным средством от всех бед и немощей. Когда же правящие общественные группы дали энергичный отпор, то движение чартистов стало колотиться, и тогда в нем ярко обнаружились различные течения. Прежде всего от общего движения откололась более состоятельная часть рабочих, образовавшая самостоятельную группу «моральной силы», руководимую столяром Вильямом Ловеттом. Ловетт усиленно проповедывал идею мирной ассоциации и отказ от политической борьбы, как ненужной и бесполезной растраты сил. Партия «моральной силы» противостояла партии «физической силы», возглавлявшаяся редактором «Северной Звезды» О'Коннором. Партия «физической силы», в свою очередь, впоследствии раскололась, выделив из себя группу О'Брайенна, перенесшего центр внимания из области политической в область социальных реформ. Следствием противоречивости социальных элементов, входивших в состав чартистов, были сильные распри между вождями движения, при чем одним ставилось в вину их соглашательство и «трезвенность», а других упрекали в честолюбивых стремлениях и в демагогии.

Мелко-буржуазный характер чартизма.

Быт, традиции, нравы, одним словом, психология или «дух времени» наложили свою печать даже на, казалось бы, самых радикальных чартистов. В этом отношении интересно, напр., суждение о коммунизме только что названного ирландского адвоката Фергюса О'Коннора. О'Коннор выступал прин-

Выборы в парламент.

ципальным противником коммунизма, заимствуя аргументы из ходячей мелкобуржуазной философии. «Я был и, думаю, навсегда останусь противником коммунизма в том виде, как он провозглашается различными теоретиками». Дальше следовали те соображения, которые отвращают О'Коннора от коммунизма.

О'Коннор вполне разделял экономически - реакционную точку зрения широких слоев среднего класса, поддерживая популярный в его время лозунг *back to the land*, т.е. «назад к земле», к ремесленным мастерским и ручным станкам. Положение страдающей бедноты и восстановление ныне нарушенного социального равновесия—учил О'Коннор,—может восстановить лишь национализация земли и уничтожение машин. Жилище каждого поселенца во время длинных зимних вечеров, должно сделаться местом оживленной домашней промышленности. Портной или сапожник не утратит своего искусства от того, что он научится обращаться с лопатой. Они будут работать изделия на продажу лишь в свободные от полевых работ часы. Социальное равновесие восстановится в тот момент, когда земледелие сделается основой экономического строя и будет занятием большей части населения. Промышленность же, соответственно этому, займет второстепенное положение.

На той же точке зрения мелкой буржуазии стоял и издатель «Лондонского Демократа» Кумб. В комментарии «Народной Хартии» Кумб разъяснял, что социальное равенство означает не что иное, как то, что горы богатств должны быть разрушены для того, чтобы заполнить долины нужды. Социальное равенство означает, что тысячи голов крупного скота и свиней не должны ежегодно вывозиться из Ирландии, в то время как население ее умирает с голоду и погибает от недостатка одежды, и крова. Социальное равенство означает, что слишком большая наглость иметь четыре блюда за обедом,—например, рыбу, мясо, дичь и пуддинг, с соответствующей выпивкой в придачу,—в то время как бедные труженики, потом и кровью которых произведены все эти вкусные вещи, влачат самое жалкое существование, не имея возможности удовлетворить самые насущные потребности. Короче, «социальное равенство означает, что каждый будет иметь хорошенький домик с садиком впереди дома или позади его—как ему заблагорассудится».

Переплетение революционных настроений и реакционных мотивов, характерное для Кумба, составляет сущность проповеди и священника-методиста Стефенса. Прodelав напряженную умственную работу, Стефенс пришел к выводу, что богачи и владельцы фабрик прежде всего нарушают «учение нашей святейшей религии», разрушают здоровье рабочих и деморализуют широкие народные массы. Люди ученые и интеллигентные не только с этим злом не борются, но, напротив, ему помогают, проповедуя такие безысходные теории, как «хваленые открытия» Мальтуса, этот «метампсихоз идолопоклонничества», прикрытые наглостью обманчивой философии и обрядностью ложной науки. Если дело и впредь будет продолжаться,—говорит Стефенс,—таким образом, то «фабричная система» превратит общество в тупых идиотов и даже грозит ему полным уничтожением.

Рассуждения Кумба и Стефенса, во многих отношениях до крайности наивные, характерны для начала рабочего движения, еще не отделившегося от мелкобуржуазных движений ремесленников, нередко окрашенных в религиозно-мистические цвета.

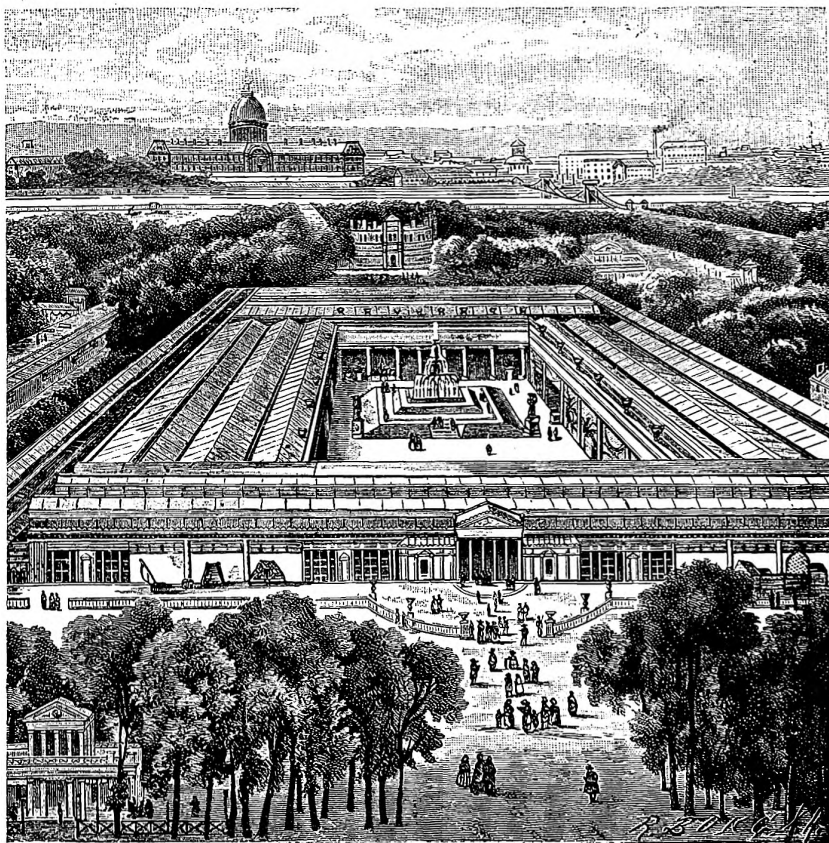
2. Февральская революция.

Парламент-
ская оппозиция.

По мере приближения 48 года тон оппозиции начинал повышаться. К голосу депутатов начинали больше прислушиваться широкие слои народа. В палате борьба тогда велась между тремя влиятельными партиями: правым центром, возглавляемым Гизо, левым центром Тьера, и т. наз. династической левой с Одилоном Барро во главе. Лидеры оппозиции, уязвленные пренебрежением министров Людовика-Филиппа, открыто призывали к низвержению существующих порядков. «Революции,—писал один из республиканских вождей Годфруа Кавеньяк,—это единственные страницы в истории, которые заслуживают, чтобы открыли книгу и занялись ею». Перед властью Конвента, выбранного на началах всеобщего избирательного права, «мы хотели бы броситься на колени; не защищаться, а склонить голову». В более резких тонах нападал на правительство Гизо орган Ледрю-Роллэна. «Народный Журнал», после закрытия переименованный в газету «Реформа». Но как ни шумлива и ни остра была парламентская оппозиция, все же на верхах больше боялись рабочих, нежели либеральных журналистов.

Опасение правительства и имущих классов имело свои основания. В 40-х годах число рабочих, как во Франции, так и в других странах достигало уже внушительной цифры. Так, по данным 48 г. число рабочих, (по преимуществу ремесленников и мануфактуристов), печатников, столяров, ювелиров, каретников, пищевиков и т. д., в одном Париже превышало

Настроение
пролетариата.

Индустриальная выставка в Париже в 1849 г.

200 тысяч мужчин и 112 тысяч женщин, не считая детей и подростков. На положении пролетариата особенно неблагоприятно отражалась острая конкуренция, (вследствие неблагоприятной для Франции международной конъюнктуры), между промышленниками. Депрессия сопровождалась хозяйственными кризисами, перерывами в работе и понижением за-

рабочной платы. Накануне Февральской революции в одном Париже на 1 миллион населения насчитывалось более 150 тыс. безработных. «Какой-то тяжелый стон раздавался по временам не в камере и не в редакциях газет «Националь» и «Реформа», а в мастерской и у изголовья людей, умиравших от нужды... Со скамьи подсудимых часто слышались страшные признания и обвинения безобразному общественному устройству от людей, которые, отправляясь на галеры и в тюрьмы, бросали мрачные слова на прощание». Бесконечные мятежи, заговоры и покушения на жизнь короля, красной нитью проходящие через всю Июльскую монархию, являлись ярким показателем общественного настроения. Так, ещё не успели притти в себя от мятежа в Гренобле в марте 32 г., как в июне того же года вспыхнул мятеж в Париже, стоивший жизни пятисот национальных гвардейцев и стольких же со стороны восставших. За мятежом в Париже последовало восстание рабочих-подмастерьев в Лионе, затем волна недовольства и мятежей прокатилась в Сен-Этьене, в Марселе, Клермоне и Пуатье. Из всех этих восстаний наибольшее значение по своим размерам имело восстание в Лионе 1831 года, вызванное торговым кризисом 30-х годов, понижением заработной платы и увольнением нескольких тысяч рабочих. Толпы уволенных рабочих с лозунгом: «жить трудясь, или умереть сражаясь», захватили в свои руки фабрики и в течение нескольких дней владели городом. Кроме требования увеличения заработной платы, лионцы настаивали на сохранении рабочих союзов и ассоциаций, на которые покушалось лионское городское управление и королевское правительство: «закон против ассоциаций в настоящий момент обсуждается в палате пэров. Не может быть сомнения в том, что он там будет принят и в самом непродолжительном времени будет расклеен на наших улицах. Эти люди, граждане, собираются уничтожить не только нашу национальную честь и свободу, но они также покушаются на нашу жизнь и на наше существование». Ответом на лионское восстание со стороны палаты было издание сентябрьских законов 1835 г., сужавших конституцию и грозивших карами за покушение на принцип частной собственности и, за возбуждение одного класса против другого.

Тайные клубы.

Правительственные угрозы, однако, не достигли той цели, на которую они рассчитывали. Вместо того, чтобы исчез-

нуть, оппозиция ушла вглубь и из открытой превратилась в тайную. Сентябрьские законы воскресили старинный тип революционных организаций, тайные союзы, хорошо известных еще средневековым и римским сектантам. Начиная с конца 30-х годов, тайные союзы или тайные клубы возникали во всех странах Европы, но наибольшее распространение они получали во Франции. Как и всякая тайная организация, тайные клубы имели ограниченное число членов, но эти члены были связаны друг с другом сознанием важности их союза, взаимным доверием и напряженным ожиданием внезапного нападения со стороны врагов. Таким образом создавался своего рода вооруженный коллектив, готовый по первому же зову броситься в бой. Создался и особый тип вождя тайных клубов, совсем непохожий на вождей легальной (допущенной законом) оппозиции, Бланки, Барбэ, Распайль, Бернар, т.-е. самые неутомимые и последовательные революционеры 40-х годов, как раз и были организаторами тайных клубов. Образцом тайной организации может служить клуб «Времен года» руководимый Бланки, Барбэ и Бернаром. Основной единицей служила «неделя», т.-е. коллектив из 6 человек с «воскресением во главе». Недели объединялись в «месяц» под командой «июля», далее 84 человека составляли «время года» под начальством «весны», 152 человека составляли «год», или батальон под командой революционного агента. Члены «Времен года» были всегда вооружены, пользовались сложной символикой, избегали письменных знаков, подозрительно относились к другим организациям, строго соблюдали принцип конспирации и отличались большим фанатизмом. Общее число членов этого клуба не превышало 850 человек. Клубная организация создавалась при Июльской монархии, когда действовали исключительные законы, но свою широкую работу клубы развернули во время Февральской революции, служа революционно-организационными ячейками, направлявшими волю рабочего класса. С ослаблением революции клубные организации не умерли; они продолжали существовать и во второй половине столетия, приняв другие наименования и приспособив свою тактику к изменившимся условиям жизни.

К концу 47 года имелись все элементы для революции. Для того, чтобы свалить министерство Гизо, не хватало только последнего толчка или повода, но и ближайший повод не

Февральские дни.

заставил себя долго ждать, то были, во-первых, общеевропейский экономический кризис, создавший застой в сбыте предметов французской индустрии и сельского хозяйства и, во-вторых, голод, совпавший с ослаблением промышленности и с усилением безработицы. К этому присоединилось еще общее недовольство внешней политикой Июльской монархии, обнаружившей слабость в восточных и египетских делах. Французская дипломатия испугалась категорических требований английского дипломата Пальмерстона и уступила по самым важным вопросам, а это неблагоприятно отразилось на французских финансах. В последнюю перед революцией сессию палата открыла резкую критику иностранной политики королевского правительства, выставя ее главной причиной кризиса. Возбуждение, вызванное критикой внешней политики Гизо, построенной на принципе нейтралитета (невмешательства), послужило последней каплей, переполнившей чашу общественного недовольства. Трон Людовика-Филиппа начал колебаться; все говорило за то, что приближается революция. Как и в 1789 году, революция пошла из деревни. Неурожай 46—47 г. вызвал брожение в деревне, выразившееся в разгроме имений, зерновых ссылок и в убийстве богатых землевладельцев. Волна аграрной революции катилась от одной деревни к другой, пока, наконец, не достигла до стен Парижа.

К концу 47 года было ясно, что произойдет одно из двух: или монархия Людовика-Филиппа, поставленная под двойное испытание торгово-промышленного кризиса и голода, пойдет на существенные уступки оппозиции, или же в случае упорства, она должна будет пасть. Осуждение палатой иностранной политики правительства окончательно похоронило надежду на мирный исход. После речи Людовика, произнесенной в палате в конце 47 г., в этом отношении не было уже никаких сомнений. «Все ныне происходящие в стране народные движения,—заявил король,—правительством рассматриваются не более, как прямая агитация, возбуждаемая враждебными или слепыми страстями, и что правительство при настоящих условиях не считает целесообразным вносить какие-либо законопроекты в палату». Правительственная пресса еще, с своей стороны, усилила невыгодное впечатление от королевской речи, старательно подыскивая теоретические оправдания речам и действиям правительства. Парла-

ментская атмосфера с каждым днем все сгущалась и положение министерства Гизо, несмотря на его умение путем всевозможных махинаций собирать большинство палаты, начинало колебаться. Первым требованием всей оппозиции были избирательная реформа, уничтожение ценза и распространение избирательных прав на студентов.

С целью более решительного и в то же время мирного воздействия на правительство в Париже был образован избирательный комитет. Комитет находился в связи с такими же комитетами в провинциях и, опираясь на них, устраивал по всей стране банкеты. На этих банкетах, которых в течение 47 г. было устроено не менее 70, выступали видные лидеры оппозиции: Тьер (после своей отставки перешедший в лагерь оппозиции и считавший Гизо своим личным врагом), Одилон Барро, Ламартин и др. Один из таких банкетов предполагалось устроить в Париже 22 февраля 48 года при открытии новой сессии. Оппозиция хотела использовать сильное возбуждение умов, вызванное хозяйственным кризисом и аграрными беспорядками. Но правительство, опасаясь участия в банкете национальной гвардии, запретило этот банкет. Ответом на запрещение была демонстрация студентов и рабочих, покрывших город баррикадами. На улицах Парижа закипел бой с правительственными войсками, во время которого восставшие потеряли 289 человек, а защитники 22 национальных гвардейца и 50 линейных солдат. Тотчас же изменился весь темп жизни города: улицы были запружены толпами народа, повсюду устраивались митинги, на которых выступали импровизированные ораторы, появились сотни революционных прокламаций и газет. Нахлынувшие в Тюльерийский дворец массы народа перепугали депутатов палаты, потерявших голову при первом же выступлении народа. «В последние дни февраля в палате была полная растерянность,—повествует в своих мемуарах депутат-историк Токвиль,—раздавались вопросы, слышались предсказания, высказывались противоположные суждения и опасения, но желания всех склонялись скорее в сторону примирения, нежели в сторону борьбы; нигде никакой активности». Желание большинства членов палаты было весьма скромно: заменить кабинет Гизо более податливым министерством, не трогая короля. «Я ничего другого, как только низвержения Гизо, не желаю, и если только палата не будет распущена

и реформы не будут чрезмерны, я покину оппозицию», — рассуждал один из рядовых депутатов Дюмон.

Большинство палаты даже не хотело и слышать о свержении короля и, значит, тем более о провозглашении республики. Тьер и либеральный генерал Бюжо открыто заявляли, что они в такой грозный час не считают возможным оставить короля. Однако старания Тьера и Бюжо, этих, по выражению Бисмарка, «Zuckerbrot und Peitsche» ¹⁾, остались напрасными. С победой революции не только пало министерство Гизо, но и Людовик-Филипп вынужден был отречься от престола и покинуть Францию. Дальнейший ход событий не оправдал предположений далеко не одного только Тьера. Стихийность и быстрота событий перепутали все планы и расчеты. «Революция 24 февраля, — писал в письмах из Франции Герцен, — вовсе не была исполнением подготовленного плана; она была гениальным вдохновением парижского народа; она, как Паллада, вышла разом вооруженная и грозная из народного негодования; этот удар грома, внезапно осуществивший давно скопившиеся, но далеко незрелые стремления». Очевидно было лишь одно, что свержение трона составляет только самый первый и очень короткий период революции. Главное затруднение оказалось не в свержении старой власти, а в организации новой. При сложном строении французского общества и при сильном расхождении интересов отдельных классов, требовалось исключительное искусство для того, чтобы спаять эти классы. Собственно говоря, в усилия руководящих органов и лиц согласовать интересы двух основных классов — буржуазии и пролетариата и протекает вся Революция 48 г.

Временное
Правитель-
ство.

Дальнейший ход событий Февральской революции представляется в следующем виде: 24 февраля составилось в палате и в ратуше (думе) Временное Правительство в составе Ламартина, Ледрю-Роллена, Гарнье-Пажеса, Мари и др. умеренных республиканцев, представителей «среднего класса». Интересы более радикальных групп мелкой буржуазии и рабочих представляли секретари Временного Правительства: журналист Марра, Флокон руководитель «Реформы», популярный писатель — социалист Луи Блан и мало кому известный механик Альбер. Пестрый состав Временного Прави-

¹⁾ Сладкий хлеб и кнут.

тельства неблагоприятно отразился на всем ходе его работы. В выпущенной им прокламации к народу говорилось, что реакционное правительство Гизо ниспровергнуто героизмом парижского народа. Кровь народа текла и в июле, но на этот раз эта великодушная кровь не будет обманута! «Свобода, равенство и братство будут служить отныне принципами, а народ девизом и лозунгом нового правительства». Таков был исходный идеологический пункт Февральской революции. В целях осуществления этого принципа, Временное Правительство первым делом приступило к организации армии. Истинное желание Правительства,—говорилось

Освящение дерева „Свободы“.

в прокламации,—создать единство армии и народа, а для этой цели необходимо немедленно восстановить прерванное единство. Население же должно помочь Правительству, воздействуя на дезертиров и солдат, ибо страна никогда не нуждалась в армии так, как она нуждается в ней в настоящее время. Наиболее целесообразной мерой восстановления единства армии и народа было признано формирование 24 батальонов летучей гвардии (*garde mobile*), хорошо оплачиваемой и вербовавшейся из рядов босяцкого пролетариата.

Прямым назначением летучей гвардии, (по идее ее организаторов), являлась не только борьба со «старым порядком», но еще в большей степени борьба с пролетариатом. «В то время единственную силу представляла национальная гвардия, на вербованная из буржуазных классов. Но гвардия не чувствовала себя способной справиться с пролетариатом. Кроме того, она была вынуждена, хотя и после сильного сопротивления, воздвигая тысячи различных препятствий, постепенно и частично разомкнуть свои ряды, чтобы пустить в них вооруженных пролетариев. У правительства оставался один выход: противопоставить одной части пролетариев другую», — писал Маркс в «Борьбе классов во Франции». Но формирование летучей гвардии, как показали последующие события, заключало в себе двоякого рода опасность: с одной стороны, между старой и еще не распущенной национальной гвардией и батальонами новой гвардии неминуемо должна была возникнуть непримиримая вражда, а с другой, в случае серьезных испытаний или просто в случае задержки выплаты жалования, наемная армия свободно могла перейти и на сторону врага. Действительность вскоре подтвердила и то и другое. При свержении Национального собрания и утверждении Второй Империи принц Луи-Бонапарт больше всего сторонников нашел именно в рядах босяцкой армии.

Националь-
ные мастер-
ские.

Временное Правительство полагало, что, имея твердую опору, оно скорее разрешит экономический кризис, который тогда переживала страна и который ближайшим образом вызвал революцию. «Временное Правительство, — говорилось в одной из многочисленных прокламаций, — обязуется обеспечить трудом всех граждан». Практической мерой обеспечения права на труд в то время считали национальные или государственные мастерские, частично уже испробованные Неккером в первую Революцию. Идея национальных мастерских тесно связывалась с именем популярного писателя 40-х годов Луи Блана (1811—83 гг.).

К идее национальных мастерских Луи Блан пришел путем длинной цепи рассуждений. В полном согласии с социалистами-утопистами Луи Блан подверг беспощадной критике современное ему общество. Свободная конкуренция, опустошение деревни, огромный рост городов, хроническая анархия в экономике, жестокая эксплуатация меньшинством большинства, преступность, проституция, физическое и мо-

ральное вырождение,—вот симптомы современного общества. В настоящее время вся задача сводится к тому, чтобы найти, каким путем выйти из критического положения. Наблюдение же над фактами современной и прошлой жизни показывает, что центральной пружиной общественной эволюции является соперничество между буржуазией и пролетариатом. Объективным ходом вещей определяются и очередные задачи пролетариата: трудящиеся прежде всего должны помнить о своих классовых интересах, а это достигается организацией и повышением классовой сознательности пока еще разрозненного класса рабочих, или пролетариата. «Я рекомендую вашему вниманию этот личный интерес к объединению, ибо больше, чем все остальные, вы нуждаетесь в объединении». Луи Блан не отрицал, что социальная революция является неизбежным следствием исторического развития современного общества, но он подчеркивал, что для ее наступления требуется длительная работа и известная подготовленность рабочего класса. Пролетариат сделается хозяином государства лишь в том случае, если он будет организован и политически, и экономически. Освобождение пролетариата,—писал Луи Блан в главном своем сочинении «Организация труда»,—дело весьма сложное, ибо оно связано со слишком большим количеством предварительных реформ; оно нарушает слишком много навыков; оно наталкивается на слишком много предрассудков; оно вначале кажется затрагивает слишком много интересов, чтобы не считать безумием веру в возможность освобождения путем частных усилий и изолированных попыток. Пролетариат для освобождения нехватает орудий производства и дело правительства их предоставить, а отсюда вытекает, что пролетариат прежде всего должен овладеть орудиями производства, но и овладение орудиями производства также проходит несколько предварительных этапов. Пролетариат оказывает давление на правительство, которое под давлением рабочей массы организует государственные мастерские в наиболее важных отраслях национальной промышленности; поддерживаемые государством мастерские с течением времени убьют частную промышленность и убедят в пользу общественной организации не только трудящихся, но также и капиталистов, и таким образом приведут в конце концов к созданию единой рабочей ассоциации. Луи Блан твердо верил в то, что проектируемая им организация труда уничто-

жит самое большое зло современной жизни—конкуренцию, и на место существующей ныне классовой вражды поставит мирное сотрудничество людей. Одно из великих преимуществ,—говорил он,—именно этого рода организаций состоит в том, что она дает возможность самую грандиозную из всех революций провести совершенно мирным путем. События Февральской революции, однако, сильно разочаровали защитника идеи национальных мастерских и проповедника мирного создания всеобщей ассоциации труда.

За идею национальных мастерских, как за спасительный якорь, ухватились под давлением экономического кризиса в атмосфере начинавшейся гражданской войны, и потому, естественно, в самом существе исказили идеи Луи Блана. С первых же дней в национальные мастерские нахлынула огромная армия безработных, составленная из людей различных специальностей и способностей. Отношение буржуазного общества к этой армии было резко отрицательное. Не зная чем и как занять безработных, Временное Правительство создало особое «Центральное бюро национальных мастерских», директор которого Тома выработал план военной организации труда. По этому плану вся армия безработных разбивалась на несколько взводов по 11 человек в каждом, 4 взвода составляли 1 бригаду, 4 бригады—роту, а 3 роты образовали службу (сервис). Каждая служба имела своих начальников и смотрителей, подчиненных центральному управлению. Организованная таким образом масса людей была направлена на земляные работы, скорее придуманные для занятия свободных рук, нежели вызванные действительной необходимостью. При такой казарменной организации труда, естественно не могло быть и речи о какой-либо заинтересованности в работе, потому что исключалось самое важное во всякой работе—творчество.

Недовольство «средних классов»

Расходы, связанные с оплатой рабочих государственных мастерских, к которым еще присоединились налоги на содержание армии (увеличенной с 370 тыс. до 580 тыс. человек), крайне возбуждающе действовали на «средние классы». С настраиванием же этих классов Правительство не могло не считаться, потому что средняя и мелкая буржуазия во Франции в то время составляла почти $\frac{2}{3}$ всего населения. Увеличение налогов в общей сложности на 45% прежде всего самым разрушительным образом подействовало на сельское хозяйство.

Причина повышенной чувствительности французской деревни ко всякого рода обложению лежала в ее хозяйственной слабости, усиленной последним неурожаем и общим кризисом. В 40-х годах преобладающим типом сельского хозяйства во Франции было среднее (35 гект.) и мелкое (5 гект.) землевладение. На 100 тыс. крупных (свыше 140 гект.) приходилось 350 тыс. средних и около 4 миллионов мелких хозяйств, не считая 1½ миллиона малоземельных или совсем безземельных. В то время как капиталистические хозяйства извлекали из своих экономий большую прибыль, среднее и особенно мелкое хозяйство находилось во власти ростовщиков и разорялось при первом же неурожае. Еще большим бичом для деревни были всевозможные налоги, поглощавшие, как и при «старом порядке», более 2/3 чистого дохода. В 30—40-х годах, как и 50 лет тому назад, французские крестьяне сплошь и рядом питались каштановым хлебом и травой. При таком положении вещей французский крестьянин естественно имел очень мало охоты содержать на свой счет город и поддерживать не оправдывавшую его надежды революцию.

Первым, что бросалось в глаза, были национальные мастерские, поглощавшие ежедневно более 200 тысяч франков. Скоро национальные мастерские сделались самым ненавистным учреждением «расточительного правительства». До известной степени около национальных мастерских вращается вся история Февральской революции. Недовольство среднего класса, возникшее вследствие хозяйственной разрухи, создавало благоприятную почву для всякого рода контр-революции. Публицисты правого направления совершенно открыто называли национальные мастерские «пиявкой на общественном теле Франции». Не был доволен организацией национальных мастерских и сам Луи Блан. Автор «Организации труда» помнил, что устройством государственных мастерских Временное Правительство преследует определенную цель: разрядить революционную энергию рабочих, непрактичностью мастерских убить «утопию Люксембургской Комиссии»¹⁾ и подорвать тем самым идею коллективной организации труда. О том, как относились к идее государственной организации труда сами члены Временного Правительства, можно судить по их лич-

Оценка национальных мастерских Временным Правительством.

¹⁾ Люксембургский дворец место заседания комиссии по изысканию средств улучшения положения быта рабочих. Председателем Люксембургской комиссии или «Рабочего Парламента» был Луи Блан.

ным признаниям. «Государственные мастерские,—писал впоследствии Ламартин,—были лишь уловкой и своего рода опытом общественной благотворительности, вызванным на другой день после Революции необходимостью прокормить народ, не оставляя его праздным, дабы избежать проистекающих от праздности беспорядков». Мастерские скандализировали весь Париж количеством своих рабочих единиц и бесполезностью своих работ. «В течение 4 месяцев они, благодаря г. Мари (начальнику общественных работ), были преторианской гвардией Правительства, вместо того, чтобы являться силой в руках социалистов и мятежников». Ту же самую мысль высказал и другой глава Временного Правительства Гарнье-Пажес. «Что же могло, что же должно,—спрашивал он,—было сделать правительство? Следовало ли предоставить это население внушениям отчаяния, дурным советам страстей, возбуждающим речам честолюбцев, увлечениям злонамеренных, неосуществимым теориям или беспорядкам публичной площади?».

Промышленный и аграрный кризис заставил Временное Правительство, кроме учреждения национальных мастерских, принять еще целый ряд мер экономического характера для успокоения взволнованного общественного мнения. В первом ряду этих мер стоят продажа национальных земель на сумму в 200 миллионов и лесов на 25 миллионов, издание декрета о мораториуме (приостановке платежей), вызвавшем целую панику на бирже, установление принудительного курса банковых билетов, уменьшение дивиденда со свидетельств государственного казначейства и мн. др. Все эти меры имели лишь частичное значение. Финансовые затруднения Временного Правительства прекрасно использовали враждебные ему партии—справа монархисты и слева социалисты, во время открывшихся выборов в Учредительное собрание. «Народ! — писал реакционный публицист Жирарден,—что сделали для тебя эти люди, которые ежедневно говорят от твоего имени? Я вижу, что они тебе льстят, но я не вижу, чтобы они тебе служили. Я вижу, что они заставляют тебя купить дорогою ценою право избирать твоих представителей. Я вижу, что они поторопились лечь в еще теплую кровать бежавших министров. Я вижу, что они не теряли времени, чтобы захватить роскошные дворцы, в которых они более недоступны, чем их предшественники. Я вижу,

что они расточают твои деньги. Я вижу, что они восстановили цензуру в форме страха. Я вижу, что их головы отуманены надменностью. Это агитаторы, а не реформаторы». Еще более энергична была критика мероприятий Временного Правительства со стороны левого блока, направляемого вождями тайных клубов. В клубах, по примеру первой Революции, решено было произвести на правительство давление извне.

С целью оказать на Временное Правительство «нравственное устрашение» в половине марта в Париже должна была, (по инициативе Луи Блана), состояться внушительная манифестация рабочих. В выпущенной по этому поводу вождями клубов прокламации говорилось, что отныне народ призван быть высшим руководителем общественной морали. Долг поведывает ему призвать к порядку тех заблудившихся людей, которые пытаются образовать привилегированные корпорации среди нашего гражданского общества. Около 1 часа пополудни 16 марта на Гревской площади стали появляться отряды манифестантов и делегации рабочих корпораций с музыкой и знаменами, двигаясь по направлению к ратуше, где в то время находились все видные члены правительства. На улице, среди толпы манифестантов видны были вожди клубов: Барбэ, Бланки, Кабэ и др. Около них, как разъяснял впоследствии Ламартин, толпилось несколько «никому неизвестных людей, в выражении лица которых было нечто угрожающе-мрачное». Один из таких мрачных людей, рабочий по имени Жерар, прочел петицию от имени клубов, требуя отсрочки выборов в национальную гвардию и в Учредительное собрание. Мы требуем отсрочки выборов в Учредительное собрание, потому, что эти выборы будут комедией. В Париже весьма малое количество рабочих занесено в избирательные списки. Победа буржуазии таким образом обеспечена. В деревнях же все влияние сосредоточено в руках аристократии. Несчастные крестьяне, доведенные до положения крепостных, оказались бы опорой для своих врагов, которые их угнетают и эксплуатируют. Активное вмешательство в дела управления и, в частности, в предстоящие выборы, единственный залог и условие победы народных интересов. В противном случае, при пассивности широких масс, победа непременно останется за роялистическими партиями, как единственно организованными благодаря своему

„Нравственное устрашение“
16 марта.

долгому господству». В конце прокламации прибавлялось, что трудящиеся должны поднять свою голову, согбенную рабством и выйти из того состояния оцепенения и протрации, в котором их держат господствующие касты, «возлагая свои ноги на их головы». Ответ Ламартина не удовлетворил петиционеров. Поднявшийся в рядах петиционеров сильный ропот показал, что их уже мало удовлетворяло красноречие главы Временного Правительства. «Народ ожидает не одних слов!—воскликнул кто-то из толпы.—Народ требует определенного ответа, и мы не уйдем отсюда без удовлетворительного ответа, который мы могли бы передать народу». На этот раз манифестация окончилась мирно, но стотысячная пролетарская армия, растянувшаяся от Триумфальной арки до ратуши и от ратуши до Бастилии, другими словами, через весь Париж, произвела удручающее впечатление на вождей Временного Правительства. Ламартин чувствовал, как с каждым днем, несмотря на все его огненное красноречие, падал его авторитет в глазах народа, а Луи Блан смущенно обдумывал растущее влияние вождей клубов и, в частности, мало симпатичного ему Бламки.

Блок буржуазии и Временного Правительства.

Буржуазные круги, приходившие в ужас перед «красным призраком» (социализмом) и диктатурой пролетариата, в этом отношении нашли полную поддержку в среде руководителей Временного Правительства. Вражда имущих классов к пролетариату, как на это уже не раз указывалось в различных связях, наметилась задолго до Февральской революции. Как ни была недовольна буржуазия порядками Июльской монархии, все же ее главным врагом был пролетариат. «Достаточная буржуазия,—писал Герцен,—давала свои голоса Правительству, а Правительство давало ей свои штыки на защиту всех злоупотреблений капитала. У них был один общий враг—пролетарий-работник. Они соединились против него, при этом союзе были пожертвованы республиканцы и национальная гордость». Собственно на необходимости взаимной поддержки и покоилась вся система управления Гизо. «Гизо понял круговую поруку буржуазии с правительством, но понял, что она гораздо больше боится народа, нежели власти; вооруженный сентябрьскими законами Тьера, он пошел прямее к цели».

Февральская революция только в бесконечное число раз обострила и углубила эту вековую вражду между трудом

и капиталом. Поэтому нет ничего удивительного, что наиболее резкому осуждению со стороны даже либеральной буржуазии подвергался коммунизм, «как мистическая теория ложного равенства». «Я не коммунист и глубоко презираю коммунистов»,—писал один из самых радикальных членов Временного Правительства Ламартин.

Когда же словесных убеждений оказалось недостаточно для ослабления все усиливавшегося влияния революционных вождей, решительно настаивавших на чистке Временного Правительства, отсрочке выборов и на учреждение «Комитета Общественного Спасения», Ламартин и его коллеги прибегли к оружию национальной гвардии. Горизонт,—докладывал в апреле агент полиции,—становится все более мрачным. Восстание является решенным делом. Чтобы остановить его, необходимо быстрое и твердое решение. И твердое решение, действительно, было принято в дни 15, 16, 17 апреля, когда толпы голодного и безработного народа, в количестве более 100 тысяч человек собрались на Марсовом поле, требуя отмены эксплуатации одного класса другим, принудительного займа у богатых, права восстания против всякого правительства, нарушающего вечные принципы равенства, свободы и братства. «Именно, начиная с 16 апреля,—писал Прудон,—социализм, до которого еще не снисходили ни Тьер, ни Гизо, стал особенно ненавистен для страны». С этого времени крики «долой коммунистов!» сделались обычным лозунгом французских мещан,—лавочников, торговцев, чиновников, спекулянтов, многих ученых и реакционно настроенных крестьян. После рабочих восстаний в индустриальных центрах (в Руане и Лиможе), французское мещанство горело уже настоящей жаждой мести по отношению к пролетариату. Апрельские дни через каких-нибудь неполных два месяца после Революции! «В эти дни,—писал Бланки,—ни в чем не было недостатка: ни в картечи, ни в ядрах, ни в разрушенных домах, ни в осадном положении, ни в жестокости солдатчины, ни в оскорблении умерших, ни в раболопных поклонниках грубой силы, ни, наконец, в оскорблении газет неугодного направления». «Кровавая баня на Трансоненской улице превзойдена! Когда читаешь подлый рассказ о подвигах этих разбойников, чувствуешь себя как бы накануне тех несчастных дней, покрывших Францию трауром и позором... Там не сражались—вы хорошо это знаете—там изби-

Апрельская
манифестация.

вали». При таких условиях проходили выборы в Национальное собрание.

Учредительное собрание.

4 мая 1848 года в Люксембургском дворце состоялось торжественное открытие Учредительного (Национального) собрания. От имени Временного Правительства выступил с приветственной речью Дюпон-де-Лэр. «Избранники народа! Приветствуем вас в столице, где ваше присутствие вызывает ощущение довольства и надежды, которые не будут обмануты. Как хранители верховной власти нации, вы поставите наши новые учреждения на широких основах демократии и дадите Франции государственный строй, который единственно ее удовлетворит: республиканский образ правления». После этого Временное Правительство сложило свои полномочия. Пять членов Временного Правительства, (в числе которых не было Луи Блана), вошли в состав исполнительной комиссии или исполнительного органа Учредительного собрания. Уже ближайшие дни показали, что надежды, возлагавшиеся на новое Собрание, оказались тщетны. Расширявшийся экономический кризис тормозил работу. Производство сократилось на 75%, морская торговля с 920 милл. (1847 г.) упала до 674 милл. (1849 г.), количество, добываемого виноградного сока с 55 милл. понизилось до 35 милл. гектолитров и т. д. Каждый день приходили вести о приостановке работ или о забастовках то на одной, то на другой фабрике. Отношения рабочих и хозяев обострились до крайности. Многие рабочие: шляпочники, ткачи, механики и др. ни за что не хотели продолжать работу в частных предприятиях даже за повышенную плату. Государственные же предприятия не приносили никакой прибыли. Социалист Пьер Леру в произнесенной им речи в мрачных тонах рисовал экономическое положение Франции. На 35 миллионов человек приходится 8 миллионов нищих, или людей близких к нищим; заработная плата 4 миллионов рабочих так низка, что они близки к голодной смерти; на 3 человека, умирающих в Париже, 1 умирает в больнице; сельское хозяйство также находится в полном упадке, о чем свидетельствует 5 слишком миллионов гектаров неводеланной земли. Все эти беды приписывались Учредительному собранию, которое упрекали в бездействии и в нежелании идти навстречу народным нуждам. В ежедневно проходивших по улицам процессиях часто можно было слышать обидные

для Собрания возгласы, вроде следующих: «Собравшиеся во дворце депутаты, получая по 25 франков в день, являются приказчиками народа, но когда народ просит у них хлеба, они протягивают ему камень; это не исполнители народной воли, а Сарданапалы, утопающие в роскоши и проводящие время в пирах». В широких кругах упорно говорили, с одной стороны, о предполагающемся грандиозном банкете рабочих, подписка на который была открыта в редакции газеты «Отец Дюшен», а с другой—ходили преувеличенные слухи об успехах бонапартистов во многих департаментах. Рассказывали даже о провозглашении Бонапарта императором и о вооруженном восстании в Арденнах.

При таком возбужденном состоянии народных умов в Собрании предлагался и обсуждался один за другим целый ряд проектов о ликвидации кризиса и о восстановлении отношений между трудом и капиталом. Один настаивал на немедленной организации земельного банка и кредита, другой надеялся уничтожить причину нищеты, произведя глубокие изменения в социальных учреждениях, третий говорил о системе социалистических школ и о коренной реформе образования и т. д. С наибольшим вниманием Собрание выслушало проект Пьера Леру об образовании земледельческой ассоциации и широкой колонизации. Докладчик развил целую философию истории. «Новая цивилизация,—говорил он,—возникла на почтительном расстоянии от старой и принесла человеку новую концепцию жизни». Отсюда следовал вывод, что французское правительство прежде всего должно поставить вопрос о колонизации и о переселении многих людей на новые земли. «Да, к земле и к земледелию должны идти ассоциации! К земле должна идти республиканская коммуна!». В противном случае произойдет перенаселение людей и люди, сбившиеся в кучу, подобно отроившимся пчелам в улье, неминуемо вступят друг с другом в ожесточенную войну. Скученность всегда приводит к беспощадной междоусобной войне. С меньшим вниманием было выслушано предложение Луи Блана о немедленном образовании специального «министерства труда и прогресса». «Какую пользу может принести это «министерство» труда», учреждения которого требуют? Разве не стремятся к прогрессу вообще все ведомства? Министерство прогресса столь же непонятно, как и министерство рутины. Разве вопросы, ка-

Проекты
обществен-
ного прео-
бразования.

сающиеся труда, не относятся по существу дела к компетенции министерства общественных работ? К чему прибавлять к сложному и без того механизму нашей администрации новое звено?»—раздраженно спрашивал Луи Блана Ламартин. При такой массе самых разнообразных предложений Собрание ни на одном из них не могло остановиться хоть сколько-нибудь подробно и потому ограничивалось лишь их заслушиванием. Все это, конечно, ни в какой степени не удовлетворяло пролетариат, требовавший не слов, а реальных действий.

15 мая
48 года.

Раздражение широких масс против Учредительного собрания со всей силой обнаружилось уже через 10 дней после его созыва. 15 мая, опять по инициативе Луи Блана и при сочувствии вождей клубов, предполагалось устроить мирную манифестацию для того, чтобы поднять настроение депутатов. Принципиально против мирной демонстрации не возражала и передовая фракция Правительства, Коссидьер, Ламартин и др. Но, как и в апреле месяце, мирная манифестация стихийно превратилась в грандиозное движение пролетариата. Остроту манифестации придали прибывшие польские революционеры, настаивавшие на немедленном вооруженном вмешательстве в дела Польши, этой «северной Франции». Исполнительная комиссия, боясь возможных осложнений в иностранной политике, отклонила петицию польских революционеров. А это дало повод вождям клубов отказ Польше использовать как материал для критики общей линии Учредительного собрания. В 10 часов утра 15 мая на площади Бастилии стали собираться делегации рабочих корпораций и клубов со своими значками и знаменами, среди которых развевались 70 флагов национальных мастерских и флаги иностранных наций, украшенных лентами, цветами и зеленью. С криком «мы идем на наших приказчиков» манифестанты направились к ратуше и Собранию. Несколько отрядов под командой республиканца-социалиста Юбера явились в Собрание, где Юбер громовым голосом заявил, что он—Юбер—«от имени французского народа» объявляет Собрание распущенным. В Собрании произошла паника. На трибуну вбежал Барбэ и подтвердил слова Юбера о том, что реакционное Собрание распущено и что во избежание хаоса составилось новое правительство, в которое вошли Юбер, Ледрю-Роллэн, Луи Блан, Альбер, Распайль, Кабэ и Пьер Леру. Тут же в спешном порядке было составлено несколько декретов о ро-

спуске Собрания, о перевыборах национальной гвардии и о предписании русскому и немецкому правительствам восстановить Польшу, под угрозой объявления им войны в случае неисполнения. Однако исход дела решили солдаты и национальные гвардейцы, которые с криками «долгой коммунистов!» и «да здравствует Национальное собрание!» — бросились в штыки и разогнали манифестантов. Движение было задавлено, но оставалась причина, вызывавшая бедствия и ропот пролетариата.

Почти не сходявший в течение всей Революции с повестки дня вопрос о национальных мастерских в июне месяце был поставлен ребром. После долгих и горячих обсуждений, Собрание приняло, наконец, предложение де-Фаллу о ликвидации национальных мастерских. 21 июня правительственный орган «Монитор» напечатал передовую статью, в которой доказывал, что «сами рабочие увидят с удовольствием приближение разрешения вопроса о национальных мастерских. Необходимо, чтобы эти мастерские были распущены, и мы убеждены, что здравый смысл и патриотизм помогут рабочим понять это без труда». На следующий день появился декрет о роспуске национальных мастерских, по которому всем рабочим от 18 до 25 лет рекомендовалось или записаться в армию, или же быть готовыми к отправлению в департаменты на работы, оплачиваемые сдельно. По прочтении этого декрета, негодование разразилось во всем рабочем Париже. Утром 22 июня толпы рабочих со знаменами появились на улице, направляясь к Люксембургскому дворцу, к месту заседания Правительства. «Вы хотите немедленного уничтожения мастерских, но что вы сделаете со 110 тысячами рабочих, которые каждый день ожидают от своего скромного заработка средств существования для себя и для своих семей?». К этому делегаты прибавляли, что они предпочитают быть убитыми пулей в Париже, нежели ехать умирать от лихорадки или голода в чужих странах, вдали от своих семей. Не получив удовлетворительного ответа со стороны правительства, часть рабочих приступила к испытанному и единственному средству защиты своих интересов: постройке баррикад. На бульваре Бон-Нуviel и на улице Мазагрэн появились первые баррикады с водруженными на них трехцветными флагами национальных мастерских. Одновременно с сооружением баррикад в столице, укрепления вырастали также и в парижских пред-

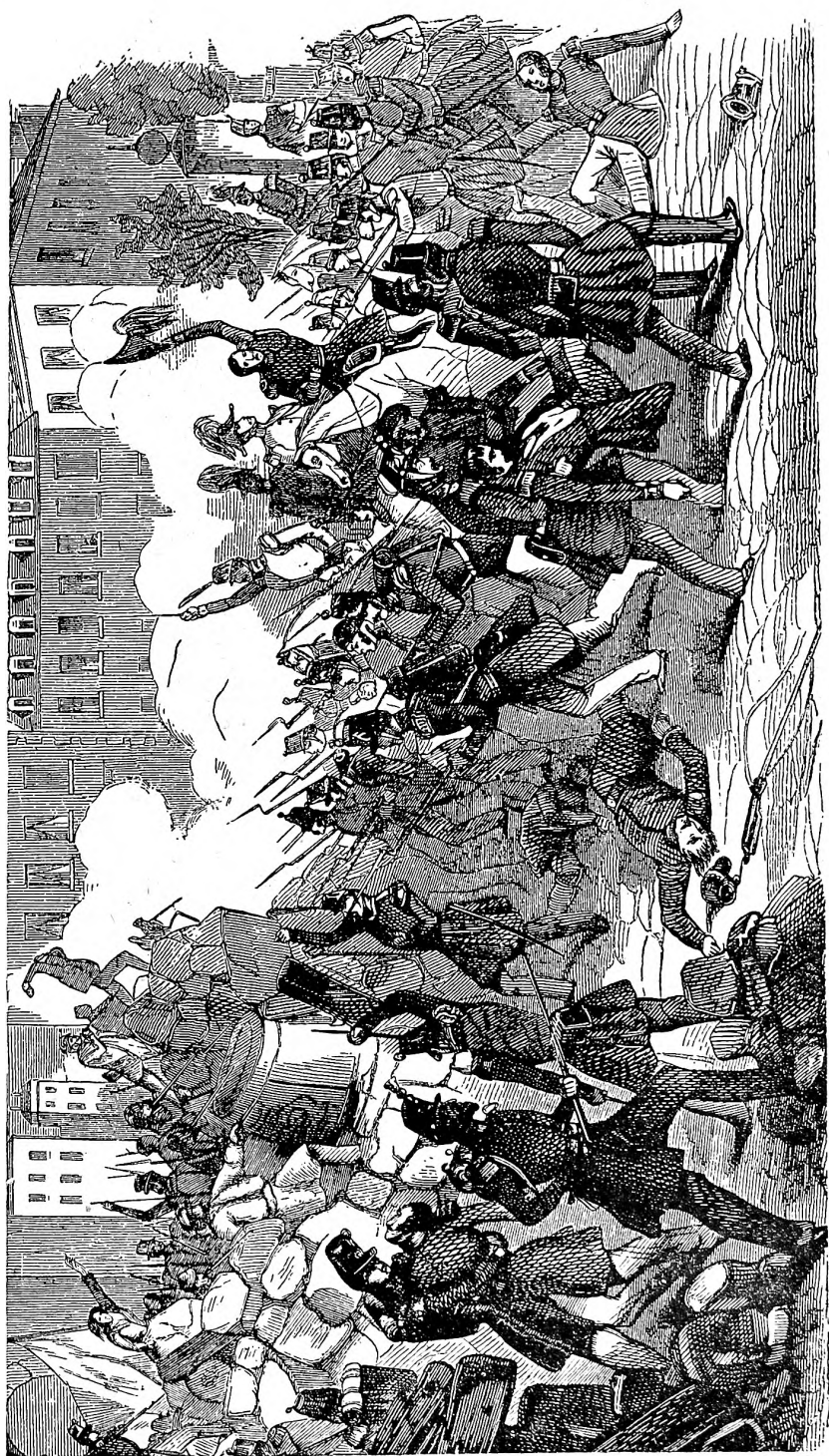
Закрыв-
ние на-
циональ-
ных мастер-
ских.

местях: С.-Мартен, С.-Антуан, Тамплъ, Пуассоньер и т. д. К полудню революционный Париж был вооружен и тревожно ожидал боя.

Июньский
бой в Пари-
же.

Сбитое с толку последними событиями Учредительное собрание из страха перед заразительностью баррикад, передало всю власть в руки военного министра, генерала Кавеньяка, провозглашавшегося диктатором. Кавеньяк прежде всего обратился к рабочим с прокламацией, увещевая их не поддаваться легкомысленной агитации преступных людей, думающих не о благе народа, а об удовлетворении своего личного честолюбия. После того, как увещание успеха не имело, Кавеньяк привел Париж на военное положение и вступил с революционерами в настоящее сражение. Трехдневный бой на улицах Парижа (23—26) окончился полным разгромом рабочих. В результате боя (по официальной статистике), правительственная армия потеряла 798 человек убитых и 161 раненых и пропавших без вести. Потери же восставших точному учету не поддавались, но, повидимому, они были весьма значительны. Материальный ущерб, причиненный «июньской бойней», определялся в 76 миллионов франков, что превышало более чем в $1\frac{1}{2}$ раза те расходы, которые потребовались бы на содержание мастерских в течение целого года. О свирепости июньского боя свидетельствовали то озлобление и тот подъем, которые наблюдались как в рядах восставших, так и в батальонах национальной гвардии. Никогда национальная гвардия, говорит Токвиль, не была исполнена такой решимости, как в этот раз. Ее мужество было «мужеством необходимости и отчаяния». С другой стороны, свидетельствует тот же самый наблюдатель, и весь рабочий класс «активно или в душе принимал участие в этой битве».

Для окончательной ликвидации восстания и суда над побежденными диктатура Кавеньяка была продлена на неопределенное время. В выпущенной по этому поводу прокламации говорилось, что генерал Кавеньяк приобрел заслуги перед отечеством и заслуживает благодарности. Немедленно последовали месть и расстрелы. Число убитых и расстрелянных доходило до 6.000, число же сосланных и заточенных в тюрьмах—до 10.000. Революционные клубы были закрыты, а вожди их, если не успели скрыться, были арестованы; для газет восстанавливался залог в 24.000 франков. К числу тяжких последствий исключительно напряженной жизни послед-

Июньский бой.

них месяцев и, в частности, июньских событий надо отнести также и сильно увеличившееся число нервных заболеваний самой тяжелой формы. Парижские больницы и госпитали не успевали принимать больных, раненых и сумасшедших. «Блестящие искры Ламартина,—писал по поводу июньского поражения Маркс,—превратились в бомбы Кавеньяка, братство противоположных классов, из которых один эксплуатирует другой, это братство, возведенное в феврале и крупными буквами написанное на челе Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме в ее истинном, неподдельном, в ее прозаическом выражении есть не что иное, как гражданская война, гражданская война в ее ужаснейшей форме, война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии был иллюминирован в то самое время, как Париж пролетариата сгорал, истекал кровью, исходил стонами. Братство продолжалось лишь до тех пор, пока интересы буржуазии братались с интересами пролетариата. Педанты старой революционной традиции 1793 года (якобинцы), социалистические систематики, которые просили у буржуазии милостыню для народа и которым разрешалось держать длинные проповеди и компрометировать себя до тех пор, пока необходимо было усыплять и убаюкивать пролетарского льва; республиканцы, желавшие сохранения всего старого буржуазного строя, за вычетом коронованной головы; династическая оппозиция, которой случай подsunул вместо изменения министерства падение династии; легитимисты, которые не сбросили свою ливрею, а лишь изменили ее покрой,—вот те союзники, с которыми народ совершил свой февраль».

«Если бы вы видели Париж, какой он стал грустный и печальный,—писал вскоре после Июньской катастрофы Герцен.—По улицам ходить страшно, там, где кипела жизнь, где громкая марсельеза раздавалась среди других песен с утра до ночи, там теперь тишина—разносчик газет не смеет кричать, бедный блузник сидит перед дверью пригорюнившись, женщины в слезах возле него; они разговаривают в полслуха, осматриваясь. К ночи все исчезает, улица пустеет и мрачный патруль подозрительно обходит свой квартал с заряженными ружьями». «Никогда террор 93 года не доходил до того, до чего дошел террор теперь». «Террор 93 г. был величественен в своей мрачной беспощадности, вся Евро-

па ломилась во Францию наказать революцию, отечество действительно было в опасности. Конвент завесил на время статую свободы и поставил гильотину стражей прав человеческих». А теперь «о, жалкие и дрянные люди!». В другом письме Герцен иронически прибавляет: «хорошо же должно быть общество, защищаемое такими средствами. Общество, защищаемое Тьером; религия, защищаемая Тьером; семейство, защищаемое Тьером. Кто лучше, может представлять французскую партию порядка, как не Тьер—остряк, седой гамаин, шалун, болтун, либерал, облитый лионской кровью, вольнодум, продиктовавший сентябрьские законы. Самая наружность Тьера, малорослого старичишки, с кругленьким брюшком, на тоненьких ножках с видом плута-дворецкого, Фигаро—типически выражает буржуазную Францию. Наполеон и Тьер—героическая эпоха восходящего мещанства и эпоха ее тучного преуспевания!».

Таким образом, в конце июня 1848 года закончилась первая серьезная схватка труда и капитала, заставившая пролетариат до поры до времени отойти на задние позиции. Излишне и говорить, что удар, нанесенный парижским рабочим, соответствующим образом почувствовали и пролетарии других стран. Ослабление чартизма в Англии и понижение революционного энтузиазма во всей Европе, находились в прямой связи с июньскими днями. «С падением Франции температура земного шара сильно понизилась»—писал Герцен. После сказанного становится совершенно понятно то сильное впечатление, которое июньские события произвели на всех, кому было дорого дело рабочего класса.

Носительницей реакции в Учредительном, а с мая 49 г. в Законодательном собрании, сделалась «партия порядка», возглавляемая Тьером. Главные партии Законодательного собрания легитимисты (агрии) и орлеанисты (торговля и промышленность) в мае 50 года настояли на отмене всеобщего избирательного права, о котором так много говорили и писали. Недавний оппозиционер Тьер по поводу отмены всеобщего голосования заявил, что друзья истинной республики «питают страх перед толпой, которая убила все республики и которая всюду и всегда передавала свободу тиранам!». Поправление Собрания зашло так далеко, что начинало пугать даже наиболее свободолюбивых его членов. При таком настроении Ледрю-Роллэн счел даже необходимым успокоить общество с

Наступление
реакции.

трибуны Учредительного собрания, разъясняя, что никакого «красного призрака» нет, и что это одна из выдумок монархистов и врагов отечества. «Красной республики» тоже нет, но есть приверженцы «истинной республики». Новой власти не надо забывать только одного, предупреждал оратор, что, если продолжится эра ссылок, то все партии одна за другой пройдут через нее, и тогда уже действительно это будет гибелью свободы не только во всей Франции, но и во всей Европе. При таком настроении Собрания вырабатывалась новая конституция Франции.

Новая конституция Франции, конституция 48 года вырабатывалась под свежим впечатлением июньского поражения и при военной диктатуре. Несмотря на все высокие слова о братстве, равенстве и свободе, эта Конституция 48 г. делала определенный поворот в сторону монархии. Вверяя исполнительную власть и команду над армией президенту, избираемому на 4 года всеобщим и прямым голосованием, Конституция создала благоприятные условия для военной диктатуры. До какой степени к началу 49 года, т.-е. к открытию сессии Законодательного собрания, была популярна идея монархии, можно судить по тому исключительному успеху, который имела вышедшая в 45 году «История Консульства и Империи» Тьера, к этому времени уже продвинувшегося в ряды друзей монархии. Наступившее с конца 48 года оживление в коммерческих делах благоприятствовало популярности Наполеона I, (дяди принца Луи-Бонапарта), с именем которого связывали твердый порядок внутри и блестящую внешнюю политику. Племянник Наполеона, выступивший на президентских выборах 48 года, одержал блестящую победу, получив 51½ миллионов голосов, против Кавеньяка (11½ миллиона) и Ледрю-Роллена (300 тысяч голосов). По инициативе нового президента, в 50 году был принят важный закон, вверявший президенту контроль над светской и духовной школой. В это время настроение буржуазии было реакционно до такой степени, что политическому клубу, называвшемуся «Обществом 10 декабря» и состоявшему из приверженцев президента, сравнительно легко удалось 2 декабря 51 года произвести настоящий государственный переворот: овладеть армией, распустить палату, арестовать ее влиятельных депутатов, (в их числе Тьера и Кавеньяка), восстановить всеобщее избирательное право и объявить десятилетнее президентство. Сель-

ская и городская буржуазия охотно отдавала свои голоса новому цезарю. «Мое имя,—говорил Луи Бонапарт,—есть символ порядка, национальности и славы. Если французский народ, действительно, решит возложить на меня обязанности, то я сумею их исполнить». 7½ миллионов голосов против 650 тысяч, выразившие одобрение декабрьскому перевороту, свидетельствовали о правильности расчета «маленького племянника великого дяди». В следующем 52 году была принята новая конституция, Конституция 52 года, в основе скопирования с Конституции VIII года (законодательный корпус, сенат и государственный совет). И, наконец, в том же самом году раблепный сенат пожаловал президенту титул императора французов. Таким образом, 2 декабря 1852 года во Франции, на развалинах Второй Республики, родилась Вторая Империя. С социально-экономической точки зрения утверждение Империи означало победу машинной индустрии над ремеслом и вместе с тем победу крупной буржуазии над средней и мелкой.

Как ни печален был исход июньских дней и как ни велики были потери пролетариата, все-таки для истории рабочего класса Февральская революция не пропала даром. Кровавые уроки 48 года прежде всего открыли сильные стороны его противников и слабые стороны его собственной организации. Февральская революция показала французскому пролетариату во что на деле выливается мелкобуржуазная республика. История 48 года доказала, что пролетариат должен надеяться не на трескучие фразы и сентиментальные параграфы Конституции, но на свою собственную силу и собственную боевую организацию. «С этого момента,—писал Маркс,—пролетариат все решительнее группируется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, для которого сама буржуазия изобрела имя Бланки. Этот социализм есть провозглашение непрерывной революции, провозглашение классовой диктатуры пролетариата, как необходимого переходного пункта к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых основаны эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всем мире идей, возникающих из этих общественных отношений».

Исторический смысл Февральской революции.

3. Мартовская Революция в Германии.

Борьба труда и капитала, с такой яркостью развернувшаяся в Англии и во Франции, дала себя почувствовать и в Германии во время Мартовской революции. Различие заключалось лишь в том, что революционное движение в Германии, вследствие ее раздробленности, не имело единого центра и потому проходило разрозненно. Кроме того, в Германской революции центральным моментом был не вопрос об отношении труда и капитала, а вопрос о формальном утверждении прав бюргерства. Противоречия труда и капитала осложнили Мартовскую революцию, но не они составляли ее сердцевину. Конечные же результаты революций во всех странах приблизительно были одни и те же: новый взмах крупной промышленности, консолидация буржуазии и образование класса промышленного пролетариата.

Националь-
ное собрание
в Пруссии.

Ближайшей причиной Мартовской революции послужил экономический кризис 46—47 г. Из тяжелого финансового положения правительство «короля романтика», (как называли Фридриха-Вильгельма IV), пыталось выйти путем получения новой ссуды. Но на беду бюрократии «король» банкиров Ротшильд потребовал в качестве гарантий созыва «национального представительства». Ротшильд вполне разделял точку зрения германской буржуазии, он так же, как и представители Рейнско-Вестфальского промышленного района, Гаркорт, Фанке и Ганзман, считал своевременной мерой полную отмену вотчинных судов, уничтожение дворянских привилегий, реформу центрального и провинциального управления, завершение Таможенного Союза и пр. Под влиянием тревожных вестей из провинций и упорных слухов об успехах рабочего движения за границей Фридрих-Вильгельм решил, наконец, созвать «национальное представительство». В феврале 1847 г. последовал патент (указ) о созыве Соединительного ландтага, т.-е. комиссий от сеймов отдельных (восьми) провинций. Состав сеймов носил резко выраженный сословный характер. Юнкер, арендатор-капиталист, крестьянин-кулак, крупный торговец и промышленник наполняли скамьи местных ландтагов (сеймов), вырабатывая вместе с королем правила воспитания: «мужика-дурака, чиновника-взяточника и благонамеренного гражданина, истинного филистера». Но, даже и эти собрания

не внушали доверия прусскому правительству. Поэтому, открывая Соединенный Ландтаг, король предупредил собрание, что «никогда никакой земной силе не удастся превратить естественные, особенно сильные своей внутренней правдою у нас, отношения между монархом и народом в условные, конституционные. Я ни теперь и никогда бы то ни было впредь не допущу, чтобы между владыкой нашим небесным и этою страною встал лист исписанной бумаги, чтобы он подобно второму провидению правил над нами своими параграфами и ими заменял святую верность». Согласно уставу права нового учреждения ограничивались заключением займов, введением новых налогов, подачей петиций и совещательным голосом в законодательстве. Однако Соединенный Ландтаг не оправдал доверия и надежд короля. С самого начала депутаты и внепарламентские вожди бюргерства повели правильную атаку узко-сословного представительства. «Германия нуждается не в сословном ландтаге, а в Генеральных Штатах (General-Stände),—писал по этому поводу фон-Шен,—ибо только при помощи Генеральных Штатов может возникнуть и развиваться в нашей стране общественная жизнь». Действительная причина зла,—поучал своих читателей другой либерал доктор Якоби,—скрывается во всемогуществе чиновников и в полном политическом бессилии «самостоятельных граждан».

Последним толчком к разрыву между королем и «самостоятельными гражданами» послужила Февральская революция. Известия о Революции всколыхнули всю Германию. Прорвались город и деревня. В Бадене, Вюртемберге, Австрии и Пруссии начались крестьянские волнения, сносившие своим потоком остатки феодального режима. В городах поднялись подмастерья и мануфактурные рабочие. По всей Германии происходила смена министерств; консерваторы спешили уйти в отставку, уступая место своим либеральным преемникам (мартовские министерства). Самым ярким днем Прусской революции было 18 марта. Баррикадный бой на улицах Берлина 18 марта заставил «короля-романтика» пойти на уступки. В появившейся на следующий день прокламации «К моим дорогим берлинцам»—Фридрих-Вильгельм просил разобрать баррикады, обещал увести войска из города и признал необходимым составить новое демократическое министерство. В этот же день была принята национальная черно-

красно-золотая кокарда, а несколько дней спустя была объявлена всеобщая амнистия. «С сегодняшнего дня,—гласила королевская прокламация от 21 марта,—для вас начинается новая, славная эра. Вы опять сделались единой и великой нацией, свободной и могущественной в сердце Европы! Да будет благословение над конституционным государем, вождем всего немецкого народа, королем свободной возрожденной нации!». В последующих прокламациях разгоряченный король обещал настаивать на повсеместном введении истинных конституционных учреждений с ответственными министерствами, гласного и устного судопроизводства с участием присяжных, на признании политического и гражданского равноправия для всех вероисповеданий—словом, «на введении истинно народного и свободного управления».

Непосредственно под впечатлением событий 18 марта Соединенный ландтаг был распущен, и место распущенного Ландтага заняло Национальное собрание, представлявшее интересы трех социальных групп: феодалов землевладельческого востока, умеренных либералов центральных округов и республиканцев Рейнских провинций. Классовый характер и серый состав Национального собрания с первых же дней сделал его мало популярным в глазах берлинцев. Проведенная Собранием земельная реформа прошла почти незамеченной, не вызвав никакого энтузиазма, ибо она сильно запоздала. Крестьян-собственников, которых имела в виду реформа, в Пруссии в 48 году уже почти не существовало. Народные возмущения в мае и июне, сопровождавшиеся разгромом арсеналов и уличными боями, в значительной степени собственно и были вызваны неудовлетворительностью работой Национального собрания.

Рабочее движение.

Менее всего доверяли депутатам, заседавшим в Национальном собрании, рабочие, предпочитавшие действовать самостоятельно, помимо Собрания. С первых же дней Революции оживились рабочие ассоциации и стали созываться конгрессы. Идея рабочих союзов, вообще очень распространенная в Европе, привилась также и в Германии. Профессиональные объединения, клубы, конгрессы, товарищества и т. п.—все это обычные явления для демократического и рабочего мира Германии. Из демократических (мелкобуржуазных и интеллигентских) организаций наибольшей популярностью пользовался «Политический или демократический клуб», в распоря-

жении которого находилась радикальная газета «Реформа». В апреле месяце в Берлине образовался «Центральный Рабочий Комитет», председателем которого был Стефан Борн. Борн принадлежал к числу немногих немецких вождей рабочего движения, стоявших на платформе «Коммунистического Манифеста». Кроме Берлина, штаб пролетарского движения находился в Кельне, где действовали наиболее крупные вожди пролетариата Маркс, Шаппер, Моль и др.

Выступление рабочих.

Устав «Центрального Комитета Рабочих» свидетельствовал о пробуждавшемся классовом сознании немецкого пролетариата. Для большинства немецких бюргеров до сих пор,—заявляли составители устава,—мы были неизвестными существами, грубыми, трусливыми, то дикими, то покорными. Но теперь, с приходом Революции и широким распространением французских идей, немецкие рабочие воспрянули ду-

хом и на глазах у всех развился «сознательный рабочий класс». «Мы совсем не переоцениваем или не недооцениваем своих сил, но мы лишь заявляем, что в настоящее время мы находимся на такой ступени развития, с которой ни одна сила в мире не может нас сбросить. Рабочий союз или кооперация рабочих сил как раз и есть то могучее средство, с помощью которого можно поднять благосостояние трудящихся классов. И потому «мы, выросшие в нужде, поможем своим братьям». Из многочисленных петиций, вырабатывавшихся на рабочих митингах в разных частях Германии и направлявшихся в различные правительственные комиссии, видно, что особенно волновало рабочих и какие меры, по их мнению, следовало принять для облегчения положения трудящихся. Центральным требованием и основным желанием рабочих всех профессий являлось требование увеличения заработной платы и сокращение рабочего дня. «Наше желание,—заявлял, напр., кожевник Вилькат,—бесспорно, мы не желаем возобновления кровавой бани, но мы требуем плодов своего пота. Мы работаем с пяти часов утра до семи часов вечера. Уменьшение рабочего времени до шести часов и повышение платы до 4 талеров в неделю, неужели это значит требовать слишком много?». Всякий человек,—говорилось в другой петиции,—обязан трудиться, но «труд должен быть вознаграждаем по заслугам». «Правительство аристократов-дворян,—говорил наборщик Бриль,—все время утешало нас загробным миром, когда мы им жаловались на нашу нужду на этом свете: после смерти, говорили нам, вы все получите».

Провозглашение «права труда» и образование по французскому примеру особого «рабочего министерства» также считалось мерой способной улучшить благосостояние трудящихся. Во Франции, Австрии, Англии и Германии,—убеждал один ткач,—словом, везде должны быть созданы рабочие министерства, и все они должны вступать в сношение друг с другом, «ибо только тогда станет возможным создание одинаковой системы труда и индустрии».

В общем рабочее движение в Мартовскую революцию носило мирный характер. Идея революционного захвата власти и вооруженного восстания в 40-х годах была еще чужда немецким рабочим массам. «Мы не хотим кровавой бойни», но мы требуем «плодов своего труда»—таков обычный

лозунг большинства петиционеров. Не оставляла сомнения и тесная связь рабочего движения с мелкой и средней буржуазией. На одном из рабочих конгрессов в Берлине председатель конгресса откровенно заявил, что опорой рабочих

Баррикадный бой на улицах Берлина.

союзов должны быть бюргеры, к пролетариату же обращаться не следует, ибо он слишком груб и необразован для того, чтобы понимать наши стремления. Сравнительно со

второй половиной XIX столетия, слабое развитие германской индустрии еще недостаточно четко отмежевало индустриальный пролетариат от соседних промежуточных слоев и не поставило рабочий класс лицом к лицу с крупным капиталом. Наличие значительной массы мелкой и средней буржуазии в Германии, так же, как в Англии и Франции, запутывала и ослабляла классовые противоречия. У большинства разрозненных рабочих организаций не существовало ни определенной тактики, ни продуманной теории. Исключение представляла лишь кельнская рабочая организация, руководимая Марксом. В начавшей выходить с июня месяца «Ново-Рейнской газете» Маркс дал детальный анализ Германской революции, подчеркивая ее классовый и буржуазный характер. Маркс рекомендовал пролетариату использовать «буржуазную революцию», но отнюдь на ней не останавливаться. Кроме того, Маркс указывал, что истинный метод пролетарской борьбы есть метод революционного захвата власти. «Мы никогда не скрывали,—писал он,—что мы стоим не на почве права, а на почве совершившегося переворота».

Революция
в Австрии.

Для общей картины революционного движения сороковых годов не малый интерес имеет изучение революции в Австрии. В главном не отклоняясь от общего пути развития европейских обществ, история Австрии тем не менее представляла некоторые существенные особенности, обусловленные разноплеменностью ее состава. Все дело в том, что ни для одного из ново-европейских государств национальный вопрос не имел такого значения, как для Австрии. Вопрос немецкий, венгерский, славянский, итальянский, еврейский и пр. в девятнадцатом столетии поглощал большую часть внимания австрийских государственных людей. Запутанность и сложность партийных группировок в Австрии в значительной мере также обуславливалась фактом национальной вражды. Национальная рознь, усложняя общественную жизнь Австрии, в то же самое время являлась прекрасным орудием в борьбе императорской власти с демократическими элементами. В основе национальная вражда являлась той же борьбой материальных интересов, но только выраженной в своеобразной форме национального сепаратизма. Поляк, русский или чех презирал и громил еврея не потому, что он еврей, но потому, что он имел дело с евреем—торговым посредником и ростовщиком, или чеш-

ский аристократ ненавидел немецкого феодала прежде всего потому, что он в нем видел своего естественного конкурента и врага и т. д. Национальная вражда сыграла огромную роль в истории Австрийской, а косвенно и во всей Германской революции. Австрийский двор, торжественно заявивший в своей прокламации, что ему «все национальности австрийской монархии одинаково близки, и все интересы должны

Отставка Меттерниха.

иметь прочное основание в свободном и братском союзе этих национальностей, в полной их равноправности, равно как и в тесном соединении с Германией», использовал национальную рознь в своих интересах, натравляя одну народность на другую, и тем самым раньше времени потушил революцию.

В основных чертах Австрийская революция повторяет схему Прусской революции. Многочисленные адреса о введении конституционного строя и о назначении либерального министерства, подписанные фабрикантами, купцами и интеллигентами, убедили императора уступить общественному мнению и дать отставку непопулярному князю Меттерниху. «Ваше сиятельство,—убеждал непреклонного министра один из буржуазных депутатов,—это не уличный бунт, а настоящая революция. — Неправда! — воскликнул раздраженный Меттерних,—это только жида, поляки, итальянцы и швейцарцы подстрекают народ». Многочисленные петиции «торгово-промышленного союза», советы именитых граждан, резолюции студенческих сходок и слухи о разгроме помещичьих усадеб (восстание холопов в Галиции) окончательно обескуражили императора. Лишившись меттерниховского руководства, двор до такой степени растерялся, что сам стал раздавать из арсенала оружие студентам и бюргерам. Затем последовал ряд прокламаций, посыпались обещания всевозможных уступок и улучшений в управлении. Торжественной прокламацией от 15 марта Фердинанд оповещал об изменении курса политики и о важных преобразованиях. Но эта прокламация была написана таким учено-канцелярским стилем, что допускала самые разнообразные толкования. Ясно было только одно, что император далек от понимания интересов и психологии «уличной толпы», т. е. огромного большинства населения. Взывая к благоразумию «отцов семейств, домовладельцев, собственников фабрик и мастерских», император выражал надежду, что «гражданские корпуса» приложат все усилия для поддержания порядка и противодействия «увлечениям уличной толпы». Глава государства потому в этом убежден,—говорилось в прокламации,—что национальная гвардия, построенная на принципе собственности и интеллигентности, уже несет плодотворную службу. После этого император обещал принять все зависящие от него меры для скорейшего созыва Национального собрания, с целью «обсуждения предложенной нами конституции отечества». Сделать это необходимо для того, чтобы умы успокоились, учебные заведения вошли в нормальную колею и вновь оживились торговля и промышленность.

Учредительное собрание

Под непосредственным впечатлением событий, двор пошел еще дальше и, наконец, согласился на созыв в Вене

Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, полагая, что на этом революция и остановится. Расчеты, однако, оказались неверными. Дело осложнялось тем, что с национальной враждой тесным образом сплелась классовая вражда буржуазии и пролетариата, в разных провинциях принимавшая различные формы. Либеральное до революции бюргерство теперь в массе разделяло официальную точку зрения на создавшееся положение, особенно когда то в одном, то в другом месте стали слышаться голоса о «дурных отношениях между трудом и капиталом» и о «бедственном состоянии рабочих классов». В следующие месяцы австрийское бюргерство уже открыто кричало об «анархии» и требовало принятия решительных мер для водворения порядка.

Участившиеся народные вспышки и последовавшее вследствие этого бегство Фердинанда в Инсбрук (17 мая) сблизили крупную буржуазию и мещанство. Июньские дни в Париже, октябрьское восстание в Вене, разгром арсеналов, избиение министра Латура и т. д. уже окончательно закрепили дружбу короля с буржуазией и буржуазии с мещанством. Когда же тех сил, которыми непосредственно располагал император, не хватило, то венский двор вступил в переговоры с командирами армий, частью стоявших на границах, частью же находившихся внутри империи. На приглашение императора раньше других откликнулись два самых видных командира — Радецкий, как раз в то время одержавший большую победу в Италии, и Виндишгрец. По поручению венского правительства, князь Виндишгрец, богатейший чешский магнат, бомбардировал Прагу, а в октябре 48 г. штурмом взял Вену. Защищавшие город студенты (академический легион), рабочие и часть национальной гвардии естественно не могли долго держаться против осаждавших город регулярных армий. За разгромом Вены немедленно же последовал указ о переводе Учредительного собрания в маленький городок Крамарж. Это и было концом Венской революции. В отколовшейся от Австрии Венгрии, подобно Виндишгрецу, действовал кроатский бан (наместник) Елачич, заклятый враг мадьяр. Разгром революционной Вены Виндишгрецом вызвал настоящий взрыв патриотических чувств венских торговцев, ремесленников, финансистов и промышленников. «Мы,—говорилось в адресе, поднесенном венским бюргерством Вин-

дишгрецу,—наши семьи и все наши родственники всегда будут благословлять тот день, когда ваша светлость вступила в Вену с вашими победоносными войсками. Овладев этим городом, вы, ваша светлость, спасли Австрийскую монархию от распада и обеспечили ей прочность. История сохранит для грядущего потомства прославленное имя того полководца, который в своем управлении был так же справедлив, как и великодушен в своей победе».

Аграрно-ка-
питалисти-
ческий блок.

Таким образом, к концу октября в Австрии, как и во Франции, к окончанию Учредительного собрания, крупный земле-владелец соединился с крупным капиталистом и увлек за собой мелкую буржуазию и интеллигенцию. Союз буржуазии и аграриев был главной причиной ослабления Австрийской революции и «сохранения не затемненным блеска короны». Опираясь на дворянско-плутократический блок, преемник Фердинанда, Франц-Иосиф уже решительно приступил к ликвидации революции. «Состояние,—гласила императорская прокламация от 7 марта 49 года,—в котором наше отечество находится в настоящее время, наполняет наше сердце скорбью». При сложившихся обстоятельствах реакционно-объединительные тенденции короны как нельзя более приходились на руку торгово-промышленному сословию. Этим и объяснялся радушный прием венской буржуазией Ольмюцкой Конституции 4 марта 49 года, собиравшей разноплеменную монархию Габсбургов в одно целое, за исключением Венгрии. В интересах того же торгово-промышленного капитала был издан и императорский эдикт 51 года, исправлявший Ольмюцкую конституцию «во имя единства армии и монархического принципа».

Ликвидация
феодализма
в Австрии.

Самым важным следствием Австрийской революции было освобождение крестьянства и отмена сеньориальных прав. Аграрный вопрос в Австрийской революции играл не меньшую роль, чем и во Французской. Летом 48 г. Учредительное собрание более чем наполовину составленное из крестьян, по предложению депутата Кудлиха, разом отменило все виды феодальной зависимости, установило выкуп повинностей и выработало самую технику производства выкупных операций. Отмена крепостной зависимости имела двоякого рода последствия: образование крестьянской буржуазии и проникновение капитала в деревню. Нечто подобное имело место и в Венгрии, где демократы, члены Учре-

дительного собрания настояли на отмене дворянских привилегий.

Но результаты Мартовской революции в Австрии были бы, несомненно, значительно крупнее, если бы революционная волна не разбивалась на национальной враждой между многочисленными народностями, населявшими Австрию (немцы, чехи, евреи, сербы-хорваты, словенцы, поляки, русины, итальянцы, валлахи и мн. др.). Самый чувствительный удар Австрийской, а тем самым и общегерманской революции, нанесли панслависты, расколовшие единое революционное движение на несколько самостоятельных выступлений. Без поддержки чехов, покинувших Национальное собрание, едва ли могла бы состояться бомбардировка Виндишгреца, не справились бы Габсбурги без славянской коалиции и с венгерским восстанием 49 г. и, наконец, без панславистской идеи не было бы прямого повода для вмешательства в дела Австрийской революции русского царя Николая I.

Национальная рознь убила Революцию, но она помешала также и объединению Австрии, к чему так стремилась австрийская буржуазия. Несмотря на все стремления венских бюргеров, единству австрийской монархии не суждено было осуществиться. Слишком уже сильны были центробежные тенденции. Ослабленная революцией, а потом истощенная неудачными войнами (с Италией и Францией 59 года и с Пруссией 66 года), Австрийская монархия переживала один финансовый кризис за другим, слабела и теряла престиж в международных отношениях. Внутри монархии Габсбургов происходили постоянные брожения, и все время кипела ожесточенная социальная борьба. Затяжные министерские кризисы, странные партийные группировки и комбинации, неожиданные исходы голосований, ожесточенные словесные прения и «прямые действия» депутатов составною частью вошли в историю австрийского Рейхсрата, (высшего представительного органа). Национальная рознь и административная неслаженность Габсбургской монархии со всей остротой раскрылась в период мировой войны 1914 г., совершенно парализовав ее боевую мощь.

Внутренние
противоре-
чия Габсбург-
ской монар-
хии.

Раздробленность и неслаженность Габсбургской монархии сильно тормозили развитие капитализма в Австрии. По этой причине, в сравнении с другими странами, индустриализация Австрии совершалась медленнее и сложнее, но

тем не менее оно все же совершалось. Отдельные местности и города, особенно немецкая Австрия, развили даже очень высокую индустрию, по технике и качеству вырабатываемых товаров, не уступавшую самым передовым странам Европы. Значительная роль австрийского пролетариата в международном рабочем движении также говорила об экономической мощи «земель австро-венгерской короны».

Ликвидация
революции в
Пруссии.

Падение Вены означало не только конец революции в Австрии, но знаменовало также и ликвидацию Прусской революции. Недовольный Национальным собранием и, в частности, обиженный отменой титула «король божьей милостью», Фридрих-Вильгельм тотчас же воспрянул духом, как только пришли благоприятные вести о падении Вены. Немедленно последовал королевский указ о введении осадного положения в Берлине, запрещении всякого рода политических собраний, обезоружении бюргерского ополчения и о назначении консервативного министерства. Новый министр отсрочил заседание Национального собрания и вскоре перевел его в небольшой провинциальный городок Бранденбург. Когда же обиженное Собрание попробовало сопротивляться, то для его успокоения был послан генерал Врангель, а вскоре после этого Собрание и совсем было закрыто. Освобожденный от опеки Национального собрания, король издал ряд указов, изменил систему избирательного права и принял все меры к обеспечению себе большинства в следующем Собрании. Собрания ближайших лет (1849 и 1850 гг.) пересмотрели старую конституцию и заменили ее новой, еще более умеренной и сословной.

Исторический
смысл
Мартовской
революции.

Прусская конституция 50 г. больше, чем что-либо другое, объясняет социальный смысл Мартовской революции. Революцию начала буржуазия, недовольная слишком большими вольностями аристократии и всемогуществом чиновничества. Первое время бюргерство имело солидную поддержку в рабочем классе, но в процессе борьбы бюргерство испугалось «неумеренных» требований пролетариата и пошло на соединение с дворянством. Обе стороны под давлением общей опасности слева согласились на компромисс и мирно поделили между собою власть. Юридическим памятником аграрно-плутократического блока, как раз и являлась Конституция 1850 года. Конституция в одинаковой степени защищала интересы земельной и денежной аристократии. Открытая

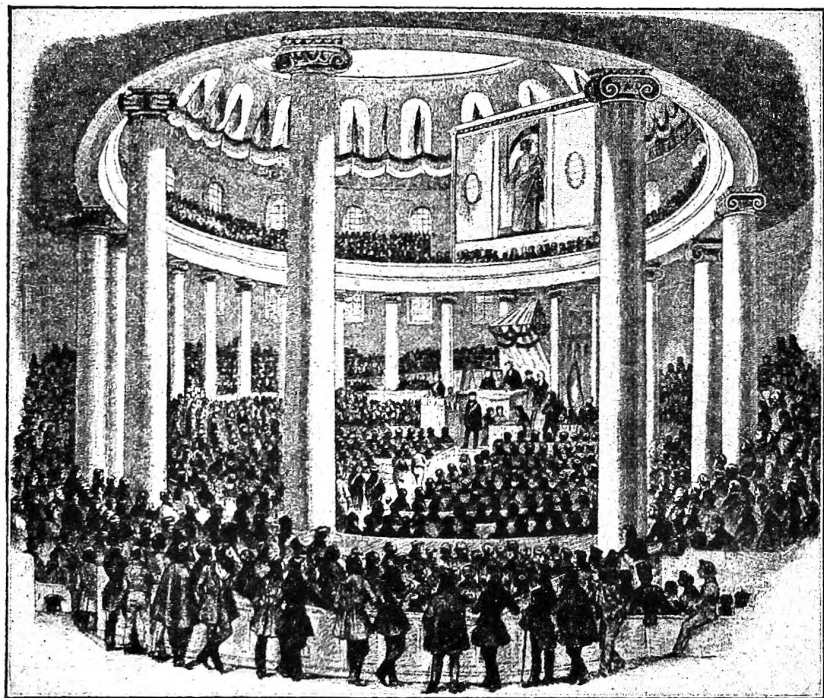
подача голосов, разделение избирателей на три класса по имущественному цензу, правительственные кандидатуры чиновников в Ландтаг и т. п.,— всё это было рассчитано на охрану земельно-плутократического блока от вторжения, в управление малосостоятельных элементов. Образование земельно-плутократического блока, втянувшего в себя также мелкое городское и сельское бюргерство, собственно и обрвало Германскую революцию. «Мартовская революция вовсе не подчинила народному суверенитету суверена страны. Она принудила только корону, т. е. абсолютистское государство, войти в соглашение с буржуазией и соединиться со своим старым соперником. Корона пожертвовала дворянством ради буржуазии, а буржуазия пожертвовала народом ради короны. На таких условиях королевство обуржуазилось, а буржуазия приобрела царскую осанку».

И тем не менее Мартовская революция все же не прошла бесследно для пролетариата. Правда, пролетариат не много выиграл непосредственно, но для истории его освобождения значение этой Революции не подлежит никакому сомнению. Революция, открывавшая новую эру торгово-промышленного развития Германии, тем самым подготовила почву для образования Германской империи. Германская же империя, в свою очередь, создала предпосылки для объединения пролетариата и для социальной революции. «Свет этой Революции,— писал в «Новорейнской Газете» Маркс,— подобен свету звезд, который доходит до нас, жителей земли, спустя сто тысяч лет после того, как потухли тела, излучившие этот свет. Ее свет был светом давно уже разложившегося общественного строя».

Объединительная тенденция, очевидная в отдельных немецких государствах, еще ярче выступала в постановлениях общегерманского Франкфуртского парламента. Франкфуртский Парламент был созван с единственной целью спаять всю Германию в одно сильное государство. По этому пути пошла и вся работа этого учреждения. Франкфуртский парламент, не внося ничего принципиально нового, только развил и оформил идею Таможенного Союза. Уже не раз упоминалось о том, что на объединении Германии сходились идеологи самых различных социальных групп, начиная от крупной буржуазии и кончая Коммунистическим союзом. Необходимость и неотложность объединения Германии с особенной силой были подчеркнуты в проекте лидера респу-

Объединение
Германии.

бликанских демократов, Струве, в «предварительном парламенте» (Vorparlament), предшествовавшем открытию Франкфуртского парламента. Сущность проекта Струве сводилась к уничтожению многочисленных и противоречивых законов частного, уголовного, гражданского, церковного и государственного прав, а также к уничтожению законов о монетах, мерах, весах, почтовых и железнодорожных законов и замена их новыми, соответствующими духу времени и обеспечивающими внутреннее единство Гер-

Франкфуртский парламент.

мании. Весьма показательно, что даже такое академическое учреждение, составленное из людей скованных бытом и традиций, каким был Франкфуртский парламент, не могло уйти от признания централизующих порывов капитала.

Проект «Конституции Германской Империи», принятый Франкфуртским парламентом, представляет важный исторический документ эпохи первых попыток объединения Германии. Около объединения Германии вращаются все 197 пара-

графов Конституции. Состав империи, имперская власть, верховный глава государства, имперский суд, рейхстаг, основные права немецкого народа и т. д.—такое содержание этой Конституции. Устраняя феодальный сепаратизм, «*Verfassung des deutschen Reiches*»¹⁾ провозглашала равноправие всех жителей Германии, в зависимости от их принадлежности к тому или иному государству. Сословные привилегии уничтожались, дворянство, как сословие, отменялось, общественные должности становились одинаково доступными для всех, способных их занимать. Перед нивелирующим напором капитала стихли и старые споры о вере. Место религиозных конгрегаций, цеховых корпораций, полновластных местных сеймов и пр. отныне заняло единое Германское государство, с единым центром и с единой главой исполнительной власти. «Германский народ состоит из граждан государства, составляющих Германскую империю».

Наряду с экономическим объединением, имперская конституция предусматривала также и юридическое объединение Германии. «Вся судебная власть принадлежит государству, патримониальных судов отныне не существует и вошедшие в законную силу приговоры местных судов одинаково действительны и одинаково подлежат исполнению во всех германских землях». Организуясь территориально и политически, немецкая буржуазия не могла не организоваться также и идеологически. Крепкая хозяйственная организация предполагала не менее крепкую идеологическую организацию. Смысл соответствующих параграфов Конституции не вызывает никаких сомнений: поднимавшейся буржуазии, кроме всего прочего, очень важно было отнять монополию на организацию умов и сердец населения из рук идеологов «старого порядка», т. е., главным образом, из рук духовенства. При наличии литературных и ученых сил, свобода устного и письменного слова, казалась наиболее подходящим для момента лозунгом. По этому поводу IV статья VI раздела Конституции заявляла: «Всякий немец имеет право свободно выражать свое мнение устно и письменно, печатно и при помощи всякого рода изображений». В других статьях торжественно провозглашалась свобода науки и научных суждений, однако, с одной только

¹⁾ Конституция Германского государства.

характерной оговоркой: «дело обучения и воспитания стоит под верховным наблюдением государства» и руководить учебно-воспитательными заведениями могут исключительно люди, доказавшие свои способности перед государственными учреждениями. «И эти люди,—говорится далее,—имеют все права государственной службы», т.-е. учитель и профессор объявляются государственными чиновниками, призванными служить господствующим классам. Имперская конституция не была проведена в жизнь, но принципы, положенные в основу этой конституции, сделались фактами в следующую половину века, т.-е. в эпоху Германской империи.

Государственная школа I и II ступени

Институт им. С. М. Кирова

ОГЛАВЛЕНИЕ I ЧАСТИ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Введение	9

I. Первоначальное накопление.

Перемещение торговых путей. Вытеснение европейских капиталов с азиатских рынков. Поиски новых путей на Восток. Приливы американского золота и серебра. Хозяйственная революция в колониях. Переворот в мировом хозяйстве 11—26

II. Государство торгового капитализма.

Кризис феодализма в Испании. Испанская держава. Разложение Испании 27—40

III. Торгово-промышленное государство.

Английская торговля. Войны торгового капитала. Домашняя промышленность. Протекционизм. Мануфактура. Следствия технического переворота. Протест против машин. Идеология промышленного переворота. Возвышение торгово-промышленного класса. Парламентский строй 41—66

IV. Буржуазно-демократическая революция.

1. Буржуазия при „старом порядке“.

Завоевание рынков. Ослабление абсолютизма и рост буржуазии. Попытка создания национального банка. Двор и аристократия. Цеховые стеснения. Французская деревня. Аграрно-коммунистическая проповедь Мелье и Мабли. Просветительная философия. Критика церкви. Призыв к опрощению. „Просвещенный абсолютизм“. Социально-политические взгляды Вольтера. Критика культуры Руссо. Противоречия мелкобуржуазной идеологии. Наука в оценке „активной буржуазии.“ „Теория разделения властей“ Монтескье. Французские материалисты. Проблема индивидуализма и коллективизма. Буржуазные салоны. Попытки реформ. Начало Революции. Созыв Генеральных Штатов 67—109

2. Французская революция.

Революционный подъем. Палэ-Рояль. Июльские и октябрьские дни. Учредительное собрание. Отмена феодальных повинностей. Декларация прав. Конституция 91 г. Финансовое банкротство. Переезд Учредительного собрания в Париж. Секуляризация церковных имуществ. Буржуазная демократия. Праздник Федерации. Экономическое состояние Франции в первые годы Революции. Обострение классовых противоречий. Социально-экономические взгляды Марата. Борьба с рабочими союзами. Закон Шапелье. Столкновение на Марсовом поле. Мирабо, как социальный тип. Законодательное собрание. Экономическое состояние Франции. Политическое состояние Франции. Дебаты о войне. Франция в первые годы войны. Позиция Робеспьера. Католическая реакция. Отмена королевской власти. Парижская Коммуна. Конвент. Партийная борьба в Конвенте. Диктатура Горы. Борьба с контр-революцией. Организация власти. Церковно-обрядовая реформа. Революционные праздники, Конституция 93 г. Монтаньеры. Эбертисты. Дантонисты. Экономическое состояние Франции в 94 г. Экономическая политика Робеспьеристов. Катастрофа IX термидора. Война и Революция. Военный энтузиазм 109—191

3. Буржуазная реакция.

Директория. Завоевание рынков. Финансовый кризис. Призыв к социальной революции Г. Бабефа. переворот 18 брюмера. Внешняя и внутренняя политика Бонапарта. Континентальная блокада. Общественная оппозиция. Критическое положение Англии. Наполеоновская армия. Идеология Империи. Новая аристократия. Крушение бонапартизма 191—198

4. Бонапартизм 198—222

5. Ликвидация революции и войны в Европе.

Венский Конгресс. Национальный вопрос 222—228

V. Индустриальное государство.

1. Индустриальная Франция.

Общая характеристика. Хартия 14 года. Феодальный уклон Реставрации. Идеология Реставрации. Католическая церковь и иезуиты. Непрочность Реставрации. Социальная роль „индустриалов“. Буржуазно-интеллигентская оппозиция. Июльская революция. Диктатура финансовой буржуазии. Социальная философия Гизо. Европейское общество 30—40-х годов. Парижское общество в романах Бальзака. Оппозиция новой аристократии. Идеальная фаланга Фурье. Призыв к земле Прудона. Коммунистическая утопия Кабэ. Революционный коммунизм 229—261

2. Индустриальная Англия.

Кризис первых десятилетий XIX века. Оживление 20-х годов. Земельная и железнодорожная спекуляция. Рост крупной промышленности. Социальный тип капиталиста. Социальные утопии и проекты. Социальная философия активной буржуазии. Правительственная политика. Радикально-демократическая партия. Волнения рабочих 262—286

3. Индустриальная Германия.

Своеобразие немецкой истории. Германия до XVIII столет. Княжеская Германия. Прусское королевство. Военно-бюрократическая система. Колонизационная политика. Индустриализация Германии. Бюргерская идеология. Эпоха великих реформ. Экономический подъем в первую половину XIX века. Идея национального объединения идеологическое оправдание государственности. Защита прав личности. Борьба за конституцию. Выступление пролетариата. Демократические и рабочие союзы. Идеология промышленного пролетариата 286—321

VI. Столкновения труда и капитала.

1. Чартизм.

Чартистское движение. Петиция 38 г. Вторая петиция. Последняя вспышка чартизма. Историческое значение чартизма. Мелкобуржуазный характер чартизма 322—330

2. Февральская революция.

Парламентская оппозиция. Настроение пролетариата. Тайные клубы. Февральские дни. Временное Правительство. Национальные мастерские. Недовольство мелкой буржуазии. „Нравственное утешение“ 16 марта. Блок буржуазии с Временным Правительством. Апрельская манифестация. Учредительное собрание. Июньский бой в Париже. Исторический смысл Февральской революции 330—335

3. Мартовская революция в Германии.

Национальное собрание в Пруссии. Рабочее движение. Учредительное собрание в Австрии. Ликвидация революции в Пруссии. Исторический смысл Мартовской революции. Ликвидация феодализма. Объединение Германии 336—372

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Н. ЛУКИН-АНТОНОВ
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Учебник для вузов и губсовпартшкол.

Выпуск I. Изд. 2-е.

Стр. 509.

Ц. 2 р. 50 к.

П. МАНТУ
ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
XVIII СТОЛЕТИЯ В АНГЛИИ

Перевод с французского М. Е. Ландау.

Стр. 359.

Ц. 3 р.

Д. П. КОНЧАЛОВСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
РИМА В ЕЕ ИСТОЧНИКАХ

Стр. 118.

Ц. 1 р.

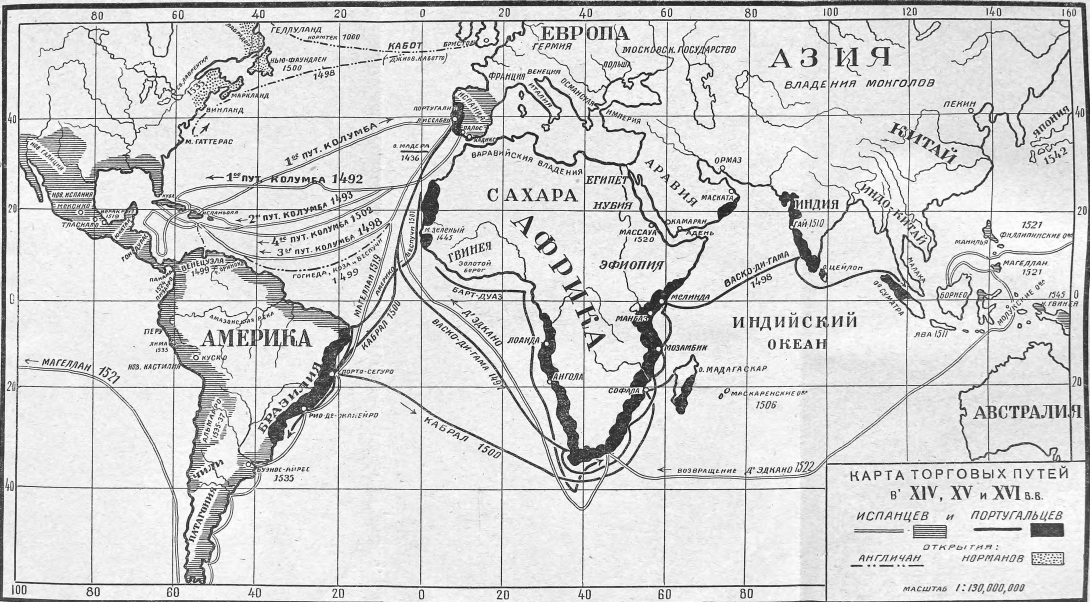
Е. В. ОЛОВЯНИШНИКОВА
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА
В СРЕДНИЕ ВЕКА

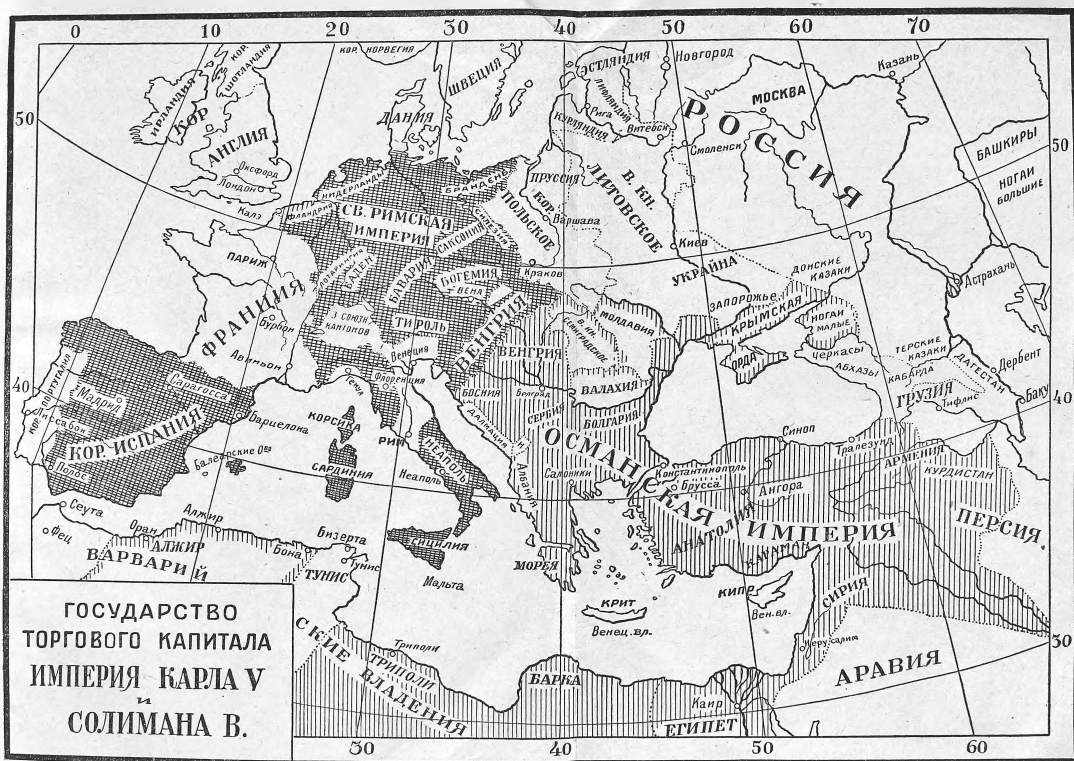
(XII — XIV вв.)

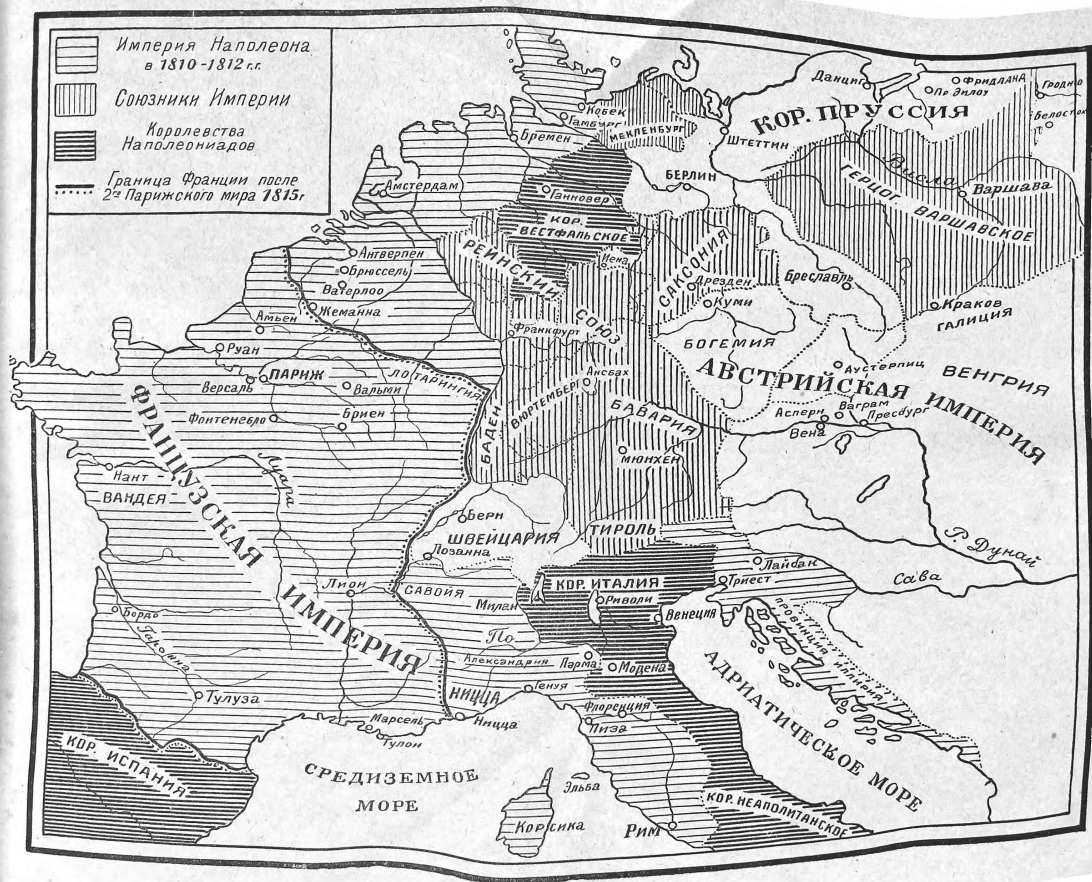
Содержание: I. Цеховая промышленность. II. Освободительные движения в городах. III. Парижская революция 1356—1358 гг. IV. Жакерия.

Стр. 110.

Ц. 1 р. 10 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КЛЮЧЕВСКИЙ, В. О., проф.

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ

Часть I. Стр. 464. Ц. 1 р. 20 к.

Часть II. Стр. 492. Ц. 1 р. 20 к.

Часть III. Стр. 471. Ц. 1 р. 20 к.

Часть IV. Стр. 480. Ц. 1 р. 20 к.

Часть V. Стр. 352. Ц. 1 р. 20 к.

ПОКРОВСКИЙ, М. Н.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

Том I. Изд. 7-е. Стр. 292. Ц. 1 р.

Том II. Изд. 5-е. Стр. 371. Ц. 1 р. 20 к.

Том III. Изд. 7-е. Стр. 306. Ц. 1 р.

Том IV. Изд. 7-е. Стр. 376. Ц. 1 р. 40 к.

ПОКРОВСКИЙ, М. Н.

ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Часть I. Изд. 4-е, дополн.

Стр. 204.

Ц. 1 р. 20 к.

ПЛЕХАНОВ, Г. В.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Под редакцией и с предисловием Д. Рязанова.

(Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.)

Книга первая. Стр. 363. Ц. 2 р.

Книга вторая. Стр. 296. Ц. 1 р. 50 к.

Книга третья. Стр. 364. Ц. 1 р. 50 к.

ОЛЬМИНСКИЙ, М.

ГОСУДАРСТВО, БЮРОКРАТИЯ И АБСОЛЮТИЗМ В ИСТОРИИ РОССИИ

Стр. 222.

Изд. 3-е.

Ц. 1 р. 20 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

СЕРГЕЕВ, В. С.

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ XIX и XX вв.

Стр. 208 + 1 карта.

Часть 2-я.

Ц. 1

СЕРГЕЕВ, В. С.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА

Стр. 196 + 1 карта.

Ц. 1

СЕРГЕЕВ и ФРИДЛАНД

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

(Готовится к печати.)

Серия „ИСТОРИЯ В ИСТОЧНИКАХ“

Каждая книга серии обнимает определенную историческую эпоху и включает в себе воспроизведение источников, необходимых для самостоятельной проработки учащихся.

ПРИГОРОВСКИЙ, Г.

Стр. 112.

ГРЕЦИЯ

ГРАЦИАНСКИЙ, Н.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Источники социально-экономической истории.

Содержание: I. Древнейший хозяйственный быт германцев. II. Быт германцев, отраженный в их „Правдах“. III. Рост крупной земельной собственности. IV. Рабы и их освобождение. V. Кабала и насильственная свобода. VI. Коммендация. VII. Большое поместье каролингской эпохи и мелкая свободная собственность. IX. Натуральное хозяйство.

Стр. 92.

ПОКРОВСКИЙ, М. Н.

ДИПЛОМАТИЯ И ВОЙНЫ ЦАРСКОЙ РОССИИ В XIX СТОЛЕТИИ

Сборник статей.

Стр. 391.

Находятся в печати и готовятся к печати дальнейшие пособия, которые дадут материал для лабораторных занятий по всем историческим периодам.